

Евгений ЛАЗАРЧУК

Золотой бык в зеленом и красном поле

г. Клинскъ. Общій видъ съ Иоанно-Предтеч. церкви

КЛИНСКЪ.
Московская улица.

КАИНСКЪ. Уголь Базарной и
Московской улиц.

КАИНСКЪ.
Московская улица.

Евгений Александрович
ЛАЗАРЧУК

Золотой бык
в зеленом и красном
поле

Каинск (пас, форпост, слобода, город):
веи трех столетий

Новосибирск
2022

ББК 63.3(2Рос53.3)

УДК 94(47)

Л-17

Л-17 **Лазарчук Евгений Александрович.**

Золотой бык в зеленом и красном поле: Каинск (пас, форпост, слобода, город): вехи трех столетий / Авт.-сост. Лазарчук Е. А. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2022. – 624 с., ил.

Хроникально-документальное повествование об основных событиях имперского периода истории старейшего города Новосибирской области Каинска-Куйбышева, отмечающего в этом году две юбилейные даты – трехсотлетие со времени основания и двухсотсорокалетие присвоения Каинской слободе статуса уездного (штатного) города. Автором-составителем привлечен обширный исторический материал, использованы многие как современные, так и дореволюционные источники.

ISBN 978-5-7620-1340-6

© Лазарчук Е. А., сост., текст

© Лазуткин В. Б., макет

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Напутствие</i>	4
Хронограф: VIII–XVI. Истоки	7
«Тихая» Омь	7
Потомки Барама	31
Равнина Баргу: первое описание Барабы	46
Государев наказ	51
Покорение Барабы	61
Хронограф: XVIII (1700–1799)	70
«Каинский пас – небольшая крепостца...»	76
Каинская слобода: ландшафт на закате	180
Ехали казаки Барабою...	191
Недолгий век Бурлинского уезда	203
Именовань городом	209
Первые градоначальники...	269
ЧП с французским подданным	331
Хронограф: XIX (1800–1899)	340
«Общий всем нам, отправленным в Сибирь, благодетель...»	367
Сквозь тернии – к знаниям	421
Жили – были...	455
Бич Божий	476
«Мы, нижеподписавшиеся...»	483
Пожар или поджог?	490
Явление небожителя	498
Проездом на Сахалин	527
Рыцари Бубнового Туза	549
Хронограф: XX (1900–1917)	565
Одиссея семьи Истратенко	572
Буревестник по имени Воля	587

Даты всех событий до 6 февраля 1918 года указаны по старому стилю.

Нанутствие

Зоновский уроженец, в прошлом – фронтовик, директор школы и детдома, председатель сельсовета и всю жизнь неутомимый краевед, автор истории сел и деревень Чумаковской зоны, Сергей Иннокентьевич Михайлов имел обыкновение частенько задавать тем, с кем ему приходилось общаться впервые, один и тот же лукавый вопрос: «А вы знаете, как звали вашего прадеда?» И побуждало его к этому отнюдь не праздное любопытство и не желание оконфузить человека, а стремление хоть таким образом донести до окружающих одну грустную истину. И редко кто достойно проходил это генеалогическое «тестирование». Одни, порозовев от смущения, пытались вспомнить имена и отчества своих совсем недавних предков, но тщетно; у других, если что-то и всплывало в памяти, то с трудом и самая малость. И почти все были в полном неведении о своих более отдаленных во времени пращурах.

Вот так же на михайловский «крючок» попался однажды и я. Однако, преодолев первичную растерянность, не сразу, но все же вспомнил: мои прадеды по материнской линии – Василий Антонович и Трофим Сидорович, по отцовской – Иван Киреевич и Константин (а отчество запаматовал и, похоже, навсегда). По взгляду Сергея Иннокентьевича понял, что на «тройку с плюсом» вполне могу претендовать. Но второй вопрос оказался куда «коварнее»: «А вы могли бы рассказать о ком-нибудь из них поподробнее?..» Вот здесь я и развел руками. Знал

только, что трое из них крестьянствовали, только один возвысился до волостного писаря и владел, судя по его автографам, сохранившимся в домашнем архиве, каллиграфическим почерком.

А ведь мог бы я узнать гораздо больше, расспросить о каждом из них, пока были живы старшие, а вот почему-то в свое время не озаботился в круговороте суетной повседневности, и теперь уже ничего не исправишь, и поздно об этом печалиться... С особой остротой я осознал ущербность такой индифферентности по отношению к собственному родословию, свойственной и многим моим сверстникам, и в еще большей степени – последующим поколениям, когда в одном парижском кафе, уютном и скромном, увидел занявшее почти всю стену, тщательно прорисованное фамильное древо владельца с густой листвою имен представителей династии чуть ли не до средневековья.

Род и родина – слова однокоренные, и потому правомерен вопрос: а хорошо ли мы, будучи порой столь слабо осведомленными даже о собственных корнях, знаем историю нашего края. Радует то, что в последнее время прогресс в этом направлении очевиден, многое из тайного становится явным, растет число тех, кто активнейшим образом не в силу профессиональной заданности, а по личной инициативе, по зову разума, сердца и души ведет собственный поиск, чтобы пополнить своими находками репозиторий данных о «делах давно минувших дней».

Появление в интернете исторических, краеведческих и генеалогических сайтов, форумов, библиотек можно только приветствовать, так как печатные издания несмо-

тря на беспрецедентное разнообразие тематики и огромное количество наименований по причине малотиражности и обусловленной этим дороговизны массовому читателю сегодня не по карману. А электронная информация после нехитрой процедуры регистрации, порой и не обязательной, доступна каждому, более того, способна оказать мобилизующее воздействие и побудить обычного ее потребителя самого стать искателем. Так пусть же растут ряды энтузиастов... А заодно пожелаем и большей «демократичности» традиционному книгоизданию.

У каждого из моих земляков в этом году есть прекрасный повод пополнить личный запас знаний о прошлом малой родины – трехсотлетний юбилей бывшей «столицы Барабы», нашего родного города-долгожителя Каинска-Куйбышева. Этой знаменательной дате посвящается и мое скромное повествование, цель которого – вспомнить в хронологической последовательности важнейшие события истории нашего края, не только очень интересной, но порой и весьма драматической, а заодно добавить к уже общеизвестным факты, цифры и сюжеты, которые кому-то из читателей, может быть, предстоит узнать впервые.

И хотя я сам не без греха, но все-таки в память о человеке, который так истово радел о том, чтобы не было среди нас Иванов, не помнящих родства, каждого, кто возьмет в руки эту книгу, прошу ответить на тот же самый, очень простой, но исполненный глубочайшего смысла вопрос:

– А Вы знаете, как звали Вашего прадеда?..

...Итак, в путь, друзья, – к истокам!

Хронограф: VIII–XVI

Истоки

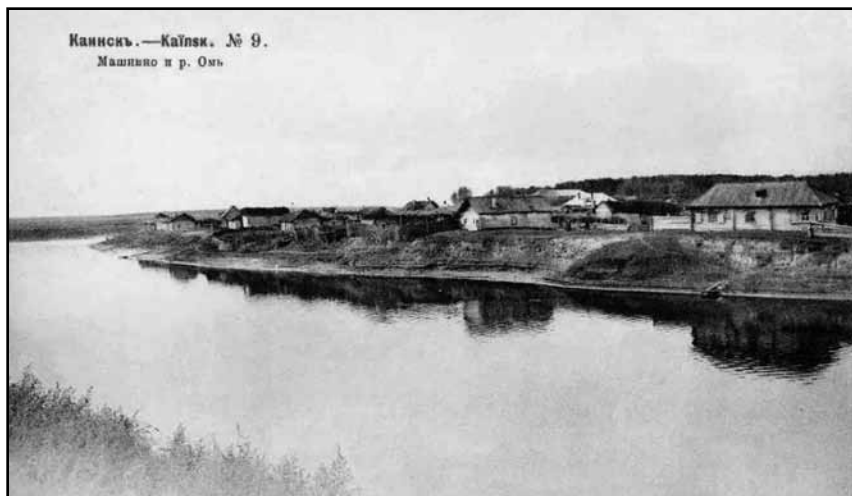
«Тихая» Омь

«Сибирский Карамзин» Петр Андреевич Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» отметил: «В уезде Каинском главная река Омь...» Этот статус Оми вполне применим и к Барабе в целом, так как реки крупнее вышеназванной здесь нет. Те, кто впервые нарек ее этим именем (на языке барабинских татар «ом елга» – «тихая река»), впоследствии, наверное, не раз имели возможность убедиться в обратном. Однако название прижилось. Может быть, потому, что после весеннего буйства, случавшегося, кстати, не каждый год, широко раскинувшаяся река к середине лета приходила в себя и вновь возвращалась с пойменных долин и других затопленных мест в свое привычное русло, смиренно неся к Иртышу темноватые, настоенные на таежной органике воды, питая ими прибрежные селения и уездный город. Ведь даже в половодье скорость ее течения составляла не более полтора метров в секунду, а поздним летом и осенью не превышала и полуметра, и потому речная гладь казалась почти неподвижной. Обилие и доступность в интернете весьма обширной информации об Оми освобождают меня от необходимости вдаваться в подробное стандартное на-

укообразное описание да еще с использованием специфической терминологии и цифири.

По геологическим меркам, Омь все еще молода, ее возраст – около 14–18 тысяч лет. Она – дочь одного из тех бурных потоков, которые образовались после таяния Таймырского ледника и устремились в общем для них направлении с севера-востока на юго-запад, упорно, иногда с титаническими усилиями пробиваясь через все преграды, преодолевая все препятствия, что и отразилось на речном русле в виде многочисленных крутых излучин и почти сходящихся петель. Завершилась эта эпопея героическим прорывом Прииртышского увала и воссоединением новорожденной реки с батюшкой Иртышом, чтобы уже совместно нести проточные воды в Обь и Северный Ледовитый океан.

Сегодня любой владелец моторной лодки может при желании совершить путешествие в верховья Омки, хотя добраться до самых ее истоков, берущих начало из тундрового озера не удастся и ему: они теряются в необозримом и непроходимом Васюганье – крупнейшей в Евразии болотной системе. От них первые села на реке отделяют около ста верст болотистой, лесистой и безлюдной местности. Для первопоселенцев эти места оставались недоступными еще долгое время. Так, автор описания 1790 года, перечисляя реки Каинского уезда, назвав в числе первых Омь, Тартас и Каргат и сообщив, что «их вершина из Нарымской округи из Васюганских болот», вынужден был добавить: «и как по оным из жителей каинских бывающих не оказалось, то и на сколько верст ... течения свои простирают показать не с чего».

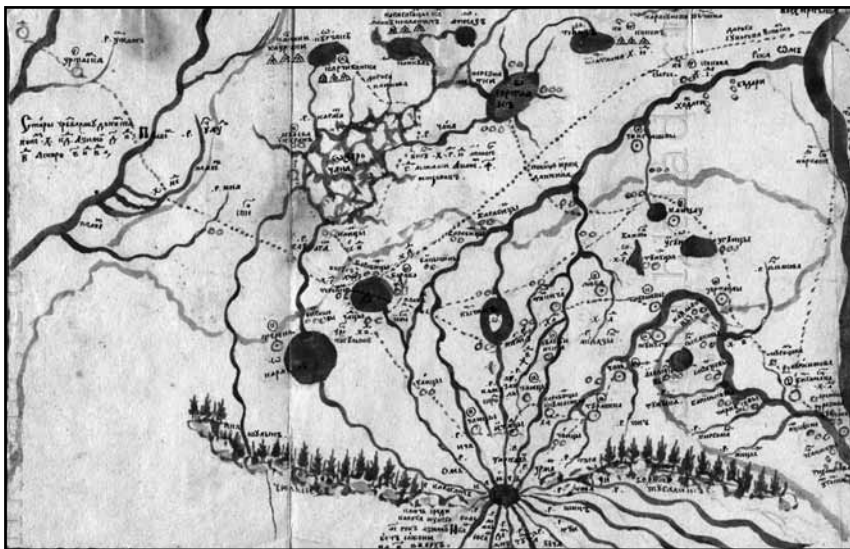

Каинское правобережье. Мошново

Лично для меня моя родная река была всегда живым олицетворением пусть неторопко, но неудержимо и невозвратно текущего времени, Омью-матушкой, три столетия отражавшей в своих водах постепенно менявшийся облик возникшего на ее берегу поселения (паса-форпоста-слободы-города), полицей и кормилицей тех, кто его населял. Омь стала известна русским еще с первых лет «сибирского взятия», свидетельством тому – упоминания о ней в документах того времени. Пожалуй, один из наиболее ранних и самый знаменитый из них – отписка тарского воеводы Андрея Матвеевича Воейкова царю Борису Федоровичу Годунову от 4 сентября 1598 года об окончательном разгроме Кучума, пленении его семейства и возвращении в российское подданство барабинцев, насильно уведенных ханом с обычных мест обитания, плативших ему ясак, а также снабжавших продовольствием обитателей его ир-

менской ставки численностью более полутысячи человек. На обратном пути войско, выйдя к Оми, сделало привал не только с целью отдыха, воевода решил срочно, еще до возвращения в Тару, отправить донесение в Москву об успешном походе. Завершил победное послание так: «...А с сею грамотою послал я холоп твой к тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси сына боярского Мосея Глебова да голову татарского Черкаса Олександрова, сентября в 4 день, с Оми реки, не доходя до города до Тары за шесть дниц...»

А своим первыми картографическими изображениями Омка обязана сибирскому гению, ученому-самородку, географу, этнографу, историку, живописцу, архитектору и градостроителю Семену Ульяновичу Ремезову. Он изо-

Бараба и ее речная сеть в «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова

бразил ее в двух своих замечательных трудах – «Хорографической чертежной книге», над которой работал с 1697 по 1711 год, и «Чертежной книге Сибири», начатой в 1699 по указу императора Петра Первого и завершённой в 1701 году. Если во второй из них в «Чертеже земли Тарского города» частично изображены только Омь и ее самый крупный приток Тартас, то в первой, где дан отдельный и потому более подробный чертеж Барабы, мы видим саму Омь от истока до устья, Тартас с притоками, Ичу и Каму, многие другие реки, а также главные озера.

...На Оми иногда случается такое: часть высокого крутого берега, неожиданно, с шумом рушится в речное русло, увлекая за собой все, что есть на ее поверхности, – деревья, кустарник, строения. Не сдобровать и человеку, окажись он здесь в этот момент. Наш земляк, коренной горожанин, писатель Всеволод Иванович Усланов рассказывал мне, как в детстве, отправившись на рыбалку за город в сторону ныне уже исчезнувшей деревеньки Барабушки, чуть не стал жертвой такого оползня, оказавшись всего в полтора метра от его края. Зрелище уходящей из-под ног земли настолько его потрясло, что, с трудом преодолев шоковое оцепенение, он, бросив удочку и банку с наживкой, бросился бежать подальше от этого страшного места и мчался с какой-то сверхъестественной скоростью, пока совсем не выбился из сил. Только тогда, опустившись в изнеможении на траву, с жуткой ясностью понял, что если бы успел сделать еще два-три шага, то лежал бы сейчас на речном дне погребенным заживо под беспросветной и тяжелой толщей суглинка, навсегда пропавшим без вести для родных и друзей...

Предугадать подобное невозможно. Годами, десятилетиями, а может быть, и веками идет тайная разрушительная работа ветра и волн, подтачивающая основание береговых твердынь, чтобы в неведомом месте, в неизвестный день и час в одно мгновение свершилось то, о чем сказано выше. Еще об одном оползне мне рассказал мой дядя Вадим Васильевич Ковалень. Он поведал, что в страшном 1941 году как недобрые знамения были восприняты горожанами два природных явления, случившиеся в канун войны. Развернувшееся в небе над Куйбышевом зловещее подобие северного сияния, ранее никогда здесь не наблюдавшееся, и небывалое наводнение, когда уровень воды в реке достиг самой высокой за многие годы, семиметровой отметки. Но зато через год случилась сильная засуха, Омь на отмелях и перекатах сузилась до ширины своих самых малых притоков, местами до размеров большого ручья, при этом дно на мелководе обнажилось чуть не до середины русла. И вот тогда рухнула часть левого берега на участке между устьем Каинки и поселком спиртзавода (где именно – он, тогда еще мальчишка, толком не запомнил и точно указать место не смог). Те, кто первым обнаружил это, увидели, что оползень открыл нечто похожее на погребенную под глиной кучу древесных остатков-топляков. Каково же было их удивление, когда выяснилось, что это скопление костей ископаемых животных.

Весть об этом мигом облетела город, народ ринулся к месту небывалой находки, и не только для того, чтобы подивиться на археологические раритеты. Брали столько, сколько могли унести. Подробностей о том, как на случившееся отреагировали городские власти и было ли об

этом сообщено вышестоящим органам и научным организациям – неизвестно. Не исключено, что просто-напросто махнули рукой. Шел третий год изнурительной войны, и были заботы куда важнее, чем какой-то древний скотомогильник. А кое-кто из горожан нашел своему приобретению неплохое практическое применение, можно было даже кое-где на речном берегу увидеть накрытую тремя-четырьмя плашками берцовую кость мамонта в качестве опоры мостка для полоскания белья, а его громадные зубы использовались как гнет при засолке огурцов или груздей. Позднее мне не раз приходилось встречать остатки этого палеолитического некрополя, растащенного тогда по дворам, и в качестве экспонатов школьных музеев.

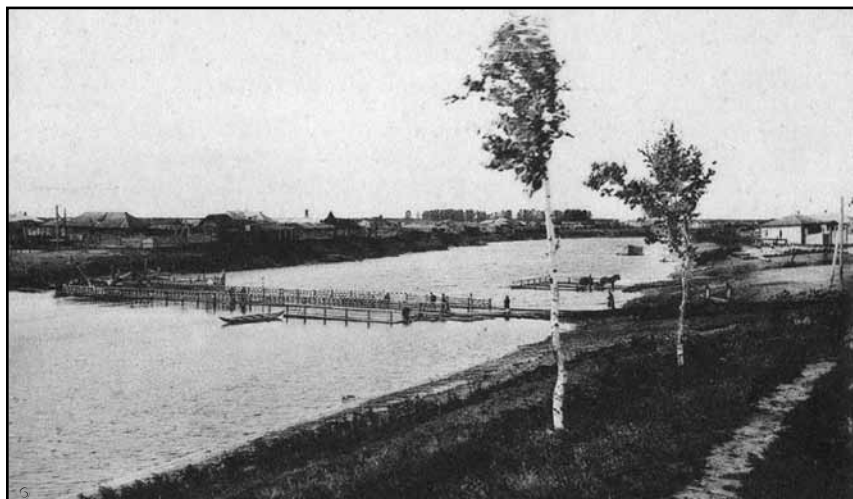
То, что такие находки имели место и в более отдаленном прошлом, подтверждает А. Я. Якимовский в своем «Кратком статистическом описании Томской губернии окружного города Каинска за 1842 год»: *«В самом Каинске и его округе, около 15 лет назад по берегам, омываемым водою, находилось довольно количество разных костей, которые по величине своей называются жителями Сибири мамонтовыми и по незнанию в оных цены остаются в небрежении. В 1836 году встретил у одной особы верхнюю челюсть головы (подобно лошадиной) довольно величины какого-то чудовища в здешнем крае необитаемого, каковая была найдена более 12 лет назад крестьянами города Каинска, неводившими в реке Оми рыбу. По-видимому, эта челюсть должна принадлежать бегемоту или носорогу. Вес 30 фунтов (13,6 килограмма – авт.), длиною же от рыла до черепа – 8 футов 7 дюймов (261, 5 сантиметра – авт.), толщиною*

в окружности у рыла – 2 фута (61 сантиметр – авт.), а у череповой части – 2 фута 11 дюймов (88,5 сантиметра – авт.). Вероятно, что свита Нептуна под веселый час перенесла такую громаду на хребте своем во время Всемирного Потопа с берегов Индии или Африки, каковую время разделило уже на части. Почтя такую челюсть редкостью, я убедил эту особу – на пожертвование мне, единственно для принесения в дар Императорскому Казанскому университету для зоологического кабинета. Куда вскорости и была мною отправлена с несколькими кусками штуфов.»

Воистину Омка для нас, мальчишек, была кладезем предметов старины, артефактов двухвекового городского прошлого, настоящей сокровищницей. Особенно изобиловали такими находками, самыми разнообразными и необычными, появлявшимися на свет по мере обмеления реки, места раннего заселения. Вспоминаю свои трофеи: позеленевший нательный крестик, наперсток, литая стеклянная бутылка из-под казенной водки-«монопольки» с двуглавым имперским орлом, «рубашка» гранаты-лимонки без начинки, винтовочные штык, затвор и гильзы и, конечно же, монеты, в основном медные, но зато такие, которые нынешними нумизматами вполне могли бы быть востребованы и по вполне приличной цене. Поиски поначалу не были специальными, а совмещались с рыбалкой и купанием. Когда надолго прекращался клев или надоело бултыхаться в воде, бродил по берегу, высматривая, а не мелькнет ли среди мусорной мелочи, оставленной многими поколениями горожан, что-нибудь достойное внимания или даже восхищения. Иногда везло, и так или

иначе, но в результате таких хождений мне удалось собрать неплохую коллекцию «старишек» разных лет, от Петра Первого до Николая Последнего. Когда много позднее от пенсионной скуки я приобщился к нумизматике, то понял, какого ценного достояния по младости и глупости лишился в отроческие годы, проиграв в чику и променяв на всякую чепуху содержимое заветной банки из-под китайского мандаринового компота. Были среди тех монет и откровенные гнилушки, но были и экземпляры очень неплохой сохранности и, главное, редкие: «крестовики», «барабаны», «соболя», «кольцевики», в том числе и отчеканенные на Сузунском монетном дворе.

Незабываемы часы, проведенные в детстве на берегу реки ранним утром, когда над водой курится туман и начинает играть, пуская по течению круги, и брать наживку пробудившаяся ото сна и проголодавшаяся за ночь рыба. Поклевка за поклевкой, и пусть рыбешка сплошь мелкая,

зато сколько радости при каждом удачном забросе удочки. Обильными уловами река не баловала, в лучшем случае пойманной рыбы хватало на скромную уху или жаренуху, а в худшем – на лакомство коту... Рыбными запасами Омка не знаменита. Ценных пород в ней нет, щуки, окуни, язи, караси, чебаки, пескари – вот, пожалуй, и весь перечень ее подводных обитателей. Крупная рыба здесь тоже редкость, однако в порядке случайного везения попадались иногда и уникальные экземпляры.

У моих родственников долгое время хранилась как семейная реликвия засушенная и покрытая лаком голова двухпудовой щуки, выловленной неводом еще в довоенные годы. По ней совсем нетрудно было представить весьма впечатляющие размеры этой громадины – поистине «младшей сестрицы крокодила». Сей артефакт красовался на комодике до тех пор, пока любознательный представитель самого младшего поколения, воспользовавшись временным ослаблением надзора за ним, не умудрился залезть на стул и засунуть ручонку в пасть этого страшилища, а извлечь ее оттуда, естественно, уже не смог, о чем и оповестил всех домашних истошным ревом. Операция по вызволению детской конечности из челюстей матерой хищницы, оказавшейся опасной даже в мертвом и расчлененном виде, была и непростой, и болезненной, а посему во избежание возможного рецидива и чтобы не травмировать детскую психику неприятным воспоминанием, «раритет» сначала убрали с глаз долой, а потом от него и совсем избавились...

А заядлый рыбак, отец моего школьного товарища, однажды в минуту не совсем трезвой откровенности рас-

сказал о том, как извлек из речных глубин нечто такое, что заставило его навсегда расстаться со своим самым уютным, давно обжитым местом. Тогда он как обычно засиделся над поплавами до самых сумерек. Когда начал поспешно сматывать заброшенную чуть ли не до середины реки закидушку с живцом, почувствовал, что на крючке что-то есть, массивное, но на рыбу явно не похожее, скорее всего какой-нибудь хлам. И оцепенел от ужаса, когда увидел у своих ног вылетевший из темной воды желтый человеческий череп, облепленный придонными водорослями, с глазницами, забитыми илом. Ничего не оставалось, как немедленно избавиться от этого жуткого «улова» и вернуть его туда, откуда он был извлечен. Но пережитое потрясение дало знать о себе, и рыболовные вылазки возобновились нескоро.

...Ежегодного паводка в Каинске всегда ждали с тревогой, гадая, как на сей раз поведет себя непредсказуемая «тихоня». Горожане тогда имели единственную возможность спастись от сильного внешнего разлива: вместе с имуществом загодя покинуть уже известные места наибольшего и частого затопления. И вот этого они чаще всего сделать не успевали, стихия нередко заставляла врасплох. Надолго запомнилось каинцам небывалое наводнение 1890 года, когда полая вода, превратившая город в некое подобие Венеции, простояла три месяца и начала спадать только в августе. И уж совершенно неожиданными-негаданными были случавшиеся раз в десять-пятнадцать лет осенние водополья, когда Омь, как и весной, выходила из берегов. Происходило это в аномальные по осадкам годы по причине переполнения дождевой влагой Васюганских болот.

И даже позднее, когда город уже именовался Куйбышевом, когда заблаговременно давались прогнозы об угрозе обильных вешних вод, а появившаяся в распряжении местных предприятий и организаций мощная техника позволяла возводить на внушающих опасение участках побережья дамбы и заградительные валы, борьба с паводком продолжала оставаться сложным процессом, требовавшим большого напряжения сил, слаженных и оперативных действий всех, кто был привлечен к решению этой важной задачи. Круглосуточный мониторинг динамики уровня воды в реке, посменное дежурство людей и техники в местах наибольшего риска – все это позволяло удержать реку от выхода на городские улицы, а вот на территории близких к ней садовых обществ она прорывалась и неоднократно.

Впрочем, справедливости ради следует признать, что все свои грехи Омка искупала в спокойные времена многообразным добросовестным и бескорыстным служением людям, населявшим ее берега на более чем тысячеверстном их протяжении, компенсировала доставленные неприятности с лихвой. В «Поверстном описании судоходных рек Западной Сибири, входящих в границы Томского округа Министерства путей сообщения» за 1915 год упоминается и Омь, но полностью судоходной на весь период навигации она здесь значит лишь на мизерном, длиной всего в тринадцать верст отрезке – от деревни Пушкиной до места впадения в Иртыш в городской черте, где по обоим берегам ее устья, в те времена постоянного места зимовки пароходов, располагались пристани.

В «Очерке судоходства по рекам Западной Сибири», изданном в Москве в 1893 году, его автор М. И. Шулятиков именует Омь наряду с Тарой, Ишимом, Тоболом, Ницею и Тавдою «сплавным притоком Иртыша». *«Весной, во время разлива, по ней, – пишет он, – выходят из Каинского округа плоты и небольшие барки с хлебом, которые доходят лишь до Омска».* Сплав таежного леса с верховьев Оми – давний промысел каинцев. Еще в описании города и уезда 1790 года отмечалось, что их жители *«лесов для строения и на другие надобности имеют довольно, но из оного красной по неимению в близости селениев достают по рекам Оме и Тартасу чрез далнее разстояние, сплавливая оной водою».* Пригодной для сплавного судоходства Омь считалась во время весеннего разлива от Каинска, а летом – от места впадения в нее Тартаса.

Барка была едва ли не самым распространенным видом простейшего судна на сибирских реках, так как многие из них не только в верховьях, но и на всем протяжении были недоступны для паровых судов. Она использовалась для доставки по течению различных грузов, а чаще всего пшеницы или муки, из глубинки к конкретному крупному населенному пункту. Ей предстояло выполнить всего-навсего единственный рейс, а после разгрузки сей одноразовый «флагман» сплавной флотилии шел на слом с последующей распродажей древесины на стройматериалы или дрова. С учетом этого при строительстве барки не мудрствовали лукаво, действуя по принципу: чем проще, тем лучше, главное внимание уделяя надежности корпуса традиционной конструкции – четырех- или шестиугольной формы, с отвесными бортами и плоским днищем, и

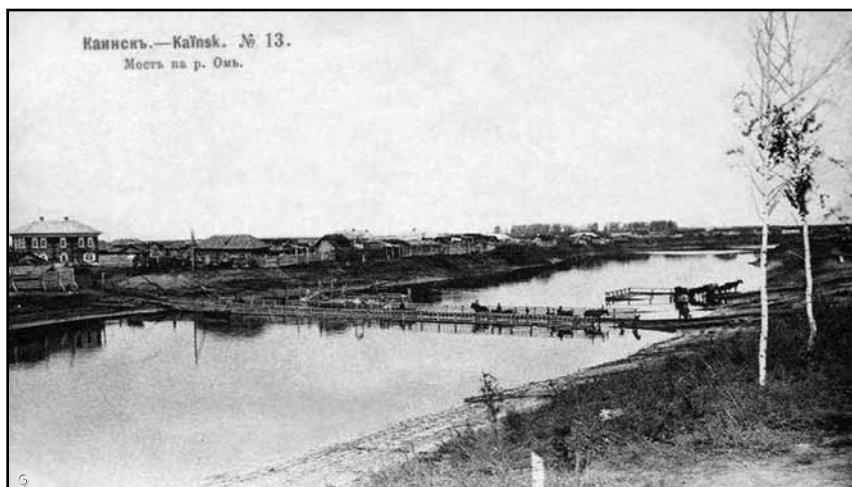
палубы, предназначенной еще и для защиты содержимого трюма от атмосферных осадков. Основным материалом был неструганный или, по тогдашнему определению, «топорной работы» толстый брус. Минимальные длина и ширина барки составляли около трех, максимальные – соответственно восемнадцать и шесть, а высота могла простираться даже до двух саженей.

Ее сопровождала команда численностью до десятка человек, в чьи обязанности входила также и охрана груза. Барка на время всего пути служила им плавучим домом, для обогрева и приготовления пищи на палубе имелась печь, а от дождей укрывал дощатый навес. В среднем ежегодно из самого Каинска и села Спасского, расположенного на притоке Оми – Тартасе, в Омск уходило до четырех барок, доставлявших туда около 14 тыс. пудов хлеба, то есть по 3,5 тыс. пудов на каждую. Подсчитано, что доставка такого количества зерна гужевым транспортом потребовала бы более ста подвод с возчиками. Выгода этого способа транспортировки была более чем очевидна, однако применялся он не столь уж часто да и объемы осуществлявшихся им хлебопоставок вряд ли можно считать значительными.

Гораздо лучше обстояло дело со сплавом леса. Артели заготовителей, чаще всего связанные семейными или родственными узами, а иногда и созданные на основе кооперации, отправлялись в хвойные массивы верховьев Оми, тогда еще не оскудевшие хорошим строевым лесом, в том числе и кедровым. Оттуда потом и шли плоты, частично – в Каинск, где красный лес был всегда востребован и в цене, и далее в Омск, куда таким способом

переправляли не только кругляк, но и тес, дрова и вообще любые другие сопутствующие грузы, все, что годилось для продажи. Ежегодно приходило из урмана от 30 до 40, а то и 50 плотов. Лесозаготовки считались делом хоть и нелегким, но престижным и прибыльным. И верной помощницей таежных лесорубов и плотогонов в их ремесле всегда была Омь...

Наличие любой реки, а тем более сравнительно крупной, требует безотлагательного решения вопроса об устройстве постоянной и надежной переправы через нее в летние месяцы. В характеристике Оми А. Я. Якимовский сообщает: *«Река Омь от 5 до 9 аршин глубиною, при скромном своем течении, стоит в берегах на 27 сажень; при разливе же бывает в ширину до 50 и 70 саж., через которую ходит по канату, выстроенный от Ратуши, паром, стоящий до 1000 руб. ассиг. И могущий су-*

Наплавной мост на Оми

ществовать до 7 лет...». Такой самый доступный, кроме лодок или плотов, а в маловодные годы – бродов, способ преодоления водной преграды позволял переправлять с берега на берег не только людей, но и повозки с грузами.

А если учесть, что все, что двигалось по суше проездом через Каинск по Московскому тракту на восток и обратно, требовало перевоза на противоположную сторону реки и являлось не только частной, но нередко и казенной потребностью, то можно предположить, что использование парома в уездном центре имело давнюю историю, начавшуюся, может быть, еще в XVIII веке. Самое раннее упоминание о нем, которое мне удалось разыскать, датировано 1826 годом. Сосланный в Сибирь по делу декабристов для службы рядовым в Красноярском гарнизоне, младший брат лицейского товарища А. С. Пушкина И. И. Пущина Михаил Иванович, оставил интереснейшие воспоминания о пребывании их этапа в Каинске и тепло принявшем его с товарищами городничем Иване Якимовиче Степанове. *«С паромом, – пишет он, – прибыл к нам городской с приказанием (городничего – авт.) фельдъегерям, чтобы вести преступников к нему в дом».*

Паромы, сменяя друг друга по мере обветшания, служили Каинску весь XIX век. Перевоз на пароме, сооруженном на средства городской казны, был платным. Таким путем как бы возмещались затраты на его строительство. Дабы избавить себя от лишних хлопот, «отцы города» сдавали его в аренду. Как и ныне, устраивались торги, и побеждал наиболее щедрый кандидат в арендаторы. Результат одного такого состязания запечатлен в интересном документе, хранящемся в Томском архиве. Это

постановление Каинской городской Думы «Об отдаче в арендное содержание переправы через реку Омь у города Каинска». Оно гласит:

«Городской Думе в составе десяти гласных господином Городским Головою С. А. Лебедевым доложено торговое производство на отдачу в арендное содержание городского парома и вообще переправы через реку Омь в навигацию 1898 года.

Городская Дума, усматривая из доложенного производства, что торги произведены и что после происшедшего между торговавшимися соревнования крестьянином Нижне-Каинской волости деревни Малининой Петром Анисимовичем Самотониным выдана высшая плата за содержание переправы 255 рублей, т. е. более минувшей навигации на 155 рублей, постановила:

торги на отдачу в арендное содержание городского парома и вообще переправы через реку Омь в навигацию 1898 года крестьянину Петру Анисимовичу Самотонину из платы 255 рублей, уполномочив заведывающего Городским хозяйством заключить с Самотониным контракт, согласно кондиций, перед торгом им подписанных...».

Аренда городского парома наверняка была делом выгодным, и сумма, заплаченная на торгах, впоследствии с лихвой возмещалась за время навигации. Однако сам процесс паромной переправы при наличии всего лишь одного плавсредства изобиловал многими неудобствами. Он с большим трудом обеспечивал перевоз всех многочисленных желающих перебраться с одного берега Омки на другой. Паром не могли миновать все проезжавшие по Московскому тракту с запада на восток и обратно по слу-

жебным и личным делам – чиновники, купцы, сибирские крестьяне, промышлявшие извозом, переселенцы, а также арестантские партии, идущие по этапу, и жители окрестных сел и деревень, которые везли в город для продажи хлеб и другие продукты. Выстраивались длинные очереди, в которых безоговорочным преимуществом пользовались командированные по казенной надобности. Для остальных ожидание длилось иногда по несколько часов. Для того, чтобы побыстрее устранять эти «заторы» из людей, экипажей, повозок, телег, паромщики старались втиснуть как можно больше пассажиров и гужевого транспорта, которые располагались на небольшой палубе впритирку друг к другу, а в такой тесноте вполне могли возникать опасные ситуации. Стоило бы, например, задурить какой-нибудь из лошадей, всполошив других – и беды не миновать. А какое столпотворение наблюдалось в дни ярмарок (Михайловской и Петропавловской) живописать излишне, вполне достаточно даже самого слабого воображения.

Когда отцы города сами и по внушению вышестоящих властных структур окончательно убедились в невозможности обходиться лишь одним паромом, то наконец-то решились взяться за сооружение более удобной и надежной переправы. Однако по чрезвычайной скудости доходной части бюджета средств на капитальный мост наскрести не смогли, а купеческих пожертвований хватило только на самый скромный вариант, не свайный, а наплавной, а поэтому не постоянный, а сезонный. На плаву этот мост, предназначенный в основном для пешеходов, держали плоты, уложенный поверх них настил состоял из толстых поперечных плах, связанных между собой продольно. Поскольку

зимой в нем необходимости не было, а также в целях его сохранности во время паводка, перед ледоставом эту нехитрую, но громоздкую конструкцию разбирали и вытаскивали конной тягой по частям в недоступное для разлива место. Продолжил свою службу и речной старожил, тудяга-паром, на нем теперь переплавляли только лошадей и грузы, стоимость одного места составляла пять копеек, а тогдашний пятак был не то что нынешние пять рублей. И пятачков с весны до поздней осени набегало немало.

Благодаря московскому издателю Д. Л. Ефимову, трижды (в 1903, 1904 и 1905 годах) выпустившему наборы почтовых открыток с видами Каинска, мы можем воочию полюбоваться наплавным мостом как одной из скромных городских достопримечательностей и вблизи, и с дальнего расстояния. На первом фотоснимке рядом с ним его верный напарник – паром, а вдали видны въезд на улицу Московскую (ныне – Краскома) и центр города

Вид городского левобережья в месте переправы через Омь

– торговые ряды, купеческие дома и Спасский собор. На других, дающих представление о длине моста, панорама мошнинского правобережья.

Любопытно упоминание о нем в книге Жоржа Кормье, одного из участников автопробега Пекин – Париж: *«Понедельник 22-ого июля 1907. Мы покидаем Каинск, пересекая любопытный наплавной мост на реке Омь. Как только автомобиль въезжает на мост, между досок настила выступает вода. Это хороший душ для наших шин фирмы Dunlop, который их освежает»*. Отраднo, что мост, предназначенный лишь для пешей ходьбы и использованный зарубежными гостями по незнанию и по причине бесконтрольности со стороны хозяев для переправы своего автомобиля, хоть и с напряжением, но выдержал это испытание. Случись по-иному, и европейские путешественники и сами искупались бы в Омке, и подзадержались бы в Каинске, извлекая с ее илистого дна (а в этом месте река достаточно глубока) свое транспортное средство, которое вдобавок ко всему после пребывания в воде потребовало бы тщательного теххода и даже ремонта.

А наплавной мост служил как мог и на закате империи, и на заре советской эпохи. И только в 1927 году город получил мост на сваях, соединявший оба берега круглогодично и прослуживший почти полвека. Его открытие было приурочено к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Это событие оценивалось не только как очень важное в хозяйственном отношении, как конкретное свидетельство заботы об улучшении жизни горожан, присутствовал еще и глубокий идеологический смысл: то, что при проклятом царизме на про-

тяжении почти полутора веков так и осталось неосуществленной вожделенной мечтой каинцев, свершилось в первые же годы народной власти.

Недолог век и трудна жизнь деревянных мостов. Быстро ветшают они, нуждаются в ежегодном ремонте, их сваи, даже просмоленные, подвергаются разрушительному воздействию воды, трещат под напором весеннего ледохода. Так, во время уже упоминавшегося большого наводнения 1941 года мощное половодье, оторвав мост от берега, чуть не утащило его с собой. Пришлось возвращать его на место и закреплять тросами. Когда у последнего по счету деревянного моста возникали особенно крупные заторы, чему я сам был свидетелем, появлялись подрывники, и тогда от непривычно оглушительных взрывов дребезжали стекла в окнах окрестных домов, и на их крыши, шурша, сыпались ледяные осколки.

За мостом требовался постоянный догляд, и в штате горкомхоза появилась должность смотрителя. Особенно запомнился куйбышевцам один из них, личность весьма примечательная – Наум Давыдович Блюм, проживавший вместе со своим большим семейством в доме, расположенном рядом с местом его работы. Горожане иронически именовали его «директором моста», этот титул был им воспринят весьма благожелательно и даже взят на постоянное использование. Так он чаще всего рекомендовался иногородним проезжающим и держался соответствующе, как и подобает человеку, занимающему важный и ответственный пост. В разговоре любил прозрачно намекнуть собеседнику, что контроль за грузами, эксплуатационным и санитарным состоянием моста – всего лишь

повседневная текучка, а главная его задача – не допустить диверсии: поджога или взрыва этого стратегического объекта. Служебные обязанности, находясь на посту от темна до темна, он выполнял предельно ревностно, иногда с излишней въедливостью и строгостью, а порой и с явным превышением своих полномочий. Вряд ли он извлекал из своей суперпринципиальности какую-нибудь корысть, просто очень дорожил своей должностью.

Так как через мост шли и транзитные грузы, им Наум Давыдович уделял особое внимание, а с их перевозчиками конфликтовал чаще всего. И вот «диверсия» не заставила себя ждать. Шофера-транзитники, которым Блюм грудью преградил въезд на мост, решив, что их автомашины перегружены, после получасового препирательства, будучи людьми бывалыми и не особенно щепетильными, схватили «директора» за руки и за ноги, раскачали и перебросили через перила. Дело, слава Богу, было в разгар лета, погружение Наума Давыдовича в Омь произошло недалеко от берега, и хотя плавал он неважнецки, но благополучно выбрался на берег сам. Обращаться по поводу безобразного самоуправства дальнбойщиков в милицию не стал, так как толком не запомнил ни номеров их машин, ни лиц своих обидчиков. Но после этого своеобразного «крещения» он соорудил некое подобие шлагбаума и одновременно стал несколько лояльней по отношению к транспорту дальнего следования.

Новость, которую сообщила 12 октября 1958 года в № 122 районная газета «Знамя труда» (так называлась тогда «Трудовая жизнь») наверняка порадовала куйбышевцев. «Через реку Омь, – сообщалось в первополосной

заметке, – началось строительство нового железобетонного моста. Строительный участок №2 Новосибирского дорожно-строительного управления приступил к подготовительным работам – возведению насыпей. Здесь работает мощный грейдер-элеватор производительностью в две тысячи кубометров в день». Главным подрядчиком была крупная организация – ОСМП-108, строившая Барабинскую ГРЭС, и мост, располагавшийся несколько выше предыдущего с выходом на улицы Воейкова и Чехова, был возведен сравнительно быстро и сдан в эксплуатацию в 1960 году. Вот его технические данные: длина 88, ширина проезжей части – семь метров, пешеходной дорожки – 0,7 метра. А в 1981 году уже возникла необходимость его реконструкции, которая и была проведена в феврале-апреле этого года. С этого моста для города началась эра бетонных мостов, которых сейчас здесь четыре. А по возможности и необходимости, при наличии оптимального водного режима, в традиционных местах устанавливаются еще и современные разновидности самого первого каинского моста – понтонные.

Сейчас Омь обмелела: средний уровень воды заметно понизился. Верный признак этого – тальник, густо разросшийся в тех местах, где его десяток-другой лет назад не было и в помине, запленивший даже бывшую территорию городского пляжа. А когда-то Омь была намного полноводней, и все, что сейчас происходит с нею – последствия активной деятельности людей, так называемый антропогенный фактор. Вырублены еще в годы войны верховые леса, накапливавшие снежный покров: в связи с недостатком техники лесозаготовки приходилось

вести поближе к месту сплава в прибрежной зоне. Исчезли массивы, питавшие Омь снеговой влагой. Увеличился промышленный и бытовой водозабор. Поработали и мелиораторы, осушившие массу мелких водоемов и болот, подпитывавших реку. Долгое время как память о тех временах, когда на реке постоянно работал земснаряд, углубляя дно и прокладывая фарватер, а в городе был даже свой маленький порт и по Оми в городской черте, а также ниже и выше курсировали малые суда, на правом берегу в районе Кордона стоял вросший в песок остов отслужившего свой срок катера. Внутрь любила частенько залезать ребятня. Вспоминается забавный случай, когда очень известный и уважаемый в городе человек, проходя мимо, увидел, что из всех щелей прохудившейся обшивки катера клубами валит дым. Решив проверить, в чем дело, заглянул в «трюм» и извлек из дымовой завесы трех юных курильщиков, в том числе и собственного сына (кстати, будущего председателя горисполкома, а затем главу городской администрации)...

Об Оми, нашей родной реке, можно еще очень многое и многое поведать. А если начать с тех времен, когда на ее берегах и в прибрежной полосе, на надпойменных террасах возникли первые поселения древних обитателей Барабы, то рассказ о ней, любимой, может получиться и вовсе бесконечным. Поэтому пока ограничимся тем, о чем уже рассказано.

☞ Якимовский А. Я. Краткое статистическое описание Западной Сибири Томского окружного города Каинска за 1842 год, 68 с. (оттиск с рукописной копии, орфография современная, архив автора).

Потомки Барама

Бараба... Теперь уже и не вспомнить, когда ты впервые услышал это слово. Наверное, оно вошло в твое детское сознание в самом раннем возрасте так же незаметно и естественно, как имена родителей и других домочадцев, как название родной деревни или города с тем только различием, что постигать его значение пришлось всю жизнь, да и поныне этот процесс все еще продолжается. Происхождение и толкование этого топонима имеет свою историю...

Если бы у нас появилась фантастическая возможность побывать в Барабе конца XVI века, то при всем ее узнаваемом общем облике, сформировавшемся после ледниковой эпохи, в первые тысячелетия голоцена, и почти не изменившемся до наших дней, многое в частности все равно предстало бы иным. На месте некоторых нынешних обширных пустошей мы увидели бы сплошные и густые лесные массивы с островками и лентами хвойных деревьев, густо заселенные разнообразным зверьем и боровой дичью, богатые ягодами и грибами. Озера, более многоводные, чем теперь, удивили бы нас обилием своих рыбных запасов и всех видов водоплавающей птицы.

Если природа сразу поразила бы нас своим первозданным великолепием, то совсем диким показалось бы абсолютное, на первый взгляд, отсутствие каких-либо явных следов человеческой деятельности и почти полное безлюдье. Но только поначалу, потом мы все-таки смогли бы убедиться, что Бараба обитаема, изредка встречая на пути далеко отстоящие друг от друга небольшие поселе-

ния – аулы коренных жителей, барабинских татар, обитавших во время летних перекочевок в шалашах-чумах, а зимовавших в постоянных жилищах – полуземлянках. Более того, в наиболее крупных из них или поблизости размещались и строения иного назначения, так называемые «городки», малые подобия крепостей, где можно было бы укрыться и держать оборону в случае вражеского нападения. Видно, частенько захаживали сюда незваные гости, и не такой уж простой была повседневная жизнь этого немногочисленного и трудолюбивого народа, охотников, рыбаков и скотоводов, более склонных к мирным, а не военным промыслам, но готовых постоять за себя, за свое право владеть наследственными угодьями.

С незапамятных времен обживали эти места сначала их дальние этнические предки, а уже позже отцы и деды, и сохранилось в благодарной памяти потомков уходящее корнями в седую старину предание об основателе их рода, давшего свое имя всему краю – необозримому лесостепному и озерному пространству, широко раскинувшемуся от Иртыша на западе до Оби на востоке, от Васюганья на севере до озера Абышкан и реки Карасук на юге. Оно очень напоминает библейские сюжеты о ветхозаветных патриархах и их сыновьях, становившихся после ухода отцов в мир иной родоначальниками.

...В давние-давние времена жил в некой полуденной (южной) стране глава большого семейства, благочестивый старец по имени Барам. Жил безотлучно до тех пор, пока не явился ему во сне один из небожителей и не повелел идти в полуночные (северные) края, где ждут его благодатные места, обильные лесами и полями, плодо-

родными землями, озерами и реками, зверем, птицей и рыбой. Ослушаться божества Барам не посмел и, хотя не очень хотелось покинуть старые обжитые уголья, после недолгих сборов двинулся в путь вместе со всем своим семейством и скарбом.

Такой «землей обетованной» и стало для переселенцев раздольное Обь-Иртышское междуречье. Все, что было обещано свыше, подтвердилось, только в одном не обошлось без лукавства: ни слова не было сказано в чудесном напутствии о жесточайших зимних морозах и о неисчислимом количестве водившегося здесь в летнюю пору самого разнообразного и свирепого гнуса. Но приновились новоселы и к этому, разбили здесь свои юрты и занялись привычными делами: скотоводством, охотничьим промыслом, рыбной ловлей, сбором ягод, целебных трав и корней. Рождались и подрастали дети. И был счастлив старый Барам в кругу родных и близких, пока не настал его смертный час.

В самый последний миг созвал он всех своих сыновей, а было их у него одиннадцать (Келем, Угуй, Узук, Тунус, Любар, Турас, Каргал, Кирчак, Чой, Терень и Барам). И завещал он им разделить все обретенные земли на одиннадцать частей (аймаков-волостей) и жить каждому колену их рода в своей вотчине, но в мире и согласии с другими. Так и сделали сыновья, справедливо разделили отцовское наследство, а его ставку, что располагалась в самом угожем месте единодушно решили отдать самому младшему и самому любимому брату, тезке отца, – Бараму. И стала называться Барабой (в татарском языке «м» и «б» легко взаимозаменяемы) по имени бывшего и ново-

го хозяина сначала эта волость, а потом и вся огромная округа.

Бараба – это родоплеменное самоназвание, возникшее еще в период тотемизма. В переводе с тюркских языков «барама» – сойка. Эта птица, видимо, считалась легендарным предком рода-племени (тугума). Кстати, подобные тугумы, именовавшиеся по животным и птицам, сибирскими татарами почитались как наиболее старинные, так как отражали непосредственную связь с охотой, самым древним и главным промыслом коренных жителей. Поэтому нет необходимости вспоминать многочисленные версии происхождения и толкования топонима «Бараба». Все эти объяснения или несостоятельны исторически, или не выдерживают простейшего этимологического анализа.

А самое краткое и точное принадлежит «отцу сибирской истории» академику Г. Ф. Миллеру: *«Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называют ее Улу(Большая)-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Барабы, или Барабинской степи, а все прочие тамошние волости названы по ее имени барабинскими...»* И добавляет: *«...Но название «степи» не очень подходит к этой местности, так как слово «степь», собственно говоря, означает сухую, безлесную и неплодородную местность. В Сибири же немного таких плодородных мест, настолько богатых реками и покрытых такими великолепными березовыми рощами, как именно область барабинских татар...»* Ему вторит в

своей «Сибирской истории» И. Э. Фишер. *«Что касается до имени Барабы, – пишет он, – то оно испорчено из Барамы, которое собственно есть название одной токмо волости в сей степи; но она есть многочисленная и знатнейшая между прочими, и для того татарами называется ныне еще Улу-Барама, т. е. большая Барама, и россиане по ней назвали всю степь Барабою».*

Эта легенда интересна еще и тем, что она как бы объясняет происхождение названий всех барабинских волостей, которые стали известны с конца XVI и начала XVII века, и сохранялись в административно-территориальном делении империи до ее последних дней. Но за три столетия в результате слияния малых волостей с более крупными число их сократилось (по данным 1911 года) с одиннадцати до семи (Барабинская, Каргалинская, Любейская, Теренинская, Турашская, Чойская, Тунусская). Узукова и Угуйская вошли в состав Тунусской, Кулебинская объединилась с Турашской, Кирчакская – с Каргалинской и Барабинской. Согласно преданию и географическое размещение «колен Барамовых», расположившихся аулами и в полесье, и в степи вольно, без тесноты, как правило, вблизи рек или пресноводных озер, обособившись на исчисляющемся десятками верст расстоянии друг от друга, однако главенство над остальными Барабинской волости, самой крупной и влиятельной, признавалось всеми соплеменниками. Она находилась по среднему течению Оми и в южном направлении простиралась до озер Тандово и Чаны, волость Чойская граничила с нею и размещалась возле озера Убинское, а за нею следовала Теренинская, самая восточная, при озере Каргат. Для Ту-

нусской волости исконными местами пребывания была территория по реке Таре до болота Паганай и между озер Угуйское и Узунгур.

...Такова легенда, в реальности все происходило несколько иначе. В 745 году окончательно прекратил свое существование Тюркский каганат, в состав которого входил и Алтай, граничивший с Барабой. Не исключено, что начавшаяся в данный период миграция части тюркоязычного населения на север не то чтобы совпала по времени с крушением казавшейся незыблемой, огромной и могущественной державы, а явилась одним из следствий этой геополитической катастрофы. Впрочем, с древнейших времен необозримые просторы Барабы всегда манили кочевников-скотоводов богатством флоры и фауны, обилием обширных пастбищ и водоемов.

С самого начала своей перекочевки тюрки-новоселы понимали, что места, которые они облюбовали для обитания, не безлюдны, а коренные жители, по средневековым источникам – легендарные сибиря (сипыры, сыбыры), вряд ли будут рады их появлению. В ходе археологических изысканий каких-либо слишком заметных следов общего военного противостояния не найдено, но о полной толерантности обеих сторон говорить, конечно же, не приходится, так как локальные столкновения изначально да и позже наверняка случались. Об этом свидетельствуют остатки внушительных оборонительных сооружений, обнаруженные во время раскопок в туземных городищах того времени.

Однако в целом контакты пришельцев и аборигенов носили на протяжении довольно длительного времени

преимущественно мирный характер, а их этнокультурные отношения развивались в обстановке относительной стабильности и положили начало тюркизации местного населения. Возможность такого сосуществования объясняется удачным стечением ряда обстоятельств. Во-первых, немногочисленные по сравнению с захватчиками старожилы-угры, по определению академика В. И. Молодина – «носители потчевашской культуры северного, таежного круга», не могли противостоять кочевникам-мигрантам и в случае сопротивления были бы явно обречены на поражение и большие потери. Во-вторых, будучи пастухами, рыбаками и охотниками, они не отличались особой воинственностью, их опыт по этой части исчерпывался междуусобными стычками или грабительскими походами на более слабых, чем они, соседей. В-третьих (и это самое главное), не было острого конфликта территориальных, а стало быть и жизненных интересов, пришлось лишь слегка потесниться, так как оккупанты-степняки, обживая в основном южную часть Барабы, не претендовали на ментально чуждое им залесенное и заболоченное пространство средней полосы и северное подтаежье, тем самым дав возможность потчевашцам сохранить свои прежние пастбищные, охотничьи и рыболовные угодья и хозяйничать там, как и прежде.

Археологами выявлено более десятка жилищ и свыше сотни погребений тюркского времени, давших богатейший материал, подтверждающий наличие повседневных связей между представителями двух совершенно различных этнокультурных групп. Вот всего лишь одно из множества доказательств: присутствие аборигенной

керамики в захоронениях с тюркскими инвентарем и элементами погребального обряда. Интересен и такой вывод, сделанный после изучения останков: *«по совокупности признаков сборная серия древнетюркского времени из Барабы в антропологическом отношении является смешанной, с некоторым преобладанием черт европеоидной расы...»* Главным результатом разноплеменных смешений, длительного (вплоть до прихода русских отрядов) взаимодействия различных культур станет формирование новой этнической группы – барабинских татар. Этот длительный процесс завершится в XVI веке, и в перечне исконных сибирских народов появится еще один, и поныне живущий там, где обитали их самые древние пращуры, и те, что появлялись поочередно позже.

...Ермак, как известно, до Барабы не дошел, для этого у него не хватило ни сил, ни времени. Но если бы не трагическая гибель предводителя казацкой дружины, то наверняка, дождавшись подкрепления и продолжив движение на восток, он не преминул бы побывать и здесь. Известный памятный знак на берегу реки Тартас в окрестностях села Чуваши Северного района, где якобы произошло одно из решающих сражений ермаковцев с кучумлянами, – не более чем топонимическое и хронологическое недоразумение. Всем, кто мало-мальски знаком с историей «сибирского взятия», памятна битва на Чувашевом мысу. Здесь, у самых стен ханской твердыни, 26 октября 1582 года пришедшие на стругах по Иртышу казаки в кровопролитнейшей схватке наголову разбили и обратили в паническое бегство и самого «сибирского салтана», и его многочисленное воинство.

Событие, столь исторически значимое, что великий живописец В. И. Суриков, сам, кстати, сибиряк и родом казак, избрал его сюжетом для знаменитой картины «Покорение Сибири Ермаком».

Гораздо менее известен другой эпизод ермаковской эпопеи, о котором рассказано в одной из летописей: поход пятидесятника Богдана Брязги вниз по Иртышу. Возглавляемая им полусотня казаков одержала ряд побед над оказавшими упорное сопротивление здешними татарами, не желавшими принимать русское подданство. Один из таких боев произошел на реке Туртас, правом притоке Иртыша. Возможно сходство названий (Чувашёв мыс и Чуваши, Туртас и Тартас) и сыграло злую шутку с кем-то из местных любителей старины, поверхностно воспринявшим извлеченные им из исторической литературы сведения и поспешившим одарить родные места столь редкой для них достопримечательностью.

Впрочем, ничего удивительного в этом нет, порой ошибаются даже историки-профессионалы. Нечто подобное, например, произошло с одним из комментаторов первого тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, поместившим волость Кирпики в устье реки... Туртас, хотя искони «кирпицкие яшашные люди» жили по берегам Тартаса, а в другом месте присвоившим это же название другой Барабинской волости (Туртас вместо Тураш). Может быть, какое-то военное столкновение там, где установлен памятник, все-таки и произошло, но гораздо позднее, уже в те времена, когда южные кочевники (сначала – черные калмыки, а затем – киргиз-кайсаки) с целью грабежа добирались до самой кромки Васюганья. А найденные на

месте их стычки с русскими служилыми людьми ископаемые остатки «военного промысла» и породили легенду, которая так пришлась по сердцу сельчанам. Однако сказать, что никто из соратников Ермака не побывал на барабинской земле – погрешить против истины. Напротив, судьбы некоторых из них, после вынужденного ухода снова вернувшихся в Сибирь, на долгие годы оказались связанными с Барабой: они несли службу в первых сибирских городах и острогах, в составе сводных отрядов участвовали в боях с Кучумом и его союзниками вплоть до его окончательного разгрома.

Кучум и барабинцы: как складывались их отношения? При полном отсутствии каких-либо письменных источников некоторое представление об этом дают исторические реалии, отразившиеся в преданиях и легендах, записанных в разное время в татарских улусах. Бывшие с середины XVI века то ли просто соседями, то ли союзниками сибирского княжества Тайбугидов, барабинцы были свидетелями того, как сменилась власть в Искере. Кучума они, не вникая в тонкости давних счетов и упорного соперничества потомков Шейбани и Тайбуги, воспринимали как чужеземца-захватчика, с помощью бухарских наемников и ногайцев овладевшего престолом и убившего законного правителя Едигера и его брата Бекбулата.

Неприязненное отношение к новому властителю, силой заставившему жителей Барабы быть своими «кыштымами» (данниками), усугублялось еще и той жестокостью, с которой он не только в первые годы своего правления, но и позже подавлял любую попытку воспротивиться его воле, и алчностью ханских сборщиков ясака, каждый при-

езд которых в ту или иную волость оборачивался форменным грабежом. От этого страдали не только «черные люди», но и князцы, и мурзы, так как часть того, что уплывало в бездонные закрома привыкшего к среднеазиатской роскоши Кучума, вполне могло бы стать их достоянием.

Ущемлялись не только материальные интересы барабинцев, грубому вторжению подверглась самая сокровенная сфера их жизни – традиционные религиозные верования, унаследованные ими от предков. Ярый приверженец ислама, Кучум насаждал его среди своих подданных с фанатичным упорством, рассылая по татарским селениям магометанских проповедников-миссионеров, специально приглашенных из Средней Азии. Некоторые из них, вероятно, проторили дорогу и в Барабу, где князцы и другие «начальные люди» вынуждены были, страшась ханского гнева, принять новую веру как некую дополнительную вассальную повинность. Говорить об этом позволяют отмеченные в русских документах первой трети XVII века факты принятия присяги «лучшими людьми» барабинских волостей на «куруне», то есть на Коране – священной книге мусульман. Распространению «Магометова закона» во многом способствовали и «бухарцы» – среднеазиатские купцы, для которых торговля с сибирскими аборигенами была весьма прибыльным делом. Ради наживы они не только проникали в самые отдаленные уголки владений Кучума, благоволившего землякам, но и оставались там на постоянное жительство, пополняя товарные запасы посредством караванов.

Однако основная масса барабинцев еще долго держалась старой веры, не спеша обращаться в малопо-

нятную им новую, переход в которую к тому же еще сопровождался малоприятным обрядом обрезания. «Правоверным» тюркоязычное население Барабы стало в большинстве своем только к середине XVIII века, но отдельные приверженцы шаманизма встречались и гораздо позднее, даже в конце XIX века. Смена религиозных эпох отражена в двух археологических памятниках – старинных татарских могильниках у села Гжатск нашего района. Первый из них, более ранний, где усопшие погребены в соответствии с древней традицией, по обнаруженному в нем инвентарю отнесены к XV–XVIII векам, во втором (XVIII–XIX вв.) захоронения произведены уже по мусульманскому обряду.

Являясь личностью, несомненно, выдающейся, Кучум все же, по сути своей, оставался типичным восточным деспотом, в котором ум, энергия и воля сочетались с непомерным властолюбием, тщеславием, коварством, мнительностью, нетерпимостью к малейшему неповиновению. Упиваясь собственным величием и рабской покорностью окружающих, он и не предполагал, что в его судьбе могут произойти какие-то катастрофические перемены, что гордый потомок самого «потрясателя вселенной» – Чингисхана, всемогущий повелитель огромной территории в мгновение ока превратится в бездомного скитальца и предстанет перед своими подданными в жалком виде побежденного. А некогда обширные владения сузятся до пределов неприветливой, кишасей гнусом и удушающей тяжелыми и болезнетворными испарениями гниющих болот Барабы, по которой ему, больному и немощному, будет суждено кочевать

на исходе своего земного бытия. Но этот час пробил. О нем возвестили грохот казацких пищалей и сизый пороховой дым, заставший иртышский берег под Искером. К поражению Кучума барабинцы, как и следовало ожидать, отнеслись без особого сочувствия. Отголоски этого слышны в одной из легендарных версий о происхождении названия «Бараба».

...Искерского изгнанника вначале приютили туралинские (тобольские), а затем – аялынские татары, оттуда, с Тары, он отправился на Омь – в укрепленный городок Тонтур*, ставку своего наместника в Барабе Буян-бия. С почетом принятый им Кучум, поделившись плохими новостями, приказал немедленно послать гонцов во все барабинские (в легенде – «омские», то есть расположенные по Оми) улусы. Съехавшимся князцам, мурзам и ясаулам он поведал о постигшей его беде и обратился к ним с призывом совместно выступить против «неверных».

Наступило тягостное молчание. Истолковав его как отказ, хан все-таки не дал воли гневу, поскольку обострять отношения с подданными в такой трудный для него момент было бы попросту неразумным. Поразмыслив, он предложил им другое: взяв семьи и «черных людей», пойти с ним в Среднюю Азию и принять бухарское подданство. Барабинцам, почувствовавшим подвох, не понравилось и это предложение: с какой стати им расставаться с родными местами, обжитыми еще отцами и де-

* Ныне памятник археологии Вознесенское Городище, расположенный на левом берегу Оми напротив села Вознесенка Венгеровского района. Впервые исследован в 1772 году и описан академиком И.-П. Фальком.

дами, и идти навстречу неизвестности? Кроме того, зная неукротимый нрав своего сюзерена, они понимали, что, связав свою судьбу с ним, неминуемо будут вовлечены в военные действия, что Кучум не уйдет из Сибири до тех пор, пока не исчерпает всех возможностей вернуть себе верховную власть над ней.

Однако вторично высказать несогласие барабинцы поостереглись. Посовещавшись, они ответили своему все еще внушавшему страх повелителю: «Баратор – бараман», что означало: «Ты иди – мы придем». Сочтя сей ответ лукавым, Кучум продолжал настаивать на том, чтобы двинуться в путь тотчас же, после недолгих сборов, но откликом на все его угрозы и увещевания было одно и то же, звучавшее все громче: «Бараман, бараман!». Отчаявшись добиться иного ответа, не на шутку рассерженный упорством барабинцев Кучум, сказав, что будет ждать их на Кара-Отрау – Черном острове, а за обман жестоко покарает, вместе со своей свитой и воинами, провожаемый радостными криками: «Бараман! Бараман!», покинул Тонтур.

Предчувствие не обмануло хана: ожидание оказалось напрасным. Несколько раз он посылал нарочных в Барабу с требованием выполнить обещание, но с берегов Оми они привозили неизменное: «Бараман! Бараман!». С той поры перехитривших его «кыштымов» Кучум называл только так, потом это насмешливое прозвище, получив широкое распространение, стало и названием местности, где они обитали: Бараман – Бараман – Бараба. Таково предание. Если рассматривать его в двух аспектах – топонимическом и историческом, то в первом его достоверность весьма сомнительна, так как

родоплеменное самоназвание «барама» возникло еще до описываемых событий, во втором же оно представляет несомненный интерес, отражая реальное отношение барабинцев к Кучуму.

Почти все годы после изгнания Кучум скитался по окраинам своего бывшего ханства или рядом с ними. Точные маршруты его кочевий точно не известны, но, по отрывочным сведениям, отраженным в документах той поры, он уходил то в ногайские степи, то в верховья Иртыша, пока окончательно не обосновался в его правобережье, появляясь то в Барабе, то в Кулунде. Вернуть свои владения он уже не надеялся, особенно после разрыва со старшими сыновьями, покинувшими его, но смириться не хотел и бесчинствовать не прекращал. Даже вторгался в окрестности уездного центра. Татарские деревни, принявшие русское подданство, беспощадно грабил и даже убивал их жителей, мстя им за измену. И по-прежнему собирал ясак с улусов, находившихся в местах его удаленного пребывания, в том числе и с барабинских. Ему удавалось бесследно исчезать и неожиданно появляться. Словно какая-то неведомая сила неодолимо влекла его туда, где когда-то он, теперь обремененный старческими недугами, навсегда лишившийся былого могущества и, хуже того, превратившийся в полунищего бродячего разбойника, процарствовал около сорока лет.

Новые хозяева бывших кучумовых владений с самого начала тяготились его присутствием и год от года действовали все решительнее, отслеживая местонахождение упрямого хана, все еще мнившего себя властителем Сибири, и организуя специальные походы по его за-

хвату. Кучум постепенно превращался из нападавшего в преследуемого. Кто знает, не вспоминал ли он иногда применительно к себе бытовавшую среди барабинских татар конную охоту на волка, когда группа всадников, вооруженных палицами, сделанными из комлей молодых берез, долго гнала и наконец забивала насмерть обессиленного зверя...

☞ **Бараба в тюркское время.** В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин и др. Новосибирск: Наука, 1988, 176 с.; Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. Москва: Восточная литература, 1999, с. 291; Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Восточной Барабы Западной Сибири, или Спасского участка Каинского уезда Томской губернии. Исследование Е. С. Филимонова. Санкт-Петербург, 1892, с. 50–51; Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992, 271 с.; Абдиров Мурат. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996, 176 с.; Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва: Восточная литература, 2012, 231 с.

Равнина Баргу: первое описание Барабы

Оно появилось в одной из самых знаменитых книг всех времен и народов, возвестившей о начале эпохи великих географических открытий и обессмертившей имя ее автора – венецианца Марко Поло, торговца, дипломата, путешественника, человека уникальной для средневекового европейца судьбы, яркой и необычной. Семнадцатилетним юношей в 1271 году вместе с отцом и дядей он отправился в дальние странствия, продлившиеся почти четверть века, и вернулся на родину уже зрелым мужем. На пути к конечной цели своей поездки, Китаю, и по воз-

вращении Марко Поло побывал в десятках стран, государств и городов, а восточную Азию, где пробыл дольше, чем где бы то ни было, а точнее более шестнадцати лет, объездил вдоль и поперек. Обо всем, что ему удалось увидеть самому и узнать из рассказов тех, с кем приходилось встречаться в разных местах за все эти годы, он поведал в своей «Книге о разнообразии мира», за которой прочно и заслуженно закрепилось и еще одно название – «Книга чудес света».

Одна из ее глав посвящена некой равнине Баргу и обычаям населяющего его народа. Приведем два перевода интересующего нас фрагмента: первый, А. Н. Шемякина, из самого первого русского издания середины позапрошлого века, второй, И. П. Минаева, который появился уже в начале двадцатого столетия, признан как бы каноническим и тиражируется в настоящее время.

1. *«Покинув Каракоран (Каракорум, столица древней Монголии – авт.) и Алтайские горы, место погребения татарского царского семейства, проезжают страну, лежащую в северном направлении и называемую равниною Баргу, длиною в 40 дней пути. Ее жители, по имени мекриты, – дикая орда: они питаются мясом диких зверей, из которых самые большие, олени, употребляются также и для езды; питаются и птицами, посещающими их многочисленными озера и болота, также и рыбою. Летом, когда птицы линяют, они ищут этих вод и, находясь не в состоянии летать, по недостатку перьев, ловятся людьми без большого труда. Эта равнина на севере граничит с океаном. Обычаи и нравы жителей похожи на татарские, они подвластны великому хану. У них нет ни*

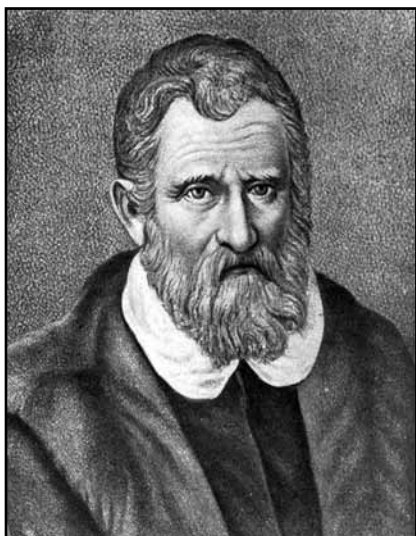
хлеба, ни винограду; охотятся они летом; зимою же все птицы и дикие звери скрываются, по причине невыразимо жестокого холода...»

2. *«На север от Каракорона [Каракорума] и от Алтая, от того места, где, как я рассказывал, хоронят татарских царей, есть равнина Баргу, тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется Мекри; занимаются скотоводством, много у них оленей, на оленях они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей, и на птиц; а зимою от великого холода там не живут ни зверь, ни птица. [Питаются также птицами; здесь много озер, прудов, болот: равнина эта на север граничит с морем Океаном. Птицы, когда линяют, так пребывают в этих местах. Когда же совсем оголеют, так не могут летать и их ловят тогда сколько хотят. Едят также рыб]...»*

В повествовании великого странника встречается много ныне уже не существующих географических названий. Необходимо было идентифицировать и таинственную равнину Баргу, определить, о какой конкретной местности идет речь. Попытка отождествить ее по топонимическому созвучию с Баргузинской долиной, находящейся в Забайкалье, была отвергнута еще в позапрошлом веке большинством ученых в связи с полным несоответствием реалий описанию. Достаточно только указать размеры Баргуджин Токум (еще одно ее название), чтоб окончательно уяснить, что долину реки Баргузин шириной не более шести километров, которую конному путни-

ку вполне можно пересечь от начала до конца всего за три дня неспешной езды, абсолютно невозможно соотнести с «равниною Баргу, длиною в 40 дней пути». Такая же неувязка и во всех остальных деталях. Однако и в наше время сторонником этой точки зрения был Л. Н. Гумилёв, так и оставшийся с ней в одиночестве.

Убедительней всех, по общему мнению, на вопрос, где искать загадочную «равнину», еще полтора с лишним века тому назад ответил выдающийся исследователь севера и востока Сибири и отважный путешественник Александр Федорович Миддендорф. Под равниной Баргу «...сам путешественник..., – писал он, – разумел по преимуществу страну по р. Оби, прежде всего Барабинскую степь, а потом, может быть, и всю низменность,

 Марко Поло

 Александр Федорович
Миддендорф

расстилающуюся между реками Иртышом и Енисеем к Ледовитому океану. Ее населением показана орда мекритов. Мастерскою рукою, немногими, но меткими чертами изображает Марко Поло и страну, и ее кочевых обитателей в том самом роде жизни, какой они ведут и доселе. Множество озер и болот, полных рыбой и дичью; соседство океана; убой обливной дичи; порода оленей, употребляемых для верховой езды и вместе с тем в пищу за неимением ни хлеба, ни вина; переселение птиц и зверей на зиму по причине невыразимой стужи.... Все это очаровывает знатока Сибири поразительною верно-стью изображения...»

Интересно, что мнение А. Ф. Миддендорфа нашло поддержку не только в сугубо научной литературе, преимущественно малотиражной, но и в прессе, предназначенной для массового распространения. Например, в историческом обозрении «Сибирь до Ермака, по сведениям западноевропейских писателей и путешественников (1245–1578)», публиковавшемся в первых номерах газеты «Томские губернские ведомости» за 1889 год. Его автор – библиотечарь Томского университета Александр Васильевич Оксёнов. Высказав свое полное согласие с частичной идентичностью Баргу и Барабы, он заключает свои рассуждение такими словами: «Нельзя сказать, чтобы эти известия знаменитого путешественника (о Севере Азии – *авт.*) отличались большою точностью. Многого из описанного им он видеть не мог, но писал по слухам и рассказам; отсюда главным образом и происходит неясность в обозначении географического положения стран. Но, во всяком случае, сведения Марко

Поло весьма ценны, так как из них мы узнаем некоторые интересные подробности о странах северной Азии и ее обитателях второй половины XIII столетия...» И с этим нельзя не согласиться.

☞ Чтения в обществе истории и древностей российских, кн. № 1, Путешествия Марко Поло. Санкт-Петербург, 1862, с. 189–190; Книга Марко Поло. Москва: Госиздат географической литературы, 1955, с. 92; Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток России. Санкт-Петербург, 1860, ч. 1, с. 62–63; Оксёнов А. В. Сибирь до Ермака, по сведениям западноевропейских писателей и путешественников // Томские губернские ведомости, 1889. № 4 (январь), с. 5–6.

Государев наказ

Этот документ, жестоко пострадавший от небрежного хранения («... частью сгнил и изодран, частью изъеден червями...»), в 1734 году обнаружил в Тарском архиве историк Г. Ф. Миллер и, распорядившись снять с него копию, тем самым спас от забвения, поскольку оригинал позднее сгинул в огне одного из городских пожаров. Если бы не педантичная предусмотрительность академика, содержание очень важного правительственного акта, положившего начало реальному присоединению Барабы к России, было бы утрачено безвозвратно, умножив число «белых пятен», которых и без того предостаточно в ранней истории нашего края. Перед нами – изданный в конце 1593 или начале 1594 года (заглавная часть с датой не сохранилась) наказ царя Федора Ивановича князю Андрею Васильевичу Елецкому, назначенному воеводой и посланному в Сибирь для строительства еще одного города и образования нового уезда в обширной юго-восточной

части бывшего Сибирского ханства, включавшей в себя и Барабу.

Город предписывалось поставить «вверх Иртыша», «...на Таре реке..., высмотря место, ниже ли того, выше ли того, где пригоже...», в самой крупной волости тарских татар – Аялынской. По замыслу Москвы ему отводилась роль главного опорного пункта в решении давно назревшей задачи – победоносного завершения многолетнего противоборства с Кучумом, без подчинения или устранения которого об окончательном овладении всеми его сибирскими «вотчинами» говорить не приходилось. Иными словами, А. В. Елецкому, его соратникам и преемникам предстояло закончить то, что было начато Ермаком. Справедливо полагая, что не смирившийся с потерей престола хан хотя и не так силен, как прежде, но все еще опасен, авторы столичного циркуляра (не исключено, что к нему приложил руку сам Борис Федорович Годунов, ведавший тогда сибирскими делами) предупреждают будущего тарского воеводу о необходимости «идти с великим береженьем», высылая вперед конные разъезды, а впоследствии принимать все меры предосторожности и во время строительства города («чтобы пришел Кучюм царь какие порухи не учинил») и постоянно «проведывать» о его местонахождении и «умышлениях».

Особой надежды на то, что укоренившийся в своей ненависти к русским «сибирский салтан» в конце концов прекратит сопротивление и признает себя вассалом «белого царя», никто уже не питал, однако компромиссный вариант все-таки предусматривался: до той поры, пока не будут возведены основные городские строения и прежде

всего – оборонительные, повелевалось при малейшей возможности извещать Кучума о том, что «государь... хочет держать [его] под своею царскою рукою» с жалованьем, соответствующим его высокому положению. При этом ставились два условия: хан должен был, во-первых, прекратить набеги на русские поселения и ясачные волости, кочуя только в определенных ему местах; во-вторых, в знак согласия и мирных намерений отправить в Москву «лутчего» из своих сыновей-царевичей, а с ним двух-трех самых знатных людей из ближайшего окружения. Такие уведомления-«приказы» вряд ли были рассчитаны на то, что Кучум и впрямь «побежит добивать челом», хотя полностью такая возможность не исключалась. Этот тактический прием в большей мере преследовал другую цель: сдерживать военную активность противника до той поры, пока «город не укрепится». После чего, если предложение русской стороны все еще не будет принято, «князю Ондрею с товарищи, – говорится в наказе, – над Кучюмом царем... и над его женами и детьми... промышляти большими посылками... и извоевати их накрепко».

В этих военных экспедициях предполагалось участие не только крупных отрядов служилых людей во главе с опытными военачальниками, но и местных ясачных татар, которых велено было подарками и посулами всячески склонять на свою сторону, обещая, что за помощь в строительстве города и борьбе с Кучумом «государь их пожалует и в ясакех полегчит». Тех же, кто посмеет ослушаться и не будет содействовать выполнению данного наказа, надлежало карать беспощадно: «...идучи Иртышем, те волости воевать... и изменников казнить, а черных

людей к шерти приводить, а у иных заклады поимать, и ясак и прошлой, и нынешней сполна... збирать». В конце наказа приведен перечень «верхних», то есть расположенных вверх по Иртышу, татарских волостей с указанием имен их «лучших людей» (князцов, мурз, ясаулов), числа «ясашных» и даже расстояния каждой из них до Тобольска, к уезду которого они до этого были приписаны, но, гранича с Барабой, вынуждены были одновременно платить ясак и своему бывшему повелителю, «блюдясь от него войны». Здесь же упоминаются и две волости барабинских татар – Тураш и Кирпики; о них не сообщается ничего, кроме того, что они «ныне за ногайским мурзою за Алеем». Ему Кучум, уже давно «породнившийся» со знатными ногайцами путем заключения межродовых брачных союзов и старавшийся заручиться их военной поддержкой в своей дальнейшей борьбе за возвращение сибирского престола, отдал право сбора дани со все еще остававшихся подвластными ему барабинцев.

Другие барабинские улусы в наказе не значатся по простой причине: они пока неизвестны ни тобольской воеводской канцелярии, ни московскому ведомству. Недаром документ завершают такие строки: *«А которые... волости и городки есть, а тутю не написаны, и про тех сыскать и с них ясак имати, а об них об новых ко государю отписать»*. Следовательно, ко времени основания Тары Бараба для российского правительства и сибирской администрации все еще оставалась во многом краем «заповедным», «незнаемым», при почти полном отсутствии контактов с ее коренным населением и сведений о нем. Но уже в самом ближайшем будущем все барабинские

волости будут не только упоминаться в царских указах и грамотах, в отписках воевод, но и получают, будучи взяты на подушный учет, постоянную прописку в ясачных книгах Тарского уезда...

В начале 1594 года, когда подготовка экспедиции шла полным ходом, А. В. Елецкого принял шурин царя Федора Иоанновича Борис Федорович Годунов, фактический правитель Российского государства. Состоялся обстоятельный разговор о предстоящей экспедиции, о необходимости попытаться склонить Кучума принять русское подданство мирным путем и, лишь окончательно убедившись, что это недостижимо, вести его непрерывное военное преследование до победного конца. Такую же тактику следовало применить и в отношении многочисленных князьков, чьи племена кочевали в низовьях Прииртышья. Шла речь и об организации строгого учета и надежной охраны собранного ясака, установления с коренным населением доброжелательных отношений и в случае просьб о защите взятии их под свою «оборонь».

Из Москвы князь А. В. Елецкий отбыл на исходе зимы или ранней весной 1594 года с небольшим отрядом всего в полтораста человек, включая его самого и двух помощников-заместителей – письменных голов Бориса Ивановича Доможирова и Григория Елизаровича Олферова. Первому из них поручались ратные дела, обязанности второго были шире, ему надлежало *«пригород строить и быть в городничих, ... и у казны, и у житниц»*, а, кроме того, еще и ведать ясачным сбором. Отправившись в путь малым числом, не обремененные громоздким обозом, воевода и его спутники сравнительно быстро добрались до

Лозвинского городка, где их ожидали подготовленные для дальнейшего продвижения по рекам Лозва, Тавда, Тобол, Иртыш суда и хранились доставлявшиеся загодя всевозможные припасы, предназначавшиеся для сибирских городов и острогов. Здесь они получили причитавшееся им денежное, хлебное и соляное довольствие, порох, свинец, железо для «городоваго дела» и даже три с половиной десятка медных котлов, чтобы, согласно наказу, *«взяти с собою на Иртыши и променити тамошним людем на соболи и на лисицы черные..., гривенку по 2 гривны»*, то есть взять двойную цену.

Знакомясь с подробнейшей росписью всего, чем была снабжена тарская экспедиция, убеждаешься в том, что правительство считало ее особо важной и потому не поскупилось на затраты, полагая, видимо, что они вскоре окупятся с лихвой. Казна, выплатив участникам похода на год вперед все виды жалованья и выдав дорожный провиант, постаралась не только обеспечить их всем необходимым, но кое-что, а прежде всего – деньги и продовольствие, выделить и «на запас». Ни один из отрядов, ранее отправлявшихся в Сибирь, не был так оснащен «вогненным боем», как этот. Посланный с ним в новый город вместе с пушкарями артиллерийский «наряд» состоял из двадцати трех пищалей разного типа («девятнадцатых», «затинных», «долгих») с 4600 железными и «свинчатыми» ядрами к ним. Кроме того, в Тюмени и Тобольске, а затем продвигаясь далее вверх по Иртышу к устью Тары, Елецкий принял под свое начало большое пополнение, почти вдесятеро увеличив первоначальную численность отряда.

В итоге к месту назначения прибыло крупное, по сибирским меркам, соединение общим числом 1541 человек (1194 конных и 347 пеших ратников), весьма пестрое по своему составу: московские и казанские стрельцы, тобольские и тюменские казаки, служилые поволжские и сибирские инородцы, местные «ясашные», по этническому раскладу – русские, татары, башкиры, поляки, «литва» (белорусы) и «черкасы» (украинцы). При этом половину всего воинства составляли татары (750 человек), пятую часть (300 чел.) – башкиры и чуть менее трети – все остальные. В свое время Г. Ф. Миллер был немало удивлен тем, как можно было отважиться, идя в логово самого Кучума, в земли, заселенные отнюдь не мирно настроенными аборигенами, взять с собой такое количество их соплеменников и единоверцев. Однако расчет царской администрации себя оправдал: служилые татары, собранные из разных мест, относились к местным как к чужакам и честно отработали государеву жалованье. Что же касается привлеченных к строительным и прочим делам коренных жителей верхиртышских улусов, то им не оставалось ничего иного, как подчиниться силе. Имела тарская экспедиция и свой «стройбат» (30 пермских плотников), и людей, сведущих по части духовной и канцелярской: священника и подьячего, взятого из Москвы «для письма».

Двигаясь сушей и водой (конница шла берегом, а пехота вместе с грузами – на судах), государевы посланцы уже приближались к устью Тары, когда оттуда вернулась группа казаков, посланных накануне на поиски места для закладки города. Они сообщили, что ничего подходящего

не нашли и берега повсюду низкие и затопляемые. Обследовав ближайшие окрестности, А. В. Елецкий «со товарищи» остановили свой выбор на холме, расположенном неподалеку от реки Аркарки – левого притока Иртыша. Здесь и решено было ставить город «всеми ратными людьми и татари тутошними волостями». Строительные работы начались после традиционного в таких случаях большого молебна, который отслужило тобольское духовенство во главе с самим епископом Феодосием. Чтобы быстрее возвести укрепления, тем самым обезопасив себя от возможных нападений, и успеть к зиме обзавестись кровом, лес на строение «ронили легкой». Его заготовкой и сплавом занимались в зачет будущего ясака здешние татары, которым, однако, в сам город входить не разрешалось, «чтоб им государевых людей не смечать». Работали от рассвета до заката, в дни ясные и ненастные, выкладываясь до изнеможения, и до наступления холодов одно из главных требований царского наказа выполнили: город поставили и укрепили; над прежде дикой местностью вознеслись его стены и дозорные башни. Кроме того, в те же сроки были возведены служебные и складские помещения, жилье для служилых людей, бытовые объекты общего пользования, запасено в достаточном количестве дров для предстоящей зимы и сена для гарнизонных лошадей и домашнего скота.

Планировка новой цитадели ничем оригинальным не отличалась, следуя ранее возникшему общему образцу, и состояла из двух укреплений – города как такового, то есть крепостцы, занимавшей относительно небольшую площадь, и острога, под защитой которого находилось

все внутреннее пространство Тары. Внутри первого размещались воеводская изба и кладовая для «государевой казны», во втором – «посад», то есть все остальные городские строения. Власть нового русского воеводства распространялась на приписанные к его уезду все татарские волости Среднего Прииртышья и Барабы, от реки Ишима до Чановских и Соленых озер на юге: огромная территория, простиравшаяся далеко на север и юг, где татары, оседло жившие по рекам Иртыш, Ишим и Омь, занимались зверовыми и рыбными промыслами. Но полноценно осуществлять свои функции, в том числе и по сбору ясака тарской администрации препятствовало одно обстоятельство, и весьма серьезное: там все еще хозяйничал Кучум...

Год 1590 прежде всего памятен тем, что в этом году Тобольск, до этого находившийся в подчинении у Тюмени, «стал быть собою» и обрел официальный статус главного города Сибири, что совпало с назначением его воеводой князя Владимира Васильевича Кольцова-Мосальского. И в этом же году в непосредственной близости от «сибирской столицы» снова дал знать о себе дерзким вторжением в свои бывшие владения хан Кучум. 23 июня во время его разбойного набега на подгородные деревни одним мародерством дело не обошлось: несколько татар были убиты в отместку за принятие русского подданства. Весть об этом в Тобольске была получена слишком поздно, и чингисиду, ставшему варнаком, удалось благополучно скрыться. Безнаказанность вдохновила кучумлян, вскоре они совершили налет на более отдаленные Каурдакскую и Салымскую волости, уже тоже платившие ясак

«белому царю». Это их нападение сопровождалось еще бóльшими грабежами и кровавыми расправами над «изменниками».

В. В. Кольцов-Мосальский решил положить предел ханским бесчинствам и отомстить за злодейское кровопролитие. Узнав, что ставка Кучума находится где-то в Ишимской степи, 8 июня 1591 года воевода во главе отряда тобольских служилых, к которым примкнуло большое количество татар, в том числе и тех, кто пострадал от прошлогодних набегов, отправился к местам предполагаемого местонахождения кучумлян. Поиски увенчались успехом не сразу, но 1 августа цели достигли: ханский лагерь, располагавшийся на реке Ишим, в окрестностях небольшого пресноводного озера Чиликуль, был застигнут врасплох. Мощная и неожиданная атака после очень краткого сражения завершилась полной победой русских и захватом богатой добычи. Воинство Кучума понесло значительные потери убитыми и взятыми в плен, а он лишился двух жен и сына Абдулхаира.

Сам хан сумел бежать, и в последующих военных столкновениях если в чем и будет преуспевать, так это в умении бесследно исчезать с поля боя, даже задолго до его завершения. Итогом ишимского разгрома стало то, что Кучум решил сменить место своих кочевий, рассудив, что следует находиться как можно дальше от Тобольска, а для этого лучше, перебравшись через Иртыш, обосноваться в его раздольном правобережье, с которого начинается Бараба и простирается вплоть до самой Оби, где гораздо безопасней и есть много мест для того, чтобы скрыться и затаиться. А самое главное –

там есть, кому обеспечить безбедную жизнь ему самому и его присным, – это его давние и безропотные данники, барабинские татары...

Но не будет покоя хану и здесь, и главная угроза будет уже исходить не из «стольного града», а из нового уездного центра, имя которому – Тара. И хотя Кучум не сделал ни одной попытки помешать строительству города, но уже в который раз на лестное предложение «царя и великого князя всеа Руссии» ответил оскорбительным молчанием. Это означало, что он продолжал оставаться врагом и поступить с ним следовало согласно московской директиве, а именно: взять в плен, уничтожить или окончательно «истеснить», что и будет сделано отрядом Андрея Матвеевича Воейкова в 1598 году в знаменитом Ирменском побоище...

☞ Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. Москва: Восточная литература, 1999, с. 272–273, 281–289; Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: изд-во «Аз Бука», 2006, 188 с.; Евсеев Е. Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1981, с. 78–109.

Покорение Барабы

Героем сибирской эпопеи вполне справедливо назвал историк А. М. Орлов одного из основателей Тары, письменного голову Бориса Ивановича Доможирова, умелого и удачливого военачальника, организатора и руководителя первых русских походов в пределы Барабы.

О его происхождении и досибирской поре жизни известно следующее. Старинный новгородский род круп-

ных землевладельцев, дворян Доможировых* после того, как Иван III Васильевич круто разобрался с «вольным градом», опалы избежал, но был выведен из мест исконного обитания и стал нижегородским, а в последующие годы всегда был востребован на государевой службе. Впервые в разрядных книгах Б. И. Доможиров упоминается как царский посол к ногайцам. С поручением он справился успешно, за что был пожалован вотчиной. В 1580 году назначен ключником в Нижнем Новгороде, а с 20 февраля 1583 года – орловский воевода. С 1594 года – в Сибири, в Таре...

Здесь именно ему были поручены ратные дела и отведена главная роль в выслеживании, пленении или уничтожении Кучума. И царский наказ нашел в его лице энергичного исполнителя. Выяснение местонахождения бывшего сибирского властителя и его приспешников началось сразу после завершения строительства уездного центра. В верховья Иртыша был отправлен в разведку под командованием ермаковца Григория Ясыря** отряд числом около девяноста человек, состоявший из тобольских, тюменских и пелымских казаков и служилых татар. Посылка оказалась удачной, 8 декабря 1594 года лазутчики вернулись с «языками» – двадцатью восемью аялыньскими татарами, ловившими на озере Вузюково рыбу, за которой ежедневно приезжали ханские посланцы.

* *Доможировы* – фамилия, впервые появившаяся в документах конца XV века, производная от прозвища или нецерковного славянского мужского имени Доможир, то есть крепкий домовитый хозяин.

** *Ясырь* – дословно «раб», «полоняник», такое прозвище обычно получали побывавшие в иноверческом плену.

Выяснилось: узнав, что русские поблизости от татарских волостей, Аялынской и Малогородской, и мест его нынешних кочевий ставят новый город, Кучум приказал своему старшему сыну Али переселить часть татар в верховья Иртыша, подальше от Тары, чтобы не дать возможности обложить их царским ясаком, а сохранить как своих данников. Что и было сделано. Полтораста аялыньских татар, а также полсотни малогородцев были переведены в сооруженный на одноименном острове (Кара-Отрау) Черный городок, находившийся от вышеназванного озера в «пяти днищах пешего хода», за Омью, между двумя малыми притоками Иртыша. По замыслу кучумлян эта крепость должна была стать их главным опорным пунктом в борьбе с русскими. Тарчане медлить не стали, тотчас же в указанном направлении выступил отряд во главе с Б. И. Доможировым. Его численность, 276 человек, даже несколько уступала предполагаемому количеству кучумлян и татар, засевших в городке, но Борис Иванович сделал ставку на неожиданность нападения и не просчитался. Удар был внезапным и мощным. Затяжного боя не последовало: часть кучумлян, девяносто аялыньцев и все малогородцы с их семьями бежали сразу, лишь только стоило появиться русским. В числе первых, кто поспешил скрыться, был и Кучум. В полон были взяты князец и два есаула, а также шестьдесят семейств аялыньцев, всем им было приказано возвращаться на прежние места обитания. Посланные вдогонку за беглецами семьдесят конных казаков сумели часть их настигнуть, аялыньцев и малогородцев не тронули, тоже велел им вернуться туда, где

обретались ранее, а из ханских людей шестерых пленили, остальных, рьяно сопротивлявшихся, перебили. Сам хан исчез бесследно. Отряд Б. И. Доможирова, распорядившегося предать огню Черный городок и сровнять его с землей, * вернулся в Тару в полном составе, не потеряв ни одного человека, в документах нет упоминания даже о раненых. Начало покорению Барабы было положено...

Нельзя не обратить внимания на то, с каким тщанием исполнялась каждая строка наказа. Так, в нем было сказано, что если в летние месяцы «промышлять» над царем Кучумом не удастся, то преследование следует продолжать и зимой. Предыдущий поход уже и был таким, он начался в конце 1594, а завершился в начале 1595 года. И сразу же началась подготовка второй военной экспедиции, которую тоже возглавил Б. И. Доможиров. Цель ее была уже иной: предстояло вернуть в русское подданство и заново обложить ясаком барабинских татар, до этого уже шертовавших в верности «белому царю», но по велению Кучума ставших данниками ногайского мурзы. Возвращению «на круги своя», согласно еще одной московской грамоте, тоже обнаруженной Г. Ф. Миллером в тарском архиве, подлежали волости Чангула (впоследствии – Тунусская), Лугуй, Люба (Любейская), Келема, она же Тураш (Кулебинская), Барама (Барабинская). Исчезновение в последующем некоторых вышеперечисленных названий объясняется двояко. Или вхождением ма-

*Такая же судьба постигла позднее и другие татарские укрепленные городки (видимо, в том числе и хорошо известный Тонтурский), чтобы в случае возможной смуты мятежники не имели никаких укрытий, которые нужно было бы брать приступом.

лой волости в более крупную, или сменой главы волости, которая взамен имени выбывшего получала имя нового «лучшего человека».

17 марта 1595 года в лыжный поход на северо-восток Барабы отправился сводный отряд общей численностью 483 человека. В подмогу тарчанам тобольский воевода князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский прислал 239 своих и тюменских служилых людей «с вогненным боем» под началом головы Своитина Рупосова. Замыкал походную колонну санный обоз с провиантом и боеприпасами. Первой на пути ратников оказалась волость Чангула, носившая имя правившего ею мурзы, здесь, за стенами небольшого городка, укрылось около сорока татарских семейств. Г. Ф. Миллер без комментариев сообщает только то, что написано в документе: «Как только русские подошли к этому городку, татары сделали вылазку, причем 17 человек из них погибло, большинство же остальных разбежалось...».

Если дело обстояло именно так, то самоубийственный героизм тунуссцев, отважившихся атаковать десятикратно превосходящие их численностью силы противника, достоин восхищения. Но логика позволяет предположить, что в реальности все было несколько иначе, о чем в своей отписке в Москву тарский воевода Андрей Васильевич Елецкий почему-то не счел нужным упомянуть. А недосказанность могла заключаться в том, что не обошлось без военной хитрости, и Б. И. Доможиров, не желая рисковать людьми при возможном штурме укрепления и остановив отряд вне зоны видимости из городка, отправил к его недружелюбно настроенному гарнизону

небольшую группу переговорщиков из конных казаков и служилых татар с предложением не оказывать сопротивления и уладить дело мирным путем. А в случае отказа велено было раззадорить осажденных обидной словесной перепалкой и выманить из укрытия. Что, скорее всего, и произошло. Осыпав кучку чужаков стрелами и азартно увлекшись погоней за ними, несколько десятков тунусцев предстали перед всем полутысячным доможировским воинством. Чем это закончилось – сказано выше.

В плен были взяты мурза и те, кто находился в крепости, а сама она была сожжена. Возмездие за измену и попытку вооруженного нападения было суровым: вся местность этой волости была отдана на разграбление участникам похода, такой же участи подверглась и находившаяся по соседству и тоже, видимо, не захотевшая подчиниться волость Люба. Обе разгромленные волости, убедившиеся в бесполезности и опасности дальнейшего неповиновения, вновь шертовали с клятвенным обещанием отдавать ясак в Тару. Устрашающе подействовало происшедшее и на волости Тураш и Кирпики, которые, чтобы избежать карательных мер, поспешили известить о своем добровольном и повторном принятии русского подданства.

После этого Б. И. Доможиров намеревался двигаться в самую крупную и более отдаленную волость – Барабу. Но аномально раннее потепление («роскалье великое»), интенсивное таяние снежного покрова сделали невозможным дальнейшее передвижение на лыжах. Отряд двинулся в обратный путь и вернулся в Тару, достигнув цели и сохранив весь личный состав. Согласно Г. Ф. Миллеру,

вскоре уже без военного принуждения, но под впечатлением от доможировского рейда за вышеперечисленными «верхними» волостями последовали и остальные, располагавшиеся южнее и восточнее, – Барабинская, Чойская, Теренинская и Карагалинская.

После удачных походов Б. И. Доможирова наступило зыбкое перемирие: Кучум на время затаился, откочевав в юго-восточном направлении на еще большее отдаление от новой границы русских владений, но отнюдь не собирался прекращать борьбу с «неверными», а наоборот собирал собственные силы, заодно пытаясь вербовать союзников. И уже с 1597 года снова начал появляться на территории Тарского уезда, опять подчинил себе часть барабинских волостей, посылая к ним своих сборщиков дани и насильственно переселяя их улусы все ближе к местам своих кочевий и расположения своей ставки...

При успешном завершении военных посылок в обязательном порядке составлялись перечни всех, кто принимал в них участие, перечислялись личные заслуги каждого. На основании этих послужных списков в столичном приказе вносились в росписи о награждении, прилагавшиеся к царским грамотам, имена особо отличившихся, тех, кто «бился явственно», в бою сразил одного или несколько врагов или был ранен сам. А жалованье погибших выдавалось их ближайшим родственникам. За оба успешных похода их организаторы и рядовые участники были награждены золотыми монетами и дополнительным к основному денежным жалованьем. В том и другом случаях поощрительная казна была отправлена в Тару с теми, кто доставил победные известия в Москву.

Грамоты царя Федора Ивановича «с жаловальными словами» участникам черногогородского и барабинского походов были адресованы уже новому тарскому воеводе – князю Федору Борисовичу Елецкому (А. В. Елецкий в начале 1595 года был отозван в Москву). *«А которые волости ближние и дальные вверх по Иртышу, – говорилось в грамоте, – нам служат и прямят, и в город к вам приходят, и ясак с себя дают, и которые волости ново прибыли, добились челом и шертовали, и вы б к ним береженье и ласку держали великую, и от Кучюма царя и от нагайских людей их берегли, чтоб те их собрався не извоевали...»*.

...Сибирская служба Б. И. Доможирова завершилась, как отмечено в разрядной книге, получением приказа: «И 105-го (1596) году декабря с Тары ... Бориса Доможирова ... отпустить к Москве». Дальнейшая его жизнь совпадает с трагическим временем Великой Смуты и будет весьма непростой. Ограничимся подтвержденной документами биохроникой. В мае 1597 года он возвращается в Нижний Новгород, в этом же году назначен воеводой в Астрахань. В 1602–1604 годах – воевода в Касимове, затем в Арзамасе. В августе 1606 года по приходу к власти правительство царя Василия Ивановича Шуйского смещает Б. И. Доможирова с должности арзамасского воеводы. Возмущенный этим, он становится организатором антимосковского мятежа и временным сторонником самозванца – Лжедмитрия I, а в октябре-декабре принимает участие в восстании Ивана Исаевича Болотникова. Однако в 1607 году уже снова числится на службе у В. И. Шуйского с весьма высоким окладом. При каких обстоятельствах произошло это примирение – неизвестно.

Последний документ с его подписью датирован 1610 годом, а в писцовой книге 1613 года владельцами обширных земельных владений уже значатся сыновья Иван Борисович и Никита Борисович Доможировы. Между этими годами, видимо, и покинул сей мир «покоритель Барабы» Борис Иванович Доможиров, перед смертью принявший монашеский постриг и под именем Боголепа занесенный в поминальную память...

☞ Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. Москва: Восточная литература, 1999, с. 281, 287, 289–291, 348, 355, 357–359, 361–363; Мусихин А. Л. Управление г. Орловым на Вятке во второй половине XVI в. // Вестник Удмуртского государственного университета, Вып. 3. История и филология. 2010, с. 107–108; Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001, 240 с.; Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти А. В. Ваганова. Т. II. Тара, 2010, с. 118–123.

Хронограф: XVIII

(1700–1799)

1700 *1 января.* На рубеже столетий Россия впервые встретила новый год по иному календарю и стала жить по летоисчислению от Рождества Христова. В указе Петра I «О праздновании Нового года», изданном в самый канун этой даты, 20 декабря 1699 года, предписывалось в новогодние дни у своих домов на семидневный срок *«знатным людям ... и ... духовного и мирского чина перед воротаы учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, елевых и можжевелевых, ... а людем скудным хотя бы по древцу или ветви ... над храминой своей поставить»*. Велено было веселиться, поздравлять друг друга с новым годом и веком, устраивать «огненные потехи», пуск ракет, пушечную и ружейную пальбу.

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825), далее – ПСЗРИ – 1. Т. III – № 1736. Санкт-Петербург, 1830.

1700 *4 января.* Указ о замене привычного русского платья кафтанами иноземного покроя, подписанный самодержцем в один из посленовогодних дней, изрядно испортил праздничное настроение многим россиянам, и знати, и простонародью. Адресованный «боярам и окольниковым, и думным, и ближним людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам ... и дьякам, и жильцам, и всех чинов служилым,

приказным и торговым людям...», он подлежал неукоснительному исполнению в конкретно установленные сроки. Но поскольку его выполнением, кроме придворного окружения и тех представителей высших слоев общества, которым время от времени приходилось общаться с государем, поначалу никто особо не озаботился, саботаж, носивший достаточно массовый характер, стал причиной появления в подтверждение первому еще двух, но уже более жестких указов и административного преследования ослушников.

Сопrotивление принудительному насаждению разного рода западноевропейских заимствований еще более возросло после того, как был обнародован самый знаменитый указ этого цикла – от 16 января 1705 года, «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлины с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков». Наверное, никакие петровские новшества не вызвали такого отторжения у сибиряков, как вышеперечисленные, воспринятые ими как посягательство не только на исконные обычаи и традиции, но и на православную веру. В числе других наотрез отказались подчиниться царской воле и тарчане, и томичи. Стояли на своем накрепко, а старообрядцы, для которых «ношение бороды и усов издревле имело не только бытовое, но и сакральное значение», протестовали по-своему, ознаменовав богопротивные перемены новой волной самосожжений.

Томской приказной избой даже было заведено дело «О противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород», начатое 16 сентября 1705, а заверщенное 23

апреля 1706 года. В нем поименно перечислены все «отказники», сто пятьдесят человек, в основном служилые люди: сыны боярские, сотники, пятидесятники, десятники, конные и пешие казаки. Однако никаких репрессий в отношении них не последовало. Произошло это потому, что, находившиеся в Москве по служебным надобностям сибирские казаки числом более ста, «тоболские, тюменские, верхотурские, томские, красноярские, кузнецкие, нарымские, кецкие, тарские, сургуцкие, березовские, мангазейские, енисейские, илимские, якуцкие, нерчинские, иркуцкие», сговорившись, подали царю коллективную челобитную, в которой писали, что «в немецком де платье от великих стуж ходить никоими меры невозможно и за нуждою зделать нечем», а потому просили, чтобы «великий государь пожаловал бы их, всех сибирских городов всяких чинов людей, для их скудости не велел им немецкого платья носить». Прошение было принято благосклонно, ответом на него стал именной указ «О позволении сибирским жителям носить такое платье, какое кто пожелает...», пришедший в Томск 21 апреля 1706 года.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. IV – № 1741, 1887, 1999, 2015, 2132; Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России. Выпуск 2. Екатеринбург, 1998, с. 301.

1701 1 января. Семеном Ульяновичем Ремезовым при участии сыновей завершена работа над его вторым главным картографическим трудом – рукописной «Чертежной книгой Сибири», ставшей первым отечественным географическим атласом большого формата. В ней в левой части «Чертежа земли Тарского города» изображена

и Бараба. Публикуемый фрагмент воспроизведен с электронной версии литографированного издания рукописи, вышедшего в свет в размере оригинала очень ограниченным тиражом в 1882 году.

☞ Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. Москва: Наука, 1965, с. 89–100.

1708 18 декабря. Начало петровской губернской реформы с последующим упразднением воеводского управления, а позднее, в 1710 году, и находившегося в Москве Сибирского приказа. Учреждение восьми губерний, в том числе Сибирской во главе с губернатором, с центром в Тобольске и в составе двадцати шести городов, среди прочих – Тары и Томска.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. IV – № 2218.

1713 Основание Чаусского острога (нынешней Колывани) на восточной окраине Барабы.

☞ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882. Иркутск, 1883, с. 161.

1716 Прибывший в начале мая со своим отрядом после неудачного похода к Ямышевскому озеру подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц на западной окраине Барабы возле устья Оми на левом ее берегу заложил Омскую крепость.

☞ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Москва, 1838, с. 403.

1719 29 мая. Разделение Сибирской губернии на три провинции: Вятскую, Соликамскую и Тобольскую. Бараба как часть Западной Сибири вошла в состав Тобольской провинции.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. V – № 3378.

1720 Третья декада января. Через Барабу лежит путь российского посольства в Китай, возглавляемого капитаном Преображенского полка Львом Васильевичем Измайловым. Увиденное здесь нашло отражение в позднее опубликованных дорожных записях таких участников ди-

пломатической миссии, как Джон Белл, Георг Унферцагт, Лоренц Ланге.

☞ Зиннер Э. П. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Восточно-Сибирское книжное издательство. Иркутск, 1968, 248 с.*

1721 13–24 марта. Пребывание в Барабе первой научной правительственной экспедиции в Сибирь под руководством Даниила Готлиба Мессершмидта, отправленной по распоряжению Петра I и положившей начало комплексному исследованию всего региона. На пути от Тары в Чаусский острог Д. Г. Мессершмидт и его спутники проезжали через селения барабинских татар, результатом наблюдений за жизнью аборигенов и бесед с ними стало их этнографическое описание, вошедшее в изданный позднее путевой дневник ученого.

☞ Messerschmidt D. G. *Forschungsreise durch Sibirien. 1721–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Teil 1. S. 52–83.*

1721 22 октября. Провозглашение России империей, Петра – императором, присвоение ему титула «Великий».

☞ Анисимов Е. В. *История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. Санкт-Петербург, 2010, 522 с.*

1722 Сразу четыре памятных события. По имперской части – издание указа о новом порядке престолонаследия и утверждение «Табели о рангах», оказавшейся на редкость живучей и почти не претерпевшей за почти двухсотлетний период действия каких-либо существенных изменений. По части губернской: одно радостное – возведение в Барабе трех пасов, Каинского, Убинского и Усть-Тартасского, для защиты ясачных волостей, почтового сообщения и охранного сопровождения едущих на

восток и обратно; а другое – трагическое: жестокое подавление карателями объявленного бунтом, приравненным к государственной измене, отказа тарского гарнизона и многих горожан от присяги в соответствии с названным выше указом, многочисленные казни и экзекуции, варварское разорение славного в сибирской истории своими ратными делами города и растянувшийся на долгие годы «тарский розыск» – беспощадное преследование тех, кто успел скрыться от расправы. От пережитого бедствия Тара еще нескоро оправится, а вернуться к прежней привольной жизни времен расцвета и благоденствия ей уже не удастся.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. VI – № 3890, 3893; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974, 397 с.

«Каинской пас – небольшая крепостца...»

Вспоминаю, как во время сбора материалов о прошлом нашего города меня надолго ввела в заблуждение начальная фраза одной краеведческой публикации об основании Каинского паса: «В 1722 году по указу Петра Первого...». Хотя ссылки на источник не было, мной тогда это было простодушно принято на веру, и даже в голову не пришло, что упомянутый автором статьи документ всего-навсего лишь плод его глубокого убеждения, что в российской империи ничего, от малого до великого, не происходило помимо императорской воли и обязательно

сопровождалось изданием надлежащего указа. Потребовалось немало времени, чтобы окончательно убедиться в том, что я стал жертвой произвольной мистификации самодеятельного историка-дилетанта, а окончательную черту под моими тщетными поисками подвел тщательный (на два раза) просмотр соответствующих томов полного собрания законов петровской эпохи.

Однако при этом удалось понять нечто весьма существенное: в те годы обширных и глубоких преобразований уже не было бюрократического диктата и мелочной опеки центра в решении очень многих вопросов местного значения, не требовавших от государственной казны существенных затрат, они были переданы в ведение провинциальных органов управления. Хотя возможное наличие какой-нибудь директивы свыше, побудительно-го импульса не исключается, несомненно другое: возведение служилыми людьми, получавшими в любом случае свое годовое «государево жалование», из подручного дармового леса трех небольших крепостей, конечно же, никакого организационного и финансового участия высших властных структур не требовало, но все равно некое распоряжение, исходившее от губернского тобольского или уездных томского и тарского руководства, причем письменное, а не устное, обязательно должно было существовать. Увы, и в этом направлении ничего прояснить тоже не удалось.

И тогда возникал еще один вопрос: если исходный документ неизвестен (утрачен или еще не найден), откуда взялась эта дата: 1722 год? Ее уже более двух с половиной столетий без всяких оговорок как абсолютно точ-

ную тиражируют многочисленные издания, в том числе самые авторитетные – научные и энциклопедические. Так с чьей же легкой руки она вошла в научный оборот? В описании Каинска и его округа 1790 года указано лишь приблизительное время появления паса. Цитирую целиком то, что способно породить сомнения: *«Строе-ние (паса – авт.) началось ... по учреждению Иркутской трактовой дороги (то бишь Московского тракта – авт.) назатъ тому 65 лет (то есть в 1725 году – авт.) для почтоваго станцу, содержащегося служилыми казаками и назван фарпост Каинской и как в окружности оною прежде жителствующих волостями барабинских татар нападениями киргис-кайсаки раззоряли, то к защищению находились командированные от разных мест воинские команды человек ста по три и более под предводительством штаб и обер афицеров. А после того по проведении Иртышской линии и по утверждении киргисцов к Российской стороне в доброжелательство, например лет с тридцать начали селитя для содержания вышеписанной Томского ведомства из разных слобод крестьяне».*

Автору сообщения неизвестны ни точная дата основания форпоста, ни его первоначальное название. Вдвое преувеличена численность гарнизона, такой не наблюдалось здесь даже в периоды обострения пограничной обстановки, так как в имевшихся крепостных казармах на постоянное обитание не без тесноты смогло бы разместиться не более полутора сотен казаков. Но главные задачи «воинской команды» определены верно: обеспечение всех видов сообщения и его безопасности на закре-

Герард Фридрих Миллер

пленном участке дороги и защита ясачного населения от кочевников. Кроме того, подтверждается и факт позднего заселения форпоста и его окружи.

Однако вернемся к хронологии. Так 1722 или 1725? И существуют ли другие подтверждения или опровержения одной из этих дат. Не буду утомлять историей своих долгих изысканий, их главный итог таков (каждому, кто сможет его доказательно

оспорить или противопоставить свой вариант, буду только благодарен): самое раннее упоминание о 1722 годе как годе основания барабинских пасов принадлежит не кому-нибудь, а самому «отцу сибирской истории» Герарду Фридриху (в русском миру – Федору Ивановичу) Миллеру. В 1760 году им была опубликована большая статья под названием «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская». В самом начале своего повествования он сообщает следующее: *«Я нашел в Тобольской архиве подлинники о некоторых здесь упоминаемых происхожденииях. О сих я, едучи вверх по реке Иртыше в 1734 году, простран-*

нее наведывался, дабы обо всем обстоятельнейшее и достовернейшее получить известие. Я нашел таких людей, которые всему тому, что происходило, очевидные были свидетели. И потому на сем моем объявлении можно утвердиться, хотя не все на письменных доказательствах основано». Вывод: вся хронологическая составляющая миллеровского научного труда заслуживает абсолютно полного доверия.

А далее читаем: *«Река Омь в верхней своей части татарами населена, которые с первого завоевания Сибири Российскому государству дань платят. Их называют барабинцами или барабинскими татарами, потому что тамошняя степь именуется Барабой или Барабинскою степью. Когда еще различные малые тайши, или князья калмыцкие, в степи между Иртышем и Обью реками жили, то сии татары подарками от оных откупались, дабы от них жить в покое и ходить за звериным промыслом беспрепятственно... Но контайша, тайшей сих под власть свою покоривши, оное признал за право, и для того от сих народов требовал ежегодной подати, в чем хотя ему с российской стороны часто выговаривано, однако дань не прекратилась, потому что сибирские начальники были тем довольны, что сии народы за тем не переставали дани своей платить России. Сверх того в Барабинской степи не было таких мест построено, кои бы служили сим татарам к защищению. Земля отверста была частым набегам киргис-кайсаков, которые барабинцев часто грабили, взрослых мужиков убивали, а жен и детей их в плен увозили, ибо малые крепости, Тартаской, Каинской и Убинской Пас, по дороге от*

Тары до Томска в Барабинской степи лежащие, уже в 1722 году построены...». Так что можно считать это первоисточником, а что стало с документом, выписку из которого использовал Г. Ф. Миллер, догадаться нетрудно: архив, в котором он хранился вместе со множеством других бесценных манускриптов, погиб почти тридцатилетие спустя после публикации статьи в адском пламени великого тобольского пожара.

Весьма отрадное событие произошло в 1773 году, в свет с посвящением императрице и наследнику вышло первое отечественное справочное издание «Географический лексикон Российскаго государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочия достопамятные места обширной Российской империи...». Хотя основным составителем словаря указан коллежский асессор и верейский воевода Ф. А. Полунин, на титульном листе значится и еще одно имя: «...с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный, трудами и с предисловием ... (следует длинный перечень чина, должности, ученой степени и почетных академических званий – *авт.*) Герарда Фридерика Миллера». Как видим, и здесь приложил руку Федор Иванович, наверняка написавший некоторые статьи и, прежде всего, о Сибири, в знании истории которой ему не было равных.

Не исключено, что его перу принадлежит и самое первое, предназначенное уже более широкой читательской аудитории и утвердившее в сибирской хронологии еще одну достоверную дату, очень краткое сообщение о пред-

тече нашего города. Вот оно: *«Каинской пас – небольшая крепостца Сибирской губернии, Тобольской провинции, на Барабинской степи, построена в 1722 году, при реке Каинке, впадающей в реку Омь, от Тартасскаго паса 115 верст, от Тары 337 верст. Хотя сие место и в Тарском уезде лежит, однако по находящемуся в ней гарнизону зависит от города Томска»*. Явный анахронизм: хотя к моменту издания лексикона Каинский пас уже давно прекратил свое существование, а гарнизон его был тогда же расформирован, о них говорится в настоящем времени. Такое впечатление, что это перенесенная сюда без редакторской правки давняя запись, сделанная еще во времена миллеровских сибирских странствий, в связи с которыми мне вспомнился один курьез...

В год пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции районная газета «Трудовая жизнь» порадовала читателей серией очерков об истории Каинска – Куйбышева. Публикации такого рода, основанные на местном материале, появлялись в периодической печати крайне редко и поэтому всегда вызывали большой интерес. Номера таких газет или вырезки из них сохранялись не только в школьных музеях, но и в домашних архивах. Новая публикация, ставшая почти сенсацией, была тепло принята куйбышевцами, и то, о чем она поведала, обрело статус не подлежащей сомнению исторической истины и, как говорится, ушло в народ. Хотя многое уже и тогда вызывало сомнения. Увы, о полной достоверности этой «эпопеи» говорить не приходится, так как автор, один из мэтров местной журналистики, при описании некоторых событий прошлого,

о которых имел смутное представление, давал полную волю своей фантазии, скатываясь порой до элементарного вранья.

Самый яркий пример. Рассказывая о знаменитостях, в разные времена посетивших наш город, он упоминает и Г. Ф. Миллера, но как... *«С чванливостью русского царедворца держался ехавший на окраины Сибири немецкий ученый на русской службе Г. Ф. Миллер. Он побывал в нашем городе задолго до Палласа и Гумбольдта. Задумав написать “Историю сибирского царства”, Миллер в марте 1733 года в сопровождении большого числа помощников, ...долго жил в городе, сняв несколько квартир... Хотя сам Миллер хорошо говорил по-русски, все же предпочитал даже к хозяевам квартир обращаться через переводчика. Отдавая должное сибирской кухне, он тщательно записывал рецепты блюд и кушаний».*

К стилю особых претензий нет, что же касается содержания, то ляпы здесь просто чудовищные.

Первое. Назвать Г. Ф. Миллера «царедворцом» в любом из двух значений этого слова нельзя. Ни в какой должности двадцативосьмилетний профессор истории при монаршем дворе не состоял и особой, приближенной к нему, тоже не был и быть не мог. В имперской сословной иерархии ученые, даже самые именитые, прославленные своими открытиями, по сравнению с истинными царедворцами, знатными дворянами-вельможами, занимали весьма скромное место.

Второе. О чванстве. Тоже выдумка. Никаких свидетельств, подтверждающих это, современники не оставили. Твердо отстаивая свою точку зрения в научных спо-

рах, Г. Ф. Миллер был в то же время чужд высокомерия, сдержан в эмоциях, официально учтив и тактичен не только с коллегами, но и за пределами профессионального общения. Налицо и такая его черта, как скромность. За подтверждением далеко ходить не надо: в предисловии к вышеупомянутому «Лексикону» он счел нужным особо отметить следующее: *«Коллежский асессор, а ныне в городе Веряя воевода, Федор Афанасьевич Полунин, первый есть этой книги сочинитель...»*. Исследовательская дотошность, феноменальная работоспособность и широчайший диапазон научных интересов – наличие этих качеств у Г. Ф. Миллера настолько очевидно, что не требует доказательств. Об итогах своего титанического труда на благо российской науки он поведал сам в «Описании моих служб».

Третье. О каком городе, о каких съемных квартирах и эксклюзивных «рецептах блюд и кушаний» сибирской кухни могла идти речь, если в месте нынешнего расположения Куйбышева в то время гуляли степные ветры и кроме Каинского паса и разбросанных по округе татарских аулов других населенных пунктов вообще не было.

Четвертое. С хронологией тоже непорядок. В Сибири ученый появился не в 1733 году, а годом позже, приехав в Тобольск в январе 1734 года.

И последнее, самое убийственное. В Барабе, а стало быть и в трех ее пасах, Г. Ф. Миллер никогда не был, так как его маршрут на восток проходил гораздо южнее, через линию верхнеиртышских крепостей и Колыванско-Воскресенские заводы, а для возвращения он избрал водный путь от Томска до Тобольска. Такая вот псевдонаучная

фантастика на газетной полосе. Но совсем не упомянут в ней тот, кто действительно не только побывал в наших местах в июне 1741 года, но и подробно их описал, – тоже выдающийся ученый, друг великого историка и его соратник по экспедиции Иоганн Георг Гмелин, с которым чуть позже мы познакомимся поближе...

Сегодня общеизвестно, что свое первое название, Каинск, наш город унаследовал от военного укрепления, сначала именовавшегося «пасом», а затем «форпостом», иногда Каинским, иногда Каинским Барабинским, иногда Барабинским Каинским, и располагавшимся в непосредственной близости от впадения в Омь ее притока – крохотной речушки Каинки, бравшей свое начало из располагавшегося неподалеку озера Кайлы. Томские казаки, строившие пас, люди бывалые, не нарушив давней традиции русских первопроходцев ставить остроги и крепости в устьях рек, выбрали место самое что ни на есть «угожее», достаточно высокое, чтобы не опасаться паводка, прикрытое с севера крутым обрывистым берегом Оми, а с востока – глубоким руслом ее притока. Так что, кроме рукотворных рва и вала, рогаток и надолб, крепость имела с двух сторон на случай возможной осады еще и надежную естественную защиту. Обилие березового леса позволяло не знать нужды ни в материале (хоть и невысокого качества) для строительных и ремонтных работ, ни в дровах, а окрестные охотничьи и рыболовные угодья сулили постоянный «приварок» к скудному, нерегулярно выплачиваемому «государеву жалованию». После разметки, производившейся с помощью веревок и колышков, в первую очередь возводились крепостные стены, внутренние де-

ревянные строения, по окончании этих работ переходили к установке дополнительных наружных средств защиты. Небольшие укрепления, подобные барабинским пасам, при достаточном числе служилых людей благодаря их сноровке и стремлению как можно быстрее обеспечить себя укрытием от непогоды и внезапного нападения противника сооружались и обустраивались сравнительно быстро, а поскольку в 1722 году все три крепости уже значились как действующие, так, видимо, обстояло дело и в данном случае.

То, что пас получил имя притока, явление для Сибири весьма распространенное, и примеров этому – достаточно: Усть-Тартасский пас (Тартас), Омск (Омь), Томск (Томь), Тюмень (Тюменка), Тобольск (Тобол), Нарым (Нарымка), Иркутск (Иркута), Селенгинск (Селенга). Закрепившись за возникшей на месте бывшего форпоста слободой, это название затем и перешло к городу, носившему его более полутора веков. Многим, прежде всего – россиянам-европейцам, оно казалось более чем странным, вызывая у всех, не посвященных в тонкости местной топонимики, вполне определенные ассоциации или заставляя их теряться в догадках и домыслах. Например, известный писатель Е. И. Замятин, избрав местом действия своего рассказа «Русь» вымышленный город с не очень благозвучным названием, как бы оправдывая свою художественную вольность, писал: «...ведь есть даже Каинск».

Но полной неосведомленностью, буйством фантазии и крайней некомпетентностью рассуждений на эту тему всех, наверно, превзошел И. И. Завалишин, назвавший Омь судоходной и начавший рассказ о Каинске в своем

«Описании Западной Сибири» с такой фразы: *«Этот город построен был под именем „Каинского носа“ (некритично воспринятая опечатка в одном из цитируемых им изданий: вместо «пас» – «нос» – авт.) в 1722 году для защиты первых русских здесь заселений (коих здесь в те годы не было еще и в помине, а одной из главных функций гарнизона была охрана ясачных татар-барабинцев – авт.) от хищнических набегов приалтайских калмыков (в большей степени киргиз-кайсаков – авт.)»*. Его бойкому перу принадлежат и такие строки: *«Но отчего же этот несчастный и немывый городишко прозвали «Каинском» и даже «Каинским носом», когда окрест его все селения носят чисто русские прозвища (Антошкино, Покровское, Седова и др.)? От библейского ли Каина, либо от знаменитого Ваньки-Каина, московского сыщика, мудреные похождения которого услаждают доселе печатно наше простолудие – этого мы не можем здесь добиться?»*

После такой вот предпосылки И. И. Завалишин делает совершенно обескураживающее предположение, намекая на иудейские корни столь загадочного наименования: *«Всего вероятнее, что здесь 50 или 60 лет тому назад (книга издана в 1865 году – авт.) была еще «дальняя Сибирь», которая отодвинулась теперь к Иркутску: то есть глушь да дичь, и правительство считало возможным ссылать сюда на поселение евреев»*... Евреев в Каинск из западных местечек Европейской России действительно ссылали, в основном за контрабанду и порой в немалом количестве, и многие годы он, где иудейская община по ее доле в численности городского населения была одной из крупнейших в Сибири, являлся для них

своеобразной «чертой оседлости». Но каким образом исторически и этимологически можно связать сей факт с именем города? На этот счет – никаких аргументов или объяснений, что можно считать прямым подтверждением тенденциозной надуманности и абсолютной абсурдности этой «гипотезы». Добавим также, что ни ветхозаветный первоубийца Каин, из черной зависти лишивший жизни брата своего Авеля, ни упомянутый выше криминальный авторитет елизаветинской эпохи, вор, разбойник, провокатор Ванька Каин по тем же причинам здесь тоже совершенно ни при чем. Это тоже полнейшая чушь.

А вот самих каинцев название города и уезда несколько не смущало, так как они, вероятно, в большинстве своем, как сейчас принято говорить, были в теме. На хранящемся в ГПНТБ СО РАН втором томе завалишинского трехтомника «Описание Западной Сибири. Томская губерния», попавшем в библиотеку из частного дореволюционного собрания, возмущенный столь вопиющим невежеством автора, бывший владелец книги раздраженно начертил: *«Каин – береза! Там, где город, до сих пор есть березовая роща. От слова Каин (тюркское слово) и название города – Каинск. А. Анохин»*. Оказывается, все просто. И по-русски мрачноватые названия, конечно же, звучали бы совсем иначе: речка Березка, город Березовск. Но переименования по какой-то причине не произошло, может быть, потому, что уездный город со схожим наименованием в Сибири уже был – Березов. Попутно следует также отметить, что вполне имеет право на существование и еще одна версия. По мнению ее сторонников исходным можно считать и кетское слово «кай» (лось), во

множественном числе – «каин» (лоси). Такое толкование тоже уместно и вполне органично сочетается с первым, особо ему не противореча: в березовых лесах в окрестностях Оми и Каинки лосей в былые времена водилось немало.

Кстати, не только И. И. Завалишин стал жертвой нелепой опечатки – «Каинский нос». Спустя два десятка лет сей ляп повторил в своих «Исторических сведениях о заселении и географическом обзоре Томской губернии» член губернского статистического комитета надворный советник А. И. Лучшев, которому как важному чину и к тому же сибиряку это было уж совсем непростительно. А впервые такая ошибка появилась в одном из старых справочных изданий, видимо, при печатном наборе рукописного текста. И вызвана она, на мой взгляд, как возможной неразборчивостью почерка автора статьи, так и загадочностью термина «пас», единственного в своем роде и применительно к другим фортификационным сооружениям нигде более не встречающегося, нет его толкования и в отечественной литературе – ни в исторических трудах, ни в словарях и энциклопедиях, ни в дореволюционных, ни в современных.

Можно было бы предположить, что это измененное в повседневном обиходе слово «пост», которое потом вполне естественно вошло составной частью в более позднее наименование – «форпост». Но тогда почему «пас», а не «острог», как, например, Умревинский, Бердский или Чаусский? Невозможно было ответить на этот вопрос, не зная, как выглядел Каинский пас, так как его единственное обстоятельное описание около двух с

половиной веков с момента появления в печати оставалось неизвестным тем, для кого оно могло бы представлять особый интерес. Впрочем пора воздать должное автору подробной информации не только о Каинском, но и об Убинском и Усть-Тартасском пасах. Ею мы обязаны уже упомянутому выше Иоганну Георгу Гмелину. Кроме фундаментального труда о сибирской флоре, увековечившего его имя, он опубликовал в 1751–1752 годах, уже находясь в Германии, и свои экспедиционные дневники, составившие четыре тома общим объемом около двух с половиной тысяч страниц и получившие название «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 год». С присущей ему скрупулезностью, день за днем, он обстоятельно фиксировал в них абсолютно все, что, на его взгляд, заслуживало внимания даже при кажущейся малозначительности некоторых объектов и явлений, создав эпическую панораму своих десятилетних сибирских странствий общей протяженностью свыше тридцати четырех тысяч километров.

Термин «пасс» (так в оригинале, с удвоенным «с», в буквальном переводе – «проход») тоже заинтересовал И. Г. Гмелина своей уникальностью. Отметив, что до Барабы ничего подобного ему нигде не встречалось, он попытался по-своему объяснить его происхождение и значение, и с рассуждениями этими, скорее всего, следует согласиться. Наличие удвоенного «с» вопреки привычному для нас написанию слова «пас» не случайно, так как указывает на его прямое родство с глаголом *passieren*, которому оно, скорее всего, и обязано своим происхождением, так как из восьми его основных значений, употребляющихся с

Иоганн Георг Гмелин и его книга

одинаковой частотой, три (проезжать, проходить, пересекать,) абсолютно соответствуют гмелинской версии. Согласно ей, три опорных пункта – Усть-Таргасский, Каинский, Убинский, как бы пересекая Барабу, представляли собой нечто единое целое, связанное общими функциями – оборонительной и коммуникационной.

«Я думаю, – пишет он, – название это произошло от того, что каждому проезжающему по Барабе придется обязательно проследовать через эти места (den Wachtposten passieren – пройти охранников). Назначение их – защита от мародерствующих киргис-кайсаков не только дороги на всей ее протяженности, но и всех селений на западной стороне Оби». А еще своим особым именем, считал И. Г. Гмелин, пасы-побратимы обязаны

их главным отличиям от прииртышских и приобских острогов и в способе возведения стен – вместо вертикальной установки (тына) – горизонтальная укладка древесных стволов (заплот), и в окончательном виде этих строений, внешне напоминавших крепости. Такая конструкция была вынужденным вариантом, следствием отсутствия в Барабе хвойного леса. А имевшаяся в обилии малорослая и тонкоствольная береза с подверженной быстрой порче древесиной как строительный материал годилась разве что для временных летних острожков, но не для долговечного острога. *«Если бы на Барабе было в достатке добротного строевого леса, – заключает по этому поводу И. Г. Гмелин, – то здесь наверняка строили бы только остроги, так как они более надежны для отражения нападений Казачьей Орды»...*

...С 1 января 1700 года Сибирь, как и вся Россия, начала жить по юлианскому календарю. Переход на новое летоисчисление стал как бы предвестием грядущих перемен, которые будут сопровождаться революционной ломкой патриархального уклада и насаждением, подчас насильственным, различных новшеств во многих сферах жизни, но почти не затронут пока еще незабываемых основ феодализма. А сибирскими делами по-прежнему ведал Сибирский приказ, с 1706 года его возглавил уже заслуживший успешным выполнением многих поручений самодержца его особое доверие князь Матвей Петрович Гагарин, знавший обширный край не понаслышке, так как уже успел ранее, в 1691–1695 годах, побывать иркутским и нерчинским воеводой. А после учреждения губерний, с 6 марта 1711 года, он уже будет официально именоваться

сибирским губернатором, при этом оставаясь «начальным человеком» еще двух приказов и московским комендантом и бывая в своей гигантской «епархии», раскинувшейся от Вятки и Соликамска до Камчатки, наездами. Литература о М. П. Гагарине, личности яркой и трагической, весьма обширна и представлена и научными исследованиями, и беллетристикой, много и электронных публикаций, что избавляет меня от необходимости подробного рассказа о нем.

Вот как описывает первое прибытие М. П. Гагарина в сибирскую столицу 8 октября 1712 года тобольская летопись конца XVII и начала XVIII века: *«...по указу Великого Государя, приехал с Москвы в Тобольск сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин; при нем дьяк, офицеры, драгуны и солдаты. Из Туринска плыли рекою до Тобольска на четырех дощениках; под его светлостью дощеник обит красными сукнами весь, и на оных дощениках поставлены знамена и пушки. И в Тобольске, и на Тюмени, и в Туринске встреча ему была зело изрядна. Стрельба из пушек была немалая, и на приезд во всех городах своей губернии жаловал всяких чинов людей государевым жалованьем, прибавочными и вновь окладами и чинами, и государевым погребом питьем многим. А в Тобольске приказную палату приказал писать: большая канцелярия; а для управления велел быть в канцелярии (следует список назначенных на главные должности – авт.); и с приезде его губернаторского во всяких сибирских городах велено прежних воевод писать комендантами». Великолепный зачин, многолетние и плодотворные, хотя и не без лукавства и личной корысти, труды и заботы и страшный финал.*

Из дневника голштинского камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца (запись от 18 июля 1721 года): *«...После обеда, я ездил с некоторыми из наших в русскую слободу смотреть князя Гагарина, повешенного недалеко от большой новой биржи ... за страшное расхищение царской казны. Лицо преступника, по здешнему обычаю, закрыто платком, а одежда его состоит из камзола и исподнего платья коричневого цвета, сверх которых надета белая рубашка. На ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту он очень небольшого... Он был одним из знатнейших (один из рюриковичей – **авт.**) и богатейших вельмож в России»*. По злой иронии судьбы, это единственное описание внешности первого сибирского губернатора, ни одного его портрета не найдено до сих пор. Скорее всего, все они были уничтожены или по воле императора, или их владельцами из боязни за сохранение оных попасть в опалу...

В 1713 году М. П. Гагарин предпринял решительную попытку покончить с двоеданством барабинцев и пресечь посягательства джунгар на саму Барабу. Посольство, которое он направил к тогдашнему контайше Цэвану-Рабдану, возглавил тарский казачий голова Иван Дмитриевич Чередов, получивший для вручения «зюнгорскому владельцу» официальное послание губернатора, а также подробные устные инструкции. Приехавшему в Ургу, где находилась ставка контайши, 27 октября 1713 года, российскому послу в обстановке полного безразличия к его прибытию пришлось целый месяц дожидаться приема у контайши, который явно не был расположен к конструктивному разговору, и потому ничего внятного по суще-

ству поставленных вопросов сказано не было. А следующие переговоры состоялись только через три месяца, 29 февраля 1714 года. На них И. Д. Чередов еще раз озвучил содержание гагаринского письма, потребовав, *«чтоб он, контайша, с барабинцев алману брать и к ним для того своим калмыкам приезжать и тем российской стороне обиды чинить не велел, понеже они исстари подданные российские и ясак в Россию платят, и земля, на которой живут, российская, а калмыки их принимали в измене, чего было им не надлежало, и барабинцы в той своей вине великому государю уже били челом (речь идет о «барабинской смуте» 1628–1635 годов – авт.)»*.

Контайша и присутствовавшие на встрече зайсаны претензии российской стороны напрочь отвергли, выдвинув смехотворные контраргументы, основанные на якобы этническом родстве барабинцев с ойратами. Дословно: *«...барабинцы с косами и с залами – контайшины ясашные люди издавна, но улус ево был в дальнем расстоянии, а Тарской город был близ Барабы, и ясак с барабинцев стали брать насильно»*. В переводе: барабинцы, так же, как и калмыки, носят косы и такие же головные уборы, поэтому они исконные данники контайши. Более того, расширились и территориальные притязания джунгар. В ответном письме Цэван-Рабдан писал, что *«города Томск, Красноярск и Кузнецк на ево контайшиной земле построены, долой буде снесены не будут, то их ... пошлет взять»*. Таким образом, миссия И. Д. Чередова завершилась полной неудачей, как, впрочем, и последующие попытки дипломатическим путем решить наболевший вопрос.

Оставалось одно: брать барабинские волости под постоянную военную защиту. Однако реализовать этот замысел М. П. Гагарин не успел: энергичный и предприимчивый, многое, по мнению историков, сделавший за годы своего правления важного и нужного, верховный правитель Сибири в 1719 году был отозван в Санкт-Петербург и там арестован. Следствие длилось почти два года. Суть обвинений, предъявленных Матвеем Петровичу, раскрывает его покаянное письмо, адресованное императору. Он сознавался, что *«правил Сибирской губернией и делал многие дела непорядочно, не приказным поведением, тако ж многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал, что и не надлежало, и в том погрешил перед Вашим Величеством, и никакого ни в чем оправдания, кроме винности своей, принести Вашему Величеству не могу»*... Он униженно просил царя проявить милосердие и позволить ему остаток дней провести в монастыре, чтобы замолить грехи. Но список гагаринских прегрешений, выявленных в ходе долгого и тщательного следствия, оказался столь внушительным, что император, в своем державном рдении не пощадивший и собственного сына, проявил монаршую непреклонность: 16 марта 1721 года М. П. Гагарин был казнен, и не только за «страшное расхищение царской казны». В обвинении, предъявленном Матвеем Петровичу по итогам следствия и состоявшем из пятнадцати пунктов, ему наряду с казнокрадством и мздоимством, которыми, кстати, грешили и другие «птенцы гнезда Петрова», инкриминировались преступные замыслы и деяния куда более тяжкие... Он, например, обвинялся в том, что имел намеренье поднять в Сибири бунт и

провозгласить себя ее государем, для чего, без насущной необходимости создавая новые формирования, постоянно увеличивал численность регулярных войск, оснащая их артиллерией и боеприпасами и поставив под командование пленных шведских офицеров. Наличие только одного такого «прожекта» бывшему «ближнему боярину» уже не сулило ничего иного, кроме плахи или петли. Выпало второе: считавшийся самым позорным вид казни, которым чаще всего каралась государственная измена, — повешение.

...Весной 1719 года Петр Алексеевич, считавший важнейшим направлением своей восточной внешней политики укрепление дипломатических и торговых связей с Китаем, принимает решение направить туда очередное посольство, поскольку все предыдущие в связи с крайней несговорчивостью в разрешении всех спорных вопросов и непомерными территориальными притязаниями пекинских властей успеха не имели. Все еще не была окончательно утверждена межгосударственная граница, не было достигнуто договоренности о беспрепятственном пропуске на китайскую территорию караванов с русскими товарами, планировалось также произвести обмен консулами и получить разрешение на строительство православной церкви в китайской столице. 15 июля того же года миссия, имея при себе строжайшее предписание императора об оказании ей всеми органами управления в местах следования всяческого содействия, отправилась в путь.

В Тобольск посольство прибыло 16 декабря и, встретив там новый год, 19 января 1720 года достигло пределов Барабы, поразившей россиян-европейцев, впервые

оказавшихся здесь, азиатской дикостью и почти полным безлюдием снежных просторов. Основной состав делегации был немногочисленным, возглавлял ее в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра лейб-гвардии Преображенского полка капитан Лев Васильевич Измайлов, его сопровождали секретари посольства Лоренц Ланг и Иван Глазунов, дворяне посольства Николай Павлов и Василий Грушецкий, а также переводчик Иван Кременовский, лекарь Джон Белл, подьячий Андрей Грязев, геометры Федор Балуев и Михаил Игнатьев, художник и гравер Георг Унферцагт, унтер-офицер от гвардии князь Александр Засекин с тремя солдатами Преображенского полка Яковом Зубаревым, Лукьяном Нестеровым, Алексеем Дивовым и священник из Тобольской епархии. По маршруту, близкому к тому, каким в будущем пройдет Московский тракт, царский посол и его свита, предупрежденные о возможности нападения южных кочевников, следовали к Томску под охраной тридцати драгун и отряда сибирских казаков.

Как отметил в своем дневнике шотландец на русской службе Джон Белл, расставшись с последней деревенькой в полусотне верст от Тары, на всем огромном пространстве вплоть до Чаусского острога (нынешней Колывани), располагавшегося за восточной окраиной Барабы, они не встретили ни одного русского поселения и только за Обью оказались в «обитаемой россиянами стране», где смогли пополнить запасы провизии и сменить лошадей. Путь от Тары до Томска через Барабу по метельному бездорожью, в морозы и бураны, занял почти месяц, останавливаться на отдых и ночлег приходилось в татарских

улусах. Радушно принимая высоких гостей, барабинцы не переставали жаловаться на постоянные поборы со стороны джунгар, но больше всего на разбойные набеги киргиз-кайсаков, нередко сопровождавшиеся не только грабежом, но и кровопролитием.

«Уверяют, – заключил по этому поводу Джон Белл, – что ни в одной стране, лежащей по китайской дороге, не причиняется более грабительства, как по сей Барабинской степи». Это, хотя и более образно, подтверждает в своих записках и его спутник Георг Унферцагт: *«Им (барабинцам – авт.) трудно существовать по соседству с казахскими татарами, иначе называемыми Казачьей Ордой. Последние ежегодно совершают набеги и забирают все подчистую: мужчин, женщин, детей, скот, съестные припасы. Русские, как защитники барабинских татар, посылают, правда, иногда погоню за казахами, но что толку! Ничего не помогает. Они, как ястреб, который летит и в ярости на глазах у курицы забирает ее цыплят, а она им ничем не может помочь. Эти казахи подобны разбойникам, которые кормятся тем, что продают добычу то одному, то другому».*

Киргиз-кайсаки уже многие годы были проклятием Барабы. Пресекать их лихое действо было очень трудно, так как появлялись они неожиданно и так же стремительно исчезали с захваченной добычей, уходя от погони на привычных к бешеной скачке конях своими тайными, давно проторенными путями, и нередко, чтобы скрыть следы своего бегства, поджигали за собою степную траву. Такая освоенная в совершенстве тактика весьма затрудняла их преследование, особенно, когда весть об очередном на-

лете приходила с сильным запозданием. Унферцагт был не совсем прав, говоря о якобы полной безнаказанности лихоимцев, так как ответные карательные рейды нередко бывали удачными. Настигнув разбойную шайку, тарские казаки не знали пощады: отбивали награбленное, сопротивлявшихся уничтожали, сложивших оружие потом обменивали на томившихся в киргиз-кайсацком плену, захваченных ранее русских крестьян или ясачных ино-родцев.

...13 марта 1721 года, в первый день приезда в Барабу, руководитель первой научной экспедиции в Сибирь, приглашенный в Россию самим императором, Даниил Готлиб Мессершмидт и его спутники сделали остановку в ауле Чинай Тунусской волости. *«Хозяин наш, у которого мы остановились, – сообщает путешественник, – прошлым летом был взят в плен Казачьей Ордой и освобожден совсем недавно путем обмена на киргиз-кайсака, находившегося в Тобольской тюрьме. Мы спросили его, как произошло похищение. Он ответил, что прошлой весной киргиз-кайсаки кочевали по Барабе. И когда их семья, он, жена и дети, перебиралась для рыбной ловли с озера Уй-гуй на озеро Тайкуль, то все они были пойманы появившейся там группой всадников. Захватив их и посадив на лошадей, похитители вернулись степью к Иртышу, где в одном дне пути от Омского острога переправились через реку на маленьких плотах. А оттуда шесть дней скакали галопом до реки, называемой Торгай, пока не добрались до своей орды».*

Лукавой и недоброй соседкой оказалась и Джунгария. Неискренность ее заверений в миролюбии проявилась

еще при основателе ойратского государства контайше (хунтайджи) Эрдени-Баатуре, обещавшем не допускать набегов на русские земли. Однако вскоре, убедившись в том, что потворствовать его имперским амбициям Россия не собирается и рассчитывать на нее как на военного союзника не приходится, объявил Барабу местом традиционных калмыцких кочевий, реку Омь северной границей джунгарских владений, а всех живущих в ее степном левобережье своими исконными подданными и возобновил сбор дани с барабинских татар, за которой ежегодно приезжали специальные сборщики.

По свидетельству Д. Г. Мессершмидта, во время пребывания их экспедиции в Барабе в марте 1721 года, ясак и алман с соплеменников для последующей передачи русской администрации и калмыцким посланникам собирали волостные князцы, *«эту дань они отдают правой рукой царю, а левой рукой контайше, три рыжие лисы с человека русским и две таким же образом калмыкам»*. Но поживиться за счет барабинцев была непротив и джунгарская знать калибром помельче. А преемники Баатура, погрязшие в междуусобных разборках и оказавшиеся куда более слабыми как верховные правители, так и не смогли добиться беспрекословного подчинения да особенно и не старались обуздать алчное своеволие многочисленных тайшей, кочевавших по землям, прилегающим к Барабе, и нередко вторгавшимся в ее пределы.

О том, как далеко забредали в глубь нынешнего Куйбышевского района разного рода «добытчики», можно судить по отрывку из ниже цитируемого документа. Об одном из таких нападений упоминает в датированной

апрелем 1708 года челобитной Петру Первому с описанием своих служб тарский пятидесятник «литовского списка» Иван Гаврилович Немчинов: «...*Да в 7201 (1693) году приходили под Тарской город на Барабинские волости калмыцкой Ирке Дайжин тайша со многими воинскими своими людьми и многих ясаиных татар побили, жен их и детей в полон побрали ж. И на тех калмыцких воинских людей по великому государеву указу была ратнем людем высылка и я, раб твой, посылан был же и изошед тех воинских людей в Тарском уезде на Оме и Каме реках ... и Божию помощью, а Вашего величества счастием и высокою рукой бой чинили, бились день до вечера, Ирке Дайжина тайшу с поля збили и многих калмыцких воинских людей побили и татарской полон весь отбили...*» Место этого сражения с подписью «Побоище Ирки Данжина» отмечено на чертеже Барабы в «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова. И таких стычек, спровоцированных набегами, было немало, но масштабных военных действий не предпринималось. Вынужденная сдержанность тобольской и тарской администрации отражала позицию центра, которая оставалась в отношении южных недругов неизменной из опасения их ответного массового нашествия, которому не смогли бы противостоять малочисленные гарнизоны сибирских городов.

Однако барабинцы не были оставлены на произвол судьбы, для охраны их от киргиз-кайсацких набегов и грабительских вылазок некоторых калмыцких князцов (об одной из них сказано выше), нарушавших волю контайши, запрещавшего какие-либо дополнительные побо-

ры помимо своего ежегодного алмана, в Барабе с ранней весны до первых морозов несли «береговую» (от слова «беречь» – *авт.*) службу, считавшуюся одной из наиболее важных, тарские конные и пешие казаки, и «сыны боярские», и рядовые. И не было среди них ни одного, кто хоть бы раз там не побывал, а многие – неоднократно. Чтобы вспомнить их поименно, заглянем в разборную (переписную – *авт.*) книгу служилых людей 1689 года, где по каждому из них барабинские «посылки на береженье» учтены особо.

Автор процитированной ранее челобитной И. Г. Немчинов здесь еще молод, вот что о нем сказано: *«Ивашка Немчинов в литовский список верстан на Таре при воеводе князе Федоре Мещерском во 7181 (1673) году. А оклад ему жалованья денег 7 рублей с четью, 2 пуда соли, за хлебное жалованье служит с пашины. А служб ево в тех годех было в барабинския волости на береженье посылан трижды да с воеводою с Иваном Суворовым посылан был в Томской и ис Томского в степь на кыргыз и на той же службе ранен...»*

Сын боярский «Иван Семенов сын Горбунов» вместе со многими своими сослуживцами участвовал в одном из наиболее крупных сражений с калмыками, *«как приходил воевать Барабинскую волость (в 1664 году – авт.) Урлюков сын Лоузан тайша, и на той службе он Иван мужика убил, а на бою ранен. Он же послан был на береженье в Барабинскую волость двою».*

А в послужном списке другого ветерана Кирилы Заливина Бараба упоминается через строку: 1664 год – участие в уже упомянутой жестокой схватке с калмыками, в

том же году «был в Барабинской волости для оберегания ясашных тотар от воинских людей и в деревне у князца Итбыги острожек поставил», в 1666 – там же, с той же миссией, в 1670 – «посылан был в Барабинскую, в Чойскую, в Теренинскую, в Турашскую, в Любайскую, в Тунускую волости для переписки ясашных тотар в ясак», а в 1673 году ездил в Тунусскую волость, чтобы принять присланного туда иноходца – подарок тайши Чокура царю Алексею Михайловичу.

Хотя я решил назвать только тех, кто побывал в барабинских командировках не менее четырех раз (если помянуть каждого, кто там отметился, пришлось бы переписать почти всех), список все равно получился внушительным (сохранена орфография оригинала). Четыре раза были посланы в Барабу на береженье сотник Василей Новоторженинов, десятники Ивашка Тулянинов, Ондрюшка Саботов, Митка Тороторин, Ивашка Панкратев, Ганка Тулянинов, Богдашка Буш и Васка Козанцов, а также Федка Копейкин, Савка Костерин, Ивашко Микулаев, Ивашко Кузнецов, Ивашко Кубрин, Ондрюшка Кузлякин, Матюшка Трешеткин, Ивашко Казанцев, Ивашка Сотонин, Васка Козанцов, Микишка Лядной, Вавилко Щеглов, пять раз – десятник Пронка Тайша, Андрюшка Перфильев, Ондрюшка Беляй, Агафонко Ставский, Лучка Мамизерев, Федка Серебреников, Ивашко Венгринов, Митка Самсонов, шесть – Ивашка Филимонов, Ивашко Плотников, Андрюшка Перфильев, Якунка Бутаков, Васка Перфильев, Петрушка Ивановской, Ондрюшка Плотников, Федка Самсонов, Федка Перфильев, Мишка Козин, семь – Мишка Волокитин, Мишка Пельымской, Васка

Якимов, Офонька Фролов, восемь – Любимко Немчинов, девять – Петрушка Кузнецов. Хотелось бы назвать и еще одного служивого, хоть его «береговой» стаж скромнее: Илюшку Мамизерова, который «в барабинские волости посылан на береженье трижды и в тех посылках три городка острожки ставил».

А имя того, на кого тобольская администрация возложила выполнение поручения государственного значения, в поврежденной именно в этом месте рукописи, к сожалению, не сохранилось. Этот имярек «в 7191(1686) году посылан в барабинские ... шесть волостей как подаривал Господь Бог на Российское государство Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев и ясаиных татар на их Великих государей имя привел по их вере к шерти (шертовать – присягать, **авт.**)». Тарская разборная книга – ценнейший источник сведений о том, какие службы, где и как несли казаки, она же словесный памятник этим неутомимым труженикам и мужественным воинам, людям, не побоюсь сказать, особой породы, суровой закалки, их готовности и умению стойко переносить все испытания и лишения, которых на долю каждого выпадало с лихвой. Многие из них могли сказать о себе словами из челобитной своего товарища: «И был я, Государь, во всяких Твоих службах и службишках и в пешей, и в конной, и в лыжной, и в стружной, и в пушкарях, и в затинщиках, и у строения острогов, и у сбора Твоего, Государева, ясака, и в толмачах, и в вожсах, и у проведывания новых землиц, и у подведения неверных под Твою высокую руку...».

Суть российско-джунгарских отношений точно выразил П. А. Словцов: как сосуществование «без открытой войны, но не без размолвки». Потому-то в то время как на окраинах Барабы уже имелись оборонительные укрепления (Омская крепость, Чаусский и Бердский остроги), по ней самой, хотя здесь и пролегал кратчайший сухопутный путь в Восточную Сибирь, все еще можно было проехать только в сопровождении воинских отрядов... Проблема назрела, и одной из попыток ускорить ее решение можно считать выступление основателя Омска, подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца, который, 22 января 1719 года докладывая в Сенате о причинах неудачного похода к Ямышевскому озеру, обосновывая необходимость наличия крепости в устье Оми и военных укреплений в Барабе, сказал: *«...они же Казачьей Орды люди в разных местах по той реке (Иртышу – авт.) перебираются на правую сторону выше устья Оми реки и чинят в барабинских слободах иноземцам разорение и берут в полон, ... и скот отгоняют. И тот их помянутой подбег и подьезды окроме того удержать невозможно, разве в крепких присутствующих местах учинить немалое число крепостей и удоволить немалыми воинскими людьми и артиллериею...»*

Не будем более гадать, по чьей воле сие произошло, главное в том, что наконец-то свершилось то, о чем П. А. Словцов счел нужным упомянуть в своем «Историческом обозрении Сибири»: *«...На Барабе опомещаются три укрепления под именем пасов: Усть-Тартасского, Каинского и Убинского, и дорога становится проезжею через острог Чаусский до Томска».* Однако радостное

это событие было омрачено тем, что стряслось одновременно с ним и совсем рядом. В полунинском «Лексиконе» нет объяснения того, почему сооружение Каинского и Убинского пасов на землях Тарского уезда и служба в них были поручены не тарским, а томским казакам с последующим подчинением обоих укреплений Томску, хотя он находился в гораздо большем отдалении, чем Тара, и разница составляла чуть ли не двести верст (для точного сравнения – 337 и 526). Хотя тех, кто нес государеву службу в Сибири, в любой момент могли командировать по той или иной казенной надобности на самые дальние ее окраины, на сей раз посыл иногородних был шагом вынужденным. Сегодня причина этого умолчания известна, за ним – одно из самых трагических событий сибирской истории, и произошло оно в Таре именно весной и летом в год строительства пасов.

Что же случилось в уездном центре? Лаконичный ответ на этот вопрос дает описание Тары 1790 года: «...В 1722 году, егда по указу его Императорского Величества блаженныя и вечно достойныя памяти государя Петра Великого велено было всем российским подданным учинить присягу, тогда последовало от тарских граждан некоторое непослушание и причтено было за бунт...». Краткость и корректность сообщения вызваны тем, что подробности «тарской смуты» тогда таились за семью замками, а следственные материалы хранились в секретных архивах, и эти страшные события долгое время, вплоть до наших дней, представляли собой мало известную страницу сибирской истории, найдя лишь в последнее время наиболее полное освещение в трудах акаде-

мика Н. Н. Покровского. А случай беспрецедентный: из повиновения вышел весь город...

Чем вообще памятен год от Рождества Христова 1722? Прежде всего появлением двух важных документов – «Табели о рангах» (24 января) и «Устава о престолонаследии» (5 февраля). Первый устанавливал иерархию из четырнадцати рангов (чинов) для всех военных и гражданских служащих и в основе своей, с внесением некоторых изменений, просуществовал до 1917 года. Вторым Петр Алексеевич, тяжело переживший все, что произошло с его сыном, царевичем Алексеем Петровичем, пошедшим наперекор планам и делам отца и фактически оказавшимся в стане его противников, решил отменить прежний порядок наследования престола: царствующему императору отныне предоставлялось право произвольного назначения наследника, а его решение являлось законом для всех подданных, обязанных присягнуть новому самодержцу.

Отсутствие в присяге конкретного имени престолонаследника стало поводом для кривотолков, преимущественно в среде «ревнителей древнего благочестия» – старообрядцев. Самые фанатичные из них, пустынники и странники, имевшие давнее и глубокое влияние на тарских горожан, и служилых, и посадских, настойчиво убеждали их, что давать клятвенное обещание неведомо кому (чье имя даже не может быть названо) значит присягнуть самому «антихристу» и тем самым, совершив великий грех, обречь душу на вечные муки. Раскольники и тайком, и открыто призывали отказаться от присяги и цели своей в конце концов достигли. А возглавил

горожан-«отказников» не раз упоминавшийся, теперь уже командир тарского гарнизона полковник Иван Гаврилович Немчинов.

Однажды тарчане, а заодно с ними и томичи, уже воспротивились государевой воле, отказавшись в 1705 году выполнить царский указ о бритье бород и усов и ношении европейского платья. Тогда им строптивость сошла с рук в виду малой значимости предмета разногласий. Более того, Петр даже сделал уступку, одним из последующих указов позволив «сибирским жителям носить такое платье, какое кто желает». Наивно полагая, что им удастся переупрямить царя и во второй раз, горожане не понимали, что нынешнее непослушание совершенно несопоставимо с предыдущим и может оказаться губительным.

О том, что происходило в те майские дни в городе, говорится в показаниях одного из участников «смуты», полученных во время следствия: *«...Они же, тарские градецкие жители, а имянно полковник Немчинов с товарищи, ссылаясь на прежнюю свою противность и собираясь к нему, Немчинову, в дом толковали о последнем времени и о антихристе и говорили все заодно: прежде де в бородах и платье мы стояли, да худа нам не было. А ныне де постоем по-прежнему, захотят – так дадут нам именного наследника, за кого крест целовать. И для того они, тарчане, другой раз учинились воле и уставу его императорского величества противны, и ко присяге не пошли, отказали на писме с подписанием рук своих...»*. Открыто отказались присягать в общей сложности более 700 горожан. В день приведения к присяге инициаторы протеста вручили «отпорное письмо» коменданту. Зачи-

танное вслух, оно было встречено одобрительным гулом. После тщетных попыток переубедить упорствовавших в своем решении тарчан о чрезвычайном происшествии было сообщено в Тобольск и Санкт-Петербург, где случившееся расценили однозначно: как государственную измену, каравшуюся особенно жестоко. Бунтом было поручено заняться Преображенскому приказу.

Брожение, подогреваемое старообрядческими проповедниками, продолжалось до первой половины июня, пока в Таре не появился посланный из Тобольска карательный отряд численностью в 600 человек, авангард которого оцепил город, имея приказ никого не выпускать. Начались аресты и допросы. Схватить И. Г. Немчинова не удалось. Вместе с семьюдесятью единомышленниками он заперся у себя в доме, через парламентаря сообщив командиру тобольского отряда, что он и его товарищи присягать по-прежнему не намерены, а при попытке штурма покончат с собой, взорвав хранившиеся в погребе казенные пороховые запасы. После долгих переговоров 26 июня сорок девять казаков все-таки сдались властям, а остальные выполнили свое обещание: мощный взрыв превратил немчиновский дом в пылающий факел. Однако все, кто рассчитывал таким образом переселиться в райские кущи, просчитались. Обгоревших и контуженных, их извлекли из огня, в том числе и И. Г. Немчинова, которого сразу же подвергли допросу. Мятежного полковника, вскоре умершего от ожогов, четвертовали, «растыкав» останки по кольям. Выжившим предстояло после мало-мальского оздоровления предстать перед следствием.

Действовавшие вначале по инструкции («не ожесточать, чтобы не разбежались») каратели приступили к массовым арестам и допросам, сопровождавшимся пытками. Начался беспрецедентный по продолжительности и жестокости тарский розыск, за ходом которого пристально следил, пока был жив, сам император. Созданную сенатским указом специальную Тарскую канцелярию розыскных дел возглавил сибирский вице-губернатор А. К. Петрово-Соловово, по отзыву П. А. Словцова – «человек с злою душою, корыстолюбец и сластолюбец», исполнявший свои обязанности с изуверским усердием, используя весь набор средневековых пыток и казней. Сотни тарчан были сечены кнутом «мужеска полу по сту, а женска полу по пятьдесят ударов», редко кто выживал после такой экзекуции. Многие зачинщики и активные участники «смуты» были обезглавлены, повешены за ребро, колесованы, четвертованы, посажены на кол, причем так искусно, что, оставаясь живыми, мучались сутки-двое. Остальных отправляли на каторгу. Одновременно продолжались активные поиски сбежавших «тарских противников», пойманных ожидала та же участь. Кстати, многие из беглецов нашли спасение в самых дальних и глухих местах северной и восточной Барабы.

Раскольников преследовали особенно жестоко. На государственный террор они ответили массовыми саможжениями – «гарями», протестуя также против петровских законов об обязательной исповеди, о введении для старообрядцев двойного, по сравнению с православными, подушного оклада, и поименной переписи всех приверженцев «старой веры». Как крайняя форма протеста

«гари» полыхали и в год подавления тарского бунта, и гораздо позже: их жертвы исчислялись сотнями. Попытки властей предотвратить фанатичное самоистребление физически здоровых, в расцвете лет и сил людей результатов почти не давали. Все готовилось в глубочайшей тайне, и воинские отряды, чаще всего, приходили уже на пепелища. При тогдашнем сибирском малолюдии это было истинным бедствием, с которым могло сравниться лишь моровое поветрие. Культ «праведного огненного вознесения на небеса» оказался живучим, и жуткую хронику самосожжений спустя тридцать с лишним лет пополнила одна из самых крупных сибирских «гарей»: в 1756 году на восточной окраине Барабы, в окрестностях Чаусского острога, приняли мученическую смерть, собравшись вместе в специально построенных избах с обильными припасами горючих материалов, 172 человека – жители деревни Мальцево и некоторые примкнувшие к ним обитатели соседних селений. Меня могут спросить: а какое отношение это страшное массовое самоубийство имеет к тарским событиям? Самое прямое: его организовал старец-расколоучитель Федор Иванович Немчинов, сын главного тарского бунтовщика И. Г. Немчинова...

«Тарский розыск» завершился лишь в 1735 году, оставив по себе страшную память, частично истребив, частично сослав или вынудив к бегству почти все старожильческое население уездного города, который после пережитого потрясения уже так и не смог оправиться. *«В свое время, – говорится в описании 1790 года, – до 500-т домов лучших граждан разорено, и от того времени город Тара прежнего могущества и красоты и многолюдства весьма*

лишился. *И ныне обстоит небольшой или крайне только посредственный город*». Такой трагический финал не может заслонить от нас славного прошлого Тары, с которой наш край связан узами исторического родства, к сожалению, основательно подзабытого...

Нельзя обойти стороной и еще один вопрос. В некоторых публикациях, чаще всего в краеведческих и не только в них, утверждается, что Каинский пас возник не на пустом месте, что ко времени его появления в непосредственной близости и в отдаленной округе уже существовали русские поселения. При этом называются, как правило, без ссылок на документальные источники, конкретные даты основания ныне здравствующих населенных пунктов, восходящие к началу XVIII, а то и XVII века. И на основе этого даже отмечались официальные юбилеи. Позволим себе с этим не согласиться, поскольку придерживаемся давно утвердившейся среди ученых-историков точки зрения: заселение Барабы русскими стало возможным только лишь к середине XVIII века после возведения системы оборонительных сооружений, надежно оградивших междуречье Иртыша и Оби от разбойных набегов с юга. Желаящих селиться в зоне повышенной опасности и жить в условиях постоянной угрозы полного разорения и угона в джунгарское рабство или на невольничьи рынки не находилось, тем паче, что свободных земель, причем гораздо более привлекательных для проживания и ведения хозяйства, хватало с избытком в других, более спокойных местах. Ни в одном из документов той поры, по крайней мере, в тех, которые оказались доступны, ни в трудах авторитетных ученых, занимавшихся исследова-

нием этой проблемы, нет ни малейшего упоминания о наличии в южном приграничьи в первой четверти восемнадцатого столетия каких-либо русских сел и деревень, что подтверждается и свидетельствами современников, начиная с Джона Белла и кончая Иоганном Георгом Гmeliном.

В этом смысле особый интерес представляет Мошино, ныне правобережная часть города, до революции деревня, центр Нижнекаинской волости. В ряде краеведческих публикаций и даже в некоторых интернет-энциклопедиях утверждается, что Мошино, названное так якобы по фамилии его основателя – русского ямщика, возникло еще в 1700 году. Хотя логика активно протестует, на время пренебрежем ею, чтобы обратиться к документам.

Документ первый: «Чертеж земли Тарского уезда» С. У. Ремезова. Свою знаменитую «Чертежную книгу Сибири» сибирский картограф завершил в 1701 году, используя представленные с мест новейшие чертежи и описания. Отражая состояние заселенности Барабы («Волостей Барабинских»), С. У. Ремезов обозначил татарские улусы – юртами, а русские деревни – избами, сделав пояснительные подписи. Чертеж дает конкретное представление о местах проживания родоплеменных групп барабинских татар, о том, где находились те или иные волости: собственно барабинцев, занимавших, кстати, полностью все междуречье Оми и Тартаса и частично (его западную часть) – Оми и Каргата, теренинцев, турашцев (кулебинцев), иченцев (чоинцев), тунуссцев. Но на всем пространстве от Чанов и Каргата до Тартаса и среднего течения Тары ни одной заваливающей русской избенки – юрты, юрты, юрты... В том числе и там, где предположительно раз-

местится в будущем Каинский пас. И только в низовьях Тары, ближе к слободе Бергамацкой, появляются первые русские деревеньки. Сомнительно, чтобы Семен Ульянович не запечатлел для потомства поселье отважных соотечественников, рискнувших обосноваться в самой «горячей точке» Сибири, какой слыла тогда Бараба.

Документ второй: ведомость 1781 года о составе церковных приходов Тобольской губернии. Названия сел и деревень, входящих в приходы двух церквей, нам хорошо знакомы. «Покровская церковь, с. Покровское, 64 двора. Деревни прихода и дворов в них: Сергина – 25, Красноярка – 29, Мангазерска – 41, Булатова – 41, Карачинская – 45, Антошина – 38, Турумова – 44. Всего в приходе 327 дворов, 1134 души м. п., 984 души ж. п., итого 2118 душ об.п.» «Спасская церковь, форпост Каинский, 45 дворов. Деревни прихода и в них дворов: Гутова – 14, Сартакова – 16, Помелцова – 16, Киселева – 11, Бурундукова – 14, Козина – 10, Ушкова – 16, Малинина – 8, Мошнина – 16, Бергулска – 7, Сарабалыцка – 7, Лагунова – 5, Маркова – 12, Красноярска – 10, Осинцова – 5, Свистунова – 14, Калмакова – 18, Барабушкина – 8. Всего в приходе 252 двора, 1380 душ м.п., 1325 душ ж.п., итого 2705 душ об.п.». Мошнино здесь уже присутствует, но как деревенька средней величины – всего в полтора десятка дворов. Явная неувязка: старейшее поселение (если верить упомянутой выше датировке), расположенное на главном сибирском пути и отметившее свое восьмидесятилетие, в два-три раза уступает по численности дворов, а следовательно и населения, таким же притрактовым селам (Покровское, Мангазерка, Антошкино, Булатово и другие),

Савва Лукич Владиславич-
Рагузинский

о которых достоверно известно, что возникли они не ранее середины XVIII века. Причина такого контраста, на наш взгляд, может заключаться только в одном: Мошнино гораздо моложе приписываемого ему возраста, возможно — на целых полвека, и вопрос о дате его основания пока остается открытым.

Но вернемся к пасам. Самое раннее из всех известных документальных упоминаний о них — в путевом дневнике графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, возглавившего очередное посольство в Китай (Л. В. Измайлов вернулся ни с чем), опытного дипломата и negociанта, сербского аристократа знатного рода на русской службе, облеченного особым доверием императора за многолетнее выполнение самых различных его поручений, в том числе и секретных. Его вояж в Поднебесную окажется гораздо успешнее всех предыдущих вместе взятых, он добьется невозможного: в изнурительном противоборстве с высшими китайскими чиновниками, пытавшимися заставить его пойти на уступки то елейным заискиванием, то угрозами заточения и даже убийства, С. Л. Владиславич-Рагузинский не дрогнет, итог его самоотверженных усилий таков: на очень выгодных для российского государства условиях 21 октя-

бря 1727 года будет подписан долговечный Кяхтинский договор*...

Через Барабу Савва Лукич и его спутники проезжали в последней декаде февраля 1726 года. Станем на время его попутчиками и мы (далее сохранена орфография оригинала – *авт.*). «21-го от деревни Муромцовой степью до кормовища** 40 верст. Отсюда начинается Барабинская степь, где кочуют народы татарские, называемые барабинцы, ясак платят Российскому имперю и контайше, колмыцкому владельцу. Сии татары зело мизерные от нападения степных народов, от Казачьей орды, которые всегодно незапными нападениями их грабят и в полон берут. И от такого разорения сих народов малая часть обретаецца, закон имеют идолаторской, смешеной з бусурманским.*** (Опускаем перечисление встречных озер и татарских деревень (юрт) Любейской волости с указанием расстояния между ними – *авт.*) От Ярыковых до Кулебинских татарских юртов, при которых маленькое озеро Карачера (Карачи – *авт.*), 3 версты. От Кулебы 17 верст до реки Омь, где река Тартаса пала в Омь-реку от левой стороны, а в устье рек переехали чрез, и оные

* А еще мы должны быть благодарны Савве Лукичу за то, что еще ранее, в 1705 году, окончательно вернувшись из заграничных поездок в Россию, он привез Петру I в подарок купленного им на невольничьем рынке арапчонка-эфиопа Ибрагима – будущего Абрама Петровича Ганнибала, прадеда Александра Сергеевича Пушкина. Вот это подарок так подарок! Какую великую роль может иногда сыграть случайность...

** **Кормовище** – место остановки в дальней поездке для того, чтобы отдохнуть и перекусить и задать коням корм.

***То есть, частично – язычники (идолопоклонники), частично – мусульмане.

остались в левой руке. Шириною Омь сажжен 30 и Тартас немногим меньше.

...От устья рек 3 версты до Станку (Усть-Тартасский пас – *авт.*), где российской караул служивых людей, 50 человек казаков, которые высылаютца из Томского города для охранения татар от Казачьей орды. А вместо крепости на берегу Тартаса-речки рубленой двор низенькой четверугольной и малые в земле избушки из березового лесу, где казаки ночуют... (Аналогичный пропуск – *авт.*)

25-го от Кочайских (юрт – *авт.*) до кормовища, где начевали в Барабинской степи, 20 верст. Лес нарочит березовой. От кормовища до юртов Константина-ясаула лесом, где имеется малое озерко, называется Юлукель, 20 верст.

26-го от Ясауловых (юрт – *авт.*) степью лесом до полковника, которой определен с 200 служилыми людьми для охранения барабинских жителей, острог маленькой рубленой четверугольной (Каинский пас – *авт.*), до которого ехали 15верст. Лесу довольно. Реку Омь переехали как стали въезжать в помянутой острог.. От полковника до Омь-реки, которую переехали чрез, 3 версты. Тут татарские юрты на правой стороне, называютца Яутьтины. От Яутин до Ябук-юртов 17 верст. От Ябук лесом до Кизилановых юрт, до которых недоехавши трех верст, реку Омь переехали чрез, оная осталась в правой стороне, 20 верст.

27-го от Кизилановых ретким лесом до Чонских (Чойских – *авт.*) юртов 14 верст. От Чонских до Убинских татарских юртов 26 верст. От Убинских до Убинского острогу (Убинский пас – *авт.*), которой таким же обра-

зом, как и первой, на Барабе построен для караулу, 50 человек служилых людей, острог называют сибиряки, где построена из маленьких избушек землянки, будто крепость для дефенсии*, хотя оные дефенсии ни к чему не угодны.

28-го от Убинского станку озером, которое называется Уба, 16 верст. Степью до другого озера, которое называется Каргат-озером, 6 верст, до степи 10 верст. Степью до Теремиских (Теренинских – *авт.*) татарских юртов 6 верст. Величеством озеро Уба, сказывают, что длиною с 50 верст, а шириною 30 верст. Аргат длиною 20 верст, а поперег з 10 верст. Тут скончается степь Барабинская...»

Что нужно взять на заметку? **Первое.** Как видим, гарнизоны всех трех пасов несут службу и в зимнее время, а значит – круглогодично, а не сезонно, как утверждается в некоторых публикациях. **Второе.** Тара, где розыск еще в самом разгаре, не в состоянии выслать своих служилых в Усть-Тартасский пас, и сюда командированы томичи. **Третье.** Слово «пас» С. Л. Владиславичу-Рагузинскому неведомо, и он использует более привычные «острог», хотя увиденные им строения совсем не острожного типа, и «станок (он же в тогдашней лексике «стан» или «станец»). А его ирония насчет «дефенсии» тоже объяснима: уж очень скромны и неглядки три крепостцы по сравнению с теми мощными сооружениями оборонительно-

* **Дефенсия** (лат.) – дефензия, защита, оборона; укрепление, оборонительное сооружение. В старинном толковании: дефензии, суть все строения, которые между собою оборону имеют и которые неприятель наипервое разоряет как можно, прежде он чрез ров перейдет.

го назначения, которые ему довелось повидать на своем веку. Потому-то и предельно лаконичны его мини-описания. Благо, что их существенно дополнил следовавший через Барабу тем же маршрутом, но в обратном направлении спустя полтора десятка лет Иоганн Георг Гмелин, который не только обстоятельно описал внешний вид крепостей, но и не счел зазорным сделать основные замеры.

...Перед тем как покинуть Чаусский острог, он сделал в своем дневнике такую запись: *«После холодов снова установилась хорошая погода, и окрестные луга покрылись цветами. И я отправился исследовать большую местность под названием Бараба, которая лежит между Обью и Иртышом...»*. Сопровождали его пятнадцать казаков, они-то и показали ему здешнюю достопримечательность – Писанную Березу. *«Когда сюда, – поясняет И. Г. Гмелин, – стали все чаще наведываться кайсаки-разбойники, из Чаусского острога каждую неделю посылали в разъезжие караулы трех казаков, чтобы отслеживать их появление и продвижение и вовремя предупредить гарнизон и слободских жителей в случае опасности, а в подтверждение того, что они действительно находятся в дозоре, обязывали класть в дупло этого дерева свои сообщения о том, какова обстановка в каждый из дней их службы. За ними приезжали их сослуживцы и при необходимости оставляли известия и для них. Потому это место и получило такое название»*. Маршрут И. Г. Гмелина подробно описан в ряде публикаций, и нет нужды их дублировать. Скажем о том, чего в них нет. Его, например, удивили размеры и дешевизна обских осетров, которых в изобилии ловили аборигены,

и такая же низкая цена на их икру. Позабавил рыбный промысел на реке Чулым, где так плотно шел чебак, что его провожатые, за неимением других снастей используя сетки для защиты от гнуса из конского волоса, в короткое время разжились богатым уловом. У самого ученого такого охранного средства, видимо, не было. *«Меня, – жаловался он, – измучили несметные полчища крылатых кровопийц: они более грозные враги, чем Казачья Орда; защищаешься от одного – тут как тут еще сотня; убиваешь тысячу, а на подлете – уже сто тысяч, и несть числа и угомона этому свирепому воинству».*

18 июня около девяти часов утра И. Г. Гмелин прибыл в Убинский пас. *«Этот пас, – пишет он, – являющийся своего рода крепостью, ... расположен на округлой возвышенности периметром чуть более восьмидесяти сажень, защищенной со всех сторон нешироким и неглубоким рвом и установленными перед ним рогатками и надолбами, их пересекают два въезда, восточный и юго-западный, а за ними находятся загон для лошадей и четырехугольное ограждение со стенами не выше человеческого роста, сложенными из очень тонких лесин, внутри него – пять кое-как слепленных казарм. В гарнизоне, подчиненном командире Каинского паса, всего пятьдесят человек, русских и татар.*

Расположение этого паса очень неудачное, так как он находится на открытом и ровном месте, где нет никакого водоема, а единственный источник влаги – вырытый самими казаками колодец глубиной не более сажени, с водой, пахнувшей серой, мутной и имеющей солоноватый болотный привкус. За лесом для строительных

нужд и за дровами приходится ездить почти за десять верст. Уже давно казаки добиваются разрешения перенести нас на реку Каргат, где ими выбрано место, более удобное для службы, и где они не знали бы нужды ни в нормальной воде, ни в древесине. Ответа на их прошение все еще нет. И живут они здесь такой жизнью вот уже шесть лет, вдали от своих жен, детей и стад, кормясь летом рыбалкой, а зимой охотой».

Дополним гмелинское сообщение своим, отрадным для убинских казаков: их упование сбудется, но только в 1744 году, однако после такого долгожданного переноса (впервые с просьбой о смене места дислокации, впоследствии повторяя ее ежегодно, служилые обратились еще в 1729 году) изменится и название, и будет бывший Убинский пас именоваться Каргатским форпостом. Недоумеваешь: неужели на решение такого несложного вопроса губернскому или уездному начальству потребовалось полтора десятка лет? И не понять, чего здесь больше: феноменальной бюрократической волокиты или бессовестного чиновного бездушия... Но поспешим за И. Г. Гмелином, так как он приближается к месту, представляющему для нас наибольший интерес.

«21 июня, – продолжает он свое повествование, – на рассвете я отправился в путь. Миновав два озера, расположенных недалеко друг от друга и находившихся в полуверсте слева от дороги, перебрался через речушку Каинку и, проехав еще сажень двести, прибыл в Каинский пас, получивший свое название от вышеозначенного водоема...

Каинский пас размещается на западном берегу реки Оми, русло которой шириной около полутора десят-

ка саженой здесь меняет свое направление, до паса она течет с востока-юго-востока на запад-северо-запад, а выше него – с востока-северо-востока на запад-юго-запад. В месте этой излучины и впадает в нее Каинка, по-татарски – Каинглу.

Крепость имеет четырехугольную форму, ее длина с севера на юг – тридцать девять саженой, ширина – тридцать одна сажень. Она сложена из тонких березовых стволов, но бóльшую часть крепостного ограждения по всем его четырем сторонам составляют, будучи с ним единым целым, встроенные задние стены двенадцати казарм. На южной и западной сторонах расположены две башни с воротами, на северной с востока на запад – дом командира, склад и цейхгауз. Из артиллерии и другого военного снаряжения имеются две пушки, к ним восемьдесят фунтовых и семьдесят девять полуфунтовых ядер, восемь пищалей, три пуда пороха, четыре пуда свинца. Крепость со всех сторон, кроме примыкающей к реке, окружает весьма глубокий и широкий ров*, подступы к которому укреплены рогатками и надолбами. Снаружи, там, где южная сторона смыкается с восточной, для гарнизона устроена баня. Общая численность коман-

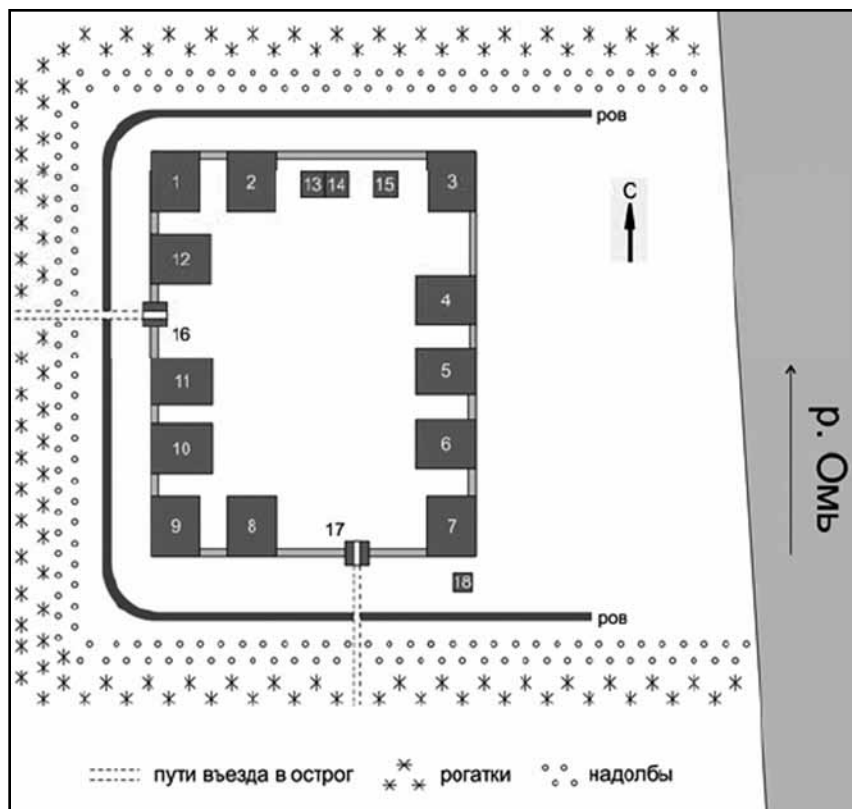
* Одновременно с устройством этого рва из вынудой при копке земли образовался еще и вал, о котором у И. Г. Гмелина ничего не сказано, хотя следы его различались даже в середине девятнадцатого столетия. Свидетельствует А. Я. Якимовский: «...Для некоторой защиты они (казаки – авт.) с помощью ясаиных инородцев принуждены были от реки Оми – с западной до южной стороны левого берега Каинки – обнести земляным валом, который уже от руки времен изглажен и показывает самые малейшие признаки».

ды двести человек, из которых пятьдесят находятся в Убинском пасе...».

В Каинском пасе И. Г. Гмелин пробыл 21 и 22 июня, ознакомился с его окрестностями, пополняя обширный свод своих научных наблюдений, заносил очередные записи в дневник, где есть и его отзыв об увиденном. *«Места, окружающие этот пас, – пишет он, – благодатны наличием красивых, ровных и плодородных полей. До сих пор мне встречалось мало леса, здесь же его в избытке, но только березового. И жители жалуется, что хотя древесина его тверже, чем у березы в других местах, она подвержена очень быстрому гниению. Было бы интересно выяснить: не вызвано ли оно неподходящим временем лесозаготовок. И это, пожалуй, единственное неудобство для тех, кто хотел бы жить и трудиться в Барабе... Зѐмли в данной округе представляют собой прекрасные пахотные угодья, а то, что не понадобится для этой цели, можно превратить в пастбища и в итоге разводить скота и выращивать зерна столько, чтобы не знать недостатка во всех видах продовольствия. Различных видов рыб здесь не так много, но количество ее огромно, так как все озера, которых на Барабе не счесть, полны местного карпа – карася, которого татары летом сушат впрок, и эти запасы помогают им выжить зимой при нехватке дичи... А в верховьях Оми достаточно бобров и лосей, ... довольно богата Бараба лисицами, горностаями и белками».*

Как и Д. Г. Мессершмидт, И. Г. Гмелин проявлял особый интерес к носителям древних магических традиций, которые были у всех сибирских народов и глубоко почи-

тались ими как посредники между человеком и злыми или добрыми духами, – шаманам, колдунам, прорицателям. С двумя из них, барабинцами, он уже пообщался по пути из Чаусского острога в Каинский пас. Здесь ему тоже по-

Каинский пас (по описанию И. Г. Гмелина):
 1–12 – казармы; 13 – цейхгауз; 14 – амбар; 15 – дом командира;
 16, 17 – проездные башни; 18 – баня

С. В. Горохов. Каинский пас (форпост): история, локализация и планиграфия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография, с. 34–43.

везло. Узнав, что в округе имеется свой колдун, попросил устроить его выступление.

«22 июня, вечером, – записал он в дневнике, – передо мной выступал еще один барабинский маг. Это был седовласый мужчина, пожилой, но все еще с большим запасом жизненных сил. Его волшебный бубен внешне был очень похож на два предыдущих, но очень мал... (далее следует подробнейшее описание бубна).

Одет был этот чародей в жалкое подобие юбки, в какой он, видимо, имел обыкновение щеголять каждый день с голыми икрами и босыми ногами.

*Разведя сильный костер, он без всяких предварительных манипуляций начал показ своих чудес с того, что сразу стал яростно колотить в бубен. При этом он то опускался на землю, то мгновенно вскакивал и высоко подпрыгивал, громко выкликал, призывая их явиться, имена своих трех главных помощников-дьяволов (шайтанов – **авт.**) – Нан-Утэна, Джектари и Нан-Буре. Он крутил свой барабан всевозможными способами, то поднимал его над головой, то довольно высоко подбрасывал и ловил, часто бегал через огонь, иногда держал над ним то одну, то другую ногу, иногда даже стоял в нем короткое время и в перерывах между этими действиями как бы поедал раскаленные угли. Своими бестолковыми и уморительными прыжками, всей этой буффонадой и своим плутовством он скорее напоминал шута, чем волшебника, или заполошно скачущую вокруг костра большую ночную птицу вроде совы или филина. И самое лучшее, – заключает ученый, – что было в этом зрелище, то, что длилось оно не более получаса».*

Отходя ко сну, он не и предполагал, что на следующий день судьбой для него уготовано по-настоящему радостное событие. *«23 июня ранним утром я отправил свой эскорт, а около семи часов выехал вслед за ним, примерно в два часа после полудня добрался до моих спутников, сделавших остановку для того, чтобы подкрепиться, и присоединился к их трапезе. За ней меня и застал солдат, который привез мне письма из Петербурга и сообщил то, чего я так жаждал уже несколько лет: вопрос о моем возвращении в столицу окончательно решен правительствующим Сенатом. Этот момент стал для меня самым счастливым в моих долгих сибирских странствиях, исполненных многочисленных тяжких забот и нередких печалей...».*

А 24 июня, перед тем, как покинуть Барабу, И. Г. Гмелин побывал и в Усть-Тартасском пасе и оставил его язвительное описание. По сравнению с убожеством этого жалкого строения выгодно смотрелся даже неказистый Убинский пас. *«...Он (Усть-Тартасский пас – авт.) находится в месте впадения реки Тартас в Омь, частично на западном его берегу и частично на северном берегу Оми, и подобен не крепостному укреплению, а забору в нищей деревеньке. Хоть и построен четырехугольником, при возведении его стёны выложили не из березовых бревен, а из дреколя. Длина его – двадцать три сажени, ширина – семнадцать. Есть двое ворот, с северной и южной сторон, они ничуть не лучше тех, которыми запирают скотные дворы. Кривая сторожевая башня, схожая с голубятней, на восточной стороне возле северных ворот того и гляди совсем завалится, под ней расположена ка-*

морка непонятого назначения, не то кладовая, не то цейхгауз, но одинаково малопригодная и для той, и для другого. И в столь малое внутреннее пространство втиснуто случайным порядком еще семь казарм, которые по большей части уже в полуразрушенном состоянии. А свободные от строений места захламлены обломками этих казарм. С наружной стороны, там, где южная сторона сходится с восточной, поставлена баня, к западу от нее расположены собственный сарай одного из казаков и часовенка, построенная гарнизоном по собственному почину, никакого внутреннего убранства не имеющая, кроме картины своего же изготовления с изображением Воскресения Господня. Рогатки, что установлены с северной и западной сторон, от ветхости растеряли все зубья. Есть здесь пушка с полуфунтовыми ядрами, а службу несут пятьдесят казаков во главе с сотником, ежегодно сменяемые из Тары...»

Сибирская эпопея Иоганна Георга Гмелина, вышедшая в свет на родине ученого (1751–1752), в Голландии (1752–1757), во Франции (1767), в России до сих пор не издана. Энтузиастами переведены и опубликованы лишь отдельные фрагменты, те, где речь идет об их регионах, или те, что предназначены для цитирования в статье или монографии, их примеру пришлось последовать и мне. Не знаю, насколько в наше время актуальны те причины, по которым не состоялось публикации гмелинского дневника при жизни автора, но его выход в свет сегодня с добротным научным комментарием так же, как и книги Д. Г. Мессершмидта, тоже ждущей своего часа, стал бы ценнейшим подарком прежде всего для сибиряков, и уче-

ных, и краеведов. Из истории моих злоключений. Зная, что самое полное и вообще единственное описание Каинского паса есть только у И. Г. Гмелина, и не найдя его в научных публикациях, угрохал уйму времени, пытаюсь отыскать оцифрованный вариант немецкого оригинала. Рассчитывал, что используя свои скромные школьно-институтские познания («читаю по-немецки и перевожу со словарем»), а также с помощью электронных переводчиков, сам заполучу нужные мне тексты.

Первое фиаско: нужный том наконец-то найден и скачан, но он отпечатан готическим шрифтом, который ни мне, ни моим электронным полиглотам-помощникам оказался не по зубам. Фиаско второе. Обретено французское издание, отпечатанное без изысков, прорубаюсь сквозь совершенно чуждые мне словесные дебри и с ужасом обнаруживаю: того, что мне нужно, здесь нет, а книга, сокращенная более чем наполовину, превращена в какое-то подобие дайджеста. Но русские не сдаются: разжившись сравнительными таблицами готического и современного немецких алфавитов, буква за буквой, слово за словом сделал фрагмент, повествующий о пути И. Г. Гмелина из Чаусского острога до Усть-Тартасского паса, доступным для DeepL и Google Translate. За фактическую точность своих цитат ручаюсь, что же касается стилистического аспекта, то каюсь: без литературной доводки подстрочника дело не обошлось, но в скромных пределах и без смысловых вольностей.

Командование пасами строилось по принципу традиционного деления личного состава на десятки. Всем верховодил сотник, которому подчинялись пятидесят-

ники, им десятники, а всем троим – остальные казаки. Особые условия службы не позволяли «расслабляться», требовали высокой дисциплины и беспрекословного выполнения приказов, в противном случае наказание могло быть весьма суровым. Не имевшие собственных пашен и скота, казаки находились на государственном довольствии. Они получали три вида жалованья: денежное (в зависимости от чина от пяти до пятнадцати рублей в год), а также хлебное и соляное, нормы выдачи которых тоже были дифференцированными и могли из года в год меняться. С выплатами и выдачами нередко бывали задержки, и значительные. Длительные перебои в подвозе хлеба имели, например, место за год до приезда И. Г. Гмелина, в 1740 году.

А ведь именно в этом году в Барабе было особенно беспокойно. Осенью пленники, бежавшие из южных степей, принесли тревожную весть: джунгары готовятся к крупномасштабным военным действиям, собирают большое войско, которое, возможно, двинется в северном направлении. Указ, последовавший вскоре за сообщением «утекленцев», обязывал принять на местах все меры, для защиты «...пограничных городов, крепостей и слобод от войск зенгорского владельца Галдан Чирина (Галдан-Цэрена – *авт.*) и других неприятельских людей». В сороковые годы «пасы» становятся «форпостами», принимаются меры по дополнительному укреплению всех крепостных сооружений, а некоторые частично перестраиваются. Однако джунгары, похоже, и не собирались воевать с Россией, они всей своей мощью обрушились на киргиз-кайсацкие орды. Спасаясь от истребления, кир-

гиз-кайсаки толпами бежали к русской границе, образуя скопления озлобленных разорением, лишенных крова и пищи людей, не считавших зазорным и в столь плачевном положении совершать грабительские вылазки на сопредельную территорию, донимая гарнизоны форпостов наглыми и частыми набегами на ясачные волости. И хотя хлопоты по усилению обороны оказались ненапрасными, предотвратить грабежи или организовать преследование степных разбойников удавалось не всегда.

Вот что сообщал в своем донесении тогдашний командир Каинского форпоста, сын боярский Лукнеев: *«...А сего 1740 года имеются под моей командою только 80 человек, а в прибавок не прислано и те помирают голодною смертию. А ныне 21 ноября 1740 года явились вблизи станции татарской, деревни Турумовой, воровских неприятельских людей казачья орда и чинили бой, и убили князя Турума. Из Усть-Тартасского форпоста выступили командир со служилыми людьми и нас просили помочь. Вспоможение дать не могли, помянутые 80 человек и те в рассылке».*

Документальная база по личному составу пасов скуднее некуда, точнее – почти никакой. Благодаря А. Я. Якимовскому нам кое-что известно о личности, во всех отношениях замечательной, последнем командире Каинского и Каргатского форпостов Петре Шелудякове, который, кстати, тремя годами позже тоже сообщал начальству об острой нехватке продовольствия и требовал срочной помощи... Лихой казачий сотник принял командование гарнизоном в 1743 году, в период, когда обстановка на южной границе особенно накалилась (подробнее об этом

– ниже), а с наступлением мирного времени он продолжал оставаться во главе форпоста и его округа вплоть до его ликвидации, а затем управлял и слободой до ее преобразования в уездный город, прослужив здесь в общей сложности почти сорок лет.

Возглавляемые им казаки надежно защищали татарские улусы, и повседневная жизнь форпоста в эти годы во многом напоминала будни современной погранзащиты. Главными заботами все так же оставались предупреждение и отражение разбойничьих нападений на ясачные волости, преследование проникших в русские владения нарушителей границы. Схваток с их мелкими отрядами, поскольку казаки, «несмотря на свое удаленство и отличное вооружение, часто бывали тревожимы набегам», хватало с лихвой. Поднятые по тревоге, они, как правило, изгоняли незваных гостей, которые всегда старались действовать скрытно и при своем обнаружении старались схватки с поднаторевшими в ратном деле молодцами избежать, без промедления пускаясь наутек и отчаянно сопротивляясь, когда пути к отступлению были отрезаны. Потому не обходилось порой и без потерь. Вторая и тоже небезопасная обязанность заключалась в сопровождении регулярной казенной почты, путников и грузов. Следовавших по тракту с запада конная группа каинских казаков сопровождала до Убинского паса, ехавших с востока – до Усть-Тартасского. Не менее обременительным, малоприятным и ответственным делом были сбор ясака с татарских волостей подведомственной форпосту территории и особенно взыскание недоимок, находившееся под особым контролем уезд-

ной и губернской администраций, державших в свою очередь ответ перед Москвой.

В последующие годы напряженность на юге Сибири продолжала возрастать, серьезно обострились джунгарско-маньчжурские отношения, продолжались киргиз-кайсацкие набеги. В 1744 году правительство даже направило сюда регулярные части – два пехотных и три драгунских полка под началом генерал-майора Христиана Христиановича Киндермана, которому поручалось командование всеми сибирскими войсками. Известно, что в том же году на 25 августа общая численность служилых людей в Усть-Тартасском, Каинском и Каргатском форпостах достигала 203 казаков при двух пушках во втором из них, а в 1745 году в Барабе находилось 25 тарских и 183 томских казака. Им, как другим воинским гарнизонам, предписывалось *«иметь всегда непрестанные и частые разъезды меж себя (между форпостами – авт.) и ежели где усмотрен будет неприятельский сакм (след нарушителей границы – авт.), то тотчас за теми неприятелями... посылать партии и непременно во все форпосты давать знать»*.

В связи с этим интересен документ, отправленный 28 февраля 1745 года Сибирской губернской канцелярией в Тарскую воеводскую. Это указ «о делах, тайности подлежащих» самой императрицы Елизаветы Петровны. Ею «велено всякими пристойными образы наведаться секретно чрез добрых и надежных и знающих людей, какое число ныне из зенгорской землицы от Галдан Чириня имеется для сбора на оного владельца алману...». Требовалось выяснить все до мелочей: кто у сборщиков «начальники или башлыки», когда они прибыли в Барабу, сколько

берут дани и чем именно и когда собираются отправиться в обратный путь. Но главное, что необходимо было обязательно выяснить: «нет ли у тех зенгорских калмык с барабинскими татарами неприятельскому нападению на российские жилища какого общего согласия...», а также нет ли у самих барабинцев намерения к «возмущению». «И для того во все те барабинские волости послать людей нарочных ... и к тому делу искусных...». А о том, «что по тому наведыванью явится», приказано было рапортовать в Сибирскую губернскую канцелярию и в походную канцелярию генерала Х. Х. Киндермана.

Спустя месяц майором Бобровским был представлен в обе канцелярии рапорт о выполнении «тайного» указа. Посланные им лазутчики, копиист Тарской воеводской канцелярии Михайло Лебедкин и татарский толмач Данила Рудов, побывали во всех барабинских волостях и по возвращении, 27 марта, подали пространную ведомость, в которой подробно изложили все, что им удалось узнать согласно указным пунктам. О количестве сборщиков алмана (22 калмыка, посланцы самого контайши), о том, чем барабинцы его платят («...повсегодно с каждого человека по 1 лисице, а буде лисицы нет, то по 1 бобру или по полукоже красной, а буде и того не имеется, то по 20 стрел без перьев и к ним по 5 крылов орлиных»), когда джунгары собираются отбить восвояси («...намерены выехать в Зенгорскую землю сего году в мае месяце, как прорастет трава»). А есаул Теренинской волости Агыдот Каратаев, писали они, спросил: «Не имеется ли, де, такого с вами указа, чтоб им, барабинцам, платить уже один ясак Ее Императорскому Величеству, а Галдан

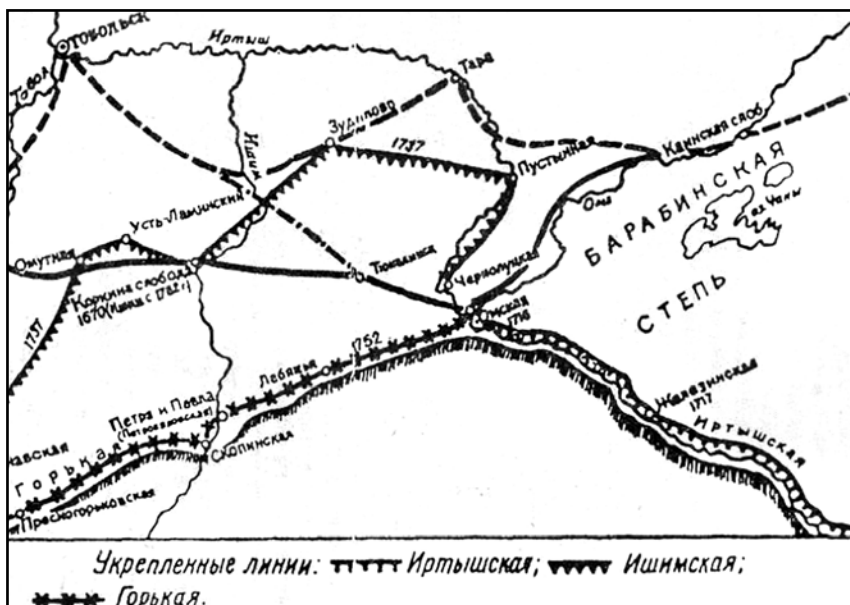
бы Чирину (Галдан-Цэрену – *авт.*) алману уже не платить?». На что они ему ответили, «что такого, де, указу у него не имеется, и как, де, прежде вы платили, так и ныне платите».

Главный вывод «бойцов невидимого фронта» по всем волостям таков: «А чтоб оные барабинцы с зенгорскими калмыками какое согласие и возмущение к злomu намерению имели, того из разговоров не признается и не рассмотрено». «О том же через других надежных русских людей, которые находятся при форпостах проведывано, токмо ничего того не оказалось». Барабинские татары при их многолетней ненависти к ненасытным алманщикам, хавшим не только контайше, но и себе, вряд ли могли стать «пятой колонной». Да и все остальные хлопоты оказались напрасными, так как нашествия не состоялось...

Следующая волна слухов о якобы предстоящем массовом вторжении джунгар с целью уничтожения крепостей иртышской линии прошла по сибирским городам и селениям в первой половине 1750 года. В связи с этим были приняты меры по усилению регулярных войсковых частей, а также созданы как самостоятельные формирования наподобие милиции – отряды выписных казаков (так именовались государственные крестьяне, которые, кроме выполнения своих главных повинностей, были обязаны еще нести сторожевую и караульную службу в населенных пунктах со своим оружием и на собственном содержании, а также принимать участие в военных действиях, если оно будет востребовано). По требованию Х. Х. Киндермана, решившего узнать, каков возможный мобилизационный потенциал сибирского населения на случай вра-

жеского нападения и необходимости создания ополчения из всех жителей возрастом от 16 до 50 лет, воеводские канцелярии представили сведения о наличии таковых в их ведомствах, а также о количестве имеющегося у них оружия (самопалов, фузей, винтовок, пищалей и даже сабель, копий и луков).

Согласно рапорту Томской воеводской канцелярии от 23 мая 1750 года, гарнизон Каинского форпоста, обнесенного надолбами, рогатками, рвом, палисадом, в указанное время состоял из тридцати пяти человек – пятнадцати русских, девятнадцати татар (четырнадцати чатских и пяти эуштинских) и одного белого калмыка (телеута). В подчиненном ему Каргатском форпосте, который тоже

Барба под защитой крепостных линий

был окружен палисадом, надолбами, рогатками и окопан рвом, находилось тридцать служилых, в их числе одиннадцать русских казаков и девятнадцать татар (пятнадцать чатских и четыре зуштинских). А также даны сведения по «Путевым зимовьям и деревням Каинского ведомства». К ним относились зимовья у Половинного озера, Осиновые Колки, Убинское, Тырышино, Иткульское, Сектинское, Тарбаево, Крутые Ложки, деревни Рахвалова, Тайлакова, Белова, Подволошна, Панафидина, Черемшанска, Тырышкина. Сообщалось, что все они защищены надолбами и рогатками. Тревога и на сей раз оказалась ложной, так как джунгарам было не до сибирских крепостей...

После смерти в 1745 году контайши Галдан-Цэрена Джунгария, продолжая враждовать с киргиз-кайсаками и маньчжурами, захватившими власть в Китае и основавшими императорскую династию Цин, вступает в десятилетие «бурного междоусобия». Его преемники в борьбе друг с другом не останавливаются ни перед чем: один из претендентов на пост верховного правителя, Амурсана, чтобы одолеть своих противников, призывает на помощь заклятых врагов джунгар – маньчжуров. С 1754 года, года вторжения маньчжурских полчищ, начинается агония Джунгарии. В 1756 году происходит ее раздел на четыре части, через год она превращается в китайские провинции, в 1758 году взбешенные попытками поработенных ойратов вернуть себе свободу захватчики устраивают, убивая всех подряд, от мала до велика, беспрецедентную резню, во время которой счет убитым шел на сотни тысяч. Джунгары искали убежища от геноцида и в русских землях. Спасти удалось всего нескольким десяткам

тысяч беженцев. Здесь же навсегда успокоился, заболел оспой, и главный виновник кровавого побоища – Амур-сана. Дерзкое ханство, терзавшее более полутора веков приграничные вотчины Российского государства, перестало существовать.

Не скоро еще успокоятся взбаламученные непрерывными войнами южные степи, не один еще год будут захаживать к барабинским татарам любители дармовой наживы, но мирное солнце уже забрезжило над Барабой. И как сбывшееся пророчество воспринимаются слова генерал-майора Х. Х. Киндермана, которыми он сопроводил проект строительства в 1752–1755 годах крепостей и редутов новой линии: *«...Ежели все это состоится, то границы будут в безопасности, ибо... слободы Тарского и Томского ведомств и барабинские татары останутся от... степных народов в закрытии, то есть внутри линии... Так же во удовольствие тех уездов обывателям несколько удобных мест к пропитанию внутри же линии будет, яко-то: рыбные озера и горные и зверовые промыслы, от коих оные обыватели довольствоваться пищею и на платеж подушных денег доставать могут и в тех их промыслах от неприятеля помешательства, как прежде чинилось, быть уже не уповаются»*. На этом и завершилась славная и многотрудная ратная жизнь Каинского форпоста, и началось исполненное мирных занятий и хлопот бытие одноименной слободы.

А в завершение рассказа о пасе-форпосте еще одно и уже последнее, правда не во всем безупречное, его описание, автор – руководитель одной из академических экспедиций Иоганн-Петер Фальк, проехавший через всю Бара-

бу в 1772 году и собравший о ней и ее населении немало интересных сведений, позднее опубликованных: *«Каинский форпост стоит на правом берегу Ома (Оми – авт.) и при устье речки Каина (Каинки – авт.), выходящей из озера. Острог был сюда переведен с Тандова озера, имел ров, вал и несколько козаков* и служил до 1750 года, так как и Тартаской, для защиты от киргизцев и зюнгорцев; но по учреждении линии соделался бесполезным. Артиллерия переведена была в Бийскую крепость при Оби. Козаки вступили в крестьянское состояние и умножены были перемещенными из Томска крестьянами. Здесь одна деревянная церковь. Оброчных крестьян с двумя принадлежащими сюда деревнями 337 душ. По церковным книгам было в Каинске и двух деревнях в 1771 году русских 386 дворов и 2884 души обоего пола. Каинский округ с 23 деревнями и слободою имел 1860 душ крестьян. Для конвоя стоит здесь 13 человек тарских козаков».*

...Служилые люди Каинского форпоста в большинстве своем исповедовали православие. Поскольку ни в самой крепости, ни поблизости храма не было, соблюдение религиозной обрядности, обязательное для каждого истинно верующего, представляло собой серьезную проблему. Гарнизон порой месяцами не слышал «слова Бо-

* Вся первая часть этой фразы по причине неосведомленности автора и принятия им на веру различных и неправильно понятых слухов сомнительна по части достоверности: нас именуется острогом, и почти сведена на нет («несколько козаков»?!) численность гарнизона. И скорее всего имел место не перевод острога как такового, а частичное пополнение каинской команды в год основания паса или позднее служилыми из тандовского летнего острожка.

жьего». Случалось, что погибшие в схватках с кочевниками или умершие от болезней казаки «бывали погребаемы» без отпевания «на пусторожных местах». И позже, после появления здесь слободки с немногочисленным гражданским населением, ситуация не изменилась. Томские священники, исправно получая от местных жителей годовое жалованье (10 рублей ассигнациями и 14 четвертей хлеба), прибывали в связи с дальностью расстояния с запозданием, что вызывало справедливый ропот верующих.

Крайнее недовольство таким положением дел побудило каинцев (а их поддержали и обитатели Каргатского форпоста) обратиться к митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию Нарожницкому с прошением о строительстве деревянной церкви. Архипастырское благословение было получено, хотя митрополит, внявший мольбам паствы и разрешивший закладку храма «во имя Спасителя Нерукотворного Образа», шел на прямое нарушение известного указа императрицы Елизаветы Петровны, запрещавшего в связи с частыми пожарами строить деревянные церкви. Грамотой № 1147 от 9 сентября 1743 года священнику Томской Богоявленской церкви Михаилу Пушкареву предписывалось, чтобы новый храм был построен «по примеру греко-российских» и «кризы сшиты не из крашенины, а приличные».

Возведение церкви длилось более семи лет, в феврале 1751 года ее освятили, поручив отправлять богослужение священнику Дмитрию Васильеву. А через четыре с небольшим года вместе со слободой, возникшей возле крепости в начале сороковых, на правый берег Каинки перенесли и храм. Заготовку леса, необходимого для его

восстановления, организовал силами казаков командир форпоста Петр Шелудяков, строительные работы, согласно предписанию митрополита Сильвестра Головацкого, проходили под наблюдением нового священника – Андрея Афанасьева. А на том месте, где церковь стояла ранее, соорудили деревянный «голбчик» (по определению В. И. Даля – «могильный памятник избушкой»). Пережившая перестройку, прослужив прихожанам в общей сложности почти двадцать лет, Спасская церковь полностью обветшала. В ответ на очередное обращение слобожан епископ Варлаам в марте 1770 года благословил тарского заказчика протоиерея Иоанна Иоаннова на закладку нового храма, тоже деревянного, «по чиноположению церковному, на неводопоемном месте», а с сентября 1773 года в нем уже велось богослужение.

К середине восьмидесятых небольшая, тоже понемногу приходившая в ветхость церковь уже с трудом вмещала прихожан не только в дни больших православных праздников, но и во время обычных служб. Растущему уездному центру требовался соответствующий его статусу новый храм. Предложение 186 горожан «обоего пола» «воздвигнуть» на том же самом месте уже каменную церковь получило одобрение Тобольской епархии в декабре 1787 года. История сооружения Спасско-Успенского собора примечательна во всех отношениях, его без всяких натяжек можно назвать «народной стройкой», так как возводился он по инициативе и силами самих каинцев, на их добровольные пожертвования, хотя и довольно долго: «за скудостью средств» – целое сорокалетие. Строительные работы начались при священнике Василии Дашкове. Он

и его братья, «духовного и купеческого звания», сообща вложили в богоугодное дело огромную по тем временам сумму – 15 тысяч рублей ассигнациями, из них 5 тысяч внес дьячок Дмитрий Дашков. Особое усердие в «созидании храма Господия» проявили мещанин Куниловский (родственник Шелудякова) и крестьянин Кожевников, свою лепту вносили и другие горожане.

Шло время, и постепенно, все более возвышаясь над неприглядной повседневностью провинциального захолустья, над тесовыми крышами чиновничьих и купеческих домов, над крытыми берестой и дерном избенками бедноты, над тонущими летом в пыли и грязи, а зимой в снегу улицами устремлялись в небеса белокаменные контуры красавца-собора – главного «градского» строения, которому предстояло стать символом молодого города, его духовным и архитектурным центром. В 1804 году первые церковные службы прошли в приделе «Святителя Христова Николая Чудотворца», что же касается основной части здания, то ее достроили только в 1828 году, а перед тем, как освятить, со всем тщанием выполнили наказ консистории, чтобы была *«оная церковь... всеми принадлежащими к благолепию церковному потребностями удовлетворена»*... Присутствовавшие на освящении, которое благословил архиепископ Тобольский и Сибирский Евгений, с восхищением убедились в том, что внутреннее убранство собора в полной мере соответствует его внешнему виду.

После завершения в 1836 году строительства придела «во имя Покрова Пресвятой Богородицы» собор приобрел тот облик, который запечатлен неизвестным фотогра-

фом. Эти фотографии – все, что осталось от храма, участь которого оказалась не менее трагичной, чем судьба его небесного покровителя, выцветшие от времени снимки – единственная память о нем... Спасско-Успенский собор превратился в груду обломков почти сто лет спустя после того дня, как каинский благочинный Иван Дмитриевич Дашков (сын помянутого выше Дмитрия Дашкова) «при многочисленном стечении народа, прибывшего на сей случай из окрестных деревень и селений», освятил новый придел и в полную мощь грянули соборные колокола. Еще целый век они будут оглашать своим звоном город и его окрестности на десятки верст вокруг, служить в непроглядную зимнюю темень для путников, застигнутых ненастьем и заплутавших в степи, тем же, чем служил свет маяка для попавших в шторм моряков. Ориентируясь на звук, и конный, и пеший выбирались к жилью и теплу и благодарили Всевышнего за спасение.

☞ **Сибирский летописец.** Летопись конца XVII и начала XVIII столетий. Тобольск, 1892, с. 43; **Описание Тобольского наместничества (1784–1790).** Академия наук СССР. Новосибирск: Наука, 1982. О городе Каинске. О Каинской округе. С. 190–199; **Памятники сибирской истории XVIII века. Книга первая (1700–1713).** Санкт-Петербург, 1882, с. 516–527; **Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства.** Санкт-Петербург, 1773, с. 130; **Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III.** Москва: Вост. лит., 2005, с. 472–528; **Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (1700–1725). Т. 1.** Москва: Наука, 1978, 703 с.; **Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (1725–1727). Т. 2. № 88 – Журнал тайного советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра, ордена святого Александра Невского кавалера, иллирийского графа Саввы Владислава, сочиненной в проезде ево от Санкт-Питербурха до Москвы и от Москвы чрез Сибирь до китайской столицы Пекина и назад до Москвы.** Москва: Наука, 1990, с. 194–195; **Разборная книга тарских служилых людей 1689 года // Крих А. А. Русское население Тарского Прииртышья.** Омск: Изд. дом «Наука», 2016, с. 110–249; **Белевы путе-**

шествия в разные азиатские страны... Часть первая. Санкт-Петербург, 1776, с. 174, 183, 189, 190–196; Берхгольц Ф. Г. Дневник. 1721–1725. Санкт-Петербург, 1902, с. 71–73; Записки князя Петра Долгорукова. Москва, 2007, с. 133–136; D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen. Januar 1721–1722. Berlin, 1962, с. 52–83; Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт. Ленинград: Наука, 1970, 184 с.; Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegt von Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752, с. 88–129; Белковец Л. П. Иоганн Георг Гмелин. Москва: Наука, 1990. с. 94–113; Фальк И.-П. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. Санкт-Петербург, 1824, с. 430–431; Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Том II. Выпуск I. Санкт-Петербург, 1875, с. 50–51; Якимовский А. Я. Краткое статистическое описание Западной Сибири Томского окружного города Каинска за 1842 год, 68 с. (оттиск с рукописной копии, орфография современная, архив автора); Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 2. Томская губерния. Москва, 1865, с. 69–70; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974, с. 50; Григорьев А. Д. Известия Института исследования Сибири. № 6. Труды Историко-Этнографического Отдела. № 1. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск, 1921, с. 17–19; Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Тюмень, 2005, 208 с.; Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013, с. 41–42, 49; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973, 440 с.; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989, с. 172–173; Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольские епархиальные ведомости, 1887–1888, №№ 13–24; Кузнецова Ф. С. Как осваивали Барабинскую степь в XVIII веке, <http://bsk.nios.ru>.

1726 16 февраля. День рождения алтайской горной промышленности, когда уральский предприниматель Акинфий Никитич Демидов получил разрешение берг-коллегии на строительство рудников и заводов и добычу руды в Том-

ском и Кузнецком уездах. Первый металл был получен на Колывано-Воскресенском медеплавильном заводе уже в 1729 году. Судьба многих жителей окрестных мест, в том числе и Барабы, и ведомства Каинского форпоста, и самого Каинска и Каинского уезда, позднее на долгие годы будет связана административной припиской и тяжким трудом с демидовскими предприятиями, которые впоследствии станут собственностью императорской семьи и перейдут в ведение Кабинета ее величества.

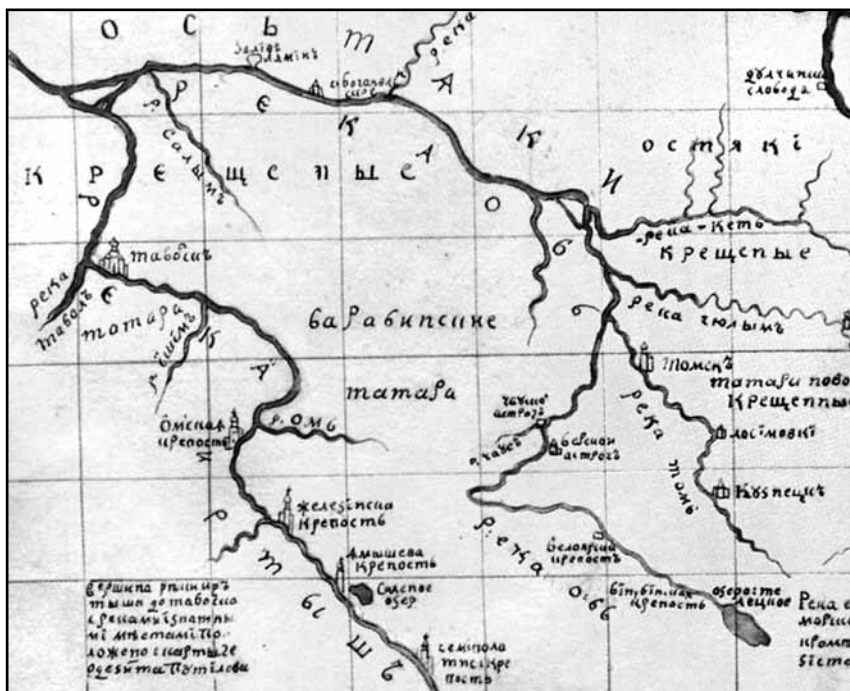
☞ **Летопись города Барнаула. Барнаул, 1994. с. 16.**

1727 Василием Никитичем Татищевым, выдающимся организатором горного дела, экономистом, географом, историком, предложен детально продуманный проект сухопутного тракта – кратчайшего пути из Москвы в Сибирь и внутри нее (через Тару, Барабу и Томск) до Забайкалья, изложенный им в записке императрице Екатерине I. Спрявление традиционного маршрута позволило бы, по его расчетам, сократить расстояние «на три тысячи верст, ежели не более» и, соответственно, уменьшить временные затраты и транспортные расходы, благодаря чему могли бы значительно «пошлина и торг умножиться». Но окружение царицы, по чьей подсказке она вершила государственные дела, со ссылкой на петровский указ 1704 года это ценное предложение отвергло из совершенно неоправданного опасения, что новая дорога в связи с особенностями сопутствующего ей рельефа не принесет казне ничего, кроме убытков, так как будет давать купцам больше возможностей окольными путями объезжать таможенные заставы. Однако добиться воплощения хотя

бы малой части своего замысла В. Н. Татищеву все-таки удалось, а кое-что из его «проекта» было поэтапно реализовано лишь спустя многие годы после его кончины.

☞ Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кириллов и В. Н. Татищев. Москва, 1949, с. 60–61 // <http://elib.osu.ru/handle/123456789/5176>.

1730 Бараба на этнографической карте Обь-Иртышского междуречья, составленной Первой Камчатской экспедицией (1725–1730).

1730 Восстановление в Москве Сибирского приказа, теперь подведомственного правительствующему Сенату, с подчинением ему всех сибирских городов и предостав-

лением права его руководителю назначать в их органы управления всех чиновников, кроме губернатора.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. VIII – № 5659.

1730 Начало регулярного сообщения через Барабу. Поочередная или подрядная поставка подвод для почтовой и ямской гоньбы, вмененная в обязанность крестьянам и разночинцам Тарского и Томского уездов, надолго отрывала их от занятий личным хозяйством и была делом весьма обременительным и убыточным. Так, в 1737 году чаусские обыватели, отчаявшись получить хоть какое-то послабление от местной администрации, обратились с прошением к самой самодержице, жалуясь на свое бедственное положение, на то, что им приходится совершать поездки на очень дальние расстояния вплоть до Бергамакской слободы соседнего уезда. Указом Анны Иоанновны от 18 ноября 1738 года томской воеводской канцелярии повелевалось: «рассмотрение учинить, чтобы одним перед другими тягости не было». И хотя позднее подводная повинность была возложена на обитателей еще трех острогов, Умревинского, Сосновского и Верхнетомского, авторы челобитной никакого реального облегчения так и не получили, так как активность передвижения с каждым годом все более возрастала, а их в добавок ко всему обязали содержать дорогу в проезжем состоянии, заниматься ее ремонтом. Вот что почти двадцать лет спустя, 29 января 1756 года, сообщал в томскую воеводскую канцелярию здешний комиссар: *«Чаусские обыватели под следующими из городов Томска и Кузнецка и из Барнаульского завода по подорожным от Чауска чрез Барабинскую степь*

даже Тарского ведомства до Такмыцкой слободы более шестисот верст провозят, а в Каинском форпосте оным ... смены не чинят, отчего пришли они ... в крайнее разорение и нищету». То есть, по сути, ничего не изменилось.

☞ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973, с. 92–93; Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990, с. 37.

1731 16 июня. Правительствующим Сенатом издан указ «Об учреждении в Сибирских городах почты» для отправлений как государственных, так и партикулярных.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. VIII – № 5805.

1733–1743 Легендарное десятилетие: «научное открытие Сибири», годы работы Великой Северной (она же вторая Камчатская) экспедиции. Академические ученые, входившие в состав ее сухопутного отряда (в их числе историки и этнографы Г. Ф. Миллер и И. О. Фишер, естествоиспытатели И. Г. Гмелин и С. П. Крашенинников), побывав во всех сибирских городах и уездах, не обойдя стороной и Барабу, собрали уникальный по объему и значимости материал по всем отраслям знаний и тем самым внесли огромный вклад не только в российскую, но и в мировую науку.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 200–201.

1733 16 марта и 21 апреля. Так как исполнение указа от 16 июня 1731 года, видимо, оставляло желать лучшего, через два года он получил развитие еще в двух сенатских циркулярах – «Инструкции капитан-командору Берингу, в дополнение прежде данной ему из Адмиралтейской коллегии, для исполнения возложенных поручений по

Сибирской и Камчатской экспедиции» и «О учреждении ординарной почты от Москвы до Тобольска и по разным трактам в Сибири...». Как известно, для надежной почтовой связи нужны и надлежащие пути сообщения. С этого года начинается инициированное свыше обустройство будущего сибирского тракта на его отдельных участках, порученное Витусу Берингу и геодезистам его экспедиции. Первоначальная цель была скромна: наладить хотя бы ежемесячное круглогодичное почтовое сообщение восточно-сибирских городов с Тобольском и далее с Петербургом. По завершении намеченных работ здесь появились и верстовые столбы, и почтовые станы, был регламентирован порядок движения, и с 1735 года устанавливается единый регулярный путь – Великий Сибирский тракт (он же Московско-Сибирский и просто Московский), от Москвы до Иркутска, самая протяженная дорога в мире.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. IX – №№ 6351, 6376.

1736 30 января. Именным указом Анны Иоанновны в связи с обширностью Сибирской губернии и большой удаленностью городов и слобод от центра, что весьма затрудняло управление ею одним губернатором, она разделена надвое с назначением вице-губернатора в Иркутскую провинцию и соподчинением их независимо друг от друга Сибирскому приказу. Бараба в составе Тарского уезда была отнесена к Тобольскому вице-губернаторству.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. IX – № 6876.

1738 26 марта. В находящийся в Томске Алексеевский монастырь отправлена промемория из Томской воевод-

ской канцелярии, подписанная секунд-майором Степаном Угримовым. *«Томской боярский сын Панов, – сообщалось в ней, – донес из Каинского и Убинского форпостов, в которых находится с томскими служилыми людьми для обережи от неприятелей, что в прошлых годах, по указу Ее Императорского Величества, имелось в них из духовных священников по одному человеку, а ныне тут священников уже с год не имеется, а служилые люди бывают в болезнях и имеют опасение, чтобы им не помереть без покаяния. Почему все и просят о присылке в форпост священника».* Воеводская канцелярия просила игумена решить вопрос о закреплении постоянного священнослужителя за гарнизонами Каинского и Убинского форпостов. Как отнеслось к этой просьбе монастырское начальство, неизвестно, но, похоже, казаки без Божьего слова и церковной опеки не остались. Свидетельством тому – внесенное в марте 1743 года в записную книгу дел духовного правления Томского заказа доношение священника села Зырянского Дорофея Иванова о выдаче ему денежного и хлебного жалования на текущий год и лошади для отъезда в Каинский и Убинский форпосты. Уму непостижимо – около семисот верст только в один конец!

☞ **Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина).** Томск, 2013, с. 208, 233–234.

1740 Беглые пленные сообщали, что контайша собирает большое войско для похода в северном направлении, эти сведения, подтверждавшиеся и другими источниками, оказались верными. В 1741 году джунгары всей мощью, не зная пощады, обрушились на пограничные с

Сибирью земли киргиз-кайсаков, которые в свою очередь или пытались спастись на чужой территории, или устраивали набеги на русские деревни и татарские улусы, в том числе и в Барабе. «Людей разоряют, в плен уводят и побивают, скот отгоняют, пожитки грабят, дворы и сено жгут» – такие донесения не были редкостью. Сибирской администрацией вводится особое положение в местах, доступных для нападений извне, населенные пункты оснащаются простейшими оборонительными средствами, их жители вооружаются, им предписывается «от прихода неприятельских людей иметь весьма крепкую предосторожность и всегда неоплошные караулы».

☞ Памятники сибирской истории XVIII века. Книга вторая. Санкт-Петербург, 1885, с. 443; Колесников А. Д. Указ. соч., с. 66–67.

1741 14–24 июня. Возвращаясь после восьмилетних странствий из экспедиции, через Барабу проезжает выдающийся ученый-ботаник Иоганн Георг Гмелин, оставивший в своих изданных позднее путевых записках уникальные подробные описания Убинского, Каинского и Усть-Тартасского пасов. А в Каинском пасе он сделал двухдневную остановку, во время которой исследовал его окрестности, вносил в дневник новые записи и даже присутствовал на камлании местного шамана.

☞ Gmelin J.G. *Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743*. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752, с. 88–129.

1742 Первая попытка заселения барабинского участка дороги от Тары к Томску. Сибирская губернская канцелярия своими указами потребовала от обеих воеводских канцелярий строительства зимовий и станцев в наиболее нужных местах с содержанием в каждом из них не ме-

нее четырех справных лошадей. В качестве поощрения переселенцев предусматривалось право беспошлинной торговли провиантом и фуражом в притрактовой зоне, а для тех, кто будет занят на перевозках следующих по казенной надобности чиновников и курьеров, – двухгодичное освобождение от всех повинностей, кроме подушной подати. Однако добровольцев, среди поверстанных в подводную гоньбу, не сыскалось, и даже те, кто жил в немалом отдалении от тракта, предпочитали оставаться на прежних местах.

☞ Кузьмина Ф. С. *Крестьяне Барабинской степи в XVIII – первой половине XIX века*. Томск, 1969, с. 64.

1743–1744 В связи с тревожной приграничной обстановкой, грозившей развертыванием масштабных военных действий между китайцами и джунгарами, и массовой прикочевкой к сибирским рубежам теснимых джунгарами киргиз-кайсаков, то и дело совершавших разбойничьи вылазки на русскую территорию, в Сибирь прибывают Ширванский и Нотебургский (Нашебургский) пехотные и Вологодский, Олонецкий, Луцкий драгунские полки. Указом Сената от 27 октября 1744 года командующим сибирскими войсками назначается генерал-майор Христиан Христианович Киндерман. В форпостах Томского ведомства, Каинском и Каргатском, в этом году находилось 203 казака с двумя пушками.

☞ Колесников А. Д. *Указ. соч.*, с. 68; *Пространство Северного Казахстана и Сибири...*, с. 25.

1743 9 сентября. Православные жители Каинского форпоста в ответ на их просьбу получили архипастырское благословение митрополита Тобольского и Сибирского Анто-

ния Нарожницкого на сооружение деревянной церкви Во Имя Спасителя Нерукотворного Образа, освящение которой состоялось в феврале 1751 года. Затем в связи с переносом и по мере обветшания церковь дважды перестраивалась с освящением ее в марте 1755 и сентябре 1773 года.

☞ Якимовский А. Я. Краткое статистическое описание Западной Сибири Томского окружного города Каинска за 1842 год, 68 с. (оттиск с рукописной копии, орфография современная, архив автора).

1744 Во исполнение правительственного распоряжения сибирской администрацией предпринята еще одна, на сей раз более удачная, попытка заведения зимовий на Барабе, с заселением их переведенными в ямщики крестьянами Томского и Кузнецкого уездов. Так появились четыре первых зимовья – Брызгалово, Антошкино, Убинское, Осиновые Колки (остальные зимовья и почтовые станцы появятся только к концу следующего пятилетия). Однако существенных изменений в уже сложившуюся ситуацию это не внесло, и в указе губернской канцелярии от 26 сентября 1746 года говорилось, что обслуживание барабинского участка тракта по-прежнему является обязанностью тарчан и томичей А для снятия напряженности им предлагалось самим выделить из своей среды группы переселенцев непосредственно в зимовья и станцы, чтобы уменьшить таким образом дистанции подводной гоньбы для каждого отдельного ее участника – от станца до станца. Результат отклика на это предложение оказался ничтожным: переселились всего несколько семей из деревень Чиковской и Крохалевой ведомства Чаусского острога.

☞ Миненко Н. А. Указ. соч., с. 35; Колесников А. Д. Указ. соч., с. 94.

1745 В этом году появились еще два картографических изображения Барабы: на чертеже, названном «ландкартой», геодезиста Пимена Евсеевича Старцева, сопровождавшего генерал-майора Андрея Венедиктовича Безра в его алтайской экспедиции, организованной по личному указанию императрицы Елизаветы Петровны, а также в первом полном географическом атласе России, изданном императорской академией наук. От подробных коммента-

«Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями...». Лист пятнадцатый. «Течение реки Иртыша, Енисея с их истоками, а также с между ними лежащими местами».

В отличие от Телеутской нет даже наименования Барабинской степи. Точечным пунктиром отмечены границы уездов (<https://archportal.nso.ru>; <http://expositions.nlr.ru>).

«Ландкарта, учиненная в бытность в Сибири бригадира Безра, Сибирской губернии с лежащими местами около Колывано-Воскресенского бывшего действительного штатского советника Демидова заводу...». (На ней обозначены все три форпоста).

риев воздержусь и предлагаю читателю-земляку сравнить прилагаемые фрагменты и самому решить, какой из этих двух «портретов» нашей малой родины удачнее – «экспедиционный» или «академический», какой содержательнее и в каком меньше погрешностей и неточностей.

1746 Появление первой русской деревни в Барабе (поблизости от Каинского форпоста и реки Оми, у озера Кайлы), по имени одного из ее основателей получившей название Ушково. В ней поселились выходцы из деревень ведомства Чаусского острога: Ушковы, Замараевы, Малинины, Вялковы, Епанешниковы, Панафидины. Обживать-ся на новом месте взялись основательно, поставили не хлипкие времянки, а надежные рубленые избы, обзавелись сенокосом и пашней. Но просуществовала деревня недолго, всего четыре года. Ее соседством были очень недовольны барабинские татары. В июле 1750 года командующий Сибирским корпусом генерал-майор Х. Х. Киндерман получил от князца Чойской волости весьма ловко составленную жалобу: якобы ушковцы, поселившиеся в местах исконного обитания и промысла его соплеменников, хозяйничают в их угодьях и чинят им препятствия и «немалые обиды» в охоте на зверей, которыми они выплачивают ясак ее величеству и алман джунгарскому контайше, тем самым обрекая их на недоимки. Хотя несостоятельность этих претензий была очевидной, Христиан Христианович решил перестраховаться, отдав приказ о сносе деревни и переселении ее жителей в другие места. Впрочем, такое жесткое решение имело и положительные последствия, так как, судя по сходству фамилий и назва-

ний некоторых возникших позднее населенных пунктов, кроме Ушкова, еще два его односельчанина стали основателями новых деревень.

☞ Миненко Н. А. Указ. соч., с. 35–36.

1746 *В мае* этого года по требованию военно-походной канцелярии Х. Х. Киндермана в Таре на основании показаний есаула всех семи барабинских волостей Кучука Мольбердеева была подготовлена справка. В ней сообщалось, что алман джунгарскому контайше татары платят мехами разных зверей и кожами собственной выделки, а также орлиными перьями, за ним ежегодно приезжает до двадцати калмыков. Русские сборщики, по просьбе барабинцев, по улусам не ездят, князцы сами привозят ясак ее императорскому величеству в уездный центр лисицами, корсаками, горностаями, белками, лосиными кожами. В денежном выражении (по количеству ясачных) от Барабинской волости поступило ясака в прошлом году на 156 рублей, от Чойской – на 44, от Теренинской – на 30, от Тунусской – на 65, от Турашской – на 57 с полтиной, от Любейской – на 27 с полтиной, от Каргалинской – на 24, а всего на 404 рубля. Одновременно выяснилось, что точного количества плательщиков неизвестно, так как ясачные книги не обновлялись с 1741 года. Таковое упущение надлежало незамедлительно устранить.

☞ Пространство Северного Казахстана и Сибири... , с. 83.

1747 *12 мая*. Императрицей Елизаветой Петровной издан указ «О взятии в казну Колывано-Воскресенского и прочих заводов умершего действительного статского со-

ветника Акинфия Демидова; о поселении близь оных заводов пришлых в Сибирь людей и о зарабатывании ими там государственных податей». Появлению этого указа предшествовала работа комиссии под руководством бригадира А. В. Безра. Ею было проведено обследование алтайских рудников, в ходе которого подтвердилось наличие в них серебро- и золотосодержащих руд, а по итогам было высказано предложение о переводе демидовских предприятий в разряд казенных с последующей выплавкой на них серебра. Во исполнение указа все заводы в зачет погашения долга казне у наследников А. Н. Демидова изымались для передачи в ведение Кабинета ее императорского величества и фактически становились собственностью царствующей династии. Одновременно для повседневного руководства делами новой вотчины была создана Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, ее возглавил, и вполне заслуженно, А. В. Безр. Для тысяч жителей Барабы, Алтая и Приобья этот указ стал поистине судьбоносным, но не в добром смысле, так как он положил начало их многолетней горнозаводской кабале, сибирскому варианту закрепощения, превратив из государственных крестьян в приписных. В дополнение к уже приписанным Сенату повелевалось произвести приписку к заводам обитателей Белоярской и Малышевской слобод Кузнецкого ведомства, Бикатунской крепости и Бердского острога. Не минет участь сия и Каинской слободы, и селений ее округа, но десятилетиями позже.

1747 Два любопытных извлечения из рапортов полковника Якова Павлуцкого о нелегкой доле коренных жителей Барабы:

10 октября. «Выбежавший из Киргизской степи барабинский татарин показал: жительство имел по реке Оми, в Аютинских юртах, и был взят в плен, когда выехал на Иртыш для зверованья. Киргизы увезли его в степь, и он находился в холопстве у Кутлубай-бия».

14 ноября. «Явились к Чернорецкому форпосту барабинские татары, князь Манданов с другими, всего 6 человек, на 8 лошадях, вооруженные луками и сайдаками, и при спросе объявили, что «они жительство имеют в Барабе Каинского форпосту, князька Чукалы Ирынеева, а в здешние места прибыли для промыслу у реки Иртыша, вниз и вверх, понеже, де, в степи зверя не имеется, и ясаку в казну Ее Императорского Величества платить нечего».

Один уже побывал в плену, у других добытчиков реальная возможность угодить туда же.

☞ Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. Москва, 1867, с. 154–155, 188.

1748 Найденная и опубликованная Григорием Николаевичем Потаниным «Опись назначенным на карте Барабинской степи построенным зимовьям, почтовым станциям и деревням», датированная этим годом, дает полное представление о всех «жилых местах», появившихся в Барабе к середине столетия. Приводится только перечень населенных пунктов без указания расстояния между ними, в скобках – варианты названий, более употребительные в

других источниках. Итак, с запада на восток: деревня Артынска Подволожна (Артынская Подволошная), зимовье и почтовый станец Буторино, зимовье Резино, почтовый станец Новоселово, зимовья Назарово, Хохлово, Брызгово (Брызгалово), форпост Усть-Тартасский (*«при нем слобода, в которой жительство имеют тарские отставные казаки и разночинцы: с одного форпоста служилые казаки сняты и артиллерия перевезена на новую линию»*), почтовый станец Турумы (Турумово, Туруново), зимовья Ичинское, Антонова (Антошкино), Булатково (Булатово), форпост Каинский (*«в слободе при нем живут томские служилые казаки, разночинцы и новопоселенные крестьяне: около одного форпоста, как вверх по р. Оми, так и вниз, строятся деревни для населения»*), зимовья Осиновые Колки, Калмыково (Колмаково), Убинское, Каргайское (Карганское), форпост Каргатский (*«по указу Сибирской губернской канцелярии почтовую гоньбу здесь отправляют томские служилые казаки, с прошлого 1747 года, вместо чеуских крестьян»*), зимовья Тарышкина (Тырышкино), Иткульское, Сетковское (Сектинское), Овчинниково, Крутые Лога, деревня Подвологина (Подволошная), Чеуский (Чаусский) острог. На этом же участке тракта располагались и семь волостей барабинских татар, их названия – в предыдущем тексте. Всего же по тракту от деревни Артынской Подволошной через Барабу до Чаусского острога – 581 верста. Расстояние между зимовьями составляло: самое меньшее – 16, самое большее – 38, но чаще всего от 20 до 30 верст.

1748 Летом 1748 года по этому маршруту отважился проехать сам командующий сибирским корпусом генерал-майор Х. Х. Киндерман и по окончании поездки свои дорожные впечатления изложил в ордере, который направил одновременно обеим воеводским канцеляриям – и тарской, и томской: *«Из Тары через Барабу дорога весьма худа, где надлежит быть мостам и добрым гатям, того ничего не укреплено, а где и есть мосты, весьма худы, без всякой укрепы. Гати только набросаны березняком и то малая часть и ничем не укреплены, что проехать на лошадях с телегами никак не возможно, верхом и то с великим трудом»*. Он потребовал, чтобы на строительство и ремонт тракта вновь были направлены крестьянские артели и чтобы за их работой был установлен строжайший надзор. О плачевном состоянии дороги из Тары в Томск была поставлена в известность и Сибирская губернская канцелярия, откликнувшаяся указом от 17 августа того же года, в коем администрациям обоих причастных к сему делу уездов было велено *«пересмотреть, где имеются речки и прочие болотные места, переправы, гати и к берегам пристани и по пересмотре оные поправить, а где нет, новые построить живущими в тех местах обывателями на своем коште»*. Скорее всего, изданием очередного циркуляра дело и закончилось.

☞ Колесников А. Д. Указ. соч., с. 94.

1751 *1 июня*. Под воздействием мусульманских миссионеров, давно проторивших дорогу в Барабу и совершавших обряды приобщения к своей религии непосредственно в улусах барабинских татар, в середине сороковых

годов участился их переход из шаманизма в ислам, с чем не могло смириться сибирское духовенство, прилагавшее немало усилий к тому, чтобы инородцы, если расставались с язычеством, то принимали православие. Священники при негласной поддержке местных властей практиковали порой даже их принудительное крещение, совершая тем самым явное беззаконие.

Любопытным документом того времени, отразившим борьбу двух конфессий, является промемория митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра командующему Сибирским корпусом генерал-майору Х. Х. Киндерману от 1 июня 1751 года. Он сообщал ему, что среди ясачных немало желающих принять православие, но их «сворачивают» проповедники «магометанского закона», в результате чего тарский мулла обратил в свою веру уже больше половины барабинцев и, превратив их в свою паству, заставляет ежегодно собирать за молитвенное служение по десять—двадцать рублей с каждого улуса. Сильвестр просил Х. Х. Киндермана «...от въезда в барабинские жилища татарским абызам для прельщения и обрезования барабинцев каким-либо пристойным образом приказать удержаться», однако тот, видимо, не считал возможным вмешиваться в дела сугубо духовные как находящиеся вне его компетенции.

Исламизация коренного населения Барабы в основном завершилась к концу столетия, но некоторые немногочисленные его представители сохраняли приверженность прежней вере или присущим ей отдельным обрядам и обычаям и в девятнадцатом веке.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 154; Пространство Северного Казахстана и Сибири... , с. 132.

1750 После завершения строительства южной линии крепостей, надежно защитившей Барабу от проникновения степных хищников, форпосты утратили свое военное значение. Они были преобразованы в обычные селения, а казаки расформированных гарнизонов или были командированы в новые места службы, или, выйдя в отставку, пополнили сословие здешних государственных крестьян, на которых возлагалась обязанность производить почтовую и подводную гоньбу по Московскому тракту. Из трех барабинских форпостов в новое состояние первыми, еще в конце сороковых, перешли Усть-Тартасский и Каргатский, а последним, в 1750 году, Каинский форпост. Одновременно в них произошло сосредоточение определенных административных функций: став слободами, они главенствовали в своих округах наподобие будущих волостных центров.

☞ Фальк И.-П. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. Санкт-Петербург, 1824, с. 430–431.

1752 В этом году в последний раз появились в Барабе джунгарские сборщики алмана, что подтверждается рапортом Тарской воеводской канцелярии от 20 ноября 1755 года о прекращении их приездов с 1753 года. С двоеданством было покончено. Важность этого события трудно переоценить. От полуторавековой кабалы, от ежегодных поборов, сходных с грабежом и сопровождавшихся обидами, унижениями и даже физическими расправами, избавились наконец барабинские татары, одной из причин постоянной головной боли стало меньше у сибирской администрации.

Окончательно убедившись в том, что дипломатическим путем разрешить давние разногласия невозможно, было решено свести к минимуму возможность проникновения посланцев контайши в двоеданческие волости. В конце 1745 года им было запрещено проезжать далее крепостей Иртышской линии, а весной 1747 года, став владелицей Колывано-Воскресенских заводов, своим указом Елизавета Петровна велела не пропускать через их территорию алманщиков. Но окольными путями они все-таки достигали цели, и не думая отказываться от привычной дармовой поживы.

И продолжалось бы это еще долго, если бы Джунгария после смерти в 1745 году последнего достойного правителя Галдан-Цэрена не вступила в пору затяжных междоусобных распрей и в роковую для нее схватку с Китаем, завершившуюся ее полным разгромом, оккупацией и геноцидом. Тут уже было не до алмана...

☞ Потанин Г. Н. Указ. соч., с. 58; Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е. гг. XIX в. Барнаул, 2002, с. 158.

1753 Этот год отмечен возросшей активностью усилий местной администрации по заселению Барабы. Сибирской губернской канцелярией было издано четыре указа (7 и 9 марта, 28 июня и 18 июля), в которых томской и тарской воеводским канцеляриям предписывалось организовать перевод крестьян и разночинцев из подведомственных им селений для размещения вдоль «проезжей дороги» и для подводной гоньбы. В соответствии с этим решениями, принятыми на местах, были назначены к переселению: из Томского уезда – сначала сто семей из Чаусского, потом двести из Сосновского, Умревинского,

Верхнетомского острогов и города Томска, в том числе и те, кому «было велено жительство иметь в Каинском форпосте». Третью партию составили крестьяне, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам, в связи с чем произошло преобразование бывших зимовий в русские селения – Усть-Тарку, Вознесенское, Спасское, Булатово, Колмаково, Иткульское. Вклад Тарского уезда в освоение Барабы на этот раз был гораздо скромнее: всего двадцать семей татар-переведенцев, обосновавшихся в качестве ямщиков в Усть-Тартасском форпосте. В этом же году состоялся добровольный переезд девятнадцати семей чаусских крестьян в окрестности Каинского форпоста.

☞ Филимонов Е. С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев северо-западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. Санкт-Петербург, 1892, 54–55.

1754 Ссылка в Сибирь становится постоянной, с разделением ее на два главных вида: в работу и на поселение.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 160.

1755–1758 Цинской империей окончательно разгромлено Джунгарское ханство и уничтожено как политическое образование с поголовным истреблением маньчжурской армией всего населения. Немногочисленные джунгары, уцелевшие во время массовой резни, искали спасения в российских пределах.

☞ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Москва: Наука, 1983, с. 279–304.

1755 В этом году Томской воеводской канцелярией, на основании указа Елизаветы Петровны, предписано командиру Петру Шелудякову «в непродолжительном

времени перевести Каинский форпост на другую сторону речки Каинки; на каковой обширной площади можно свободно поместить несколько сот домов – для команды и ясаиных гостей».

☞ Якимовский А. Я. Указ. соч.

1755 *21 августа.* Принят сенатский указ «Об увольнении государственных крестьян и разночинцев в Тобольской губернии от исправления ямской и почтовой гоньбы и о возложении сей повинности на ямщиков». Рассмотрение этого вопроса Сенатом своими обращениями инициировали сменивший умершего Х. Х. Киндермана в должности командующего сибирским корпусом бригадир Иван Иосифович Крафт и губернатор генерал-поручик Василий Алексеевич Мятлев. Отмечалось, что выполнение подводной повинности наряду с другими чрезвычайно обременительно для крестьян и разночинцев и от этого им «не токмо отягощение, но и вящее разорение», и потому многие из них к платежу подушного оклада и оброчного провианта, а также к прочим казенным работам уже неспособны.

Сенат постановил: *«...означенных государственных крестьян и разночинцев ... от содержания почтовой и ямской гоньбы крайним изнеможением ... уволить и впредь их в ее исправление не определять».* Приказано *«на Барабинскую степь от Тары до Томска ... Самарского и Демьянского ямов излишних ямщиков, по расписанию Ямской Канцелярии, перевести и поселить на упомянутой Барабинской степи в назначенных Губернской Канцелярией местах, которые ... к поселению весьма способ-*

ные.» В Самаровском яме по проведенной в том же году ревизии насчитывалось 487 ямщиков, в Демьяновском – 1472. В соответствии с указом в Барабу было переведено 1559 ямщиков.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XIV – № 10449; Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. Москва, 1949, с. 110.

1756 В 1755 году в Барабу командирован прапорщик Вологодского драгунского полка Яков Уксусликов. Ему поручено наметить новый маршрут участка тракта от Иртыша до Усть-Тартасского форпоста с целью его спрямления, а также дано сопутствующее задание: сделать *«обстоятельное описание Барабинской степи... какие годные на той степи места, где можно достойное учинить поселение, по скольку дворов и какие имеются угодия»*. Главный вывод его разведки таков: *«на Барабинской степи имеюща к поселению и для жилья человечества удобные места около реки Оми, где есть к строению и на дрова березового лесу и пахотной земли и сенокосных покосов со удовольствием»*.

А в 1756 году результаты своих изысканий он обобщил в первом подробном плане Барабинской степи, составленном при масштабе двадцать верст в английском дюйме. Дана ее панорама от Иртыша до Оби, с северной границы до южной. Тракт от Тары до Чаусского острога обозначен красным пунктиром. Для других географических объектов использованы текстовые, цветковые (красные – уже существующие, желтые – запланированные), цифровые и литерные указатели.

На плане показаны ясачные волости (Тунусская, Любейская, Кулебинская, Чойская, Барабинская, Каргалин-

Центральный фрагмент плана с форпостами Каинским и Каргатским.

ская, Теренинская) и юрты барабинских татар, литерами отмечены места, «где назначено быть ямам» (поселениям ямщиков – *авт.*), – Каргашев погост (А), урочище Тонтура (В), форпосты Каинский (С) и Каргатский (D), а цифрами – деревеньки, зимовья и почтовые станцы, положившие начало первым русским селениям в Барабе, из коих многие уже исчезли, а некоторые живы и доселе. Назову лишь некоторые – те, что были и есть и вписываются в границы нынешнего Куйбышевского района (современные варианты названий): Назарово, Антошкино, Булатово, Осинцево, Баргазы, Марково, Белово, Колмаково, Гутово, Помельцево, Козино, Осиново. Неопровержимым доказательством того, что краеведческая датировка

основания деревни Мошнино (1700) исторически неверна, служит ее отсутствие среди тридцати семи занесенных на план населенных пунктов.

Изображены реки (кроме рубежных Иртыша и Оби – Омь со всеми притоками, Тара, Каргат, Чулым, Чаус), наиболее крупные озера и болотные займища. Эта геодезическая экспедиция стала важным шагом в подготовке дальнейшего обустройства барабинского участка Московского тракта и его заселения русскими. В кратком авторском описании, являющемся одним из элементов плана, сообщается также, что эта местность находится под надежной защитой сразу трех крепостных пограничных линий – Иртышской, Колыванской и Кузнецкой.

☞ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16 (ВУА). Д. 25286.

1756 29 января. В донесении, отправленном чаусским комиссаром в томскую воеводскую канцелярию, сообщалось: «...нынче... во оном Каинском форпосте из разных мест семейщиков поселено более 3 тысяч – около 4 тысяч душ (вместе с округой – *авт.*) находитца». Ростом населения собственного и своей округи в пятидесятые годы Каинский форпост был обязан прежде всего переселенцам и переведенцам из Чаусского острога и приписанных к нему деревень.

☞ Миненко Н. А. Указ. соч., с. 36.

1757 Редчайший случай в российской истории: бывший каторжник стал сибирским губернатором. Федор Иванович Соймонов – личность поистине легендарная, один из «птенцов гнезда Петрова», любимец императора, однажды даже спасший ему жизнь, неутомимый мо-

Федор Иванович Соймонов

реход, многое сделавший для развития российского флота, один из образованнейших людей своего времени. Занимавший в 1740 году должность вице-президента адмиралтейств-коллегии он жестоко пострадал за причастность к кругу «конфидентов» Артемия Петровича Волынского, противников биронщины. После отмены первоначального смертного

приговора Ф. И. Соймонов был жестоко наказан кнутом и отправлен на бессрочные каторжные работы на Охотский солеваренный завод.

О нем вспомнила по восшествии на престол Елизавета Петровна. Признав невиновным, даровала свободу и прежнее положение в обществе, оставив на его усмотрение выбор места жительства. Федор Иванович остался в Сибири, которую успел полюбить, и спустя шестнадцать лет, с одновременным получением чина тайного советника, был назначен ее губернатором.

За шесть лет пребывания в этой должности он оставил глубокий след в памяти сибиряков множеством полезных дел, именно он положил начало обустройству главного Сибирского тракта через Барабу, огромную пустошь разделявшую Западную и Восточную Сибирь, заселяя ее поселщиками и ямщиками, а Омскую линию

укрепил так, что набеги киргиз-кайсаков происходили на эти земли все реже и реже.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 165; Гольденберг Л. А. Каторжанин – сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соимонова. Магадан, 1979, 287 с.

1759 22 июля. С этого дня, круто изменившись, завершилась относительно привольная, хотя и отягощенная повинностями жизнь многих обитателей Каинского форпоста и его округа, до этого относившихся к разряду государственных крестьян и в одночасье ставших приписными. Произошло это в соответствии с именным «изустным» указом императрицы Елизаветы Петровны, которая «для размножения, столь знатную пользу казне приносящих Колывано-Воскресенских заводов», высочайше повелела приписать к ним дополнительно еще 12825 мужских душ, учтенных последней ревизией в 438 деревнях Томского и Кузнецкого уездов, в том числе и все русское население Барабы.

Теперь вновь приписанные были обязаны отрабатывать свою подушную подать на кабинетских предприятиях, где их, нещадно эксплуатируя, использовали на самых тяжелых работах – заготовке и доставке в больших количествах угля, дров, руды и «протчих материалов». Их длительное отсутствие в местах проживания, вызванное чрезвычайной отдаленностью заводов, исчислявшейся не одной сотней верст, многодневной продолжительностью самих отработок, наносило немалый урон личному хозяйству, затрудняло проведение всего комплекса сезонных сельских работ, доводило многие семьи до крайней степени бедности, а то и до полного разорения.

Трактъ отъ Барнаульскаго Завода до Санкт-Петербурга	
Поименнымъ въ канцеляри проезжающимъ Запискамъ	
Отъ Барнаульскаго Завода до деревни повалики	23
отъ повалики до деревни талменской	49
отъ талменской до деревни анисимовой	26
отъ анисимовой до деревни мезведицы	39
отъ мезведицы до деревни коимовой	29
отъ коимовой до деревни острого	28
отъ острого до села приращева	20
отъ приращева до деревни коптиковой	20
отъ коптиковой до деревни проволочной	20
отъ проволочной до села Зимова	17
Отъ шелеенка Зимова до села Колодецкого Петербургской Академии надъ на 176 до Каленява	
отъ шелеенка до Занаткинского	43
отъ Занаткинского до деревни Зерганова	26
отъ Зерганова до селенца Хартопта	46
отъ селенца Хартопта до селенца озера	28
отъ селенца озера до Урякова Зимова	27
отъ Урякова до селенца Зимова	30
отъ селенца Зимова до селенца	26
отъ селенца до селенца Хартопта	36
Итого отъ Барнаульскаго За- вода до селенца Хартопта	
	526

Страница росписи «Тракта от Барнаульского завода до Санкт-Петербурга» с указанием расстояния до Каинского форпоста – 526(!) верст.

Все это, а также не знавший предела произвол горнозаводской администрации не могли не вызывать справедливого протеста, выражавшегося в частых массовых волнениях, отказах являться на работу, самовольных переселениях в глухие места и даже самосожжениях. Сообщений об этом в летописи сибирской приписной деревни более чем достаточно. И во все времена этой почти сорокалетней кабалы заветной мечтой каждого приписного каинца было избавление от проклятой приписки.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XV – № 10976; Кузьмина Ф. С. Хозяйственное освоение Барабинской степи во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Из истории Сибири. Выпуск первый. Томск, 1970, с. 186–201.

1760 13 декабря. Видимо, убедившись в том, что попытки заселить все доселе пустующие сибирские места, в том числе и Барабу, только путем перемещения групп местного населения по причине демографической ограниченности такой возможности малоэффективны, Сенат с благословения императрицы издал «знаменитый» указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут, и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех управляемых крестьян по назначенной в сем указе цене».

Этот документ – одновременно и яркое свидетельство крепостнического произвола и народного бесправия, и незаурядный образец административного прагматизма, позволивший соблюсти государственный интерес, ускорив заселение огромного пространства все еще необжитых сибирских земель, а заодно избавить дворянские и прочие поместья от взрывоопасного контингента, склон-

ного к «продерзостным поступкам», протестным действиям и разного рода правонарушениям. В отношении Сибири еще раз подтверждался ставший традиционным принцип: на тебе, убоже, что нам негоже. Но особо оговаривалось, что ссылаемые должны быть возрастом не старше 45 лет, здоровы, неувечны и годны к любой работе, семейные подлежали отправке вместе с женами. А вот если у них были дети, то отправиться вместе с родителями они могли только с согласия помещика, которому в таком случае из казны выплачивалось: за мальчиков в возрасте до пяти лет десять рублей, от пяти до пятнадцати лет – двадцать, за тех, кто старше, платы не полагалось, они уже зачитывались рекрутами. За женский пол денег причиталось «вполю вышеозначенных».

Если отправляемые на поселение и соответствовали условиям, обозначенным в указе, то только поначалу. Позднее контроль был ослаблен, махровым цветом расцвел подкуп крепостниками чиновников, ведавших приемом посельщиков, и партии отправляемых в Сибирь крестьян формировались с грубейшими нарушениями указных требований. Об этом с прискорбием поведал Петер Симон Паллас: *«...Худое обстоятельство, о котором нельзя умолчать, есть то, что в российских областях у дворян в зачет рекрутов для населения Сибири крестьяне безответным образом принимаемы бывают. Я слышал, что между ними есть больные, уроды, безумные ... и много старых и седиными покрытых людей, кои размножению подобных себе совсем не способны. Еще неизвинительнее есть сие, что многие состарившиеся отцы от их многолюдных семейств, даже и от их жен бесчеловечными и корыстолю-*

бывыми господами разлучены и в сии страны, исполненные печали и бедности, посланы... Многие рассказывали мне со слезами ... о их оставшихся детях, с коими бы они в Сибири гораздо счастливейшими ... себя считали...».

Неудивительно, что многие из ссыльных так и не увидели Сибири, не выдержав трудностей и лишений дальнего пути, высока была смертность на первых порах и в местах расселения, причины – бытовая неустроенность и непривычно суровый климат. Но партии шли и шли, одна за другой, и те, к кому судьба оказалась более милосердна, обретали здесь новую родину, где предстояло доживать свой век им самим, жить и трудиться их детям, внукам и дальним потомкам. Осваиваться в новой среде обитания (их селили отдельными от старожилов деревнями) было очень нелегко. В дорогу от своих бывших владельцев они не получили ничего, кроме того, чем обычно помещики должны были обеспечить отправляемых на службу рекрутов: убогая одежина да немного дорожных припасов. Ни скота, ни сельхозорудий, ни домашнего имущества. В пути и первые два года на новом месте они получали кормовые деньги, согласно инструкции – *«на действительных работников и женску полу, большим в день по одной копейке, а малолетним против того в пол той же и провиант на один год и четыре месяца, а потом один же год половинною дачею, а после сего довольствие иметь будут вновь уродившимся от их пахоты хлебом»*. Возможность недорода не предусматривалась.

Послабление для вновь прибывших было лишь в одном: зачисленные в посельщики, они на три года освобождались от всех податей и повинностей. Им выдавалась

и подлежащая возврату по окончании льготного срока казенная ссуда, но не деньгами, а тем, что требовалось для обзаведения личным хозяйством: пара сошников, два серпа, коса, топор, семенное зерно (девять пудов ржи, по четыре пуда овса и ячменя и пуд конопляного семени) и, самое ценное, – лошадь. При благополучном исходе спустя три года они зачислялись в сословие государственных крестьян и должны были выплачивать все подати, выполнять все повинности и погашать уже в денежном выражении полученную ранее ссуду. А чтобы это произошло, за жизнью и деятельностью посельщиков осуществлялся строгий надзор деревенским старостой, как правило, бывшим солдатом, наделенным всеми дисциплинарными полномочиями вплоть до телесных наказаний.

Постоянный приток поселенцев в последующие годы, прерванный лишь в 1773 году пугачевщиной, их размещение в притрактовой зоне, начатое губернатором Федором Ивановичем Соймоновым и с 1763 года успешно продолженное и завершенное его энергичным преемником Денисом Ивановичем Чичериным, превратили Барабу в край не только достаточно заселенный (около тридцати сел и деревень вдоль тракта), но и в один из наиболее крупных сибирских центров земледелия и скотоводства. Какое место занимали посельщики в сословной структуре Каинского уезда, наглядно показывает «Ведомость, учиненная в Каинском уездном казначействе, какое число в г. Каинске и в окружности оною разного звания обитателей по нынешнему новому разделению округа», составленная в январе 1785 года. Учтено не все население, а только податное, то есть мужчины.

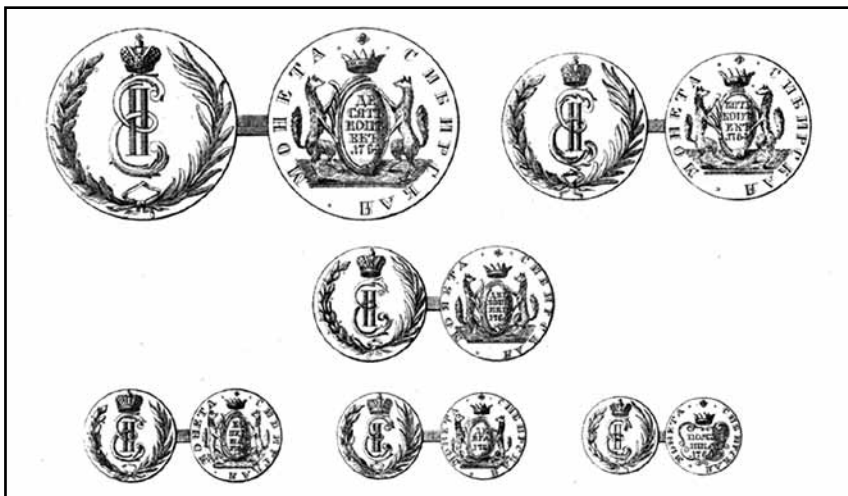
И количество посельщиков в разы превосходит численность двух других основных групп: посельщиков – 7768 душ, заводских крестьян – 1833, государственных – 765.

☞ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям российского государства. Часть третья. Половина вторая. 1772–1773. Санкт-Петербург, 1788, с. 5–6; Кузьмина Ф.С. Указ. соч., с. 189–190.

1762 14 декабря. Во исполнение манифеста Екатерины II от 4 декабря этого же года издан сенатский указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, означенных в прилагаемом у сего реэстре», который начинался с предложения возвращавшимся из заграницы старообрядцам селиться «в Сибирской губернии ... на Барабинской степи, где к поселению выгодных лесами, реками, рыбными ловлями плодоносных земель несколько сот тысяч десятин имеется».

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XVI – № 11725.

1763 5 декабря. Именным указом велено на Кольваново-Воскресенских заводах начать чеканку «особливой» монеты шести номиналов (десять, пять, две и одна копейка, деньга и полушка) с изображением на ней герба Сибирского царства, используя для этого золотистую и серебристую медь, получаемую в большом количестве при плавке руд, так как доставка ее на другие монетные дворы сопряжена с большими трудностями и затратами, так же, как и извлечение содержащегося в ней золота и серебра. Но хождение этой монеты во всяких казенных и партикулярных сборах и платежах ограничивалось пределами Сибирской губернии. Изготовление ее было прекращено именным указом 7 июня 1781 года в связи с избыточным присутствием в обращении (общий выпуск за

Сибирские монеты с вензелем императрицы Екатерины II и гербом Сибирского царства

пятнадцать лет составил около пяти миллионов рублей) и все более участвующимся проникновением в качестве платежного средства в европейские регионы империи. А Сузунский монетный двор (он начал действовать в 1766 году) перешел на штемпели общероссийского образца. Позднее было разрешено принимать сибирскую монету наряду с другой медной мелочью везде, и она отнюдь не была нумизматической редкостью даже в первые десятилетия следующего века.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XVI – № 11983, Т. XXI – № 15168.

1763 15 декабря. Окончательное упразднение Сибирского приказа и подчинение органов местного управления Сибирской губернии коллегиям и другим центральным ведомствам.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XVI – № 11989.

1764 19 октября. Издан указ о наименовании Сибири Сибирским царством и учреждении в ней из одноименной провинции второй губернии – Иркутской.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XVI – № 12269.

1766 14 декабря. С целью устранения недостатков действующего законодательства путем разработки проекта нового Уложения издан высочайший манифест об учреждении в Москве специальной Комиссии из депутатов от всех городов и уездов, в том числе и сибирских, от всех слоев свободного населения империи, которых надлежало избрать повсеместно в течение полугода.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XVII – № 12801.

1772 Март. Возвращаясь из поездки по ведомству Кольвано-Воскресенских заводов, через Барабу проезжают члены Оренбургского отряда Академической экспедиции, возглавляемого шведским путешественником и натуралистом на русской службе академиком Иоганном-Петером Фальком. В его путевых записках в главе «Барабинская степь» дано ее обстоятельное описание.

☞ Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. Санкт-Петербург, 1824, с. 416–434.

1773 1 февраля. Вечером этого дня в Каинской слободе делает остановку на обратном пути из Сибири в Европейскую Россию один из руководителей комплексной Академической экспедиции, охватившей научными исследованиями, продолжавшимися с 1768 по 1774 год, многие регионы империи, академик Петер Симон Паллас. Недолгое пребывание в ней нашло отражение в изданном им итоговом труде.

☞ П. С. Паллас. Указ. соч., с. 7–13.

Каинская слобода: ландшафт на закате

 Петер Симон Паллас

На исходе зимы 1773 года, завершая свое многолетнее странствие по центральным губерниям империи, Поволжью, Уралу, Алтаю, Западной и Восточной Сибири, Байкалу, Даурии и китайскому приграничью, Московским трактом возвращался в Европейскую Россию академик Петер Симон Паллас. Руководитель основного исследовательского отряда широкомасштабной и многоцелевой экспедиции,

организованной «по именному повелению», ехал один, налегке, не имея при себе ничего, кроме личных вещей, необходимых в дороге, но, как и подобает столь значительной персоне, под охраной сменявших друг друга казачьих конвоев. Все пожитки и богатые научные «трофеи», занявшие несколько повозок, он отправил из Красноярска за два дня до собственного отъезда вместе со своими спутниками, которым наказал дожидаться его в Таре. Самому пришлось задержаться, чтобы по возвращении «с поля» академика Иоганна-Готлиба Георги, возглавлявшего отдельный отряд со своим маршрутом, находившегося в его подчинении, согласовать с ним план дальнейших действий. Сразу же после встречи, не медля

ни минуты, тепло попрощавшись с коллегой, в ночь с 22 на 23 января П. С. Паллас отправился в путь, решив, что поспать можно и в хорошо утепленном санном возке. Не впервóй...

Сей ученый муж, еще до приезда в Россию уже в молодые лета получивший известность в Западной Европе благодаря своим трудам по зоологии, преуспевший и в других естественных науках, приглашенный в Санкт-Петербургскую Академию наук самой императрицей, между тем не имел ни во внешнем облике своем, ни в манерах и тени той сановной важности, которая была свойственна некоторым его коллегам. Держался скромно, но с достоинством, был одинаково вежлив и учтив со всеми, с кем ему приходилось общаться – от губернатора до горнозаводского рабочего. Невысокого роста, худощавый, с простоватым лицом и слегка вздернутым носом, тихим голосом и некоторой скованностью движений, он с первого взгляда мог бы вполне сойти за чиновника средней руки с несложившейся карьерой, если бы не глаза – большие, необычайно голубые, очень живые, умные и по-детски пытливые, да заставлявшее многих врасплох его обыкновение засыпать собеседника самыми различными и подчас замысловатыми вопросами.

Петра Семеновича (так он именовал себя на русский лад) интересовало буквально все, что открывалось его взору за каждой пядью, саженью, верстой бесконечного и неисчерпаемо богатого новизной впечатлений сибирского пространства. Ответы он выслушивал с предельным вниманием, явно стараясь запомнить их дословно, чтобы потом занести все наиболее интересное и значимое из

услышанного и увиденного в путевой ежедневник, сопроводив своими комментариями, размышлениями и выводами. Копии этих записей с первой же оказией отсылал в Академию наук, где уже с 1771 года, за три года до возвращения автора, приступили к их публикации сначала на немецком (1771–1776), а затем и на русском (1773–1778) языке. Итоговая трехтомная (в пяти частях, с приложением атласа) научная эпопея «Путешествие

по разным провинциям Российской империи», посвященная «великой государыне и самодержице всероссийской Екатерине II», представляет собой грандиозную панораму большинства регионов российской державы, свод ценнейших сведений по самым различным отраслям знаний.

...Дальняя сибирская дорога, когда почтовые станции отстоят друг от друга на тридцать-сорок верст, обрекает путника на вынужденное бездействие, но располагает к воспоминаниям и размышлениям. А ему было что вспомнить и над чем поразмыслить. Перед отъездом в экспедицию, от которой двадцатисемилетний Петер Симон, еще не ставший Петром Семеновичем, ожидал интересных исследований и потрясающих открытий, его внешний вид вполне соответствовал возрасту. А сейчас в неполные тридцать два он выглядел совсем иначе: волосы обметала

седина, на исхудалом лице, потемневшем и огрубевшем от студеного ветров, жгучих морозов и палящего солнца, явственно обозначились морщины – неизгладимые следы всех пережитых лишений и несчастий, всех перенесенных недугов. Господи, чем только ему ни пришлось переболеть! Малярия, цинга, дизентерия, бесчисленные простуды, даже обморожения теперь в прошлом, а в настоящем и на всю последующую жизнь – приобретенное в сибирских скитаниях хроническое воспаление глаз, истинное проклятие для каждого, а тем более для человека интеллектуального труда, в дни обострений лишенного возможности полноценно заниматься главным делом своей жизни.

Не раз во время резкого ухудшения здоровья или очередной полосы невзгод и неудач им овладевали отчаяние и апатия, но продолжалось это недолго. Понимание персональной ответственности за успех экспедиции, стойкое стремление к непрестанному пополнению своего личного багажа научной информации брали верх над всеми телесными заморочками и временным невезением и снова влекли его вперед, к дальнейшему постижению сокровенных тайн мироздания. О своем выборе он впоследствии никогда не сожалел, так как, пройдя во главе отряда непомерной трудности путь длиной около двадцати трех тысяч верст, взамен рано утраченной молодости приобрел колоссальный объем новых знаний и, сделав их всеобщим достоянием, по праву занял свое место в пантеоне бессмертных – величайших ученых всех времен и народов.

...31 января поутру П. С. Паллас прибыл в Чаусский острог, где отметил наличие в окружении остатков

острожного тына церкви, четырехсот домов и судной избы – служебной резиденции находившегося здесь офицера от Колывано-Воскресенской горнозаводской канцелярии, исполнявшего должность уездного комиссара. В его обязанности входило осуществлять дисциплинарный надзор за приписными крестьянами окрестных селений, обеспечивать их своевременную и в полном составе явку на заводские работы, разбирать взаимные жалобы и споры, а также вести розыск беглых. Если остановка и была, то крайне недолгой, так как в этот же день Петр Семенович уже достиг пределов Барабы, обнаружив в ней почти полное сходство с Ишимской степью, такой же состоящей из *«равнины плодородной, травую изобилующей, но во многих местах влажной, частью озеристой, также и солоноватой, наипаче березовыми перелесками поросшей, которая к югу у алтайских гор и у Иртыша еще менее лесиста и притом не столь плодородна, а к северу темным лесом, что простирается до низовий Оби, кончается»*.

Маршрут, которым двигался П. С. Паллас в основном повторял путь И. Г. Гмелина (его книгу о сибирском путешествии перед тем, как отправиться в экспедицию, он основательно проштудировал) лишь с той разницей, что русских сел и деревень в начале сороковых здесь еще не было, и абсолютно совпадал с теми населенными пунктами, где за год до него побывал И.-П. Фальк. И вскоре в дневнике появится такая запись: *«Первого февраля прибыл я к ночи в Каинскую слободу, где прежде был токмо форпост...»*. Остаться здесь на отдых и ночлег он тоже не намеревался, но за полтора часа, ушедших на ужин и

смену лошадей, сумел плотно побеседовать с каинцами. И вот что ему поведали слобожане... Селение их переживало не лучшие времена. Это «столь именитое, по выражению П. С. Палласа, место» уже потеряло треть своих жителей, численность которых продолжает быстро уменьшаться в ходе административного переселения, проводимого Колывано-Воскресенской горнозаводской канцелярией. Цель его состояла в том, чтобы эту весьма отдаленную слободу с приписными крестьянами переселить гораздо ближе к заводам, южнее и восточнее, между реками Бурла и Карасук, на новую прямую дорогу от Барнаула к Тобольску, пролагаемую через необитаемую степь, вменив переселенцам в дополнительную повинность еще и содержание тракта в надлежащем состоянии. Вывод напрашивался сам собой: если этот процесс будет продолжаться с той же ретивостью, упадок или даже исчезновение «Каинска» (так в палласовском тексте, что вполне можно трактовать как самое первое и провидческое упоминание этого топонима, названия будущего города, в литературе) неизбежны.

Не спешившие переезжать к местам принудительного водворения каинцы откровенно рассказали ученому о своем самом сокровенном желании – освобождении от заводских работ и о великой неохоте покидать привычные места обитания и промысла, богатые рыбой и дичью, существенной прибавкой к тем съестным припасам, которые дают их домашние хозяйства. Находящееся в пятидесяти верстах южнее слободы «великое озеро Чаны» изобилует щуками, окунями и более мелкими породами рыб во все времена года, в том числе и зимой, ловят их

как подледным запуском неводо́в, так и обычными удочками. Улов солят и сушат впрок, а замороженную рыбу даже вывозят на продажу.

Причем, в места весьма неблизкие: в прииртышское правобережье, в Тобольск и на Ирбитскую ярмарку, а на подводах, в зимние месяцы возвращающихся после доставки товаров с востока, доезжает живое серебро барабинских озер, что может даже показаться невероятным, до Соликамска, Екатеринбурга и даже до нижнего Прикамья. Такие дальние провозы, отмечает П. С. Паллас, вряд ли были бы прибыльными, если бы не чрезвычайная дешевизна добываемой здесь рыбы: так, пуд мерзлых шук в «Каинске» (снова употреблено наименование, коему суждено будет утвердиться как официальному только через девять лет) стоил всего три копейки, и среди них нередко попадались отменные экземпляры – рыбыны весом до тридцати фунтов (двенадцать килограммов – *авт.*). Лишаться такого блага каинцам, всей слободой и волостью давно проторившим тропу к голубой житнице, конечно же, было бы весьма прискорбно...

Еще в самом начале своего царствования Екатерина II издала указ о запрещении весенней охоты на зверей и птиц на всей территории российской империи. В связи с этим сибирский губернатор Денис Иванович Чичерин направил в правительствующий Сенат рапорт о необходимости сделать в этом запрете исключение для сибиряков, обосновав свою просьбу давно сложившимся укладом и особыми условиями жизни в вверенном ему крае. Вскоре был получен персонально адресованный Д. И. Чичерину указ императрицы, ставший поправкой к предыдущему:

«Донесено нам..., что, по причине учиненного нами запрещения о нестрелянии зверей и птиц весною, многие сибирские народы, приходя к вам, просят, что они не имеют иного пропитания, как только весенним временем налетевших в безчисленном множестве всяких птиц и по заливному островам зверей бьют, и тем на целый год пропитание себе заготовляют. Чего ради чрез сие мы дозволяем, для показанных резонов, в Сибири и в отдаленных тамошних местах во всякое время птиц стрелять, а по заливному островам зверей бить...».

Годом позже, задумав сократить протяженность пути от Барнаула до Санкт-Петербурга для ускорения доставки заводской продукции в столицу и сокращения транспортных издержек, Колывано-Воскресенская горнозаводская канцелярия командировала в Барабу для топографических изысканий по устройству новой дороги подпоручика Пимена Попова. Ему надлежало определить кратчайший маршрут с выходом на Московский тракт у Каинского форпоста, а также выбрать для будущих станцев места, удобные к переселению приписных крестьян, где имелось бы в достатке сельскохозяйственных и лесных угодий, были бы возможны подсобные промыслы. Так как дорога, уже названная Каинской, должна была пройти по территории Тобольской губернии, требовалось разрешение Д. И. Чичерина. Денис Иванович добро на размещение переселенцев дал, но с такой оговоркой, которая грозила значительно усложнить или вообще сорвать всю эту акцию.

Новоселы могли свободно использовать предоставленную им для проживания местность только для зем-

леделия, заготовки сена, дров и стройматериалов, но без «звериных промыслов и рыбных ловель, ибо оные принадлежат ясашным». Красноречивый пример правительственной политики, изначально направленной на то, чтобы в процессе освоения русскими новых земель не ущемлялись права инородцев, не допускалось посягательства на их исконные промысловые владения. Подоплекой такого принципа была не то чтобы гуманность, которая более декларировалась, а забота о своевременном и бездоимочном поступлении в казну ясачного сбора, так как иной возможности добыть средства для его уплаты у тех же барабинских татар не было. Горное начальство обжаловало губернаторское запрещение в Кабинете ее императорского величества и правительствующем Сенате, подчеркнув важность осуществляемого мероприятия и невозможность поселянам обходиться без охоты и рыбной ловли. Надо полагать, что высшие инстанции, учитывая то, о чьих интересах хлопочут алтайские власти, пошли им навстречу. Может быть, в порядке исключения...

Обилие водоплавающих и обитающих в береговой полосе птиц на великих и малых озерах Барабы успешно соперничало с их рыбным избытком, а в охоте на пернатую дичь, основной продукт в их ежедневном рационе питания наряду с рыбой, особенно преуспевали барабинцы, унаследовавшие сей древний промысел от своих предков и в совершенстве владевшие разнообразными его способами. Они даже научились выделывать снятые с птичьих тушек шкурки, чтобы изготавливать из них, сшивая вместе по несколько штук, головные уборы и даже накидки, надежно защищавшие их обладателей от холода, ветра и дождя, а

также служившие для маскировки и позволявшие во время охоты подойти к уткам на расстояние полета стрелы. Даниил Готлиб Мессершмидт, проводивший здесь этнографические исследования в марте 1721 года, даже купил у одного татарина такую шапку из гагары за горсть табака.

Обратил внимание на это уникальное явление аборигенной культуры и П. С. Паллас, отметивший, что *«нет ни единой полосы в Сибири, которая бы в летнее время так всякою водяною дикою птицей изобиловала»*, которая не только употребляется инородцами в пищу, но и служит им источником хотя и небольшого, но постоянного дополнительного дохода от продажи проезжающим или самих птичьих шкурок, или изделий из них, порой весьма искусных и красивых, причем по очень низкой цене – от трех до пяти копеек. Запомнились ему *«...прекрасные исчерна фиолетовые шейки морских гагар и лоснящиеся зеленоватые головки диких селезней, кои, сшитые вместе, красивее кажутся и по крайней мере на женские муфты пригодны»*.

...А еще ранее, в 1766 году, заинтересовалась птичьими «мехами» и сама государыня, попросившая Д. И. Чичерина выслать «куриозные» татарские рукоделия, дабы ознакомиться с ними воочию. Он несколько оплошал: вместо того, чтобы организовать качественный спецзаказ и отобрать лучшее, что будет изготовлено, ничтоже сумняшеся через своих посланцев собрал и отправил императрице то, что уже было готово и, возможно, уже использовалось по назначению. Отзыв Екатерины Алексеевны можно истолковать как деликатный укор: *«С последнею реляциею вашею присланные птичьи меха я получила; они весьма изрядны, если бы лучше выделаны и прибраны*

были... Из одного из ваших мехов посылаю при сем шитую здесь муфту, которая вам и образцом служить может, как их подбирать надлежит... Нехудо, если бы вы такие и особливо которые поестрее прибрать приказали и сюда прислали...»

Высказав тревогу о будущем Каинской слободы, рассказ о пребывании в ней П. С. Паллас тем не менее завершает вполне оптимистично, сообщая о том, что вверх по Оми до самого Иртыша «многие новые селения российскими поселенцами основаны», что плодородная почва Барабы вознаграждает нелегкий труд земладельцев хорошими урожаями и «особливо каинский лен в Сибири весьма знатен». Последнее свидетельство особенно ценно: всего за десятилетие освоения здешних пахотных угодий местные льноводы добились таких успехов в своем деле, что, полностью обеспечивая собственные нужды, уже имели возможность реализовать излишки продукции, благодаря чему стали известны всей Сибири.

...А поздним вечером того же дня, ближе к полуночи, Петр Семенович Паллас покинул Каинскую слободу, ему предстояло, проехав через три реки – Омь, Узаклу, Ичу – и три населенных пункта – приписную деревню Каменево-Булатово и два зимовья, Антошкино и Туруново, на рассвете 2 февраля прибыть в Голопупово-Спасское (ныне – Венгерovo). Задержки не будет и здесь, и, так же круглосуточно следуя дальше, уже 5 февраля он встретится с со своими соратниками по экспедиции, ожидавшими его в Таре...

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XVI. 1762–1765. № 12025. Санкт-Петербург, 1830, с. 508; Письма и

указы Екатерины Великой к сибирскому губернатору Д. И. Чичерину // Русский архив. № 5. Москва, 1891, с. 6–13; П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям российского государства. Часть третья. Половина вторая. 1772–1773. Санкт-Петербург, 1788, с. 7–13; Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке. Часть II. Барнаул, 1997, с. 73.

Ехали казаки Барабюю...

Передо мной интереснейший документ – «Экстракт, учиненный из дел об открывшемся разглашении вора и государственного злодея Пугачева священнейшим имением в бозе почивающего Петра Третьяго, императора, по другую сторону Таболска по тракту к Иркутску яицкими казаками, препровождаемыми туда в ссылку за прежней их бунт». И подписан он не кем-нибудь, а самим сибирским губернатором Денисом Ивановичем Чичериным.

Предыстория его появления такова... 31 августа 1773 года оренбургский губернатор генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп известил тобольского коллегу о том, что Московским трактом отправлены в сибирскую ссылку мятежные яицкие старшины и казаки с членами семей, всего сто сорок четыре человека обоего пола. А вскоре, 4 сентября, он же сообщил и о других сосланных, коих также следовало препроводить в Иркутск, – одного из главных вдохновителей и организаторов нескончаемых волнений, возникших еще в начале шестидесятых годов и не прекращавшихся позднее вплоть до роковой развязки, войскового старшину Ивана Ивановича Логинова, его жену и двух сыновей. В казачьем бунте 1772 года, который явился как бы итогом многолетней смуты и прологом

к пугачевщине и завершился в столкновении с правительственными войсками обильным кровопролитием с обеих сторон, они участия не принимали, так как после ссылки в Тобольск, продлившейся с 1763 по 1770 год, были определены на жительство в Гурьев за сотни верст от Яицкого городка. Однако как «сумнительные» тоже подлежали выдворению, уже повторному, и на сей раз в места более отдаленные.

Всех ссыльных в сибирской столице нужно было принять; в пределах крайней необходимости обеспечить кровом и провиантом и под надежным конвоем этапировать далее, к месту назначения.хлопоты досадные, но по службе неизбежные и вполне привычные, в коих ничего особенного не предполагалось. Однако все предстало иным, когда месяц спустя, 11 октября, срочным курьером было доставлено еще одно уведомление, не на шутку встревожившее того, кому оно было адресовано. Тот же И. А. Рейнсдорп писал: *«На днях, сверх всякого чаяния, около Яицкого городка оказался нарушитель государственного покоя злодей казак Емельян Пугачев, именующий себя бывшим императором Петром III. Собрал большую партию и, день от дня увеличиваясь, производит разорения ... и смертные убийства и стремится тем на дальнейшие во вверенной мне губернии злодеяния. Хотя к отвращению сего все здешние силы обращены, однако я, предуведомляя о сем ваше высокородие, рекомендую во вверенной вам провинции принять всю строжайшую предосторожность...».*

Уж кто-кто, а многоопытный Денис Иванович хорошо представлял, чем может обернуться проникновение в

Денис Иванович Чичерин

пределы его губернии этого возникшего в опасной близости от нее оренбургского «замешательства». Великим бедствием, сравнимым даже не с моровым поветрием, а со светопреставлением. Ибо, как он полагал и в чем уже смог убедиться, равных по шатости сибирякам не было и нет, и любое дурное семя, павшее на здешнюю почву, способно дать самые обильные всходы. Что не мудрено, поелику с давних пор наполнялась

сия скорбная страна самым что ни на есть бунташным и воровским людом, повинным во всех смертных грехах и преступных деяниях. А ежели припомнить по отдельности и в совокупности всех, кто будет несказанно рад явлению якобы воскресшего «государя», народного заступника и освободителя всех и вся от всяческого гнета, то голова пойдет кругом...

...Посельщики, «в зачет рекрут» отправленные в Сибирь своими господами «за продерзостные поступки» и не расставшиеся с мечтой о возвращении в родные места; нещадно эксплуатируемые администрацией, прозябающие в нищете и темноте и за малейшую провинность подвергаемые грабительским штрафам и телесным наказаниям горнозаводские рабочие; государственные крестьяне, проклинаящие схожую с крепостной барщи-

ной приписку к находящимся порой за сотни верст от их селений кабинетским заводам и рабский изнурительный труд на самых тяжелых вспомогательных работах, уставшие нести на своих плечах эту многолетнюю повинность, надолго отрывающую от дома и семьи и наносящую немалый ущерб личному хозяйству; обремененные растущими ясачными поборами аборигены-инородцы; неукротимо стремящиеся вновь обрести свободу, совершая побег за побегом, ссыльные поляки-конфедераты; каторжане, медленно угасающие в адских недрах забайкальских рудников; ущемленные в правах, отягощенные двойным подушным окладом и все еще гонимые официальной церковью приверженцы старой веры, раскольники-старообрядцы. Крамольное брожение и даже измена были возможны и среди служилых людей, в городских и острожных гарнизонах тоже хватало своих смутьянов, явных и тайных...

И все они с великой охотой встанут под знамена самозванца, обеспечив ему триумфальное шествие от уральских горных круч до тихоокеанских зыбей. И для того, чтобы одолеть эту стихию, подобную пожару на торфяных болотах, на необозримых сибирских просторах, где даже за малочисленными кучумовыми последышами гонялись десятилетиями, потребуются годы колоссальных усилий и затрат, грозящих основательно подорвать мощь империи. Тотальное разрушение всего, что с таким титаническим подвижничеством и радением было обретено и создано за полтора с лишним века со времен «сибирского взятия», неизбежность многочисленных человеческих жертв при традиционном здешнем малолюдии, превра-

щение мирного региона в огромный плацдарм затяжных военных действий и даже его потеря в связи с невозможностью защитить от иноземной оккупации (охотников много) – все это вполне могло стать жуткой реальностью, а осознание, хоть и гипотетическое, столь трагической перспективы при ограниченности средств ее предотвращения могло повергнуть в уныние и растерянность кого угодно.

Кого угодно, но только не Дениса Ивановича Чичерина. За истекшее к этому времени десятилетие сибирской службы ему пришлось сталкиваться с великим множеством сложностей и трудностей. И он привык на любой вызов откликаться немедленным действием, имея все необходимые для этого качества: цепкий практический ум, скорое, хоть и не всегда безошибочное принятие решения по обозначившейся проблеме и организация его незамедлительного выполнения, причем с бьющей через край энергией. И на сей раз он остался верен себе, решив сделать все от него зависящее, чтобы не только не дать прорваться на землю сибирскую самим мятежникам, но и самым беспощадным образом пресекать распространение всякого рода крамольных вестей и гасить без промедления любые попытки возмущений. Рассудив, что все еще находившиеся в пути яицкие мятежники могут сеять среди притрактового населения возмутительные «разглашения», он распорядился отправить навстречу им тайных агентов для отслеживания и пресечения таковых.

Первой пришедшая в Тобольск основная партия ссыльных, как доносили соглядатаи, ни в чем непозволительном замечена пока не была. Зато о И. И. Логинове

шли вести совсем другого рода. Сообщалось, что уже в первых сибирских селениях он без всяких на то оснований ложно именовал себя «полковником», а сыновей одного «капитаном», а другого – «поручиком». Говорил ли он что-нибудь об оренбургской смуте, выяснить не удалось, но явно намекал о ней, уверенно объявляя о своем скором возвращении из ссылки. На момент составления начальной части «экстракта» в Тобольск в положенный срок Логиновы еще не прибыли, что даже породило опасение: а не сбежали ли они, чтобы пристать к бунтовщикам. Навстречу им спешно был отправлен обер-офицер с наказом ускорить прибытие подозрительного семейства, осуществлять за ним неустанный надзор, не допуская какого-либо общения с местным населением. И главное – тщательно разведать: не исходило ли от Логинова в западной части тракта какое-либо вредное «разглашение». Оказалось, что исходило не раз, но, как отмечено в документе, «весьма ухищренное». В одних местах он прямо называл самозванца по имени, в других – иносказательно: появился, дескать, «некто проворной человек, от него де сие возмущение станется, и што может склонить к себе многих из яицких городков».

Потому по прибытии в Тобольск с шестидневным запозданием логиновского семейства губернатор тут же распорядился о его немедленном отправлении в Иркутск, но уже не «за присмотром», а «за крепким караулом». Конвойному унтер-офицеру было строжайше предписано: если в дороге снова продолжатся крамольные высказывания или будет произнесено хоть что-то в малейшей степени их напоминающее, сразу заковать мужчин в кан-

дали. Что и пришлось сделать, миновав Томск. Как сообщалось в рапорте, Иван Иванович, очень недовольный тем, что их не оставили в Тобольске, а повезли дальше на восток да еще и под усиленным конвоем, публично «начал блядословить о своей якобы напрасной ссылке, с ругательством Сибирского губернатора», а после того, как был закован в ручные и ножные кандалы, «кричал дерзновенно непристойные речи». Красноречие обошлось И. И. Логинову дорого: дальнейший путь он продолжил с кляпом во рту.

Однако столь крайняя мера пресечения «возмутительного» многоглаголания, увы, запоздала, что подтвердил вернувшийся 11 февраля 1774 года из поездки по восточной части своей епархии епископ тобольский Варлаам, явившийся в тот же день к Д. И. Чичерину со срочным секретным сообщением. На обратном пути через Томск и Тару ему не раз доводилось слышать, что ссыльный яицких войск старшина И. И. Логинов, прознавший о начавшемся бунте, проезжая по Московскому тракту, повсюду извещал местных жителей, что восставшими предводительствует не донской казак, а «подлинно император Петр Третий», что его отряды действуют повсюду, что ими захвачены многие города и селения не только Оренбургской, но и Сибирской губернии. А самого Д. И. Чичерина якобы в Тобольске уже нет, он взят в плен, и где он сейчас и что с ним – неизвестно. Нетрудно представить, как воспринял легко воспламенявшийся губернатор рассказанное преосвященным Варлаамом, но, подостыв, сделал малоприятный вывод: утечку запретной ереси полностью предотвратить не удалось. Более

того, такого «разглашения» вполне можно ожидать и от едущих тем же маршрутом яицких казаков, до которых весть о пугачевском мятеже тоже уже наверняка дошла.

Сразу после этой встречи Д. И. Чичерин с нарочными отправил распорядительные ордера трем воеводам – Тарскому, Томскому и Красноярскому. Им надлежало как в городах, так и в каждом селении уезда лично ознакомить жителей с содержанием антипугачевского манифеста императрицы в доступном для простого народа толковании, а также с теми «объявлениями», что изданы были по этому же поводу губернской канцелярией. В опровержение логиновского вранья велено было убедительно всем разъяснять, что никаких мятежников в губернии нет и допущены они сюда не будут, а успешно истребляются правительственными войсками. Следовало также подробные отчеты обо всем, что удастся увидеть и услышать во время этих поездок, без промедления присылать губернатору.

Заглянем в «записной журнал», который прислал Д. И. Чичерину тарский воевода князь Тимофей Григорьевич Кривоногов. Вот что ему, в частности, удалось узнать. В «посельничьих» деревнях Резиной и Камышевой яицкие бунтовщики говорили, что скоро будут освобождены и вернутся в свои жилища, надеясь на самозванца, которого называли императором Петром Третьим. Но поскольку в тех деревнях среди посельщиков нашлись такие (в Резиной – Семен Самбовский, в Камышевой – Леонтий Замятин), что в бытность свою при господах в Санкт-Петербурге похороны усопшего царя видели своими глазами, то они всем жителям дали знать, что все говоренное ссыльными казаками самая что ни на есть ложь и верить им нельзя.

Крестьяне деревни Голопуповой (позже – Спасское, затем – Венгерovo), где яицкая партия останавливалась на ночлег, им тоже не поверили. В деревне Мангазерской после прочтения манифеста посельщики Алексей Яковлев и Михайло Иванов рассказали Т. Г. Кривоногову, что уже после проезда яицких казаков проходили ведомые в Нерчинск на каторгу нещадно сеченные кнутом, с вырванными ноздрями тобольские «пугачевцы», участники недавнего заговора-«возмущения», раскрытого и подавленного Д. И. Чичериным в самом зародыше. Хотя они тоже уверяли сельчан, что главарь мятежных шаек и есть истинно сам государь, веры им не было, и деревенское общество, по словам рассказчиков, продолжает пребывать в верности ее императорскому величеству. В Чаусском остроге, в деревнях Черной и Варюхиной за самими крестьянами, которым тоже был зачитан манифест, ничего сомнительного примечено не было, но оказалось, что и они не избежали крамольного словесного воздействия всех ранее поименованных сочувственников злодея-смутьяна.

Тревожные сведения, полученные от Т. Г. Кривоногова, Д. И. Чичерин счел необходимым переслать иркутскому губернатору генерал-майору Адаму Ивановичу Брилю и главному начальнику Колывано-Воскресенских заводов генерал-поручику Андрею Аврамовичу Ирману, чтобы известить их о выявленных «вредных разглашениях» и рекомендовать принять в связи с этим в губернии и приписанных к заводам крестьянских слободах все меры предосторожности, дабы под воздействием услышанного не возникло где-либо волнений или беспорядков в поддержку вышеозначенного пугачевского бунта. Кроме того, по рас-

поряжению губернатора в Таре, Томске и Красноярске на непредвиденные случаи были сформированы вооруженные отряды из отставных солдат и казаков, получавших жалование и предназначавшихся как для несения караулов в городах, так и для разъездов по деревням и селам для разведывания и пресечения преступных намерений и поддержания верноподданного благочиния. А сопровождавший яицких казаков «партионный командир», прапорщик Гилев, обвиненный в «слабом смотреии» за ними и допустивший распространение столь пагубных измышлений и убеждений, был предан суду и оштрафован.

Выявился и местный «разгласитель». В очередном рапорте тот же Т. Г. Кривоногов сообщил о дошедшем к нему из Каинского форпоста от тамошнего ведающего провиантскими магазинами дворянина Куличкина известии, полученном от ссыльного колодника. Хотя последнему по закону верить было нельзя, то, что он не слукавил, подтвердили еще три человека, на свидетельства которых запрет не распространялся. Все четверо указали на колмаковского поселщика Федора Самсонова. Наличие собственного пугачевского «агитатора» было сочтено делом весьма неприятным и опасным, и тотчас в Тару и Томск отправились губернаторские нарочные. Воеводам и комендантам было «велено совокупным старанием на расстоянии меж тем и другим городом не давать оному разгласителю ни малейшего времени укрыться, поймать и, заковав в кандалы, под крепким караулом в Тобольск отправить...». Предписывалось также провести следствие по выявлению возможных сообщников, и буде такие обнаружатся, взять их под арест и выслать следом туда же.

Вскоре перед губернскими дознавателями предстали и сам Федор, и еще двое посельщиков, никуда не сбегавшие, но и признавать себя виновными не собиравшиеся. Запирательство длилось долго, пока наконец не перешло в взаимное обличение друг друга, в ходе которого и определился первый «умышленник», как и предполагалось изначально – Федька Самсонов, набравшийся опасных и ложных домыслов от ночевавших в его доме яицких казаков, а потом и сам ставший всем говорить, что идет-де в сибирскую землю со своим воинством, дабы простому люду послабление дать от всех тягостей, не беглый вор и душегуб Емелька, а сам батюшка-государь Петр Федорович. И что допрежь того случилось ему пребывать в Риме, и папа римский щедро его деньгами одарил, а еще и китайским «ханом» помощь ему обещана. Смекнул «разгласитель», что чем меньше назовет тех, кого своими байками смущал, тем более участь свою облегчит. Кроме двух, что с ним теперь в застенке были, третьего доносчика, властям уже известного, даже под пыткой так и не выдал. Результаты сыска были доведены до воевод и до соседей – иркутян и горнозаводчан, с очередным напоминанием о неослабной бдительности.

А 3 июля иркутский губернатор А. И. Бриль «порадовал» Д. И. Чичерина известием, что из прибывших в Иркутск и отправленных в Селенгинские батальоны яицких возмутителей четверо, достигнув Лиственничного зимовья, еще 20 июня пустились в бега. Хотя о случившемся были срочно оповещены и настроены на скорейшие поиск и поимку беглецов воеводы всех городов и командиры граничивших с Оренбургской губернией кре-

постей, схватить их удалось только 11 августа в Чаусском остроге. При расспросах с пристрастием они показали, что имели целью, уйдя за сибирские пределы, примкнуть к мятежной толпе и, будучи в пути и останавливаясь для ночевки в крестьянских поселениях, везде провозглашали, что идут не к кому-нибудь, а к его величеству законному государю-императору Петру Третьему Федоровичу...

P.S. Из рапорта заместителя командующего Сибирским корпусом, генерал-майора Антона Даниловича Скалона командующему правительственными войсками генерал-аншефу Петру Ивановичу Панину от 9 октября 1774 года: *«Яд нечестивого самозванца Пугачева (о помке коего я уже известие имею) коснулся частью и в Сибирскую губернию, который и поныне еще не исчезает, ибо живущие по Барабинской степи иноверцы и некоторые заводские крестьяне в верности сомнительны...»*.

☞ Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Санкт-Петербург, 1907, 256 с.; Пугачевщина. Том второй. Из следственных материалов и официальной переписки. Москва–Ленинград: Госиздат, 1929, с. 97–104, 270–272; Рознер И. Г. Яик перед бурей. (Восстание 1772 года на Яике – предвестник Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева). Москва: Мысль, 1966, 207 с.

1775 7 ноября. Екатериной II подписан один из главных документов ее эпохи, программа будущей широкомасштабной реформы – «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Как одно из множества следствий ее реализации – возникновение города Каинска и Каинского уезда.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XX – № 14392.

1779 *1 мая*. Первым шагом губернской реформы в Западной Сибири стало образование Колыванской области, включавшей в себя «всю окружность, объемлемую Колывано-Воскресенскими заводами и селениями».

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XX – №№ 14868, 14869.

Недолгий век Бурлинского уезда

Содержание этого документа, оригинал которого в настоящее время утрачен, сохранил для потомства историк Дмитрий Николаевич Беликов, поместив его копию как приложение в своей изданной в конце позапрошлого века книге «Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Общий очерк за XVII и XVIII столетия», где мне и повезло его обнаружить. Перечень населенных мест Колыванской области с описанием границ входящих в ее состав уездов, подписанный областным правителем Борисом Ивановичем Меллером и присланный им в Барнаульское духовное правление с сопроводительным письмом № 1066 от 26 апреля 1782 года – один из немногих, если вообще не единственный источник подробной информации о городе Бурлинске и Бурлинском уезде, чье ничтожно краткое существование хотя и является эпизодом малозначительным, но тем не менее остается историческим фактом, имеющим самое прямое отношение к летописи как Барабы в целом, так и Каинского форпоста и его округи в частности...

В Сибири начать преобразования императрица решила с обустройства собственных владений – кабинетских земель, где располагались принадлежавшие ей Колывано-Воскресенские горные заводы, а первым шагом реформы стал подписанный ею 1 мая 1779 года указ об учреждении Колыванской области. Об исключительной важности этого документа свидетельствует весьма пространное содержание оно, где в двадцати четырех пунктах подробно (как ни в каком из других «учредительных» указов) расписано, что надлежит осуществить в ходе его выполнения. В пределы нового административно-территориального образования, согласно первому пункту указа, следовало включить «всю окружность, объемлемую Колывано-Воскресенскими заводами и селениями, к ним приписанными, не исключая и бывших до сего в другом ведомстве внутри той окружности жительствующих людей».

Парадокс заключался в том, что к моменту преобразования кабинетские земли не имели картографически обозначенных и официально утвержденных границ. Их определением и должен был заняться в первую очередь генерал-майор Борис Иванович Меллер, назначенный сенатским указом от 27 мая 1779 года областным правителем. Прежде чем приступить к решению этой задачи, Б. И. Меллер еще по пути следования к месту своего назначения встретился с сибирским губернатором Д. И. Чичериным. На состоявшемся совещании им удалось согласовать расположение восточной границы, что же касается южной, то она совпадала с российским государственным рубежом, а западная – с Иртышом. Оставалось определить северную границу с Тобольской губернией, для это-

го Борис Иванович в марте 1780 года совершил специальную поездку в левобережную Барабу, в результате чего вся она вошла в новую область, а Омь стала пограничной рекой. Свой проект разграничения с соседями и предложения по разделению области на уезды-округи правитель представил на высочайшее утверждение и, надо сказать, не оплошал, обеспечив заметный прирост кабинетских земель, что не могло не снискать монаршего одобрения.

Вобравшая в себя огромнейшую территорию, Колыванская область состояла из четырех уездов: Барнаульского (с областным центром – городом Барнаулом), Томского, Кузнецкого и Бурлинского. Последний нам особенно интересен, так как в его состав вошел и Каинский форпост со своей южной левобережной округой, а омское северное правобережье так и осталось в Тарском уезде. Описание обширного пространства, занятого всего лишь одним новым уездом, существенно дополняет представление о громадности Колыванской области в целом. Согласно упомянутому в начале главы документу, Бурлинский уезд начинался от Ямышевской крепости, затем его граница шла через середину Кулундинского озера на устье реки Кулунды и далее по правому берегу до ее верховья, а затем на верховье реки Кучука. Отсюда по левому берегу до ее устья, а потом прямо на устье реки Ини и по правому берегу до ее верховья. Далее прямо на верховье реки Талицы и по левому берегу до ее устья. От него вверх по правому берегу реки Берди до устья реки Кинтерепа и от него по правому берегу до ее верховья. Отсюда прямо к верховью речки Малые Изылы и по левому берегу до ее устья. От него вниз по левому берегу реки Ини до устья

реки Тогучина и по правому берегу до ее верховья, а затем на верховье реки Буготака и от него по левому берегу до ее устья. Отсюда под углом 80 градусов на северо-восток прямо на реку Омь, от нее вниз по течению по левому берегу до ее устья (с включением Омской крепости) и далее вверх по правому берегу реки Иртыша до Ямышевской крепости (с включением и ее). Если – проще, главные водные рубежи: Иртыш (западный), Иня (восточный), Омь (северный), Кулунда (южный).

На этой территории (в соответствии с тем же перечнем) размещались: три крепости (Ямышевская, Омская и Железинская), три острога (Чаусский, Бердский и Умревинский), восемь форпостов, в том числе Каинский, Усть-Тартасский и Каргатский, девять почтовых станцев, Малышевская слобода, шесть сел (Покровское, Кривошековское, Гутово, Крохалевское, Ирменское, Легостаевское), 16 юрт-поселений аборигенов, приписанных к заводам, и 292 деревни бывших ведомств Малышевского, Бердского, Чаусского и Сосновского (они упразднились). Честь стать центром этого суперуезда выпала малоприметной, с населением всего около двухсот пятидесяти человек, и даже не имевшей церкви деревне Крутихинской, по такому случаю переименованной в город Бурлинск.

Формирование штатов здесь, видимо, шло с трудом, так как в адрес-календаре 1781 года опубликованы данные только по Барнаульскому, Томскому и Кузнецкому уездам, в 1782 году в Бурлинском уезде отмечено замещение лишь трех первостепенных должностей, происшедшее в предыдущем году, – уездного казначея, земского исправника и расправного судьи. Городничий появится

в «рописи чиновных особ» в финальном 1783 году, им станет премьер-майор Антон Францевич Дегаррига, по своим дворянским корням не то француз, не то испанец. Пребывание его здесь будет очень недолгим. Без работы он, конечно, не останется и, прослужив в разных должностях вплоть до рокового для Колыванской губернии 1796 года все в том же чине премьер-майора, завершит свою служебную деятельность в ней председателем второго департамента верхнего надворного суда.

Привести реальный Бурлинск хотя бы в мало-мальское соответствие его официальному статусу для его администрации было задачей весьма непростой, но усиленные меры все-таки принимались. Планировалось и даже было начато строительство присутственных мест и других объектов «градской» инфраструктуры, поощрялось возведение частных строений, для чего к переселению в уездный центр из других мест приглашались представители всех основных сословий – купцы, мещане, ремесленники, крестьяне. И желающих, судя по сохранившимся в архивах прошениям, было немало, однако осуществиться этим намерениям не было суждено.

Слишком короток оказался век наскоро испеченных города и уезда, ставших лишь промежуточным звеном в нескольких этапах реформирования и обустройства личного хозяйства ее величества, наведения в нем должного порядка, который обеспечивал бы стабильный и обильный доход не столько казне, сколько коронованной владелице этих земных и подземных богатств. Точку в существовании Бурлинского уезда поставил изданный 19 января 1782 года именной указ ««Об учреждении Тобольского намест-

ничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды», возвестивший о создании на части этой же территории нового уезда – Каинского, и его центра – города Каинска, вчерашней Каинской слободы.

Р. С. А бывший город Бурлинск жив и поныне. Он сразу же после упразднения снова обрел свое исконное имя и удовольствовался более скромным статусом сначала слободского, а затем волостного центра. И пережил еще чертову уйму разных административных передряг. Сегодня это село Крутиха – центр Крутихинского района Алтайского края. И хотя историческая судьба нашего города сложилась куда удачнее, забывать одного из своих предшественников ему негоже.

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 20. № 1468. Санкт-Петербург, 1830, с. 814; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова (1780, 1781, 1782, 1783). Санкт-Петербург; Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск, 1898, с. 133–138; Булыгин Ю. С. К истории села Крутиха Алтайского края // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы конференции. Барнаул, 2000, с. 92–98; Контев А. В., Контева О. Е. Административно-территориальные преобразования на юге Западной Сибири в 1780–1796 гг. и их отражение в картографических источниках // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. Политология. № 4-2 (76). Барнаул, 2012, с. 126-130.

1782 19 января. Именной указ «Об учреждении Тобольского наместничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды» возвестил о рождении еще одного сибирского города и его уезда – Каинска.

Появлению этого указа предшествовало ознакомление с территорией будущего наместничества генерал-губернатора Е. П. Кашкина, который предложил преобразовать в уездные города два форпоста (Каинский и Ачинский) и три слободы (Курганскую, Ялуторовскую и Коркину) и ходатайствовал о возврате уже переданных в Кольванскую область земель Томского уезда. Предложения наместника были приняты, и юго-восточная часть Тарского уезда и тридцать пять селений Томского вошли в состав нового уезда – Каинского. 30 августа этого же года состоялось торжественное открытие Тобольского наместничества, а в феврале 1783 года завершилось открытие присутственных мест во всех его уездных городах.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXI – № 15327.

1782 20 октября. Именным указом изменено ранее утвержденное уездное деление Кольванской области и окончательно закреплено разграничение между ею и Тобольским наместничеством, в ведение которого перешло все левобережье реки Оми, ставшее частью нового уезда – Каинского.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXI – № 15548.

Именоватъ городом...

Заключительное заседание Совета директоров Академиздатцентра «Наука» закончилось около трех часов пополудни. Времени до прощального ужина оставалось еще достаточно, и я решил, что на сей раз непременно осуществлю то, что не удалось сделать в прошлые мои

приезды в северную столицу. Попросил питерских коллег помочь транспортом. Водитель повывавшей виды издательской «Волги», узнав, куда нам предстоит ехать, с некоторым удивлением и не без иронии спросил:

– Родственника решили попроведать?

Такое предположение, даже полушутливое, для меня, по отцовской линии сибирского потомка калужских крепостных, было более чем лестным.

– Родственника, – дабы не вдаваться в разъяснения, в тон ему слукавил я. – Только очень дальнего...

По пути купил десяток гвоздик, а заодно запасаю тем, с чем ходят обычно на кладбище в родительский день.

...Его имени на плане кладбища, вывешенном у входа для всеобщего обозрения, я не нашел. Из более чем тысячи захоронений здесь значилось всего сотни полторы. В число «избранных», видимо, вошли те, кто, по мнению авторов путеводителя, представлял наибольший интерес для экскурсантов. Поиски вслепую могли затянуться надолго, пришлось обратиться за помощью к смотрителю. Найдя в полном перечне всех усопших названную мной фамилию, он показал, в каком направлении нужно двигаться. Мне предстояло пересечь почти всю территорию Некрополя XVIII века (так теперь называется Лазаревское кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры) общей площадью около гектара. Пройти полностью Петровскую дорожку, затем Ломоносовскую, а уже с нее свернуть на Фонвизинскую, где в северном углу знаменитого погоста более двухсот лет назад обрел вечный покой человек, на могиле которого я уже давно хотел побывать...

Сейчас Лазаревское кладбище – один из объектов музея городской скульптуры с платным входом. Мне повезло: приехав сюда в буднее время, я не встретил на своем пути ни души, радуясь тому, что оказался здесь до массового появления посетителей с их гомоном и суетными перебежками от покойника к покойнику. Никого, кроме голубей, исконных обитателей таких мест, в них, по народным поверьям, вселяются души умерших праведников и младенцев...

Проплывают над головой суровые стражи кладбищенского безмолвия – вековые деревья со смыкающимися вверху густыми кронами, отчего местами сумрачно даже в погожий день. Все пространство плотно заселено. И всюду, куда ни глянь, поражающие своим разнообразием, удивительной красоты, хотя уже и заметно тронутые временем, семейные усыпальницы, часовенки, памятники, обелиски, надгробья, стелы, колонны – шедевры именитых скульпторов и безвестных камнерезов. Такое впечатление, что это не кладбище, которое просуществовало как действующее целых два века (с 1717 по 1919 год) и еще с петровской поры утвердилось в статусе самого привилегированного, а филиал Эрмитажа под открытым небом.

Здесь, где в первые годы хоронили даже членов императорской семьи, а всех остальных только по личному разрешению самодержца, где и позднее обязательными условиями погребения были знатность рода или особые заслуги перед Отечеством, опочили непробудным сном представители аристократической элиты, выдающиеся государственные деятели, военачальники, ученые и лите-

раторы. В каждом имени – отзвук российской истории. Шереметевы... Долгорукие... Голицыны... Гагарины... Шуваловы... Салтыковы... Столыпины... Апраксины... Волконские... Трубецкие... И я с грустью подумал, что и в моем родном городе могло бы быть нечто подобное, хотя бы в миниатюре, если бы в свое время удалось сохранить от варварского разрушения наш каинский купеческий некрополь.

...Оказавшись в пределах указанного мне места, я еще несколько минут блуждал по обеим сторонам дорожки, прежде чем обнаружил то, что искал. Я рассчитывал увидеть нечто внушительное, эффектное и ошибся. Последнее пристанище моего «очень дальнего родственника» оказалось весьма скромным, даже аскетичным и потому как бы терялось среди окружавшего его скорбного великолепия, не соперничая с ним ни размерами, ни богатством декоративно-скульптурной атрибутики, которая попросту отсутствовала. Таким, видимо, было его предсмертное желание...

Строгих очертаний прямоугольный саркофаг-надгробие, вытесанный из гранитного монолита и уже утративший былой блеск, и поставленная почти вплотную к нему такой же высоты простая, без всяких изысков, металлическая оградка. Вот и все. Ничего лишнего, что отвлекало бы внимание от надписи, столбцами врубленной в камень по обеим сторонам восьмиконечного креста, дополненного обычной для тех времен погребальной православной символикой, и вместившей в свои скупые строки целую человеческую жизнь. Воспроизвожу ее для удобства чтения в целостном виде, слегка осовременив орфографию.

Здесь лежит скончавшийся генерал-аншеф, генерал-губернатор, лейб-гвардии Семеновскаго полку премьер-майор и орденов святого Александра Невскаго, святого равноапостольнаго князя Владимира первой степени и святыя Анны кавалер

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КАШКИН.

Родился в 1737 году генваря 12-го дня. Военную службу продолжал 30 лет, гражданскую 17 лет, в сей последней генерал-губернатором был в шести губерниях и первыя две, Пермскую и Тобольскую, открыл и устроил. Преставился от сей временной в жизнь вечную 1796 года октября 7-го дня, жил 58 лет 8 месяцев 24 дня.

А ниже краткая стихотворная эпитафия, возможно, написанная им самим, не чуравшимся литературных трудов, в предчувствии близкой кончины:

*Супруга, дети, не скорбите,
Защитник Вам, помощник Бог;
Его единого любите,
Его я воле отдал долг,
Он вся благая Вам воздаст,
Его да будет с Вами власть.*

Куда-то исчез доносившийся из-за кладбищенской ограды приглушенный шум большого города, и в сгустившейся вокруг меня тишине был слышен только траурный шелест уже слегка пожелтевшей листвы. Положив на холодный камень цветы и низко поклонившись действительно не чужому для меня праху, я сказал:

– Мы помним Вас, Евгений Петрович...

...А поздним вечером, в гостиничном номере, я сделал то, что по мирскому обычаю должно было произойти на кладбище: выпил за помин души человека, которому наряду с безымянными томскими казаками, поставившими в 1722 году в устье притока Оми, крохотной речушки Каинки, Каинский пас, и даже в большей мере, наш город обязан тем, что он есть...

...7 мая 1780 года выборгский комендант генерал-поручик Е. П. Кашкин получил письменное уведомление от статс-секретаря Екатерины II Александра Алексеевича Безбородко о том, что подписанным в этот день именным указом он назначен генерал-губернатором двух будущих наместничеств — Пермского и Тобольского. Государыня, говорилась в письме, рада, *«что для сего отдаленного края нашла*

Эвгений Петрович Кашкин.
Ксилография Л. А. Серякова.

☞ Русские деятели в портретах. Собрания 1–5 // Изд. ж-ла «Русская старина». Санкт-Петербург, 1886–1891. с. 56

она верховного правителя, в коего ревности, бескорыстии и способности совершенно уверена...». В соответствии с данным назначением, вступая в новую должность, Евгений Петрович должен был лично объехать все места, которые предполагалось включить в состав наместничеств, подготовить предложения о разделении каждого из них на области и уезды, *«и как и о сем, так равно и какие вновь*

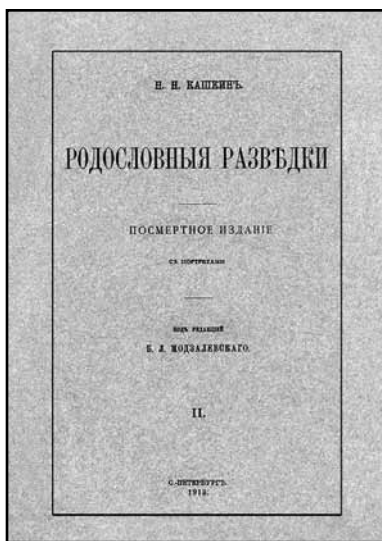
города для приписания к ним уездов назначить надо будет, нам самолично (Екатерине II – *авт.*) представить».

Также сообщалось, что решены вопросы о его заместителях, двух генерал-майорах: пермским губернатором утвержден Иван Варфоломеевич Ламб, тобольским – Григорий Михайлович Осипов, сменивший Дениса Ивановича Чичерина, после восемнадцатилетнего пребывания в губернаторском кресле отправленного в отставку с сохранением жалованья. Евгению Петровичу предлагалось пробыть в Выборге столько, сколько потребно для передачи дел преемнику, а заодно использовать это время для поиска нужных людей, в частности тех, кого можно было бы назначить вице-губернаторами. Но задержался Е. П. Кашкин всего на несколько дней; после благодарственного визита к императрице и недолгих сборов помчался в края далекие и ему совершенно неведомые... И пока длилось это судьбоносное перемещение в пространстве, вынужденное дорожное бездействие не раз обращало его мысли к тому, какое великое множество непростых дел предстоит осилить ему на совершенно новом поприще, а попутно вспоминалось многое из пережитого, вобравшего в себя былые радости и горести, где тоже хватало нелегких испытаний, в том числе и хождения по грани между жизнью и смертью. Приобщимся к этим воспоминаниям и мы...

Написано о Е. П. Кашкине немного. Несколько статей в дореволюционных энциклопедиях, биографических словарях, исторических журналах. Основные источники сведений о нем – документы, рассеянные по центральным и региональным архивам, а самый главный – фун-

даментальный двухтомный труд его дальнего потомка Николая Николаевича Кашкина «Родословные разведки», изданный посмертно в Санкт-Петербурге еще в 1912–1913 годах. Второй том, обобщивший результаты многолетнего изучения обширного семейного архива, полностью посвящен роду Кашкиных и содержит обстоятельное жизнеписание Евгения Петровича. Это интереснейшее исследование с тех пор ни разу не переиздавалось ни целиком, ни фрагментарно и давно уже стало букинистическим раритетом, который, изредка появляясь в интернет-магазинах, предлагается по непомерно высокой цене, в последнее время доходившей до девяноста тысяч рублей.

Отдельной книги, написанной современным автором, тоже пока нет. А ведь жизнь Е. П. Кашкина, по нынешним меркам совсем недолгая, но чрезвычайно насыщенная, вполне могла бы стать основой добротной беллетризованной биографии в серии «Жизнь замечательных людей» или увлекательного исторического романа. Ему не только довелось быть непосредственным и активным участником важнейших событий и преобразований своей бурной эпохи, но и посчастливилось оставить по себе добрую память. Он прожил свой земной век как бы на

Главный источник сведений о Е. П. Кашкине

одном дыхании, полнокровно и деятельно, в неустанных трудах и заботах, верно служа престолу и радея о пользе отечества, не поступаясь принципами, дорожа дворянской честью и служебной репутацией, отвергая все сопутствовавшие его высоким должностям искушения и соблазны, перед которыми не могли да и по сей день не могут устоять многие государственные мужи. Его послужной список стабильно успешен, это неуклонное движение вверх; единственный сбой, трагически пережитый им, произойдет уже в самом финале этой блистательной карьеры и ускорит его уход в мир иной...

Считаю, что подробный рассказ о Е. П. Кашкине вполне уместен по причине, названной выше, но хочу сразу предупредить возможные упреки в том, что, поддавшись обаянию этой незаурядной личности, я не избежал ее идеализации, изобразив живым воплощением всех возможных гражданских и человеческих добродетелей. Клянусь, что в этом повинен не я, а он сам. Более того, стремясь к объективности, я даже старался найти то, что ныне именуется «компроматом», но тщетно. Так, попадались кое-какие крохи, которые даже не заслуживают того, чтобы отнестись к ним серьезно. О них – позже...

«Фортуны баловень безродный» – эта пушкинская строчка памятна нам еще со школьной скамьи. Е. П. Кашкина тоже можно назвать баловнем судьбы, но отнюдь не безродным. По отцу он был отпрыском старинного, хотя и не титулованного, но очень уважаемого и состоятельного дворянского рода, корнями своими уходившего в последнюю четверть XV века, что уже само по себе открывало перед ним широкие возможности. Его личная заслуга в

том, что он использовал их сполна. Не оплошал когда-то и его самый дальний пращур, который, как гласит семейное предание, появился на Руси в 1472 году в свите греческой царевны, невесты великого князя московского Ивана III Софии Палеолог. Ее семья с 1453 года жила в Риме, поэтому наследницу византийской короны, кроме соплеменников-греков, сопровождали также итальянцы.

По главной версии, это грек по имени Корбуша, в двух же других упоминается только его фамилия: в первом случае – Кассини, явно итальянская, во втором ее уже русифицированный вариант – Кашкини. Московские дьяки, главные грамотеи того времени, весьма вольно обращались с диковинными для них иноземными именами, действуя по принципу «как слышится, так и пишется». Несколько движений гусяного пера – и нет Кассини, зато появился Кашкини, потомки которого будут именоваться уже совсем по-русски – Кашкин^ы, кстати, с ударением на последнем слоге.

В общем-то не столь уж и важно, какого он был роду-племени, – грек или итальянец (Кашкины все-таки считали, что эллин, и потому традиционно всем детям давали имена греческого происхождения). Гораздо важнее то, что пришелец не только не побоялся остаться в совершенно чужой для него стране, которую европейцы называли не иначе как «дикой Московией», но и смог обеспечить себе здесь достойное положение, став основателем еще одного дворянского рода, представители которого вот уже два с половиной столетия верой и правдой служили российским государям, преимущественно на военном поприще, командуя стрелецкими частями и гарнизонами крепостей.

Так, прадед Е. П. Кашкина, Василий Тихонович, сначала воеводствовал в двух городах, а затем удостоился особой царской милости – ему были пожалованы придворный чин стольника и поместье. От семейной традиции не отступил и отец Евгения Петровича, Петр Гаврилович, морской офицер петровского призыва, дослужившийся до звания вице-адмирала.

Предки матери, Евфимии Федоровны, Заборовские, которые знатностью заметно превосходили Кашкиных и вели свое родословие от польского шляхтича, выехавшего на Русь в середине XVI века, наоборот больше тяготели к гражданской службе и занимали во второй половине XVII века высокие должности при царском дворе, ведали разрядами и приказами, были среди них думные дьяки и дворяне, окольничие, даже бояре. Поэтому братьев в разное время (Аристарх был на четырнадцать лет старше) записали в одно и то же учебное заведение «для благородного юношества» – Сухопутный шляхетский кадетский корпус, который готовил не только военнслужащих, но и чиновников, и будущее каждого из них должно было окончательно определиться после получения образования. Однако в конечном итоге оба они предпочли штатской жизни полную роковой непредсказуемости военную...

Шляхетский корпус с его казарменными порядками, еженедельными строевыми учениями и строжайшей дисциплиной, за нарушение которой предусматривались разного рода строгие наказания, ничем не походил на появившийся гораздо позднее Царскосельский лицей, хотя их воспитанники были сверстниками. Преподавательскому составу предписывалось, «дабы они (кадеты – *авт.*)

...гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили, ... во всем, как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении, над ними непрерывное иметь надзирание». Сюда принимали только тех дворянских недорослей, которые уже умели читать и писать. Юный Евгений Кашкин на вступительных испытаниях удивил экзаменаторов высоким уровнем домашней подготовки и вскоре вошел в число лучших учеников как по военным, так и общеобразовательным дисциплинам. Рутинная система обучения, сводившаяся преимущественно к зубрежке, не угасила в нем искреннего интереса к знаниям, особенно к иностранным языкам (кадеты изучали в обязательном порядке немецкий и французский и по желанию латынь). В овладении ими он добился исключительных успехов, а корпус окончил с отличием, получив свое первое воинское звание сержанта.

Солидная разница в возрасте братьев Кашкиных тоже оказалась небесполезной. К этому времени Аристарх Петрович уже обжился в армейских кругах и заметно продвинулся по службе. Он уже произведен в полковники, командует Тобольским пехотным полком и вместе с отцом принимает активное участие в том, чтобы достойным образом устроить младшего брата. Хорошим подспорьем в этом явилось как раз отличное знание им немецкого языка, так как с западных границ уже пахло порохом и война с Пруссией была уже неминуема...

...В один из первых октябрьских дней 1761 года императрице доложили, что прибыл нарочный из действующей армии. Хотя в последнее время Елизавета Петровна сильно недомогала (жить ей оставалось всего два

месяца), она изъявила желание безотлагательно принять курьера. Быстрой и легкой походкой в приемный покой вошел молодой офицер невысокого роста, худощавый и стройный, по его несколько утомленному лицу было видно, что он очень спешил и почти не отдыхал в дороге. С поклоном вручил доставленный им пакет. Генерал-поручик граф Захар Григорьевич Чернышёв, командующий экспедиционным корпусом, сообщал, что 21 сентября союзными русско-австрийскими войсками взята считавшаяся неприступной крепость Швейдниц, что пруссаки понесли большие потери пленными и убитыми и захвачено много трофеев.

Завершалось донесение краткой припиской о том, что честь сообщить ее величеству об этой победе оказана премьер-майору Е. П. Кашкину как особо отличившемуся во время штурма, одному из первых взошедшему на крепостной вал, а затем отважно сражавшемуся в уличных боях. Лицо государыни посветлело, она по-прежнему была непреклонна в своем решении довести затянувшуюся войну с Пруссией до победного конца, и каждый успех укреплял ее в мысли, что этот день близок. Она с монаршей щедростью наградила Е. П. Кашкина за воинскую доблесть и добрую весть, пожаловав ему тысячу рублей, сумму по тем временам весьма значительную...

Но исключительно важную роль в его дальнейшей судьбе сыграет первая личная встреча с другой императрицей – Екатериной Алексеевной, и состоится она тремя годами позже при обстоятельствах более чем чрезвычайных... Ранним утром 5 июля 1764 года стало известно, что ночью в Шлиссельбургской крепости была предпринята

попытка государственного переворота путем освобождения и возведения на престол с младенчества находившегося в строгой изоляции, а затем в тюремном заточении, бывшего, но не утратившего легитимности, хотя и низложенного Елизаветой Петровной, российского императора Иоанна VI Антоновича, которого избрала своим преемником в соответствии с действовавшим порядком престолонаследия императрица Анна Иоанновна.

Таким образом рассчитывал возвыситься, а заодно и поправить свое катастрофическое материальное положение организатор этой потерпевшей крах авантюры – подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, за время неоднократного несения караульной службы в крепости выяснивший, кем на самом деле является ее самый секретный узник. Но не узнавший главного: находящиеся неотлучно при царственном арестанте два пристава имели тайное предписание – при серьезной угрозе освобождения живым его не оставлять. Что и было сделано при штурме каземата введенным в заблуждение ложным «манифестом» и соблазненным щедрыми посулами караулом, которому их командиром было обещано богатое вознаграждение за вызволение из неволи законного государя...

Сразу по получении этого известия граф Никита Иванович Панин, оставленный «на хозяйстве» императрицей, находившейся в поездке по прибалтийским провинциям, срочно вызвав уже служившего под его началом подполковника Е. П. Кашкина, поручает ему немедленно выехать к месту происшествия, допросить взятого под арест злоумышленника и всех сопричастных к случивше-

муся, а затем после проведения самого тщательного расследования выехать в Ригу, чтобы лично доложить о его результатах самой государыне.

10 июля Евгений Петрович с докладом о самом происшествии и о том, что удалось выяснить в ходе дознания, уже предстал перед Екатериной Алексеевной. Главный вопрос, который волновал ее более всего: была ли «шлиссельбургская нелепа» преступной затеей одиночки или возможно существование разветвленного заговора? Е. П. Кашкин твердо ответил, что у В. Я. Мировича был один-единственный сообщник, но и тот во время служебной поездки незадолго до бунта погиб в результате несчастного случая, участия других лиц, кроме поверившей обману подпоручика караульной команды, не выявлено. Толковым и обстоятельным рапортом Евгения Петровича императрица осталась очень довольна, но приняла решение предпринять для большей уверенности дополнительные следственные действия, выполнение которых именным указом было возложено на генерал-поручика Ивана Ивановича Веймарна. Из ее письма от 12 июля 1864 года Н. И. Панину: *«Никита Иванович! Господин Кашкин повез к вам три моих письма... До ваших рук дошел уже ... мой указ Веймарну, которому придайте Кашкина, дабы никакое несходство не произошло; никто лучше сего последнего дело изъяснить не может».*

Каждому воздастся по заслугам: В. Я. Мирович сложит голову на эшафоте, а Е. П. Кашкин получит звание полковника и станет командиром Ярославского полка. Но гораздо важнее то, что с этого времени на Евгения Петровича на долгие годы распространится неизменное

расположение и доверительное отношение императрицы, высоко ценившей его как умного и энергичного сподвижника, готового и способного успешно выполнить любое ее поручение. Вот краткий послужной список Е. П. Кашкина до его вступления в должность Пермского и Тобольского генерал-губернатора.

В 1756 году после окончания с отличием Шляхетского сухопутного корпуса, не достигнув еще и девятнадцати лет, он был определен к военной службе, начало которой совпало с Семилетней войной, в ходе которой поручик Е. П. Кашкин, будучи адъютантом главнокомандующих, не только использовался для штабных «дел, производящихся на иностранных языках в канцелярии», но и принимал непосредственное участие в военных действиях: 19 августа 1757 года – в одном из крупнейших сражений под Гросс-Егерсдорфом (за отвагу произведен в секунд-майоры), 18 сентября 1760 года – во взятии Берлина, 1 октября 1761 года – в штурме уже упоминавшейся крепости Швейдниц.

После заключения 24 апреля 1762 года мира с Пруссией пожалован чином подполковника, а в 1763 году командирован в Польшу в составе войсковых частей, направленных на борьбу с конфедератами. После возвращения в 1764 году принят на службу в ведомство графа Н. И. Панина, где «попадает в случай» и становится лично известен императрице во время расследования дела В. Я Мировича, о котором рассказано выше. С 1768 года – снова на войне, но уже русско-турецкой, 22 августа 1769 года во время штурма Хотина получает тяжелейшее ранение, вынуждающее его покинуть действующую армию для длительного лечения и помыслить о возможной отставке.

Озабоченность состоянием его здоровья выразила в адресованном ему личном письме императрица: *«Евгений Петрович. Сего Генваря 1-го дня взяла я вас в Семеновской полк в премьер-майоры. А как я притом знаю и болезнь вашу от полученной раны и домашнее состояние ваше, то желаю только, чтоб вы скорее выздоровели, а впрочем вы можете надеяться, что я вас не оставляю. Екатерина. 8 Генваря 1770. С.-Петербург»*. Это почетное звание в гвардейском полку, где полковником была сама государыня, предполагало повышение и в общеармейской иерархии. 12 октября 1770 года тридцатитрехлетний Е. П. Кашкин произведен в генерал-майоры. В этом же году он выполняет весьма важное и деликатное поручение: встречает принца Генриха Прусского, едущего с официальным визитом для дипломатических переговоров, а также с тайной целью по заданию своего брата короля Фридриха II разведать военный потенциал империи. Евгений Петрович безотлучно находится при нем во время длительного (до конца 1771 года) пребывания принца в России и так организует маршрут его путешествия, что тот поймет: с русскими лучше жить в мире. И сообщит о своем выводе коронованному брательнику.

Принц, угрюмый мизантроп, вечно всем недовольный брюзга и ворчун, не смог устоять перед обаянием своего, как выяснилось, весьма просвещенного спутника, к тому же отлично владевшего немецким языком, и, вторично приехав в Санкт-Петербург в 1776 году, изъявил твердое желание, чтобы его снова сопровождал в поездке Е. П. Кашкин. И в том же году ему пришлось выполнить еще одну ответственную миссию: встретить и доставить

в столицу невесту великого князя Павла Петровича великую княжну Марию Федоровну, результатом чего стало некоторое сближение с цесаревичем и установление между ними приятных отношений. 8 февраля 1772 года как полномочный представитель Военной коллегии Е. П. Кашкин отправлен вместе с адмиралом Нольсом для устройства на Дунае русской флотилии. В 1775 году он произведен в генерал-поручики. А его переход с военной службы на гражданскую отмечен назначением в 1780 году Выборгским губернатором.

...В Тобольске Е. П. Кашкин впервые появится 14 октября того же года. Никаких подробностей о его пребывании здесь в течение двух месяцев не сохранилось, оно нашло лишь своеобразное отражение в записках будущего первого томского губернатора Василия Семеновича Хвостова, в то время адъютанта начальника Колывано-Воскресенских заводов, правителя Колыванской области, генерал-майора Бориса Ивановича Меллера. Это как раз и есть тот обещанный мной, единственный нелицеприятный отзыв о Евгении Петровиче, который удалось разыскать. При возвращении из столичной командировки в Барнаул *«в Тобольске, – пишет В. С. Хвостов, – нашел великую перемену. На место дряхлого и совсем опустившегося Дениса Ивановича Чичерина, определен Тобольским и Пермским генерал-губернатором Евгений Петрович Кашкин. Спесь, с какою обращался он с престарелым почтенным своим предместником, не обещала, чтобы он был начальник благорасположенный. Стоит только взглянуть на карту, составленную им, Тобольской губернии, тотчас видна цель своекорыстия»*. Несомненная предвзятость и полная не-

осведомленность о причине такой «спеси», совершенно несвойственной открытому, общительному и доброжелательному характеру Е. П. Кашкина. Да, он был весьма холоден с Д. И. Чичериным, и к тому, что наместник не склонен был лобызаться с ним или заключать его в объятия, хотя легендарный предок того, итальянец Чичерини, прибыл в той же самой свите византийской царевны, что и кашкинский патриарх, были серьезные основания.

Ему уже были известны результаты расследования о злоупотреблениях при заготовлении провианта и фуража для сибирского гарнизона, которое императрица именным указом еще в августе 1778 года поручила провести генерал-майору Григорию Михайловичу Осипову. Ему же было дано задание одновременно на основании особой «записки»-памятки «разведать без огласки, образом неприметным, но с крайней точностью» о возможных прегрешениях самого губернатора. «Верноподданейший рапорт», состоявший из десяти обширных разделов с подробным описанием всех выявленных нарушений, порой вопиющих, в петровские времена вполне мог бы повлечь

Василий Семенович Хвостов – автор единственного отрицательного отзыва о Е. П. Кашкине в мемуарной литературе. А портрет-то кисти самого Ореста Адамовича Кипренского...

за собой самые серьезные последствия. Но с Денисом Ивановичем, учитывая его заслуги, которых за столь длительный срок службы накопилось немало, обошлись гуманно, дав ему возможность со всем нажитым добром беспрепятственно покинуть Сибирь, чтобы провести остаток дней в родовом имении.

И совершенно глупым выглядит хвостовское обвинение Е. П. Кашкина в «своекорыстии». Именно так он истолковал внесенные наместником изменения в первоначальное административно-территориальное деление и границы Тобольской губернии, то есть именно тот вариант, который в итоге нашел отражение в высочайшем указе. Увеличение территории с целью образования нового уезда за счет северной части Колыванской области – личная корысть? Да, Господь с Вами, Василий Семенович, наоборот – лишний хомут на шею, а если по справедливости – смелое и мудрое решение, достойное государственного мужа: сделать огромную территорию, уже изрядно заселенную не только в притрактовой зоне, самодостаточной в отношении управления и надзора.

Понимая, что объехать сразу всю неоглядную губернию не получится, Евгений Петрович решает пока ограничиться ее западной частью. Управившись с самыми неотложными делами и отдав необходимые распоряжения, он уедет из Тобольска только в декабре, сначала в Пермь, а потом в Санкт-Петербург, чтобы 14 января 1781 года лично доложить императрице о ходе выполнения ее поручения. И уже 27 января появится окончательный именной указ об открытии Пермского наместничества, которому предстояло совместно с Тобольским войти в состав XIII

генерал-губернаторского округа, Пермско-Тобольского, с центром в Перми, гораздо ближе расположенной к столице, куда наместнику не раз придется выезжать для докладов, решения и согласования наиболее важных вопросов.

А знакомство с западносибирским краем продолжится летом. 21 июня Е. П. Кашкин отправится по Московскому тракту в длительную поездку на восток, до еще не согласованной и не утвержденной границы с Иркутским наместничеством. Если учесть, что 24 июня, как подтверждается одним из его писем, написанных в дороге, он был уже в Омской крепости, которая, кстати, тоже благодаря ему получит статус штатного города, то в Кашкинской слободе Евгений Петрович побывал где-то в конце июня или в самом начале июля. Какой она и другие притрактовые селения предстали перед ним? Поскольку в кашкинском архиве об этом нет ни строки, обратимся к существующему, хотя и более раннему, десятилетней давности описанию...

31 марта 1774 года в номере одной из казанских гостиниц выстрелом из пистолета в состоянии жесточайшей депрессии покончил с собой давно страдавший от приступов ипохондрии Иоганн-Петер Фальк, шведский ученый-натуралист на русской службе, руководитель третьего академического отряда Оренбургской экспедиции. Самоубийство сорокадвухлетнего академика потрясло его спутников, с сочувствием относившихся к его хроническому недугу, но не предполагавших столь трагической развязки. Почти все полевые записи покойного, в большом количестве скопившиеся за время работы экспедиции, с 1768 по 1774 год, на шведском, немецком и латин-

ском языке, сделанные второпях, иногда карандашом и на отдельных листках, остались необработанными. Приведение их в порядок и подготовку к публикации взял на себя его друг и соратник Иоганн Готлиб (Иван Иванович) Георги. Но даже для него, хорошо знавшего почерк И.-П. Фалька, это оказалось задачей чрезвычайной трудности, на решение которой ушло около десяти лет, а книга «Записки путешествия академика Фалька» вышла в свет только в 1824 году.

Для нас этот труд интересен тем, что в нем нашему краю посвящена целая глава, которая так и называется – «Барабинская степь». На что ученый обратил особое внимание? Во-первых, на то, что *«бóльшая часть сухих плоскостей весьма хороша для посева хлеба, и таковых мест выйdet до 100 000 десятин, но, к сожалению, лежат оныя в запустении»*. Во-вторых, на то, что с 1764 года *«в Барабе заведено было много деревень с новыми поселенцами... Колонисты вообще живут очень хорошо. Они трудолюбивые, хорошие и спокойные земледельцы, из коих некоторые довольно зажиточны. Они сильно размножаются и во втором колене обещают еще более пользы; если бы можно было им доставить более женского пола, то хозяйство более бы процвело... Каждая из сих колоний стоит близ старой деревни. Сначала оне не приносили России ни малейшей пользы, но уже во втором поколении начали служить для других примером, и уздою для разврата»*.

Всего И.-П. Фальк насчитал по состоянию на 1771 год 4492 поселщика, из них мужчин – 2459, женщин – 1399, детей – 634.

Отдельно сказано и «о старых русских селениях Барабы, основанных в 1730, ... колониях, учрежденных в 1760 и 1763 годах, а также и о деревнях, произшедших от переведенных ямщиков, крестьян, козаков и ссылочных». Их он характеризует так: «Старья деревни имеют постановления новых деревень, но уже управляются сами собою без военного присмотра. Крестьяне вообще деятельны и зажиточны; земледелие у них такое же, как и в деревнях по Иртышу; они сеют озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень, овес, полбу, яровую рожь, горох, лен и конопель. Земля плодоносная, вознаграждает в 5 и 10 раз и не требует удобрения. Ныне есть у них еще довольно земли для пару; но употребление времени для посева, по причине холодных ночей, требует немалого внимания; а потому крестьянин может обработать столько земли, сколько сие обстоятельство ему позволит. У всякого крестьянина есть небольшой огород, а у некоторых и хмельники. Они держат ныне много лошадей, несколько коров и русских и киргизских овец. Новые поселенцы приметным образом распространяют их скотоводство. Здесь скотоводство было бы по причине пажитей весьма велико, если б оно не подвергалось падежам...».

Подсчитана и численность старожилов: всего 2432 человека, в том числе 1353 мужчины, 688 женщин и 398 детей. Подчеркнута существенная разница в числе душ между новоселами и старожилами, а у тех и других между мужчинами и женщинами. В статистике И.-П. Фалька не были учтены барабинские татары, но если взять даже минимум из известных данных за другие годы, а это порядка четырех с половиной тысяч, то общая численность

обитателей Барабы уже в 1771 году составляла более одиннадцати тысяч человек. А знакомство Е. П. Кашкина с ней состоялось спустя десять лет, и нет сомнения, что и число селений, и людей, в них обитающих, за эти годы здесь увеличилось и даже значительно. Не учесть этого и не принять единственно верного в такой ситуации решения наместник не мог.

Вернувшись из поездки по Алтаю и восточной части Тобольской губернии в свою зауральскую метрополию только к осени и пышно отпраздновав 18 октября 1781 года торжественное открытие Пермского наместничества, отправиться сразу в Санкт-Петербург Евгений Петрович не смог, до середины декабря его задержали неотложные дела. В путь он отправляется уже в предновогодье, подготовив конкретные предложения по разграничению губерний, областей и наместничеств. Одно из них он был намерен отстаивать во что бы то ни стало: выделение из Тарского уезда и Кольванской области нового уезда – Каинского, с центром в преобразованной в город Каинской слободе.

Такой вариант могут счесть дерзким, но никакого посягательства на кабинетские интересы при внимательном рассмотрении здесь нет: отторгаемая лесостепная территория никаких полезных ископаемых не содержит и в заводских делах никоим образом не задействована, а приписные крестьяне на ней таковыми и останутся, даже проживая в пределах другого административно-территориального образования. В донесении, отправленном еще до отъезда, говорилось: *«Для способности к селениям и что между городами Тарой и Томском на 860 верстах*

никакого надзора по большой Сибирской дороге не имеется и как сей город лежать будет между поселениями вновь заведенных посельщиков, то дабы за оными порядочной присмотр иметь было должно. В окружности сего города произрастание хлебов год от году по мере размножаемой распахки от посельщиков умножается». А в ноябре наместник получил письмо от генерал-прокурора Александра Алексеевича Вяземского, которым тот сообщал о повелении императрицы: никаких прежних распоряжений как по границам Тобольской области, так и по Колыванско-Воскресенской границе с Томской областью не изменять до прибытия Евгения Петровича и окончательное решение по этим вопросам принять после его устного доклада...

И доказательством того, что его предложения, получив высочайшее одобрение, были приняты, стало появление особо ценного для нас документа – своеобразного свидетельства о рождении нашего города, крестным отцом которого с полным правом можно назвать наместника Пермского и Тобольского Евгения Петровича Кашкина, а крестной матерью – саму государыню Екатерину Алексеевну.

Данный Сенату именной указ «Об учреждении Тобольского наместничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды» от 19 января 1782 года, гласил:

«Всемиловнейше повелеваем нашему генералупоручику, правящему должность генерала-губернатора Пермскаго и Тобольскаго, Кашкнну, в августе нынешнего 1782 года исполнить по учреждениям нашим

от 7 ноября 1775 года в наместничестве Тобольском, составя оное из двух областей, Тобольской и Томской, из коих к первой принадлежать будут 10 уездов, а именно: Тобольский, Тарский, Омский, Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Туринский, Березовский и Сургутский; ко второй: Томский, Ачинский, Енисейский, Туруханский, Нарымский и Каинский. Вследствие чего

Екатерина II

пригороды и селения, по коим названы уезды, переименовать городами; а в прочем постановление о границах Тобольского наместничества с прикосновенными к нему возлагаем на соглашение генералов-губернаторов и правящих ту должность, о чем, равно как и о числе душ, из коего вся губерния и в ней области и уезды составлены будут, подать в наш Сенат ведомости».

В тот же день императрицей был отправлен следующий рескрипт епископу Тобольскому Варлааму: *«Преосвященный епископ Тобольский Варлаам! Генерал-поручик и правящий должность генерал-губернатора Пермского и Тобольского Кашкин во воле нашей, с помощью Божьей будет открывать правление в наместничестве Тобольском в августе сего года, по образу, от меня предписан-*

норму. Я удостоверена, что ваше Преосвященство не оставите ему в сём на пользу Отечества устрояемом деле поспособствовать, паче же общим ко Всевышнему молитвам предводительствовать вашими пастырскими, да суд, правда и благо, нами насаждаемое, возрастят плод желанный. Пребываю, впрочем, вам доброжелательная ЕКАТЕРИНА».

Указ был издан еще в бытность Евгения Петровича Кашкина в Санкт-Петербурге, где он доложил императрице о возможности открыть Тобольское наместничество уже осенью при условии некоторых отступлений от общего строя губернских учреждений. Ее согласие было подтверждено 28 января еще одним именованным указом – «О переменах, сделанных в штате Тобольской губернии против общих губернских штатов», учитывавшим при персональном формировании органов управления, а также определении их структуры отсутствие в Сибири помещичьего дворянства. В столице Е. П. Кашкин пробыл до 24 февраля, успев в своих докладах императрице коснуться многих очень важных вопросов и получив ее обещание содействовать их решению. На торжества, посвященные открытию Тобольского наместничества, она разрешила израсходовать восемь тысяч рублей из местных доходов, а указом от 21 февраля позволила из отпускаемых казной новому наместничеству «подъемных» двадцати тысяч рублей потратить потребную сумму на довершение перестройки старинного каменного здания под резиденцию наместника и губернские присутственные места. Высокая оценка его деятельности в обеих губерниях в тот же день, уже в канун отъезда, была отмечена наградой, сво-

им рескриптом государыня уведомила Евгения Петровича, что «за усердную службу и труды, нам угодные» она жалуует его орденом Святого Александра Невского.

Теперь главной заботой Е. П. Кашкина на ближайшее полугодие стала подготовка к открытию Тобольского наместничества, вмещающая в себя несколько крупных проблем и множество мелких забот. Пермский опыт кое в чем пригодился, но взять для организации основного торжества тот же самый сценарий наместник счел неприемлемым и приказал разработать новый, сохранив лишь обязательные ритуальные элементы, присущие такого рода церемониям. Крайне необходимо было всемерно форсировать все строительные работы, чтобы завершить их как можно быстрее, так как возводимое строение предполагалось использовать во время проведения праздника, и промедление грозило скандальным срывом сроков, установленных высочайшим указом.

Самой сложной проблемой по-прежнему оставался подбор кадров всех уровней, к концу лета предстояло заполнить все вакансии, предусмотренные штатным расписанием, утвержденным лишь совсем недавно. Но, как сочувственно отметил автор «Родословных разведок», *«задача приискания честных и способных людей в отдаленный и угрюмый край, страшивший и полным отсутствием житейских удобств, и суровым климатом, и царившими там разбоями и всевозможными неурядицами, была так трудна, что разрешения вполне удовлетворительного и найти, конечно, не могла. ... Тем заботливее пришлось ему приискывать людей для Тобольского края, что для Пермского, как убедился он с большой горечью,*

приглашено им было несколько человек положительно неподходящих».

Но как бы там ни было, открытие Тобольского наместничества состоялось в намеченные сроки, а если точнее – в последней декаде августа 1782 года и, как писал позднее в своих «Прогулках вокруг Тобольска в 1830 году» П. А. Словцов, «оно врезалось в моей памяти небывалою торжественностью...». Он, тогда еще семинарист, принял в нем самое непосредственное участие и, с пафосом прочитав сочиненную им в честь этого события оду «К Сибири», преподнес ее наместнику. Старая приказная палата как по волшебству превратилась в сказочной красоты трехэтажный белоснежный Дворец наместника (длиною тридцать две, шириною тринадцать сажений), с края горы видный всему городу, предназначенный для размещения губернских присутственных мест и проживания генерал-губернатора во время его приездов в Тобольск, здесь же находился и поражавший своим великолепием так называемый «тронный зал», самое просторное помещение с роскошным убранством, место особо важных и торжественных собраний и церемоний, с точной копией российского императорского трона. Такие копии, символизировавшие присутствие самодержавной власти и самой императрицы на местах, имелись во всех наместничествах, но после смерти Екатерины II по распоряжению Павла I были изъяты.

Трон был установлен на ступенчатом с трех сторон возвышении, обтянутом красным сукном. Известный тобольский краевед Николай Алексеевич Абрамов в 1838 году разыскал его детальное описание в старых делах

Тобольского губернского архива. Искусно изготовленная копия представляла собой «большое кресло, обитое малиновым бархатом и обложенное золотым позументом с такой же бахромой; ... посередине (заспинника – *авт.*) – российский герб, золотой орел под императорской короной; вокруг всего кресла – золотой позумент с такой же бахромой. Покрывало на троне малинового бархата ... По сторонам трона из того же бархата на кольцах два занавеса, при них восемь золотых кистей... Сверху трона расположены императорская корона, скипетр и держава, российский и гербы губерний...» Украшали зал портреты августейшего семейства в золоченых рамах: самой императрицы, наследника-цесаревича Павла Петровича, супруги его великой княгини Марии Федоровны, их сыновей – великих князей Александра Павловича и Константина Павловича.

Открытие Тобольского наместничества по воспоминаниям очевидцев-старожилов кратко описал тот же Н. А. Абрамов. Но в конце концов нашлось и так долго ускользавшее от меня более подробное описание. Существуют только две дореволюционные его публикации (оригинал и перепечатка), и обе – в очень редких изданиях, более поздних и современных воспроизведений не обнаружено. Извлечено оно Михаилом Степановичем Знаменским, тоже тобольским краеведом, из «Памятной записки титулярного советника Петра Афанасьева сына Петрова о разных деяниях (1765–1831 гг.)» и опубликовано им в 1889 году в сборнике «Тобольская старина» в статье «Несколько слов об открытии наместничества в Тобольске и первом наместнике». Не берусь утверждать, что мне выпала

честь первым познакомить своих современников с этим интереснейшим документом, но и полностью исключить этого тоже не могу. А посему воспроизвожу его целиком:

«1782 г., августа 21-го, в Тобольске было открытие наместничества: преддверие в воскресенье, а накануне, т. е. 20-го числа, в субботу, извещено было в городе жителям о преддверии сего открытия наместничества чрез господина назначающагося городничим, секунд-майора Якова Мейбома и коллежского секретаря Матвея Юрлова с шестью трубачами конными и двенадцатью гусарами.

А в воскресенье, пополуночи в 4 часа, по выстрелу пушки, была введена в Кремль воинская команда числом до 1000 человек под команду господина Тобольского обер-коменданта, бригадира и кавалера Александра Ивановича фон Беклера.

В 7 часу, по выстрелу из пушки, изволил прибыть Его Превосходительство господин губернатор, генерал-майор Григорий Михайлович Осипов со всеми присутствующими в доме генерал-губернатора Его Высокопревосходительства господина генерал-поручика, лейб-гвардии премьер-майора и разных орденов кавалера Евгения Петровича Каишкина в тронный зал Ея Величества.

В 8 часов, по выстрелу из пушки, начался благовест в соборной церкви к обедне, по окончании которого из тронного зала Его высокопревосходительство изволил со всею свитою шествовать пешком к обедне по сделанному от самого генерал-губернаторскаго дома до собора мосту, который обит алым сукном. Впереди шли подле одного сукна по земле 6 человек пеших гусар, за ними по

оному сукну шли 4 унтер-офицера, два помощника обряда, за ними учредитель обряда и генерал-губернатор с двумя адъютантами, за ними губернатор и все присутствующие, секретари и приказные служители, а за всеми шли по сукну 4 унтер-офицера, в числе которых был и фуриер Петр Полутов, и по обе стороны моста шли 8 гусар пешие ж.

Оной церемонии отдана была честь от воинской команды и при входе в церковь стали на определенные места, а 8 человек унтер-офицеров стояли при церковных дверях, а гусары за церковью, а прочего народа впущено в церковь не было, и во время молебена происходила пушечная пальба из 101 пушки и двукратный беглый огонь.

По выходе из церкви прибыли в тронный зал Ея Величества и чрез полчаса вышли на балкон генерал-губернатор и присутствующие, где и поздравлены были музыкою и барабанным боем; потом возвратились в контрасолт (антресоль – *авт.*) кушать, и во время обеда происходила музыка и пушечная пальба, а после обеда разъехались в дома.

А в шестом часу в половине съезжались опять в дом генерал-губернатора в тронный зал господы и дамы и происходил бал до 12 часу, а в 12 часу был ужин и пополуночи в первом часу разъехались в дома. Во время сего вечера было пять прозрачных картин.

23-го числа. В тронном зале была балотировка присутствующим (то есть голосование при избрании на какую-либо должность, осуществляемое посредством баллов или шаров, опускаемых в урну – *авт.*) и обед. В то время был в Тобольске линейный командир генерал-по-

ручик Николай Гаврилович Огарев и бригадир и кавалер Фетцев.

25-го числа был обед для всех обер-офицеров.

29-го числа, т. е. в понедельник, разъезжал по городу городничий, как и к преддверию, с объявлениями, что на завтра будет наместничеству открытие, то есть, тридцатаго числа.

В открытие церемония та же самая происходила, как и в преддверие, только с такою переменою, что по утру по выстрелу из пушки другого раза, как на перилах у Магистрата, так и над башнею на Прямом взвозе, повешаем был народ музыкаю, да до обедни стояли в тронной зале 4 унтер-офицера у дверей по два человека вместо присяжных.

По прибытии губернатора с присутствующими вышел генерал- губернатор из других покоев в тронный зал и стал к портрету Ея Императорскаго Величества к амбону на подмощенную ступень и сказывал речь. В то же самое время пошли к обедне, а от обедни пошли со кресты архиерей с духовенством в присутственные места, которые и открыты были, потом возвратились в дом генерал-губернатора, где, немного погодя, вышли на балкон. Позволено было народу сорвать у изготовленного быка голову, пить вино, пиво и мед. Пополудни в 10 часов горел щит и пускаемы были ракеты, был бал и ужин, а в полночь разъехались в дома».

В обстоятельном, но суховатом повествовании П. А. Петрова почти ничего не сказано о надолго запомнившемся тобольчанам массовом народном гулянии, устроенном для горожан наместником и начавшемся в послед-

ний день торжеств сразу после официального открытия наместничества. Старожильческие воспоминания об этом празднике, записанные Н. А. Абрамовым, он обозначил в своем очерке сноской как «тобольское предание». А вспомнить было что. *«Угощение народу было изобильное. На многих местах стояли целые зажаренные быки с вызолоченными рогами, внутри быков были вложены разные съестные приготовления. Установлены бочки простого вина и пива. Устроены фонтаны, из которых в подставленные бочки лилось виноградное вино. Везде было раздолье и веселье. По ночам было в городе изрядное освещение. Великолепная иллюминация, блиставшая разными цветами огней, при наместническом доме, где, между прочим, установлена была превосходная, величественная прозрачная картина, изображавшая императрицу Екатерину II...»*

Донесение об открытии Тобольского наместничеств, посланное императрице с нарочным, было отмечено ее похвальным рескриптом от 15 октября 1782 года, в котором сообщалось, что известие это принято ею с удовольствием. А теперь перед Е. П. Кашкиным, наместническим и губерньским правлениями стояла задача исключительной важности и сложности – открытие в кратчайшие сроки присутственных мест во всех шестнадцати уездах, в том числе и в новообразованных, где были неизбежны дополнительные трудности. Никаких документальных свидетельств о том, как протекал этот процесс, разыскать не удалось, но, надо полагать, напряженно, так как до конца года завершить его не удалось. Донесение об «открытии нового образа управления и в уездных городах Тоболь-

ской губернии» в столице получают уже в 1783 году, и на него Екатерина Алексеевна 2 февраля тоже откликнется рескриптом, по содержанию сходным с предыдущим...

...Итак, свершилось. Угасающая слобода, о печальном настоящем и незавидном будущем которой так сокрушался добрейший Петр Семенович Паллас, обрела второе дыхание, нежданно-негаданно для своих обитателей превратившись в город, и не какой-нибудь, а уездный. «Каинск – средоточие всей Барабы», – в этих словах П. А. Словцова, не раз бывавшего в наших местах, – ключ к пониманию того, что произошло. Значимость этой перемены каинцы, озабоченные каждодневными, самыми земными делами и заботами, вряд ли осознали в полной мере, так как в реальности ничего не изменилось, лишь появилось свое местное начальство, рассеявшееся по присутственным местам. Но скептики, не упустившие случая позлословить по этому поводу, особенно среди ссыльно-поселенцев, имевших все основания недолюбливать самодержавную власть, наверняка нашлись.

Действительно, бывший форпост совсем не соответствовал дарованному ему статусу прежде всего своим внешним видом (полсотни, за редким исключением, неказистых домов и убогих изб, разбросанных вдоль Оми, да деревянная церковка), а по заселенности, числу и добротности строений уступал таким селам собственного уезда, как Тонтурское-Вознесенское (71 двор) и Покровское (64 двора). Да и население его согласно данным четвертой ревизии, проведенной в 1782 году, составляло всего 517 человек (260 мужчин и 257 женщин). Это о нем и ему подобных, рожденных реформой, уездных центрах сказано,

что они «не составляют городов даже и малолюдных, но причисляются к оним по местонахождению окружного управления». Пройдет почти столетие, прежде чем город «нареченный» станет наконец городом настоящим, пусть и небольшим. Но и тогда о нем еще можно будет сказать словами Федора Михайловича Достоевского* из его «Записок из Мертвого дома»: *«В отдаленных краях Сибири, среди степей... или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, невзрачные, с двумя церквями – одной в городе, другой на кладбище, – города, похожие более всего на хорошее подмосковное село, чем на город...»*.

Так в Барабинской степи появился первый город, сегодня самый старейший обладатель этого статуса в Новосибирской области. В то время, как другие сибирские города, основанные гораздо раньше и сыгравшие важную роль в первоначальном освоении края, не получают дальнейшего развития или постепенно будут приходить в упадок, Каинску будет суждено медленно, но верно расти, счастливо пережить, за редким исключением, все последующие административные перетряски и обрести известность не только в России, но и за рубежом.

С появлением Каинского прекратил свое существование Бурлинский уезд, да и в целом административно-территориальное устройство Колыванской области, изначально считавшееся временным, претерпело впо-

* Ф. М. Достоевский, осужденный по делу петрашевцев на смертную казнь и переживший жуткую имитацию расстрела на Семеновском плацу (о помиловании было объявлено в самый последний момент) отбывал каторгу по соседству с Каинском, в Омском тюремном остроге, с января 1850 года по февраль 1854 года.

следствии и не раз существенные изменения. Вспомним все с самого начала. Образованная по указу от 1 мая 1779 года она состояла из четырех уездов – Томского, Кузнецкого, Барнаульского и Бурлинского, включавшего в себя все барабинское левобережье Оми вместе с Каинским форпостом и селениями его ведомства. После утверждения границ Тобольского наместничества и Каинского уезда в его составе указом от 20 октября 1782 года область была разделена на пять уже других, за исключением Кузнецкого, уездов, центрами которых стали Бийская и Семипалатинская крепости, Бердский острог и Красноярск. Согласно указу от 6 марта 1783 года область была переименована в губернию. Новое и окончательное административно-территориальное деление утверждалось указом от 12 мая 1783 года, в состав Колыванской губернии вошли уезды Абаканский, Бийский, Колыванский, Кузнецкий и Семипалатинский, а губернским центром был назначен Бердский острог, переименованный в Колывань. И последнее изменение: по указу от 16 мая 1783 года было образовано Колыванское наместничество, состоявшее только из Колыванской губернии в составе только пяти вышеназванных уездов.

Между тем в некоторых публикациях утверждается, что с 1783 года Каинск и его уезд вошли в состав Колыванского наместничества. По-моему, мне удалось найти источник этого заблуждения, им является популярная в краеведческих кругах «Историческая справка о покорении Сибири, о Томске, Колыванской области, Томской губернии и ее губернаторах» томского чиновника П. И. Казанского, опубликованная в «Памятной книжке Томской

губернии на 1910 год». Не вникая в хронологические и организационные нюансы, он умудрился чохом вогнать в состав Колыванской области как бы находившиеся там одновременно такие уезды (цитирую): «Семипалатинский, Чарышский, Бийский, Кузнецкий, Барнаульский, Каинский, Колыванский, Томский, Нарымский, Красноярский, Енисейский и Туруханский». За Нарымский и Туруханский уезды ему – особый респект. Развеселил...

Все новые сибирские города были пожалованы гербами. Проекты их, разработанные на местах, после рассмотрения в Сенате представлялись на утверждение императрице. Российская геральдика того времени основывалась на несложном принципе: на гербе изображалось то, чем город был «славлен», чем представляли главную ценность для государства он сам и его округа. По тому или иному гербу можно было сразу определить, где, например, хорошо развиты пушной и рыбный промыслы, коневодство, животноводство, земледелие, кузнечное, оружейное и другие ремесла, торговля, мореходство. Такой подход преобладал, хотя встречались гербы и с более сложной, не поддающейся столь однозначному толкованию символиккой.

7 марта 1785 года статус города Каинска был подтвержден дарованием ему «высочайше подтвержденного герба». В нижней части щита находился сам каинский герб: «В зеленом поле золотой бык в знак скотоводства на Барабинской степи», в верхней – старый герб губернского центра, Тобольска: «В синем поле золотая пирамида с воинскою арматурою, с знаменами, барабанами и алебардами». В последующие годы герб не остался неизменным, известны еще два, более поздних его варианта. Один из

них был утвержден императорским указом от 20 марта 1804 года, сразу после того, как Каинск снова стал штатным городом. Щит так же разделен надвое горизонтальной линией, однако в верхней его половине уже находится герб губернского Томска (серебряный конь, мчащийся во весь опор в правую сторону), а в нижней – золотой бык в красном поле, тоже изображенный в движении, с приподнятой правой передней ногой. Цветовое решение кажется не совсем удачным, в силу явной несовместимости компонентов: реакция быка на все что угодно красное общеизвестна.

В Куйбышевском краеведческом музее имеется фотокопия проекта третьего варианта, а также его описание, сделанное в гербовом отделении Сената и датированное 24 января 1866 года: *«В червленном (темно-красном – авт.) щите два золотых быка с черными глазами, языками, рогами и копытами. В вольной части щита – герб Томской губернии. Щит увенчан серебряною башенкою о трех зубцах короною и окружен двумя золотыми колосьями, соединенными Александровской лентой. Так как быки находятся уже во многих гербах, то я полагаю для отличия сего герба от подобных ему поместить в оном двух быков...»* Дело вкуса, но, думается, что избыточность таких нагромождений очевидна, а самый ранний вариант герба в силу именно своей простоты – самый удачный. К тому же его символика окажется пророческой: на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий Каинский уезд станет одним из общепризнанных центров сибирского животноводства. А такая его отрасль, как маслоделие, достигнет небывалого расцвета, и рекордные экспортные

поставки деликатесной продукции в европейские страны в буквальном смысле озолотят ее производителей...

Какими были Каинск и его уезд в первые пореформенные годы? Есть официальные документы, позволяющие получить если не совсем полное, то относительно цельное представление об этом: описания 1790 года «О городе Каинске» и «О Каинской округе». Предыстория их появления такова. В 1784 году правительство приняло решение о составлении топографических описаний городов, уездов и наместничеств в целом «по высочайше утвержденному плану», то есть по специально разработанным анкетам, включавшим шестнадцать вопросов для городов и двадцать для уездов. Выполнение этого непростого задания было возложено на местную администрацию. Однако собранные еще не полностью материалы уничтожил уже не раз упоминавшийся «большой» тобольский пожар 1788 года. По указанию преемника Е. П. Кашкина генерал-губернатора Пермского и Тобольского Алексея Андреевича Волкова работа по завершению описаний с февраля 1789 года возобновилась и была закончена в следующем году.

Автор описания, судя по всему – уездный землемер, предельно лаконичен. Впрочем, краткость его ответов на некоторые вопросы анкеты вполне оправдана: сообщить, собственно говоря, нечего. Как отзвук недавнего безвестного прозябания небольшой слободки – ответ на самый первый вопрос (о географических координатах): «В какой долготе и широте, испытано не было». Гораздо позже этот пробел восполнит А. Я. Якимовский, указавший в своем описании 1842 года если не абсолютно точное, то

очень близкое к таковому место нахождения Каинска на земном шаре ($55^{\circ}35'$ северной широты и $97^{\circ}42'$ восточной долготы). О городе сообщается, что он простирается в длину на 250, в ширину на 150 сажен, «окружностью 1 верста 350 сажен нерегулярною фигуурою продолговатою» и «по малоимению... обывательских домов на части не разделен». Иными словами, Каинск все еще продолжал формироваться стихийно, по слободскому принципу самовольной застройки. Новые дома возводили там, где считали удобным – в основном вдоль берега Оми, в местах, недоступных внешнему половодью. В описываемое время еще не было проведено межевание, и не только внутреннее, но и внешнее, которое обозначило бы границы городских земель, хотя специальным указом, изданным еще 24 мая 1781 года, предписывалось: «Дабы пределы городского начальства и управления от таковых же в округе известным образом отделены были, нужно положить межи и каждому городу».

В 1790 году в Каинске, согласно описанию, имелось «...обывательских домов 106, торговых лавок и анбаров 7, казенного строения правянского ведомства 3 магазейна, кои пришли уже в ветхость, из одного зделан винной магазейн, питейной дом с подвалом 1, соляной магазейн 1». Дополняла этот убогий перечень приходская деревянная церковь с причтом из четырех человек. «Гостиных дворов, городского укрепления, училищъ, воспитательных домов, багаделен и болниц...», а также «фабрик и заводов никаких не имеются». То есть отсутствовали, даже в зачаточном состоянии, и местная промышленность, и социальная инфраструктура.

Дана и характеристика населения новоиспеченного уездного центра. В городе проживало 658 человек «греческого исповедания» (293 мужчины и 365 женщин). Расклад, заметим, весьма нетипичный, поскольку в Сибири в то время представительницы «женска пола» сплошь и рядом составляли меньшинство. Так что Каинск хотя бы в этом отношении выгодно отличался от других уездных городов. А был он, говорится в описании, *«населен крестьянами, а болше поселщиками из России за вины присланными, и малой части купцами и мещанами, между коими различия никакого нет»*. Об основных занятиях горожан сказано: *«Торговаго промысла по новости вступления купечества еще не имеются. Крестьяне пропитание получают и государственные подати оплачивают от хлебопашества, а мещане от разных работ»*. Как видим, четкого сословного разделения еще нет, основные социальные группы определены формально и при наличии некоторого имущественного неравенства по роду занятий и образу жизни мало чем отличаются друг от друга.

Примечательно, что хотя в соответствии с двадцать шестой статьей Городового положения в Каинске была учреждена «ярмонка» «с 1-го по 6-е число генваря», фактически она не проводилась в связи с отсутствием «съезду» торгующих. И в последующие годы купцы и «цеховые» добывали себе пропитание не столько торговлей и ремеслом, сколько земледелием, животноводством и даже рыбной ловлей, что же касается мещан и разночинцев, то и они не чурались сельских трудов, имея подсобные хозяйства. Так что Каинск долгое время воистину был «крестьянским» городом. И в XIX веке многие каинцы разных

ссловий будут по-прежнему заниматься сельским хозяйством на своих заимках и приусадебных огородах, считая его самым надежным способом добывания средств к существованию. Видимо, эта житейская мудрость, стремление не терять связи с землей-кормилицей унаследованы и их потомками: свидетельством тому – пригородные дачные участки, их продукция пришлась как нельзя кстати в недавнее лихолетье.

Каинский уезд на севере граничил с Нарымским, на западе – с Тарским и Омским, на востоке – с Томским, а на юге с пока еще не упраздненным Бурлинским уездом. Занимая 470 верст в длину и 270 в ширину, он состоял из восьми русских (Верхнеомской, Вознесенской, Усть-Тартасской, Покровской, Нижнекаинской, Верхнекаинской, Убинской, Иткульской) и семи ясачных волостей: Барабинской, Турашской, Тунусской, Любейской, Чойской, Теренинской и Каргалинской. На его обширной территории располагалось уже 175(!) селений (в том числе два бывших форпоста, три села и 170 деревень), православные поселенцы разделялись на четыре церковных прихода. По данным ревизии 1782 года, в уезде проживало 19669 душ обоего пола (10720 мужчин и 8949 женщин), в том числе государственных крестьян – 1083 (592/491), посельщиков – 10258 (5737/4521), приписанных к Колывано-Воскресенским заводам – 3553 (1852/1701), ясачных татар – 4626 (2458/2168), отставных солдат и казаков – 88 (33/55), церковнослужителей – 39 (22/17), ямщиков – 7 (5/2), остальных категорий – 13 человек.

В описании отмечается обилие земельных, лесных и промысловых угодий, в перечень наиболее значимых

водоемов включены 78 озер и 23 реки. Хотя межевание в уезде тоже не проводилось, здесь, по примерным подсчетам, имелось около 46 с половиной тысяч десятин земли, пригодной для пахоты, и около 560 квадратных верст сенокосов и выпасов. Остальную площадь занимали леса, «облегающие озерами, болотами и займищами». *«По болюшой части, – говорится в описании, – упражняются жители имущие в хлебопашестве, скотоводстве... Пашенными землями и санными покосами ползуются без разделения, где более кому удобности есть, а потому вообще недостатку и между живущими не предвидится, что еще от жилищь по сторонам болюшей дороги не болюше земли в известном, как на 20 и на 25 верст, а в прочем все дикопорозжее».*

Описана и применявшаяся в те годы агротехника. Под пашни занимали черноземные места по гривам и между колков. Сеяли в основном рожь, пшеницу, ярицу, ячмень, овес, отчасти горох, гречку, просо, лен и коноплю. В урожайные годы получали зерна в шесть и даже восемь раз больше, потраченного на посев. Землю пахали сохами, никакого удобрения в нее не вносили, поэтому использоваться она могла не более пяти лет. Затем поле оставляли «впусте», так как для его возвращения в «первобытное состояние» требовалось не менее двадцати пяти лет, о чем по прошествии этого срока давали знать обрастание пашни дерном и появление на ней травы, «называемой морковник». Посев озимой ржи по ранее вспаханым залогам после боронования и повторной вспашки производился в конце июля и начале августа и длился около двух недель. Под яровой сев землю начинали готовить с

первых чисел мая, и тоже старались управиться в двухнедельный срок. Рожь жали в последних числах июля, а яровые в начале августа, при благополучной погоде убрали полностью в закрома до сентября и при ином климате до его середины. Обмолот снопов производился по большей части в зимнее время.

Подсобными промыслами у русских и основными у «есашных» татар были рыболовство и охота. Поскольку в те времена фауна была несравнимо богаче, то промышленляли «лисиц, волков, медведей, лосей, зайцов, горностаблей, соболей, белок, частию бобров, выдр, росомаг». Особенно в большом количестве добывали лис и горностаев, славившихся качеством своего меха («коих и доброта против других мест лутчая»). Женщины занимались домашним хозяйством, ткали холсты и сермяжные сукна как для внутрисемейного потребления, так и для сбыта вместе с произведенными на подворье «съестными припасами» «проезжающим покупщикам». В урожайные годы уездные земледельцы отвозили излишки хлеба на продажу в крепости Иртышской линии.

Подрабатывали извозом, доставляя купеческие грузы в Тару, Томск, горнозаводские районы и на Ирбитскую ярмарку, где, кстати, рыба из барабинских озер продавалась бесперебойно. Бедняки, преимущественно – поселщики, батрачили у зажиточных односельчан или уходили «по пашпортам» в соседние округа «по найму для крестьянских работ». Многие из них отправлялись на Колывано-Воскресенские заводы, где как вольнонаемные трудились в основном и вспомогательном производствах или поступали «в услужение» к тамошнему начальству

и другим состоятельным людям. Так жил уезд, где торговля, если и присутствовала, то в самых простейших формах, а каких-либо даже малых предприятий, кроме 26 мучных («мутовчатых») мельниц, так же, как и в городе, не имелось...

«Подобных правителей Сибирь не видела ранее никогда, да и позже – весьма немногих» – с этой оценкой нельзя не согласиться. В длинной череде сибирских воевод и губернаторов Евгений Петрович Кашкин занимает особое место как выдающийся администратор новой формации, просвещенный и гуманный, с творческой жилкой. За девять лет самоотверженного и плодотворного труда в двух вверенных ему регионах он успел сделать очень многое, и главное – воплотил в жизнь предначертанное его повелительницей и покровительницей в 1775 году в «Учреждениях для управления губерний всероссийской империи». Но он не был бы самим собой, если бы не дополнил их в практической деятельности своими инициативами, которые не только не противоречили новаторскому духу екатерининского «проекта», но и утверждали то позитивное, что было в нем заложено. И то, что осуществлялось на Урале и Западной Сибири, находило потом распространение по всей России.

Два конкретных примера. Первый – создание в обоих наместничествах запасных хлебных магазинов на случай неурожая. На его записку о необходимости создания таких резервных запасов императрица откликнулась 9 ноября 1783 года именным указом, не только одобрявшим его намерение, но и определявшим источник финансирования для предстоящих закупок. А статс-секретарь А. А.

Безбородко не преминул позднее сообщить Е. П. Кашкину: *«Возвращая курьера вашего, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что средства, кои Вы употребить изволите к отвращению недостатка в хлебе по некоторым местам дальним вверенных Вам губерний, заслужили монаршее благоволение и апробацию. Ее Величество упражняется ныне проектом заведения вообще по государству запасных магазейнов, начиная с уездов, где скорее в том надобность встретиться может».*

Пример второй – разделение всех уездов на волости и организация в них самоуправления. В Государственном архиве Новосибирской области хранится уникальный документ, в свое время находившийся в Тырышкинском волостном суде. Это копия разосланного по всем уездам и волостям в 1786 году «Наставления генерал-губернатора Пермского и Тобольского Е. П. Кашкина для внутренняго между сельскими обитателями установления порядка в сельской жизни, надсмотра и благочиния, и для разбирательства случающихся маловажных дел, а при том и в случае важных дел же и преступлений как поступать». В объемистом тексте 122 статьи, из них одиннадцать, к сожалению, утрачено. Даже беглый обзор его содержания (а это подробнейшее разъяснение того, о чем заявлено в заглавии) занял бы слишком много места в главе, посвященной в основном городу. Остается лишь уповать на то, что сей труд когда-нибудь будет опубликован. Экспериментальное преобразование крестьянского самоуправления проводилось Е. П. Кашкиным с ведома и одобрения императрицы. Высоко оценила сделанное им в этом направлении известный историк Т. С. Мамсик, отметившая, что его рефор-

му *«можно считать одной из самых удачных в истории России. Крестьяне приняли ее как давно желаемую. В ее итоге сельское население края окончательно утвердилось в статусе казенного крестьянства с правом на землю и самоуправление»*. Апробированное в Пермском и Тобольском наместничествах сельское самоуправление было распространено по всей империи, но уже только в 1797 году при Павле I с той только разницей, что волостные суды были переименованы в волостные правления.

Демократизм Евгения Петровича проявлялся и в том, что он нередко, «нарушая субординацию» и минуя наместническое и губернское правления, напрямую общался с руководителями уездного уровня, направляя им свои циркуляры по вопросам, которые считал наиболее важными, запрашивал у них нужные сведения, а городничие и земские исправники адресовали свои рапорты уже непосредственно ему. Можно привести такой пример. Е. П. Кашкина так же, как в свое время и Д. И. Чичерина, очень удручало повсеместное отсутствие надлежащих условий содержания домашнего скота, счет которому в зажиточных хозяйствах уже шел на десятки голов. Отвратительные условия, в которых большую часть года прозябали животные, он считал одной из главных причин распространения эпизоотий и массового падежа. Кое-как сгороженные скотопомещения, холодные, с дырявыми кровлями, не очищались от остатков кормов и навоза месяцами. И если скорый на суд и расправу Денис Иванович при виде такого безобразия вполне мог для вразумления прибегнуть к мерам репрессивного характера, то Евгений Петрович считал, что внедрение начал культурного

хозяйствования нужно продвигать в крестьянские массы путем постепенной, но постоянной разъяснительной работы, находя веские и убедительные доводы в его пользу.

11 марта 1786 наместником был направлен нижним земским судам указ, в котором, в частности, говорилось, что в содержании скота дела обстоят по-прежнему крайне плохо, *«коликo по совершенному невежеству и нерадению крестьян о сохранении своей собственности, толико и ненаблюдению Нижних Земских Судов за истреблением заматеревших обычаев или, лучше сказать, вкоренившихся издавна в народе предубеждений и злоупотреблений, относя все сии несчастные случаи (падежи скота – авт.) на власть Божию и отговариваясь во всех делах упустительнаго своего небрежения, якобы на то была неминуемая воля Божия; напротив чего, Нижним Земским Судам, яко поставленным для благоустройства жителей и для попечения о их благосостоянии, предстоит долг изъяснить, что хотя власть Божия есть и будет над всем, что ни есть на свете, но человек одарен от Бога понятием и разумением к отличению, что ему вредно и что ему полезно, и свободен предпринимать то или другое; следовательно, каждый, разумевающий, что наилучшее и то неисполняющий, творит грех пред Богом, не употребляя полученныя дарования ни себе, ни другому на пользу, в чем состоит первейший и главнейший долг истиннаго Христианина»*. Здесь видим явное намерение воздействовать даже на религиозные чувства сельчан. Однако надо честно признать, что кашкинские проповеди были так же малоэффективны, как и чичеринские батог и плети. «Заматеревшие обычаи» скотоводческого бескультурья оказались на редкость

Евгений Петрович и Екатерина Ивановна Кашкины

живучими, а наличие в крестьянских хозяйствах теплых и чистых хлебов долго будет несбыточной мечтой сибирской администрации всех последующих лет.

...Весной 1788 года Евгений Петрович, за восемь с лишним лет служения Пермско-Тобольскому краю ни разу не побывавший в отпуске, решил совместить отдых с очередной поездкой в Санкт-Петербург. 22 марта он уже был в Москве, где получил разрешение передохнуть и заняться скопившимися семейными и личными делами. Но о праздном и спокойном времяпрепровождении оставалось только мечтать, так как и сюда шли требовавшие исполнения столичные указы, а для получения распоряжений – донесения из обоих наместничеств. Но то, которое тобольский срочный курьер доставил в один из майских дней, сразило его наповал и надолго ввергло в крайне мрачное состояние, доселе ему неизвестное: ра-

порт тобольского губернатора Александра Васильевича Алябьева о городском пожаре 1788 года. Краткие описания этого великого бедствия, ранее встречавшиеся мне, хотя и впечатляют, но слишком скупы и бесстрастны в сравнении с этим апокалиптическим свидетельством не только потрясенного очевидца, но и полного погорельца. Поэтому с учетом редкости (всего одна публикация в издании, указанном в списке использованной литературы) включаю его в текст главы в полном объеме, без правки, лишь устранив описки, ибо страшное происшествие это стало поистине общесибирской трагедией.

«Сей первой час имею свободной, чтобы донести Вашему Превосходительству о нещастье, постигшем город Тобольск. 27-го числа апреля, в 11-ть часов поутру,

 Тобольский губернатор-погорелец Александр Васильевич Алябьев

в самое время служения божественной литургии, сделался под горою, в приходе архангельском, у мещанина Безсонова под литерою А пожар, куда тотчас следовала обыкновенная команда (а то Вашему Превосходительству известно, что по взятии отсюда на линию более 1000 человек, людей военных здесь очень мало, и те старые, дряхлые, и из школьников определены, еще весьма молодые).

*Но великий ветер в момент распространил огонь так, что уже 4 двора занялись вдруг. Ветер стремился от востока к западу. Представить было невозможно, чтоб опасность от этого пожара была бы и на горе, которая, во-первых, имеет 26-ть сажжен перпендикулярной высоты, отделена от подгорного строения больше 150-ти сажжен, и первые дома, на горе стоящие, под железными кровлями. То и старание наше было защищать гостинной двор, куда огонь имел свою дирекцию (направление — **авт.**). Но вихорь так умножился, что рвал кровли, и так огонь бросал, что никакая силы противоборствовать оному были не в состоянии. Итак, гостинной двор под литерою Б и мясной ряд под литерою В, и вся сия линия до реки Иртыша горела.*

В первом часу пополудни ветер поворотился на гору, то есть с юга на север, и вихорь ужасной нес с собою большие огненные уголья. Тогда мы обратили все наше старание спасти все места, где находится казна, пороховые магазейны, острог и дом Вашего Превосходительства. Но тщетное старание: уголья падали, как дождь, на все нагорные дома, так что дом архиерейской, дом ваш, дом мой и вице-губернаторской почти вдруг загорелись, каждой в пяти или более разных местах (доказательство, сколь сильно с вихрем уголья на гору падали, и как не только дома, но и люди были осыпаны оными, что меньшая дочь господина вице-губернатора Екатерина, не могла по ребячеству своему защищаться от оных, получила рану от горящаго угля). И несколько человек в глазах протчих погибли. Тогда мы увидели ясно, что спасения городу уже не остается. И подлинно: вихорь, умно-

жаясь час от часу, и настоящей дирекции не имея, еже-
моментно поворачиваясь во все стороны, разнес огонь
везде, так что весь почти город обращен в пепел.

В приложенной при сем ведомости изволите усмо-
треть, сколько дворов осталось, сколько згорело, и сколь-
ко людей погибло*. А 28-го числа в 10-ть вечера пожар
кончился. Казна, везде находящаяся, спасена, которой
было до полутора миллиона. А утратилось у канцеляр-
ских расходчиков в разных местах 1834 рубля 60 копеек.
Магазейны с провиантом згорели, хотя также прилага-
емо было к спасению оных всевозможное старание. Дела
из всех присудственных мест вынесены на средину пло-
щади и в другие места (кои казались безопасными), но и
тут спасти все не смогли, и бóльшая часть погибла.

Господин вице-губернатор, спасая казначейство,
едва не лишился и сам жизни. Архиерей, я и господин
вице-губернатор только что спасли себя, в протчем ли-
шились всего (кроме того, что было на нас). Жители по
большой части лишились же всего, не от того, чтоб не
успели из домов своих вытаскать их имений, но не имели
времени оттащить оные так далеко, чтоб поставить в
безопасность. И потому и на тех местах, где было вы-
таскано, все згорело.

Мое первое старание до сего числа состояло и со-
стоит теперь, чтоб прокормить всех жителей здеш-

* Сгорели девять церквей (Троицкая, Спасская, Богородице-
рождественская, Боявленская, Благовещенская, Христо-
рождественская, Архангельская, Сретенская, Воскресенская),
Знаменский монастырь, 1800 домов, погибло 42 человека. Дворец
наместника, превратившийся в руины, внутри тоже выгорел дотла,
но имперский трон со всем его убранством все-таки успели спасти.

них, не имеющих никакого средства к пропитанию. И для того я взял следующие меры: как только кончился пожар, в то самое время послал капитана-исправника и заседателя с тем, чтоб из селений, кои не весьма в дальнем расстоянии от города везли на продажу печеной хлеб и ржаную муку, и в то же время отправил нарочных, дабы как возможно скорее доставить сюда запасной хлеб, состоящий в Курганской округе близь Ялutorовска, на берегу реки Тобола и в городе Томске. Первой, я надеюсь, чрез 8 дней здесь будет, а и последней, колико возможно без замедления (вот и пригодились кашкинские запасные хлебные магазины – *авт.*). По повестке ж, зделанной капитаном-исправником и заседателем, ежедневно привозят в город как печеной хлеб, так и ржаную муку. И как недостатка теперь в хлебе нет, так и цена нимало не возвышается.

Отчего ж в доме мещанина Безсонова зделался пожар, то по расследованию оказалось, что того дня поутру варен был на огороде позади сарая мещанином Прянишниковым для дому его, Безсонова, мед, и во время разогревания воды загорелся сказанной сарай вверху. А потому упоминаемые мещана взяты под стражу и отсланы к суду (ладно, что не растерзаны «благодарными» горожанами – *авт.*). На подлинном подписал: Александр Алябьев. С подлинным поверял: Евгений Кашкин. 4 мая 1788 года.»

Вице-губернатор, так героически проявивший себя и потерявший все нажитое во время пожара, отец пострадавшей девочки, заслуживает быть названным. Это Иван Осипович Селифонтов, будущий генерал-губернатор То-

больский и Иркутский, которому суждено будет сыграть в судьбе Каинска весьма важную роль, сходную с тем, что сделано было в свое время Е. П. Кашкиным. А Евгений Петрович, покидая, как он полагал, временно пределы своих наместничеств, и предположить не мог, что сюда он уже больше не вернется. 2 июля 1788 года скончался генерал-губернатор Ярославский и Вологодский Алексей Петрович Мельгунов, а уже 13 июля все еще находившийся в Москве Е. П. Кашкин был назначен на ставшую вакантной должность.

Великий тобольский пожар, первый жестокий удар судьбы, стал как бы предвестником того, что хоть и наполненная напряженным трудом, но в целом успешная и счастливая пора жизни закончилась и начинается совсем другая – полоса утрат и несчастий. Можно было только позавидовать такому назначению (в 1790 он был произведен в генерал-аншефы), но все чаще стали одолевать всякого рода недуги – следствие той давней хотинской раны, все чаще уходят из жизни родственники и близкие знакомые. А через три года вполне благополучного ярославско-вологодского губернаторства, куда более комфортно, чем предыдущее, случится то, что Евгений Петрович воспримет как личную катастрофу: начавшийся в 1791, достигший крайней остроты в 1792 и завершившийся только в 1793 году конфликт со всемогущим в то время последним фаворитом императрицы – смазливый и наглым выскочкой, «надменным и мстительным временщиком», двадцатичетырехлетним Платоном Александровичем Зубовым (с 1793 года – графом, с 1796 – светлейшим князем). Екатерининский любимчик взял под защиту (за взятку, полу-

ченную его отцом, по определению современника – «известным лихоимцем») дворянское семейство, уличенное Е. П. Кашкиным в преступном деянии – организации из своих дворовых людей грабительской шайки.

История долгих разбирательств, сопровождавшаяся изощренными интригами, лживыми свидетельствами, клеветой и сплетнями со стороны зубовской клики, в которой, кстати, активнейше подвизался гениальный поэт и лукавый царедворец Гавриил Романович Державин, подробно изложена в книге Н. Н. Кашкина «Родословные разведки». Евгения Петровича, привыкшего жить по законам правды, добра и справедливости и находившегося в состоянии незаслуженной полуопалы, эта получившая огласку скандальная эпопея довела до нервного истощения и ухудшила его физическое самочувствие. На его обстоятельнейшие письма, разъяснявшие истинное положение дел, императрица отмалчивалась и в конце концов откликнулась короткой отпиской, где ничего существенного (признала она его правоту или нет) сказано не было, а давалась рекомендация (считай – приказ) покинуть столицу и уехать в Вологду или Москву. Но на полное растерзание недругам старого сподвижника она все-таки не отдала, пойдя на компромисс и решив переводом Е. П. Кашкина в другое место службы, закрыть ей самой порядком осточертевшее дело, а заодно потрафить другу сердешному Платоше, который из этой схватки выходил как бы победителем.

...В конце декабря 1793 года усталый и больной, постаревший до срока Евгений Петрович Кашкин, назначенный генерал-губернатором Тульским и Калужским,

Евгений Петрович Кашкин в последние годы жизни и его сиятельный недруг Платон Александрович Zubov

приступил к своей новой службе, избрав местом постоянного пребывания Тулу. Слухи о том, что предшествовало этому, сюда или не дошли, или не нанесли ущерба его репутации, и нового наместника встретили с провинциальным радушием и подобающим почтением, в честь его прибытия в калужском театре даже была поставлена аллегорическая стихотворная пьеса местного автора «Калуга и Тула обрадованные», которая завершилась такими адресованными Евгению Петровичу словами: «Имеем то, чего желали. Живи, возлюбленный Кашкин!» Пожить он поживет, но недолго...

Все два с половиной года, которые ему предстоит пробыть в новой должности, заполненные бесконечными делами и заботами, будут весьма плодотворными, но сообразно своему возрасту и здоровью теперь он старается

больше времени уделять или отдыху в семейном кругу*, или главным своим увлечениям – охоте и чтению. Все это будет продолжаться до той поры, пока не обострится самым чрезвычайным образом его застарелая болезнь. Хирургическая операция, сделанная в Санкт-Петербурге в июне 1796 года, Евгению Петровичу не помогла, лишь усугубив мучения, продолжавшиеся три месяца до того дня, который его безутешная

Могилы Е.П. Кашкина на Лазаревском кладбище

супруга, все время бывшая с ним рядом, отметила роковой записью: **«1796-го, октября 7-го дня, в седьмом часу 20 минут по полуночи, отъиде в вечное блаженство Евгений Кашкин, в Петербурхе»**. А через месяц, 6 ноября, не станет и государыни Екатерины Алексеевны...

Р. S. Взошедший на российский престол Павел I ознаменовал начало своего правления новым реформированием органов местной власти, направленным на упрощение системы государственных учреждений, их централизацию и усиление единоначалия путем укрупнения администра-

* А сей круг был весьма широк: у Евгения Петровича и Екатерины Ивановны Кашкиных было одиннадцать детей: два сына – Николай и Дмитрий, девять дочерей – Авдотья, Ефимия, Александра, Анна, Мария, Екатерина, Варвара, Елизавета, Татьяна. Самой старшей в год его ухода из жизни исполнилось тридцать лет, самой младшей – девять.

тивно-территориальных образований за счет частичного их упразднения. После чего в Сибири из всех созданных предыдущей реформой уездов остались только тридцать три в составе Тобольской и Иркутской губерний. Преобразования, проведенные Павлом Петровичем, уничтожившим наместничества, в его понимании разумные и рациональные, были еще продиктованы и упорным стремлением разрушить созданное покойной матерью, которую он, мягко говоря, недолюбливал. Что же касается решения, принятого в отношении Каинска и его уезда по инициативе явно перестаравшегося угодить императору нового губернатора А. Г. Толстого, то оно напрочь лишено здравого смысла, нелепость его поразительна: в 1797 году юный город переведен в заштатные с передачей подведомственной ему территории со значительно увеличившимся к этому времени населением снова Тарскому уезду.

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Санкт-Петербург, 1830. Т. 20, 21, 22, 23.; Историческая энциклопедия Сибири. Том 2. Новосибирск, 2009, с. 109–110; О городе Каинске. О Каинской округе. Описание Тобольского наместничества (1784–1790). Академия наук СССР. Новосибирск: Наука, 1982, с. 190–199; Бумаги императрицы Екатерины II. Том I (1744–1764). Сборник русского исторического общества. Том седьмой. Санкт-Петербург, 1871, с. 368, 372; Фальк И.-П. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. Санкт-Петербург, 1824, с. 416–434; Кашкин Н. Н. Родословные разведки. Том 2. Санкт-Петербург, 1913, 748 с.; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973, с. 270; Абрамов Н. А. О бывшем Тобольском наместничестве 1782–1797 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей. № 1. Санкт-Петербург, 1869, с. 15–22; Рапорт тобольского губернатора А. В. Алябьева пермскому и тобольскому наместнику Е. П. Кашкину о пожаре в Тобольске 27 апреля 1788 года // Тобольск и вся Сибирь: альманах. № 1. Тобольск, 2004, с. 312–313; Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. Историко-литературный сборник. Москва, 1871, с. 568; Знаменский

М. С. Несколько слов об открытии наместничества в Тобольске и первом наместнике // Тобольская старина. Тобольск, 1889, с. 254–255; Словцов П. А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999, с.127–132; Костров Н. А. Каинская Бараба. Томск, 1874, с. 67; Историческая справка о покорении Сибири, о Томске, Колыванской области, Томской губернии и ее губернаторах. Сост. П. И. Казанский // Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910, с. 159–170; Акишин М. О. Наставление для установления порядка в сельской жизни (источники и состав памятника) // Новосибирский архивный вестник. № 12. Новосибирск, 2003, с. 73–83.

1784 9 апреля. Екатерина II утвердила «Описание в каком имянно наместничестве положены мундиры и каких цветов». В Тобольском: «Мундир светло-синий с палевыми бархатными лацканами, воротником и разрезными обшлагами с пятью по разрезу пуговицами, такого же цвета подбоем и камзолом, пуговицы белые».

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXII – № 15975; Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров, Санкт-Петербург, 1794, с. 5. Единственный сохранившийся экземпляр книги находится в Государственной исторической библиотеке в Москве.

1784 26 октября. Тобольск отметил двухсотлетие покорения Сибири. Юбилейные торжества, описания которых не сохранилось и состоявшиеся тремя годами позже официально принятой календарной даты, были инициированы столичным начальством.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 196.

Первые градоначальники, или по страницам «Месяцеслова»

Попытка вспомнить бывших каинских городничих сделана еще в середине позапрошлого века штатным смотрителем уездного училища, коллежским асессором Александром Якимовичем Якимовским в его «Кратком статистическом описании Томской губернии окружного города Каинска за 1842 год».

Составленный им в хронологическом порядке список «градоначальников настоящих и исправлявших сию должность» «с открытия в 1782 году уездного города» включает в себя двадцать три персоналии, однако в начальной части своей является неполным. И не по вине составителя: просто его осведомленность не простиралась далее тех источников, которые имелись в местном архиве, а документов, относящихся к самой ранней поре градообразования, видимо, не сохранилось. Именно поэтому в перечне «отцов города» первым назван «коллежский асессор Блей». Поскольку годы его пребывания в должности не указаны, можно подумать, что он был не только первым, но и единственным городничим с 1782 вплоть до 1797 года, то есть все 15 лет существования Тобольского наместничества и Каинска как штатного города в его составе, и не имел предшественников, что совершенно не соответствует исторической действительности. Вне сомнений: Эбергард Блей (в некоторых публикациях он ошибочно именуется Эдуардом) был третьим по счету каинским градоначальником, но первым уездным исправником.

Есть источник, с которым не поспоришь. Это одно из нововведений Екатерины II – официальный справочник-ежегодник*, выпускавшийся вначале, с 1765 года, Санкт-Петербургской Академией наук, а затем, с 1868 года, Департаментом герольдии Правительствующего Сената и выходивший (лишь с пятилетним перерывом в период правления Павла I) во все годы существования империи. Его последний выпуск датирован 1916 годом. Название и объем издания (с 1806 года – двухтомник), его структура и содержание в течение всего этого времени претерпевали изменения, обусловленные очередными административными преобразованиями.

В те годы, о которых идет речь, он выходил одно-томником, именовался «Месяцесловом с росписью чи-

** 1765–1767 гг.: «Адрес-календарь российский на лето от рождества Христова..., показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит». 1768–1804 гг.: «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова...». 1805–1829 гг.: «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, или Общей штат Российской Империи». 1830–1842 гг.: «Месяцеслов и Общей штат Российской империи». 1843–1850 гг.: «Адрес-Календарь, или Общей штат Российской Империи». 1851–1860 гг.: «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве». 1860–1867 гг.: «Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в великом княжестве Финляндском». 1868–1916 гг.: «Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи». Безвозвратно утрачены адрес-календари за 1768–1771, 1774, 1776, 1800, 1801, 1808 (ч.1), 1816, 1817, 1838 (ч.1), 1839 (ч.1), 1863–1864, 1884, 1899 годы. В работе над этой главой использовались издания первых пяти наименований, с 1765 по 1850 включительно.*

новных особ в государстве на лето от Рождества Христова...», состоял из вступительной и двух основных частей и открывался православным календарем с указанием дней памяти всех святых. Затем следовала общая роспись «свободным от публичной работы» церковным праздникам и торжественно отмечавшимся дням рождений и тезоименитствам самой государыни и членов ее семьи. Вторая часть – поименное, со строжайшим соблюдением иерархии главенства, с указанием ведомств, титулов, наград, званий, должностей и классов чинов перечисление личного состава высшего эшелона власти. И третья, завершающая, – штаты местных органов управления наместничеств, губерний, областей, городов и уездов. Нужные сведения для составления адрес календарей с указанием имени, звания, чина, должности и наград (ежели таковые имелись) каждого чиновника, находившегося в данное время на службе, всем учреждениям было строго предписано ежегодно присылать не позднее декабря. Очередное издание выходило, как правило, в февралемарте следующего года и рассылалась на места согласно утвержденному перечню.

В совокупности все эти выпуски – монументальный, почти двухсотпятидесятитомный печатный мемориал, своеобразная Книга Памяти отечественной бюрократии, на скрижалях которой увековечены имена великого множества представителей российского чиновничества всех рангов, на протяжении без малого двух столетий с разной степенью эффективности, компетентности и ответственности исполнявших свои должностные обязанности. Даже при весьма ограниченной специфическим стандар-

том данного издания информативности это весьма ценный источник для научных и краеведческих исследований, хронологических, статистических, исторических и генеалогических изысканий, значение которого невозможно переоценить еще и потому, что о подавляющем большинстве занесенных на его страницы некогда существовавших и канувших в небытие лиц хоть какие-то самые скудные, но достоверные сведения, пусть даже только единичные упоминания, помимо того, что могло еще сохраниться в не пощаженных стихийными бедствиями и социальными потрясениями архивах, можно найти только здесь. И в первую очередь это, конечно же, относится к самому массовой категории управленцев – чиновникам уездных городов, в том числе и каинским...

Губернская реформа упразднила воеводское управление, ранее бывшее единым для города и уезда, одновременно и военным, и гражданским, разделив властные функции между двумя должностными лицами, независимыми друг от друга, но соподчиненными вышестоящим ведомствам региона и центра. Городскими делами отныне ведал городничий, уездными – капитан-исправник. О значимости этих ключевых фигур низового административного звена, главной опоры самодержавия в глубинке, можно судить уже по тому, что назначались они высшей инстанцией – Правительствующим Сенатом – по представлению наместника или генерал-губернатора (в Тобольском и Пермском наместничествах – Е. П. Кашкина), лично осуществлявшего подбор кандидатур.

В «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» каждому из них посвящалась отдель-

ная глава, где подробнейшим образом были расписаны все их обязанности и полномочия, а занимаемые ими должности соответствовали восьмому классу таблицы о рангах: «на гражданке» – коллежский асессор, в армии – майор. Дослужившиеся до этого чина даже становились потомственными дворянами. Продолжалось это вплоть до 1845 года, когда в связи с непомерно увеличившимся числом таковых планку выслуги для дарования потомственного дворянства решили поднять на три позиции, до пятого класса, то есть до чина статского советника. Необходимо также отметить, что по предложению Е. П. Кашкина и с согласия императрицы для сибирских губерний штаты и порядок их формирования были утверждены несколько отличные от общероссийских. Поскольку здесь отсутствовало поместное дворянство, то не нужны были и органы дворянского сословного управления, а на должности, которые в Европейской России замещались выборными от дворян, чиновники назначались.

Впрочем пора, наконец, от общего перейти к конкретному и представить ставших во главе новорожденных города и уезда каинских чиновников самого раннего призыва. Первые сведения о них опубликованы в «Месяцеслове с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784», на страницах 471 и 472. Некоторое несоответствие дате учреждения Тобольского наместничества объясняется тем, что открытие присутственных мест во всех его уездных городах было завершено лишь в начале 1783 года. Согласно полученной из наместнического правления ведомости, по состоянию на 20 ноября 1783 года в Каинском ведомстве числились следующие

лица, замещавшие штатные должности: городничий – капитан Богдан Остермейер; в нижнем земском суде: председатель капитан-исправник – Эбергард Блей, дворянский заседатель енисейский дворянин Алексей Попов, в секретарской должности – канцелярист Семен Савин; в нижней расправе: расправный судья – губернский секретарь Степан Половодов, в секретарской должности – канцелярист Лаврентий Паламошнов; уездный казначей – дворянин Яков Силин, уездный землемер – сержант Иван Медведков, уездный стряпчий – прапорщик Емельян Асраков, приставы: соляной – дворянин Петр Калашников, винный – сын боярский Мирон Галкин.

Персональный состав, конечно же, не мог быть долговременно стабильным, почти ежегодно претерпевая частичные изменения. Основные причины: служебные перемещения, широко практиковавшиеся в связи с острым кадровым дефицитом как способ заполнения внезапно образовавшихся вакансий и как сопутствующее поощрение хорошо зарекомендовавших себя работников повышением в чине или должности; освобождение от одной в связи с выявившейся неспособностью или нежеланием должным образом исполнять свои обязанности и различного рода негативом – от хронического пьянства до мздоимства или казнокрадства, взятое под следствие; уход в отставку по состоянию здоровья или по достижении преклонного возраста. Кстати, принятие решения о переводе той или иной штатной единицы из одного наместничества в другое, в частности из Тобольского в Пермское и наоборот, относилось к исключительной компетенции генерал-губернатора Е. П. Кашкина и тоже нередко име-

ло место, в чем можно неоднократно убедиться даже на примере Каинска.

Структура присутственных мест Каинска была типичной для малых городов и состояла из городнического правления, нижнего земского суда, нижней расправы и уездного казначейства. Кратко о каждом из них, кроме городнического правления, о нем – чуть позже и подробнее. Нижний земский суд представлял собой в большей степени административно-полицейское учреждение, нежели судебный орган. Состоял он из председателя (капитана-исправника) и двух-трех выборных заседателей, представителей дворянства и крестьянства. Капитаном-исправником, как правило, назначался дворянин. Ему подчинялась земская полиция (если уезд с обширной территорией был разделен на станы, то станововые приставы, а также в каждом селении – сотские и десятские), он отвечал за приведение в исполнение и соблюдение всероссийских законов и распоряжений губернского правления, принимал меры по водворению в села и деревни сосланных в уезд на поселение, по розыску и поимке беглых – ссыльнопоселенцев, крестьян и горнорабочих, по пресечению массовых волнений, бродяжничества и прочих правонарушений, по содержанию в исправности дорог и мостов, следил за торговлей и состоянием цен. Нижний земский суд имел право наказывать в административном порядке лиц, уличенных в нарушении благочиния, добронравия и порядка, он же при необходимости способствовал реализации приговоров нижней расправы. Власть исправника распространялась на весь уезд за исключением уездного города, который находился в компетенции городничего.

В отличие от нижнего земского суда столь грозно поименованная нижняя расправа, отправлявшая правосудие по уголовным и гражданским делам в пределах той административно-территориальной единицы, для которой ее учредили, была сугубо судебным органом. Она не инициировала каких-либо расследований или открытия дел, а занималась их рассмотрением как по поступавшим в ее канцелярию заявлениям и жалобам частных лиц («служивых людей прежних служб» различных категорий, государственных и приписных крестьян, казаков и ямщиков), так и по предписаниям высшего начальства, обращениям других судебных инстанций или уездных стряпчих. Заседавший в ней расправный судья, назначавшийся губернским правлением, мог принимать окончательные решения только по искам, не превышавшим двадцати пяти рублей, по другим же делам, где речь шла о бóльших суммах, его приговоры могли быть обжалованы, апелляции по ним подавались в верхнюю расправу. Заседания нижней расправы проводились, как правило, по фактической потребности, но не менее трех раз в год. Выборные заседатели, коли таковые полагались по штату, могли представлять все населявшие город и уезд сословия, кроме купеческого и мещанского, и подлежали утверждению самим губернатором.

Реформой ознаменовано появление еще одной новой должности – уездного казначея как основного финансово-го чиновника низшего звена. Он назначался по представлению губернской казенной палаты на три года и был ей подотчетен. Одной из наиболее приятных находок для автора на его тернистом пути поиска материалов для этой кни-

ги и работы над ней стала обширная подборка документов Каинского уездного казначейства с 1783 по 1798 год, до времени пребывавшая в неизвестности и выявленная в Новосибирском областном архиве при инициированном мною поиске материалов о прошлом Каинска-Куйбышева. Об этом я сразу сообщил Анатолию Георгиевичу Петрову, тогда директору Куйбышевского краеведческого музея. Радость несколько омрачалась тем, что текст этого увесистого фолианта, хранившегося полтора века неизвестно где и в явно неблагоприятных условиях, подвергнувшегося за это время воздействию природных стихий (воды и огня – однозначно) и поступившего в архив только в 1942 году, по причине пережитых им мытарств и специфической кал-

Росписание
Всехъ доходовъ и расходовъ
Каинскаго уезднаго казначейства
на 1791 годъ

Починающаго	Сумма	Копейки
Починающаго сего года 1) доходы Службы казначейства	5137	20
Службы казначейства по указу 1780 года	86	70
Службы казначейства по указу 1781 года	2455	—
Службы казначейства по указу 1782 года	608	17
Службы казначейства по указу 1783 года	73	50
Службы казначейства по указу 1784 года	2160	37

Росписание
о расходахъ
на 1791 годъ

Каинскаго уезднаго казначейства

Статный

По статье	Сумма	Копейки
По статье 782 ^я на 31 день	207	—
на казначейские расходы	120	—
на казначейские расходы	17	60
Итого	444	—
Службы казначейства	297	50
Службы казначейства по указу 1780 года	318	80
Службы казначейства по указу 1781 года	526	—
Службы казначейства по указу 1782 года	40	—
Итого	822	50
Службы казначейства	297	50
Службы казначейства по указу 1780 года	318	80
Службы казначейства по указу 1781 года	118	80
Службы казначейства по указу 1782 года	126	—
Итого	860	—
Службы казначейства по указу 1780 года	24	45
Службы казначейства по указу 1781 года	15	—
Итого	182	—

Первые страницы ведомостей («росписаний») Каинского уездного казначейства о доходах и расходах по Каинску на 1791 год

лиграфии оказался весьма труднодоступным для чтения. Большую и очень сложную работу по его «дешифровке» проделал преподаватель Куйбышевской детской художественной школы Юрий Евгеньевич Скультецкий. Вместе с перечнем наиболее интересных документов в историко-краеведческом сборнике им было полностью опубликовано и весьма ценное по своей информативности подробное «расписание» расходов и доходов Каинска на 1792 год, то есть то, что мы сейчас называем городским бюджетом.

Со временем историки-профессионалы наверняка займутся анализом документации Каинского казначейства, которая, будучи различной по тематике, в совокупности дает наглядное представление о его архиважнейшей и многофункциональной роли в жизнедеятельности города и уезда. Находясь в прямом подчинении губернской казенной палаты и губернского казначейства, наряду с главными задачами – сбором, учетом и хранением государственных доходов, контролем за расходованием средств, ежегодным составлением городских бюджетов, оно занималось выдачей покормежных паспортов и подорожных, промысловых и торговых свидетельств, продажей всех видов гербовой бумаги.

Согласно аннотации, в данном архивном фонде (Ф. Д-130), насчитывающем 177 единиц хранения, представлены:

- прошения крестьян Каинского уезда на имя Екатерины II о выходе в другие места на заработки (1783 г.);
- одобрения старост волостных судов на выдачу покормежных паспортов жителям разных волостей (1783, 1790–1797 гг.);

– приходные книги по сбору подушной подати и по записи прихода и расхода налогов от продажи вина и соли (1785 г.);

– книги сбора окладных налогов с купцов и мещан, цеховых и дворовых людей, экономических крестьян, налогов за повышение чина (1785 г.);

– книги записи недоимок с государственных крестьян: подушного, семигривенного, оброчного, трехрублевого и накладного по 2 коп. с рубля сборов (1789 г.);

– книги записи ясачных сборов и денег, поступающих в общегосударственный доход. Приходные книги откупных денег и покормежных паспортов. Книга учета налогов и платежей, положенных с волостей Каинского уезда (1798 г.);

– списки сельских жителей, не явившихся на исповедь в церковь (что облагалось налогом), а также ссыльнопоселенцев, размещенных в уезде;

– ведомости собственных расходов казначейства (выдача жалованья и канцелярские затраты).

Сюда же подшиты высочайшие указы и распоряжения местных властей, рапорты и квитанции о сдаче налогов и сборов, переписка с другими ведомствами, договоры, свидетельства, в частности такой интересный документ, как сообщение Тобольской казенной палаты о праве собственности городничего Эбергарда Блея на дворового человека.

Как формировалась доходная часть бюджета, понятно. Ее источники перечислены выше. И сумма доходов по тем временам обозначена немалая – 44643 рубля. А что же расходы? Из этой же суммы на них выделялось

лишь 6654 рубля 88 $\frac{3}{4}$ (!) копейки, 5488 рублей направлялось «на гражданское правление», то есть на содержание штатного аппарата и воинской команды. 699 рублей шло «на расходы по питейной части», 50 – сидельцам «по части соляной», аж 18 рублей в порядке поощрения «ясашным людям за полной и бездоимочной в казну платеж ясака», ежемесячно по 350 – на «своз денежной казны в казенную палату», на отправление и содержание колодников, на «довольствие и обзаведение ссылаемых на выселение», по 24 рубля в начале каждого полугодия – «на наем в Каинске двух домов для содержания казны и колодников» по 12 рублей за каждый. Все. На развитие города и его благоустройство никаких бюджетных расходов не предусматривалось. В то же время 25000 рублей из указанной выше суммы доходов предназначалось Генеральному комиссариату, 12989 – Московскому остаточному казначейству, 1342 – Кабинету Ее императорского величества «с ясашных за ясак». Расклад, как видим, более чем красноречивый.

Хотя считать деньги в чужом кармане считается предосудительным, трудно удержаться и не полюбопытствовать: а как же вознаграждался труд каинского чиновного люда? Оказывается, что их должностные оклады, утвержденные штатным расписанием 1782 года, за минувшее десятилетие так и оставались неизменными. И к ним, выдававшимся «по третям года», никаких иных доплат не полагалось. Не то что нынче. Годовое жалование городничего было самым высоким и составляло 297 рублей. Интересный и неожиданный момент: второе место делили между собой уездный землемер и уездный

доктор, зарплата каждого из них простиралась до 294 рублей. Следующими шли, как это ни странно, соляной и винный пристава с их 247 рублями оклада каждый. А вот еще трем главным чинам каинского «тетраумвирата» (исправнику, казначею, расправному судье) от державных щедрот полагалось только по 244 рубля. Служащие помельче рангом (два секретаря, стряпчий и лекарь) на многое, естественно, рассчитывать не могли – размеры их окладов соответственно 198, 148, 138 рублей.

Чем все это было обусловлено, в чем логика такого неоднозначного распределения материального вознаграждения за госслужбу, остается только гадать. Первое, что приходит на ум, острейшая нехватка кадров той или иной специализации (в частности, медиков), учитывался, наверное, и особо сложный характер работы, связанный с частыми и дальними поездками, а может быть, чем черт не шутит, и возможность некоторых должностных лиц систематически укреплять личное благосостояние за счет побочных поступлений. Уж что-что, а это на Руси практиковалось всегда, существовало с незапамятных времен и цветет махровым цветом в наши дни. Только нынешние супермздоимцы, хапающие миллионами, тем давним скромникам не чета...

Возможности полноценного комплектования органов управления согласно высочайше утвержденным штатам кадрами из местного населения в Сибири были весьма ограниченными (о чем не раз сетовал в служебной и личной переписке Е. П. Кашкин), но особенно остро это ощущалось там, где открывались новые уезды, а в города переименовывались деревни, села и слободы. В лучшем

случае разумеющие грамоте «аборигены» могли быть использованы для канцелярской работы, да и то после освоения азов ведения делопроизводства. Поэтому не стоит удивляться обилию «варягов» среди каинских «первопроходцев». Главные лица, городничий и исправник, были переведены соответственно из Пермского наместничества и Колыванской области, которая в то время еще находилась в ведении Е. П. Кашкина.

Адрес-календарь дает возможность заглянуть в послужные списки и других новоиспеченных каинцев. Поистине реликтовая фигура среди них выходец из Енисейска Алексей Попов. Его бюрократический стаж только по «Месяцеслову», где он упоминается уже в самом первом выпуске на 1765 год, а затем во всех последующих, вплоть до 1786 года, составляет более двадцати лет, причем не исключено, что он поступил на службу еще до начала издания адрес-календаря. Со времен губернаторства Д. И. Чичерина до 1781 года секретарствовал в воеводстве Енисейской провинции, затем был переведен в Тобольск уже коллежским секретарем (чин десятого класса, в армии – штабс-капитан), ассессором винной экспедиции. Его пребывание в Каинске было весьма кратким, уже в 1785 году он снова вернулся в метрополию и значился там в своей прежней должности.

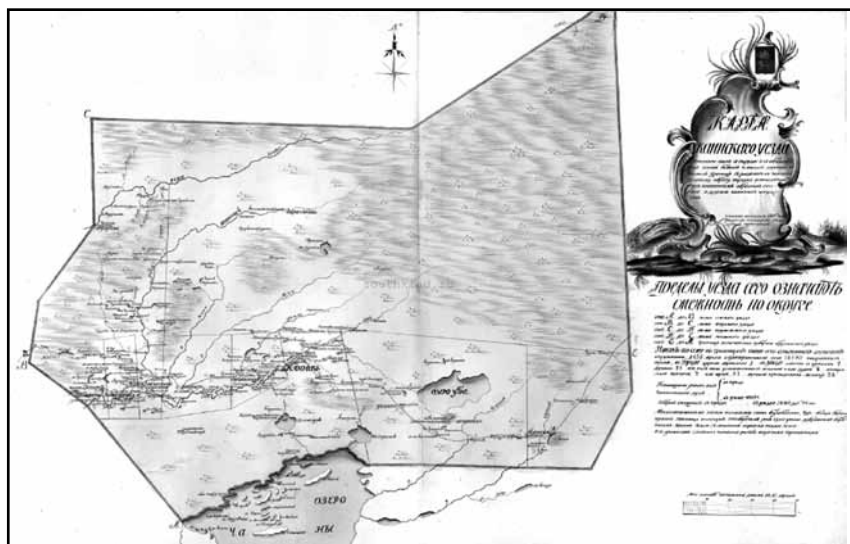
Еще один «переведенец» – Степан Половодов. До этого он в течение трех лет, с 1780 по 1782, был секретарем в Тарском воеводстве. В Каинск был отправлен с повышением в должности и исполнял обязанности расправного судьи до 1788 года. Затем очередное перемещение, уже в Колыванскую губернию, ассессором граждан-

ского суда, на сей раз с повышением в чине до девятого класса. В этой должности титулярный советник Степан Иванович Половодов пребудет до последних дней существования губернии, упраздненной императором Павлом I в 1796 году.

На год дольше С. И. Половодова прослужит в Каинске дворянин Яков Силин, на долю которого выпало такое ответственное и сложное дело, как создание и организация деятельности уездного казначейства. В 1789 году он уже заседатель нижнего земского суда в Сургуте и таковым останется до 1796 года, а незадолго до этого, в 1794 году, после стольких-то лет службы станет всего-навсего лишь коллежским регистратором, получив чин четырнадцатого класса, самый низкий в табели о рангах. Почему – гадать не будем, но явно была в этом какая-то подоплека. Так же, как и в том, что в последующие годы этот «аутсайдер» уже на финише своей служебной карьеры делает неожиданный и эффектный рывок и в чине (девятый класс – !), и в должности. В первом, вышедшем после пятилетнего перерыва адрес-календаре на 1802 год он предстает уже титулярным советником и не кем-нибудь, а комиссаром Сургутского земского суда, и уже не просто Яковом, а Яковом Васильевичем. Триумф будет недолгим, Я. В. Силина упомянут в бюрократических святцах еще два раза, в 1803 и 1804 годах, а затем, подобно многим своим чиновным собратьям (коим несть числа), он бесследно растворится во времени и пространстве. И по вполне понятной причине – в связи с утратой Сургутом статуса уездного города и его превращением в заштатный.

Если же кому-то из всех вышепоименованных лиц, включая стряпчего, приставов и канцеляристов, и удалось оставить потомству добрую память о себе и достойное вещественное доказательство своего труда на благо города и уезда, так это уездный землемер Иван Медведков. Для нас поистине бесценна составленная им в 1783 и опубликованная в 1784 году первая карта Каинского уезда, весьма подробная, с масштабом пятнадцать верст в английском дюйме. Это документ исключительной важности, насыщенный самой разнообразной информацией. Достаточно вчитаться хотя бы в ее название – «Карта Каинского уезда положению мест с округой и с облежанием всех селений больших и малых деревень и жилых урочищ **с разделением волостей по новому образцу порядка установленных** и с показанием оброчных статей и других казенных имуществ». Слова, выделенные мной, свидетельство того, что волостная реформа Е. П. Кашкина, экспериментально проводившаяся с одобрения императрицы в обоих наместничествах и направленная на развитие местного самоуправления путем разделения уездов на волости и организации в них волостных судов из самих же сельчан, была осуществлена и в Каинском уезде. И уездный землемер запечатлел сей исторический факт в созданной им карте, вошедшей в том же году в «Атлас Тобольского наместничества», на титульном листе которого тоже можно прочесть: «...с **означением разделенных волостных судов по новому образцу порядка**».

На ней четко обозначены согласованные Е. П. Кашкиным границы Каинского уезда с пятью соседними: Омским, Тарским, Нарымским, Томским и еще официально

Вверху – общий вид первой карты Каинского уезда, внизу – ее центральный фрагмент (в примерных границах нынешнего Куйбышевского района).

не упраздненным, но порядочно урезанным Бурлинским уездом Кольванской губернии, очерчены территории 15 волостей, восьми русских и семи татарских. Нанесены все уже существовавшие тогда селения, 85 деревень и 87 юрт, все наиболее значительные географические объекты – реки, озера, даже чановские острова указаны поименно.

Результаты колонизации в сравнительно короткий срок огромного пространства (около 1436 верст и площадью 78540 квадратных верст), где еще совсем недавно, кроме двух сотен служилых в трех форпостах, другим русским духом и не пахло, – налицо и весьма впечатляют, даже с учетом того, что многие поселенцы оказались здесь не по своей воле. Как следствие – многие пустовавшие ранее земли превратились в хлебородные пашни, и для помола выращенного на них зерна уже имелось 28 мельниц. Да и казне предназначался неплохой прибыток: с 11000 жителей уезда полагалось без малости 33000 рублей ежегодного окладного сбора. Но рождает эта карта и чувство грусти, так как из всех этих сел и деревень, чье рождение и ранние годы увековечил на ней уездный землемер, живы сейчас лишь некоторые, а от большинства остались лишь названия да заросшие диким разнотравьем пустыри...

Думается, будет вполне уместным и справедливым поименно вспомнить всех, кто занимал классные и иные должности и в последующие годы первого периода пребывания Каинска в штатном статусе. Прапорщик Иван Гуляев (1785–1791), вначале заседатель нижнего земского суда, а с 1786 года его председатель, в 1791 году в той же должности исправника, но со значительным повышением в чине сразу до титулярного советника (в армии – капитан) переведен в Нарым, где и пробудет до принопамятных павловских «реформ». Его преемниками в Каинске стали прапорщик Антон Бешмелев (1791–1794) и поручик Степан Кирьянов (1794–1797). Уездный казначей, коллежский протоколист Ермил Сафонов (1790–1792), предыдущее место службы – камерир Тобольской

банковой конторы. Судьи нижней расправы: коллежский регистратор Яков Смольянинов (1786–1791), опытный чиновник, до реформы – товарищ управителя Ишимского дистрикта; подпоручик Дмитрий Качусов (1791–1793).

Заседатели нижнего земского суда: прапорщик Василий Пушкарев (1786–1796), в 1794 году с получением чина титулярного советника назначается расправным судьей; сержант (с 1788 года – прапорщик) Василий Пушников (1786–1789, 1794–1796), временно переводился в Ачинск, откуда возвратился в Каинск в той же должности и звании; прапорщик Иван Замиралов (1789–1796), переведен из Ачинска без изменений в должности и чине, повышение состоится в Каинске, в 1792 он будет назначен уездным казначеем; подпоручик Родион Федотов (1792–1794), в последующем два служебных перемещения, оба с повышением в должности, в 1794 году – в Томск, судьей нижней расправы, в 1795 – в Ачинск, исправником; поручик Петр Баженов (1794–1796).

Секретари нижнего земского суда: Алексей Ершов (1787–1789), переведен из Тары, где с 1783 года секретарствовал в нижней расправе; Петр Чернавский (1789–1790), в 1790 году переведен секретарем Тобольской верхней расправы, в этой же должности останется вплоть до 1797 года; Скорбеев Василий (1790–1796). Секретари нижней расправы: коллежский протоколист Петр Полозов (1789–1793), до перевода в Каинск с 1784 года был секретарем Томской верхней расправы; городской секретарь Петр Зверев (1793–1796).

Перемещения из одних городов или уездов в другие были, как видим, нередкими и не всегда поощрительны-

ми или добровольными, и никто не был застрахован от них все годы службы вплоть до ухода в отставку. Причина такой интенсивной перетасовки кадров ясна: их острая нехватка и низкая квалификация, а то и полное отсутствие оной. Отсюда также и наличие долговременных вакансий, и присутствие в «титуле» той или иной персоналии, чаще всего – секретарей, некомплементарного словечка «зауряд», что означало служащих, исполнявших какие-либо должности, но не имевших соответствующего чина или подготовки.

Вполне естественно, что особый интерес представляют личности первых каинских городничих времен наместничества. В составе этого «триумvirата» – вначале капитаны, а впоследствии коллежские асессоры Богдан Иванович Остермейер (1782–1784), Семен Федорович Толстых (1785–1786), Эбергард Блей (1786–1797). Как бы ни хотелось побольше узнать о каждом из них, долгие и упорные поиски особым успехом не увенчались. Собранные по крупицам сведения крайне скудны, и биографии всех трех градоначальников сводятся к горстке документально подтвержденных фактов, а то, что происходило с ними до этого назначения, в дореформенное время, еще в период их армейской службы и ранее – сплошное «белое пятно». Досадные пробелы даже в обычных анкетных данных, так, например, только у одного из них известна дата рождения. Где конкретно появились на свет, кто родители, какое учебное заведение закончили, где и в каких войсках пришлось служить, приходилось ли участвовать в военных действиях – это и многое другое так, видимо, и останется вечной тайной, поскольку даже возможности

архивных поисков, судя по публикациям, учеными и краеведами уже исчерпаны.

Что же касается Тобольского наместничества, то его уникальное по древности, формировавшееся едва ли не с первых лет «сибирского взятия», и богатейшее по количеству единиц хранения собрание документов, в том числе и о становлении Каинска как города, было уничтожено чудовищным пожаром 27 апреля 1788 года. Выгорел почти весь Тобольск, только что прекрасно отстроившийся, адское пламя кое-где не пощадило даже людей, а большинство горожан, переживших это страшное бедствие и потрясенных случившимся, разом превратились в нищих и бездомных погорельцев. Однако как ни велика была катастрофа, присутственные места, церкви и жилье можно было со временем восстановить или возвести заново, погибшее в огне добро тоже было делом наживным, а невозполнимыми потерями стали огромный архив, роскошное внутреннее убранство храмов и драгоценные исторические реликвии. И это, пожалуй, основная причина многих прочерков в документальной летописи ранней истории нашего города...

Наверное, многие еще до сих пор при слове «городничий» сразу вспоминают запечатлевшийся в памяти со школьной скамьи незабываемый образ гоголевского персонажа из комедии «Ревизор», взяточника и самодура, более озабоченного собственным обогащением, чем благосостоянием вверенного ему города. Конечно, среди градоначальников встречались (и нередко) мздоимцы, казнокрады, деспоты, но герои нижеследующего повествования к этой категории явно не относятся, даже на

основе их пунктирных жизнеописаний можно с уверенностью утверждать, что они из тех, кто добросовестно тянул лямку нелегкой гражданской службы, воздерживаясь от обычных соблазнов, сопутствующих данной должности, дорожа своей репутацией, стараясь соответствовать требованиям, предъявляемым свыше.

Екатерина II так определила главные обязанности городничего: прежде всего ему «долженствует ... иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок», а во-вторых, «чтоб предписанное законами полезное ... исполняемо и сохраняется было...» Иными словами, городничий являлся главным представителем государственной и местной исполнительной власти для городского населения, и в таком малолюдном городе, как Каинск, имел под своим началом единственного штатного помощника, канцелярского служащего, и несколько выборных – десятников («десятских»), которые избирались «числом их по местной надобности, без жалованья, ...из купечества, мещанства и жителей с переменою через каждые два-три года», ему подчинялась местная воинская команда. Хотя функции градоначальника законодательно определялись как административно-полицейские, в реальности на него возлагалась ответственность за состояние всех городских дел. И потому круг его обязанностей был неоглядно огромным, настолько многочисленным и разнородным, что точное и в полном объеме их выполнение было вряд ли возможным.

Кроме основных забот (надзор за соблюдением законов, предписаний центральных органов власти, исполнение распоряжений наместнического и губернского

правлений и судебных решений местного уровня, поддержание правопорядка), городничему в повседневной деятельности приходилось вникать практически во все вопросы городской жизни: заниматься градостроительством, благоустройством улиц и дорог, контролировать деятельность казенных соляных, хлебных, винных магазинов, питейных домов, принимать меры по предотвращению пожаров и наводнений, эпидемий и эпизоотии, бороться с антисанитарией, с корчемством (подпольным винокурением – *авт.*), с применением в торговле нестандартных мер и весов, организовывать проведение торгов на казенные подряды и поставки, взыскивать недоимки, обеспечивать выполнение рекрутской повинности и даже изымать запрещенные цензурой книги. Вдобавок ко всему вышеперечисленному – большой объем рутинной служебной писанины.

Ему предоставлялось право самому вершить суд по «маловажным полицейским винам» и выносить приговоры, в основном это касалось административных правонарушений и долговых споров. Решая подчас проблемы социально-бытовые, сугубо гражданские, городничий оставался в то же время прежде всего «государевым оком», полицейским чиновником, первостепенной задачей которого являлось обеспечение «общественного спокойствия, благочиния, добронравия, порядка и должного властям повиновения, пресечения всякого действия, противного верноподданческому долгу и послушанию». Поэтому, помимо расследования уголовных преступлений, выявления беглых, бродяг и беспаспортных, городская администрация осуществляла надзор за благонад-

ежностью горожан, уделяя особое внимание ссыльным, и о любом случае вольнодумства или антиправительственных высказываний и действий обязана была сообщать выше или принимать меры на месте. При чрезвычайных обстоятельствах городничему (под угрозой отставки и лишения чести) запрещалось покидать город. А в случаях массовых беспорядков он имел право использовать для усмирения смутьянов воинскую команду.

Кстати, о штатных командах. Порядок их формирования был определен указом от 1 апреля 1778 года и вменялся в обязанность военной коллегии. Командирами назначались гвардейские или армейские офицеры, младший командный состав и рядовых отбирали «из служащих в полевых полках и гарнизонах и из отставных из полевой армии способных к продолжению сей штатной службы...» Почти девять лет нижние чины штатных команд не имели особой формы и щеголяли в своем прежнем облачении, порой годами донашивая то, в чем пришли в уездные гарнизоны из регулярных частей. Так продолжалось до указа 23 марта 1787 года, которым для них было установлено единое обмундирование, отличавшееся от утвержденных в предыдущем году общеармейских образцов по трем признакам. Цвет мундира соответствовал губернскому (в Тобольском наместничестве – светло-синий), вместо касок и аксельбантов – шляпы и погоны. Оружием и амуницией штатники снабжались по «остаточному принципу», получая то, что отслужило полностью свой срок в полевых войсках.

В Каинской воинской команде, согласно высочайше утвержденному для уездных городов еще в 1782 году

штатному расписанию, в 1791 году состояло под командованием подпоручика, сержанта и трех капралов (один из них конный) 29 рядовых (20 пехотинцев, восемь драгун, барабанщик), что и отражено в упоминавшемся ранее «расписании» расходов по Каинскому уездному казначейству на 1792 год. Здесь до копейки расписаны все предусмотренные затраты на содержание городского воинства: на жалованье, провиант, починку «порушенных аммуничных вещей», «строение нижнего и верхнего мундира и обуви», фураж для лошадей. Остается добавить, что воинская команда в Каинске просуществовала до последних дней империи и никакими памятными деяниями в его истории не отметилась. Квартировавшая в предреволюционные годы в так называемых «красных казармах» (позже – детская больница), она была разоружена и распущена совдеповцами-большевиками...

Первые каинские городничие – кто же они? Тем, что мне теперь известно о Б. И. Остермейере, я во многом обязан автору замечательного и единственного в своем роде исследования «Радищев в Сибири» Александру Григорьевичу Татаринцеву, «воскресившему» из небытия давно забытого и никому не известного провинциального чиновника, собравшему в результате архивных поисков сохранившиеся о нем сведения и сделавшему его одним из действующих лиц своей книги. Кстати, все известные мне кунгурские краеведческие публикации ничего нового к биографии Богдана Ивановича не добавляют, в них активно используется и варьируется то, что еще в середине семидесятых прошлого века ввел в оборот А. Г. Татаринцев, об уровне одной из них можно судить хотя бы уже по

тому, что автор называет Остермейера (и не где-нибудь, а в заглавии своей статьи) «воеводой». В свое время я тщательно проштудировал объемную, почти трехсотстраничную монографию от корки до корки, сделав кое-какие выписки для своих текстов об опальном писателе, дважды побывавшем в Каинске. И несколько раз промелькнувшая в тексте фамилия какого-то Остермейера внимания моего не привлекла и не отложилась в памяти потому, что тогда, веря перечню А. Я. Якимовского, я тоже считал первым каинским градоначальником Эбергарда Блея.

Когда же мне после длительных поисков удалось собрать в своем электронном архиве почти все тома сохранившихся имперских адрес-календарей и настал момент истины, я, получив представление об основных этапах гражданской службы каинского, обвинского и кунгурского городничего, чертову уйму времени потратил на то, чтобы раздобыть еще хоть какую-нибудь дополнительную информацию о человеке, при непосредственном участии которого началось превращение чахлой слободы в уездный город. И повторилась уже не однажды пережитая мной ситуация, когда ты изнурительно долго и тщетно что-то ищешь, а оно, искомое, уже давно и лукаво поглядывает на тебя как в данном случае с одной из книжных полок твоей домашней библиотеки. Так и было, пока я то ли случайно, то ли по наитию снова не взялся просматривать названную выше книгу. И совершенно неожиданно найдя в ней теперь уже хорошо знакомую фамилию и узнав, почему она появилась в данном научном труде, был несказанно обрадован, одновременно отметив, что о каинском периоде службы Б. И. Остермейера не сказано ничего.

Но восторга вскоре поубавилось, когда пришло окончательное понимание того, что ситуацию мое «открытие» радикально не меняет, и при крайней скудости источников и скудости имеющихся в них данных Богдан Иванович Остермейер так и останется во многом человеком-загадкой. Его биография, которую уже невозможно восстановить в полном формате, напоминает очень перистое облако, она полна пробелов, дающих широкий простор самым различным версиям и предположениям. Но идти этим путем, наверное, не следует, лучше обратиться хотя и к немногим, но достоверным фактам. Сначала об источниках. Прежде всего, это адрес-календари времен Пермского и Тобольского наместничеств. Информативность их почти нулевая, освещают они лишь служебные перемещения той или иной штатной единицы и ценны еще тем, что указывают адреса дальнейших поисков.

Все остальное хранится в Государственном архиве Пермского края. Это официальная документация за период службы Б. И. Остермейера обвинским городничим с 1785 по 1790 год, формулярный список 1789 года, указ Пермского наместнического правления от 5 октября 1790 года о переводе Б. И. Остермейера из Обвинска городничим в Кунгур, список чиновников губернии за 1794 год. И, пожалуй, самый значимый и содержательный документ из этой подборки – «Отношение о воспомоществовании бедному состоянию малолетних детей умершего Кунгурского городничего коллежского асессора Остермейера» от 3 февраля 1798 года, адресованное пермским губернатором К. Ф. Модерахом генерал-прокурору Правитель-

ствующего Сената А. Б. Куракину, указы Пермского губернского правления об учреждении опеки над именем умершего городничего Богдана Остермейера. Примыкает к ним и найденная мной оцифровка «Списка состоящим в статской службе чинам перьвых осьми классов на 1797 год», изданного в Санкт-Петербурге в том же году. Попробуем обобщить данные, имеющиеся в нашем распоряжении.

...Первопроходцы, не знавшие угомону и у́стали в своем героическом движении «встречь солнцу», ода-рили российскую державу необозримыми азиатскими пространствами, а в результате военных успехов имперской эпохи заметно расширились границы и европейской части страны. Освоение этих колоссальных территориальных приобретений представляло собой задачу не только огромной государственной важности, но и чрезвычайной сложности, решить которую собственными людскими ресурсами при наличии незыблемого крепостного права с его рабской зависимостью крестьян от помещиков, и потому являвшегося непреодолимым препятствием для массового заселения пустующих земель, было абсолютно невозможно. Однако амбициозно настроенная императрица пришла к выводу, что разумный выход из этого тупика все-таки есть: а именно – колонизация извне, которая, по ее твердому убеждению, помимо немалых экономических выгод, будет также способствовать повышению благосостояния, развитию науки, культуры и просвещения. Опасаться наплыва иммигрантов России и без того многонациональной, полагала она, нечего, и поэтому

приток просвещенных, предприимчивых и трудолюбивых иноземцев будет ей только на пользу.

Исходя из того, что свободные территории могут успешно обживать только свободные люди, она уже через несколько месяцев после восшествия на престол делает первый шаг к осуществлению своего замысла: 4 декабря 1762 года подписывает манифест, который современники назовут «вызывным», а нынешние историки окрестят «прорывным», – «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу». Коллегии иностранных дел, всем дипломатическим представительствам за рубежом повелевалось обеспечить самое широкое ознакомление тамошнего населения с этим документом, переведенным на местные языки, а также организовать прием и отправку всех, кто изъявит желание откликнуться на августейшее приглашение. Кстати, к манифесту прилагался «Реестр, находящимся в России свободным и удобным к населению землям», в котором первым пунктом, между прочим, сообщалось, что будущие колонисты могут поселиться *«...в Тобольской Губернии близ Тобольска, на Барабинской степи, где к поселению выгодных лесами, реками, рыбными ловлями, плодоносных земель несколько сот тысяч имеется десятин...»*.

Однако желающих связать свою судьбу со страной, о которой среди европейцев ходили самые разные и порой далеко не лестные отзывы и слухи, без гарантий достойного приема и обустройства было немного, в том числе и среди соотечественников императрицы, которые еще

остро ощущали разорительные последствия недавней русско-прусской войны и на которых она возлагала особые надежды. Но Екатерина II не была намерена отступаться от своего плана, и 22 июля 1763 года появляется еще один манифест – «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах», а вместе с ним изданный тем же числом указ об учреждении канцелярии опекунов иностранных колонистов. Условия переезда были благоприятнейшими, права и льготы – сказочными, а результаты – ошеломляющими: даже не сотни, а тысячи подданных немецких княжеств устремились в российские пределы за лучшей долей. А в числе тех немногих, кто появился здесь уже после первого манифеста, был и Остермейер, прибывший тогда еще под своим исконным именем, полученным при первом крещении, каким – мы уже не узнаем. Богданом Ивановичем он будет наречен позже...

Слово – пермскому губернатору Карлу Федоровичу Модераху: «...Из иностранцев прусской нации уроженец Богдан Остермейер, выехавший из отечества своего в прошлом, 1762 году, записался в российскую службу и подданство и быв в разных должностях и чинах, наконец коллежским ассессором и в вверенной мне губернии в городе Кунгуре городничим...». Можно добавить, что Б. И. Остермейер не только «записался в подданство», но и, как очень многие немецкие иммигранты первой и второй волны, принял православие, о чем свидетельствуют имена как самого Богдана Ивановича, так и четырех его сыновей – Александра, Григория, Федора и Алексея. А нача-

лом его военной службы в «Списке состоящим в статской службе чинам перьвых осьми классов на 1797 год» обозначен 1765 год. Видимо, не сразу все устроилось и потребовалось определенное время для адаптации в новых условиях. Облегчить решение этой задачи для него могло то, что после русских побед в Семилетней войне Восточная Пруссия четыре года (1758–1762) управлялась как военное губернаторство России, здесь чеканилась особая монета, а жители даже принесли присягу на верность российской короне. Им была предоставлена свобода веры и торговли и даже открыт доступ на русскую службу. Не исключено, что именно эти обстоятельства, а также материальные затруднения повлияли на решение Б. И. Остермейера навсегда покинуть «фатерлянд».

Дворянское происхождение его не подлежит сомнению, впрочем, как и принадлежность к роду незнатному и небогатому. Между этой и следующей датой зияющий полным отсутствием каких-либо сведений разрыв в 12 лет, мраком неизвестности покрыты все годы армейской жизни. А с 1 мая 1777 года уже начинается его гражданская служба (какая – неизвестно), в этом же документе отмечены еще два факта: «к должности способен», «крепостных не имеет». Интересное и, может быть, неслучайное совпадение: 7 мая 1780 года именным указом генерал-поручику Е. П. Кашкину поручено исправлять вновь учрежденную должность генерал-губернатора предполагаемых к открытию Пермского и Тобольского наместничеств, чуть позже он уже появляется на Урале, а 23 июля этого же года Б. И. Остермейер произведен в капитаны и с приобретением этого чина как бы введен

наместником в кадровый резерв будущих городничих и исправников. Такие повышения нередко практиковались Е. П. Кашкиным при позитивной оценке кандидатов на те или иные ответственные должности, играя роль моральных и материальных стимулов, особенно, когда местом будущей службы предполагалась или сама Сибирь, или что-нибудь ей подобное. А следующее повышение в чине произойдет очень нескоро, через четырнадцать лет, 31 декабря 1794 года и будет для коллежского асессора Б. И. Остермейера последним и в его служебной карьере, и, увы, в жизни...

Когда после внесения предложенных Е. П. Кашкиным изменений в уже существовавшее административно-территориальное устройство Западной Сибири 19 января 1782 года императрица подписала указ об учреждении Тобольского наместничества, а 21 января еще одним указом утвердила штаты, началась подготовка к его торжественному открытию, которое, согласно этому же указу, должно было состояться в августе. Главная и самая сложная задача, которую предстояло решить высшему руководству региона к установленному именным указом сроку, – заполнить все вакансии наместнического, губернского и уездного уровня, согласно штатному расписанию, дабы после завершения праздничных и организационных мероприятий в центре приступить к формированию органов управления по всей горизонтали и вертикали власти. Высочайшие указы уже сразу после их публикации позволяли производить отбор кандидатов для назначения на все должности, предусмотренные штатами, а состояться оно должно было во время открытия наместничества по-

сле принесения каждым из них присяги на верность отечеству и престолу, после клятвенного обещания служить неустанно и честно не щадя живота своего к вящей пользе государственной.

После завершения торжеств в метрополии чиновники были командированы наместническим правлением для открытия присутственных мест во все уездные города, в том числе и в Каинск, где все это, хотя подробности и неизвестны, происходило по единому имперскому образцу с обязательным соблюдением всех подходящих такому событию церковных, воинских и гражданских обрядов, но, конечно же, по очень скромному подобию того роскошного зрелища, которое несколько дней сподобились созерцать тобольцы. А в послужном списке Богдана Ивановича Остермейера появилась новая должность – городничий города Каинска Томской области Тобольского наместничества. Само это назначение уже говорит о многом: Евгений Петрович Кашкин, видимо, уже смог убедиться в надежности этой кандидатуры, потому и счел возможным, сам в прошлом военный, направить бывшего армейца на один из труднейших участков, где все, выражаясь по-нынешнему, нужно было начинать с нуля. И к своим обширным повседневным обязанностям Б. И. Остермейер, надо полагать, отнесся так, как и подобает истинному офицеру, с предельной ответственностью, делом оправдывая оказанное ему наместником доверие. Свидетельством тому – его двенадцатилетняя добросовестная служба в двух других городах, что подтверждается авторитетным отзывом К. Ф. Модераха, тоже человека безупречной репутации...

По Каинску в адрес-календаре на 1785 год в строке «городничий» – пунктир вакансии: бывший городничий на исходе 1784 года по распоряжению свыше отбыл, а его преемник, капитан Семен Федорович Толстых, до срока подачи ежегодных сведений к месту новой службы добраться еще не успел. Б. И. Остермейер был отозван в Пермь, где ему, судя по всему, готовилось новое поприще, а пока он временно значился заседателем Пермского областного верхнего земского суда. Место, где Богдану Ивановичу суждено было вскоре оказаться, – переименованное в город Обвинск захолустное сельцо с неблагозвучным названием Верх-Язьва, уже получило недобрую известность хроническими вакансиями городничих и исправников, так как все ранее назначавшиеся старались в этой глухомани подолгу не задерживаться.

Из предшественников Остермейера дольше всех в Обвинске пробыл Иван Федорович Штейнгель, отец декабриста В. И. Штейнгеля, назначенный исправником, но по причине долгого отсутствия городничего исполнявший одновременно еще и его обязанности. Однако и он при первой же возможности не преминул сменить место жительства и службы сначала на Иркутск, а потом даже на Камчатку. Сын, кстати говоря, родившийся в 1783 году именно в Обвинске, поведал историю появления отца здесь в своих мемуарах. Она интересна как штрих к портрету Е. П. Кашкина, которому в интересах дела нередко при решении кадровых вопросов приходилось и лукавить, и прибегать к различным уловкам.

...Военная карьера Иоганна Готфрида Штейнгеля, приехавшего в 1772 году в Россию, не удалась, с намерени-

ем определиться на гражданскую службу он отправился в столицу. «Живя в Петербурге, – пишет В. И. Штейнгель, – отец познакомился с поэтом Александром Петровичем Сумароковым, который ввел его в дом к генерал-поручику Евгению Петровичу Кашкину. Сей известный по своим качествам муж назначен был императрицею к открытию Пермской губернии. Узнав способности моего отца и его обстоятельства, он предложил ему ехать с ним, обещая, что он получит там все то, чего здесь тщетно стал бы доискиваться. Отец мой просил еще времени на размышление, но Кашкин доложил уже о нем государыне и испросил ее соизволение на определение моего отца в свою свиту. Однажды поутру, когда отец мой зашел к Кашкину, сей встретил его словами: «Поздравляю, г. барон. Государыня мне вас подарила». Что оставалось делать, как не благодарить? При сем случае дан был отцу моему чин поручика, и с ним он очутился под Уральским Хребтом...»

В Обвинске Б. И. Остермейер пробыл с 1786 до октября 1790 года, в общей сложности около пяти лет. Сохранившиеся в ГКБУ «Государственный архив Пермского края» документы этого периода (фонд № 628) стандартны по видам. Это указы наместнического правления и других вышестоящих учреждений о проведении питейных, оброчных, соляных сборов и недоимок, о состоянии и ремонте дорог и мостов, содержании казенных лошадей, розыске беглых, рапорты об освидетельствовании винных магазинов, о состоянии штатной воинской команды, переписка с нижним земским судом, различного рода акты, докладные и уведомления, описи казенного имущества и питейных домов.

Особый интерес представляют документы, вышедшие из-под пера самого Остермейера. Предельно официальные, краткие и сухие, лишённые какой-либо эмоциональной окраски, никаких дополнительных биографических сведений они не содержат, но могут дать представление о характере, стиле поведения их автора, человека замкнутого, даже скрытного, педантичного, озабоченного сохранением своей верноподданической и служебной репутации, не позволявшего панибратства в общении с окружающими и фамильярности с их стороны по отношению к себе, не выходявшего за этические и правовые рамки занимаемой им должности, которой он, судя по всему, весьма дорожил и лишиться которой было бы для него трагедией.

Был ли Богдан Иванович на самом деле «человеком в футляре»? Наверное, нет. Скорее всего, такой имидж он, все еще сознавая себя пришлым чужестранцем, не имеющим ни надежных родственных связей, ни поддержки свыше (она появится, но слишком поздно, после назначения в 1796 пермским губернатором К. Ф. Модераха), считал для себя и своего статуса наиболее приемлемым. Не мог он не сознавать и ответственности за судьбу своей семьи, которой обзавелся, если принимать в расчет возраст старшего сына Александра, которому в 1797 году исполнилось двенадцать лет, в середине восьмидесятых, что, кстати, совпадает со временем службы Б. И. Остермейера в Каинске. Так что не исключено, что венчание новобрачных могло состояться именно там, в 1783 или в 1784 году, в церкви во имя Нерукотворного Спасителява Образа. Как и то, что в домашнем кругу Богдана Ивано-

вича знали как заботливого главу семейства, строгого, но любящего отца...

Историку часто приходится быть детективом и в поисках истины проводить собственные расследования. Именно так вышел на след Б. И. Остермейера Александр Григорьевич Татаринцев. Анализируя путевые дневники А. Н. Радищева, которые тот вел следуя к месту ссылки и во время возвращения из нее, ученый обратил внимание на запись, посвященную уездному городу Кунгуру, куда писатель прибыл 28 ноября 1790 года. Цитирую в сокращении: «...*Город старинный, худо построен. Бывший провинциальный. Старая воеводская канцелярия, в середине большая комната со столами и скамьями для писцов, ... два столба, у одного цепь, в прихожей отгородка решетчатая... для сажания колодников. На горе старинная деревянная крепость, то есть забор с башнями, в коих ворота. На площади пред собором стоят 20 пушек чугуновых на лафетах, из коих 3 годных. В сарае, называемом цейхгаузом, хранятся пушечки (фальконеты) Ермаковы и ружья, весом в пуд..., ствол чугуновой, ложка деревянная простая, замок старинной с колесами. Тут же хранятся и орудия казни: топор, крюк, которым за ребра вешали, утюг, то есть кривое железо с ручкою наподобие серпа, железцы или клеймы малые...*

Промысел кунгурский: кожевенный и сапожный, хлебный, разный заморский мелочной товар, но мало... На базаре продают хлеб свой, рыбу из Сибири, свежую и соленую, хмель из России, сено, дрова, масло льняное, лен, оглобли, горшки чугунные, патоку, сало. Многие кунгурские купцы имеют откупы винные в других городах. Один

построил стеклянный завод за 25 верст от города, на татарской земле. Купцы берут оную землю в кортому (в аренду – А.Т.) имеют и свою..., нанимают работников и пашут. Жать платят поденно 20 коп.»

Содержание этого текста порождало ряд вопросов. Он явно отличался и объемом, и стилем от других записей, где преобладала лаконичная констатация дорожных впечатлений, сводившаяся порой к перечислительным пометкам. А тут живая зарисовка с натуры. Чем же заслужил пропитанный древним застойным духом, к тому же еще и «худо» застроенный провинциальный городок особое расположение путешественника поневоле, если остальным населенным пунктам, включая главный город губернии – Пермь, уделено от трех до семи строк? Откуда в его описании информация, которую он, конечно же, не мог почерпнуть в результате собственных наблюдений, в частности, о неисправности большинства орудий крепостной артиллерии, о винных откупах, о купеческом стеклянном заводе за пределами города? И кто, наконец, устроил ему экскурсию по Кунгуру, а заодно и посещение цейхгауза, казенного хранилища, недоступного даже для местных жителей? И к тому же с сопутствующими разъяснениями. Почему Александр Николаевич пробыл здесь в нарушение предписанного порядка следования ссыльных к местам водворения целых восемь дней, хотя пребывал в полном здравии и какого-то другого чрезвычайного повода для такой задержки тоже не было? В итоге А. Г. Татаринцев пришел к выводу, что источником местной информации, экскурсоводом-собеседником и гостеприимным хозяином мог быть только один человек,

наделенный соответствующими полномочиями – кунгурский городничий. Кстати, в его доме, арендуемом городской думой (собственного не было), и жил все эти дни А. Н. Радищев. Установить его имя не составляло труда, это был Богдан Иванович Остермейер...

...Привычное течение служебных будней нарушил указ наместнического правления от 5 октября 1790 года, которым Б. И. Остермейеру предписывалось «немедленно отправиться в Кунгур... и от правящего городническую должность принять все казенное имущество и воинскую команду». Потребность в столь срочном отъезде была вызвана тем, что кунгурский городничий, секунд-майор Иван Петрович Телепнев хотя еще и не был отрешен от должности, но уже находился под следствием, а позднее был отдан под суд. На сборы и дорогу ушло около десятка дней, и уже в середине октября Кунгур, при всей своей незатейливости все-таки выгодно отличавшийся от Обвинска, мог лицеизреть своего нового городничего. Так что назначение, ничего не изменившее ни в чине, ни в должности, можно было воспринимать даже как некоторого рода повышение. А спустя всего полтора месяца Остермейеру, еще не успевшему толком освоиться на новом месте, предстояло впервые встретить важного государственного преступника, позаботиться в случае необходимости о его временном жилище и о надзоре за ним, а затем без задержки передать исправнику, который обязан был под конвоем препроводить «арестанта» далее.

Но его встреча с Радищевым проходит совершенно по иному сценарию. Как – изложено выше. В полном несоответствии ни со служебными требованиями, ни с его

обычным опасением чем-нибудь себя скомпрометировать. Сами посудите, государынин ставленник привечает ссыльного сочинителя, которому лишь монаршим милосердием сохранена жизнь, размещает со всем комфортом у себя дома, намеренно и надолго затягивает его отправку, разгуливает с ним, любезно беседуя, чуть ли не под руку у всех на виду, потакая его любопытству, распахивает перед ним двери казенного арсенала – это ли не материал для верноподданнического доношения?

Чем объяснить такое весьма рискованное поведение Богдана Ивановича? Неведением, кто таков Радищев, которого приведенная в ярость его книгой императрица назвала «бунтовщиком пуще Пугачева»? Сомнительно. Даже если именно указ от 4 сентября 1790 года «О наказании коллежского советника Радищева за издание книги, наполненной вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской» еще не успел дойти до Кунгура и не был оглашен с церковного амвона, обо всем можно было узнать из сопроводительных документов, да и земля всегда слухами полнилась о таких нечастых происшествиях, как это, когда в жестокой опале по необычному поводу вдруг оказался чиновник далеко не рядовой, а директор Санкт-Петербургской таможни. Объяснений может быть два, причем не взаимоисключающих.

Первое. Бывший начальник А. Н. Радищева, президент коммерц-коллегии граф А. Р. Воронцов, весьма огорченный случившимся, не оставил его в беде, оказывая ему материальную помощь и моральную поддержку, призывая его к покаянию и отказу от своих крамольных воззрений.

Известно, что главным лицам всех губерний, через которые предстояло проезжать Радищеву, он разослал письма с денежными суммами для него и с просьбой проявить христианское милосердие, быть снисходительнее к несчастному изгнаннику, глубоко осознававшему свою вину, а также дать об этом деликатные указания уездному начальству. Такое письмо наверняка получил или сменивший в 1788 году Е. П. Кашкина на посту генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместничеств генерал-поручик Алексей Андреевич Волков, или тобольский губернатор Александр Васильевич Алябьев. И это негласное распоряжение Б. И. Остермейер охотно выполнил.

Второе. В первые же часы общения между А. Н. Радищевым и Б. И. Остермейером возникло взаимное расположение, которому во многом способствовало знание писателем немецкого языка, которым он в совершенстве овладел во время пятилетней, с 1766 по 1771 год, учебы в Лейпцигском университете. У каждого человека, где бы он ни был, душа всегда тоскует о покинутой родине. И Богдану Ивановичу было приятно услышать с детства знакомую и еще не забытую речь да еще от собеседника другой национальности. Человека высокообразованного, благородной внешности, хороших манер и вместе с тем предельно утомленного непривычно дальней и трудной дорогой, духовно надломленного выпавшим на его долю тяжким испытанием и еще не оправившегося от страшного потрясения, вызванного арестом, следствием, судом и смертным приговором.

Проникшись сочувствием к нему и презрев возможные негативные последствия задуманного, Остермейер

решает дать ему возможность отдохнуть, отвлечься от черных мыслей знакомством с кунгурскими достопримечательностями, обрести душевное равновесие. И благодарный за эту жизненно необходимую ему передышку и радушный прием Радищев, остерегаясь неожиданного обыска и перлюстрации своих записей, в этот раз ни словом не обмолвится о кунгурском городничем, а на обратном пути из тех же соображений ограничится лишь упоминанием его должности, сопроводив ее в рукописи на месте фамилии большим прочерком. Сделано сие будет по чрезвычайному поводу, но об этом – позже.

А 4 декабря они тепло распрощаются, и помчит зимний возок господина бывшего коллежского советника навстречу двум событиям: печальному и радостному. В Тобольске тяжелейшая и длительная болезнь чуть не станет причиной его ухода из жизни, но здесь же произойдет встреча со свояченицей Елизаветой Васильевной Рубановской, предвосхитившей подвиг жен декабристов. Побуждаемая родственным долгом и чувством сострадания, она взяла на себя заботу о детях и муже своей рано умершей сестры, а после бедствия, постигшего Александра Николаевича, решила быть рядом с ним, чтобы облегчить его ссыльное житье-бытье, и, взяв с собой младших детей, дочь Екатерину и сына Павла, в сопровождении семи радищевских дворовых людей отправилась следом...

На время расстанемся с Б. И. Остермейером и А. Н. Радищевым, чтобы рассказать о двух других каинских городничих. Краткость этого рассказа обусловлена крайней ограниченностью информации. Пребывание Семена Федоровича Толстых в Каинске в качестве городничего

было дебютным по части гражданской службы и весьма непродолжительным. Год рождения – 1732. Дворянин. Армейскую службу начал с шестнадцати лет, за без малого сорок лет, с 1748 года до назначения в 1785 году городничим, смог дослужиться лишь до капитанского чина. Уже в 1786 году произошла кадровая рокировка: ранее переведенный в Курган городничим каинский исправник Эбергард Блей вернулся в Каинск, но уже на должность градоначальника, а С. Ф. Толстых занял его место. В 1794 году он был произведен в коллежские асессоры и прослужил курганским городничим в общей сложности десять лет. За время своего правления способствовал открытию в 1788 году школы, организации в 1792 году описания уездным землемером городского выгона, строительству в 1793 году гостиного двора на 82 торговых места. Остальные члены семьи: супруга Ирина Тимофеевна, которая была моложе мужа на десять лет, дочь Евдокия. О Толстых сохранились исповедные росписи курганской Христорождественской церкви 1787 года, где перечислены также их дворовые люди. После отставки С. Ф. Толстых остался на жительство в Кургане, где и умер 31 мая 1798 года.

И наконец, самая таинственная личность – капитан Эбергард Блей. В курганских публикациях о нем – ни слова. И хотя его каинский стаж гораздо больше, чем у предшественников, сначала он два с лишним года пробыл исправником, а потом девять лет – городничим, сведения о нем ничтожны. Вся скудная информация сосредоточена в адрес-календарях, она стандартна, однако кое-что интересное все-таки удалось найти и в одном из них. В вы-

пуске 1782 года, в штатах первого варианта Колыванской области, который потом по настоянию Е. П. Кашкина в целях выделения из ее территории Каинского уезда подвергся перекраиванию, а ранее учрежденный Бурлинский уезд был попросту упразднен. Но здесь он еще присутствует в первый и последний раз, а в должности земского исправника в нем значится некий капитан Еремей Еремеевич Блей. Затем он исчезает вместе с Бурлинским уездом, но в последующих томах, начиная с 1784 и кончая 1796 годом, получает постоянную прописку капитан Эбергард Блей.

В одном солидном научном издании эти два капитана представлены как разные люди, но, учитывая их территориальную общность и отсутствие повторов первого имени в дальнейшем, можно с полной уверенностью сказать, что это один и тот же человек. Просто податель сведений в Бурлинске ничтоже сумняшеся внес его в перечень, что в официальном издании являлось недопустимым, под тем звучавшим в быту условным именем, которым Эбергард Блей сам счел нужным именоваться, чтобы облегчить повседневное общение с русскоязычной аудиторией, а также избежать неблагозвучного искажения своего настоящего имени, кстати, непростого в славянском произношении. В те времена весьма распространенное явление не только среди немцев.

Кто же он в прошлом, Эбергард Блей, которого после ликвидации Бурлинского уезда Е. П. Кашкин назначает земским исправником нового, созданного по его инициативе, раскинувшегося почти на всю Барабу уезда, а потом и градоначальником уездного центра? На этот вопрос от-

вет находим у А. Н. Радищева. Возвращаясь из Сибири, 9 марта 1797 года в деревне Убинской, уже перед приездом в Каинск, он сделает в дневнике следующую запись: *«При поселении и после все посельщики в сей стороне управлялись управителем, который жил в Иткуле. Все вспоминают управление Блея, нынешнего каинского городничего, и желали бы иметь его опять... Ныне еще приходят к Блею разбираться»*. Кратко, но емко. Это значит, что в недалеком прошлом он был земским управителем на всей восточной территории Каинского уезда, с центром комиссарства в селе Иткуль. *«По другую сторону Каинска (то есть в Спасском комиссарстве – авт.), – уточняет Радищев, – был другой управитель»*. То есть ко времени учреждения Каинского уезда Блей уже имел большой опыт управленческой работы в этих местах и вел дела настолько умело, что завоевал большое уважение сельчан...

Богдан Иванович Остермейер и Эбергард Блей, тоже немец «екатерининского призыва», но сохранивший приверженность лютеранской вере, как бывшие сослуживцы хорошо знали друг друга и были, наверное, в неплохих отношениях. Поэтому Остермейер вполне мог дать Радищеву положительный отзыв о каинском коллеге, а заодно передать ему с Александром Николаевичем свой поклон. Из Тобольска Радищев, на которого приезд Е. В. Рубановской с детьми оказал целебное воздействие, выехал физически и духовно окрепшим. В дороге он не забывает вести дневник, пополняя его все новыми и новыми записями.

«...За Артыком в 20 верстах начинается Бараба; сперва места ровные, потом пригорки и между ними озе-

*ра, болота и луга, рощи частые, иногда места прекрасные. От Копьева живут поселыщики. В Вознесенском селе есть старожилы. Пашни по пригоркам. Чувствовали по вечерам запах травяной, весьма тяжелый. Зараза (сибирская язва – **авт.**) весьма была велика нынешний год. В Голопупове (позже Спасское, ныне Венгерово – **авт.**), где живут старожилы, перевоз чрез Тартас. За лесом на строение ездят за 400 и 600 верст в урман или леса. Лес кедровый. Когда начали селить Барабу, то жили тут татары, которые отъехали к урману. В Покровском есть старожилы и поселыщики. Старожилы живут в изобилии, поселыщики много бедны. За недоимки отдают их в работу на винный завод, где работают и каторжные. Корчемства много. Поселыщиков много старых, дряхлых и нищих. Их лучше бы селить по разным местам, а не деревнями. Ближе к Каинску более лесу...».*

День прибытия А. Н. Радищева и его спутников в Каинск в дневнике не указан, но если исходить из того, что из Тары, расположенной в трехстах с половиной верстах, они выехали 9 августа 1791 года и проезжали ежедневно в среднем около восьмидесяти верст, то их встреча с городничим Эбергардом Блеем произошла не позднее 14 августа. И прием, надо полагать, был не менее доброжелательным, общение не менее интересным и взаимоприятным, чем в Кунгуре, а отдых достаточно продолжительным. Пребывание здесь отмечено в дневнике всего одной фразой: «*Каинск был деревня, приписанная к барнаульским заводам, в него переселяются купцы, которые жилали по деревням*». По внешнему виду и образу жизни большой деревней он пока так и оставался, о чем нагляд-

но свидетельствует описание Каинска, составленное за год до радищевского приезда по заданию наместнического правления уездным землемером.

А теперь перенесемся в год от Рождения Христова 1796, последние месяцы которого отмечены двумя траурными датами. После долгой и мучительной болезни 7 октября ушел в мир иной Евгений Петрович Кашкин, а месяц спустя, 6 ноября, скоропостижно почила в бозе императрица. Они и предполагать не могли, что плоды их неустанных трудов по государственному устройству уже в ближайшее время будут порушены новым императором... В Радищеве приход к власти Павла Петровича пробудил надежду если не на полное прощение и возвращение из ссылки, то хотя бы на некоторое смягчение своей участи, в частности, на перевод из илимской глуши в какой-нибудь из крупных сибирских городов. Но происшедшее превзошло ожидаемое, и на сей раз судьба ему улыбнулась.

Долгие хлопоты А. Р. Воронцова, воспользовавшегося содействием влиятельнейшего князя А. А. Безбородко, наконец-то увенчались успехом. Император, с почти патологической неприязнью относившийся ко всему, что было связано с именем и деяниями ненавистной маменьки, не щадил, подвергая массовой опале, все ее близкое окружение, фаворитов, любимцев и выдвинутых и наоборот жаловал всех, кто в годы ее правления претерпел какие-либо гонения. Ему было известно, что граф не числился среди придворных блюдолизов и подхалимов, неоднократно отказывался от назначений на высшие должности, чем вызвал гнев Екатерины Алексеевны, зачислившей его в оппозиционеры.

23 ноября 1796 года император на третий день (!) после своего восшествия на престол подписал следующий рескрипт, адресованный генерал-прокурору Правительствующего Сената графу А. Н. Самойлову: *«Граф Александр Николаевич! Всемилостивейше повелеваем: находящегося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою. Павел.»* Уведомление об августейшем снисхождении Радищев получил из Иркутска 18 декабря 1796 года. К этому времени Александр Николаевич и Елизавета Васильевна уже были мужем и женой, и в этом браке у них родилось трое детей – сын Афанасий, дочери Анна и Фекла. Известие о возвращении из ссылки произвело неопишное впечатление, все семейство, вспоминает сын Радищева Павел Александрович, упав на колени, со слезами радости на глазах благодарило Бога за великую милость. Новый год, начинавшийся так счастливо, они встретили еще в Илимске, так как было решено переждать большие зимние холода и ехать ближе к весне...

...А между тем в это же время в далеком Кунгуре стряслась беда, о коей и поведал в своем обращении к «сиятельнейшему князю» пермский губернатор К. Ф. Модерах: *«...во время своей там бытности (в Кунгуре – авт.) в феврале истекаго 1797 года лишился он (Остермейер – авт.) от несчастных родов жены своей, обще с новорожденным младенцем, имея еще у себя четырех малолетних сыновей...»* Тяжелейшее психологическое состояние Богдана Ивановича – следствие неожиданного

удара судьбы, потери самого близкого человека, усугублялось еще и служебными неурядицами. Затянулось и все более обострялось противостояние с городской думой. Главным объектом разногласий и прений стало малое народное училище, появившееся в Кунгуре за год до назначения Остермейера и приезда Радищева. Его помпезное открытие проходило в обстановке верноподданнических речей, восторженного славословия в адрес императрицы, однако после всей этой шумихи необходимой материальной поддержки от «градского общества», которое должно было финансировать и содержание училища и выплачивать жалованье учителю, не последовало, выделение средств, весьма скромных, производилось крайне неохотно, после неоднократных напоминаний, и нередко под разными предлогами надолго задерживалось. Смириться с таким положением дел Богдан Иванович не мог, так как обеспечение нормальной деятельности учебного заведения, контроль за организацией учебного процесса, отчетность о его состоянии входили в круг его прямых обязанностей. Отсутствовало взаимопонимание и по другим вопросам. Но, пожалуй, самым неприятным и тревожным было ощущение того, что его самочувствие тоже все более ухудшалось...

...20 февраля 1797 года свершилось: в три часа пополудни Радищевы отправились в путь. Спешили, стараясь нигде особо не задерживаться. На проплывающие по обеим сторонам великого сибирского тракта уже знакомые ландшафты А. Н. Радищев смотрел теперь иными глазами, твердо надеясь, что это только начало добрых перемен и жизнь обязательно вернется в привычное русло. Этой

надеждой веет и со страниц его дневника, где записи, отражающие то, что волнует его как мыслителя и гражданина, чередуются с лирикой пейзажных зарисовок.

Вот запись от 8 марта 1797 года: «...дорога вступает в Барабинскую степь. Для глаза путешествие по оной всегда приятно, ... нет не токмо страшных утесов или навислых каменных расклин, но ниже малого пригорка. Земля везде ровна и доказывает несомненное пребывание на ней тихих вод. Дабы иметь понятие о Барабе, представь себе обширнейшую долину, местами усеянную то мелким, то высоким, но редким березником, редко где есть осина, а того реже маленький сосняк. Ельнику не видал, во многих местах находятся озера, которые от нескольких сажень в диаметре бывают до многих верст: Иткуль в 4 версты, Убинское в 60 верст. С тех пор, как русские живут на Барабе, озера иные высохли, берега их поросли камышом, и многие места, оным поросшие, доказывают, что тут были озера. В больших много рыбы, а в тех, которые поменьше, рыба задыхается. Чаны в стороне от большой дороги; озеро весьма рыбное и пространное, и лов рыбы велик.» И здесь же: «...Из посельщиков ... иные довольно зажиточны. Плачевного зрелища, старых и дряхлых обнищавших, становится гораздо меньше, и можно предсказать, что если разорительная рука начальства частного не прострет свое опустошение, если равняющаяся огню для сельского жителя приписка к заводам не распространится на барабинских жителей, то благосостояние их будет лучше и лучше.»

А 9 марта в Каинске А. Н. Радищев и Э. Блей встречаются вновь, встречаются уже как старые знакомые.

В записи, помеченной этим числом, во внешнем облике города зафиксированы положительные изменения: «*Каинск, прежде острог, лежит на Оми, через которую летом перевоз. Место весьма плоское, одна церковь в середине города, строят каменную. ...Как ни худо, а с тех пор как Каинск город, то строится заново.*» И тут же: «*Исправник – грубиян. Почти везде они славятся взятками.*» Это явный отголосок конфликта. В планы Александра Николаевича, спешившего как можно быстрее после многолетней разлуки увидеть родных и друзей, остановка с ночлегом в Каинске, видимо, не входила, но пришлось остаться, поскольку исправник под каким-то предлогом отказался выделить лошадей. Скорее всего, сослался на их отсутствие, но Радищев, и, наверное, небезосновательно, счел эту отговорку обычной попыткой вымогательства. Имя исправника известно: поручик Сте-

Александр Николаевич и Елизавета Васильевна Радищевы

пан Кирьянов. В своем корыстном намерении он оказался весьма стоек, и 10 марта уехать сразу же с утра тоже не получилось. И может быть, даже потребовалось вмешательство городничего. *«Прождав до полудни, по неблаговолению исправника, лошадей, – пишет Радищев, – ехали до ... Булатовой ... довольно скоро. Равным образом и до Антошкиной ..., в которой ... много бедных стариков, во многих местах они уже померли. Приметно, что по сию сторону Каинска, в коем есть также посельщики, они бедные.»*

На следующий день в дневнике появилась тревожная запись: *«Барыня занемогла»*. Недуг Елизаветы Васильевны был следствием сильной простуды. После ночлега в селе Покровском она почувствовала себя настолько плохо, что 11 марта пришлось задержаться здесь до следующего утра. Когда наконец ей полегчало и они снова смогли двинуться в путь, она все равно была настолько слаба, что даже не выходила из возка. И если во все последующие дни в ее состоянии происходили какие-то изменения, то только в сторону ухудшения. Болезнь прогрессировала, дав серьезные осложнения, и близкие были бессильны что-либо сделать: применяемые в народном обиходе средства не действовали, а профессиональную медицинскую помощь можно было получить лишь в Тобольске. Туда приехали только 1 апреля, но и усилия местных лекарей тоже оказались тщетными: 7 апреля Елизаветы Васильевны Рубановской-Радищевой, «женщины с геройским духом» (так отозался о ней Александр Николаевич в одном из своих писем А. Р. Воронцову), не стало. Произошло это в том же самом доме, где они так счастливо встрети-

лись в 1791 году. Через день состоялось ее погребение на старинном Завальном кладбище, где она покоится и по сей день. А в дневнике появится исполненная скорби запись: *«О! koliko первое мое в Тобольске пребывание было приятнее. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ними навеки... Сей город навеки будет иметь для меня притяжательность.»*...

...8 мая 1797 года в пять часов пополудни они снова встретились в Кунгуре, Александр Николаевич Радищев и Богдан Иванович Остермейер. Каждого из них накануне, с небольшой разницей по времени, постигло одно и то же огромное личное горе, еще более сблизившее их, и, конечно же, первыми прозвучали искренние слова взаимного сочувствия. О чем еще шел разговор между ними в тот весенний вечер – навсегда останется тайной. Но нет сомнения в том, что он был гораздо откровеннее, чем беседы семилетней давности. Доказательство этому – в радищевском дневнике, в записи, сделанной в этот день, всего лишь в одной ее фразе, которая многого стоит. Цитирую: *«Городничий... копия с моей книги»*. Если устранить пропуск, то в новой редакции эта фраза будет выглядеть так: *«Городничий Остермейер, копия с моей книги»*... Да, с той самой, «Путешествия из Петербурга в Москву». Книги, едва не приведшей автора на эшафот, обречшей его на мучительные страдания и долгое изгнание, занесенной в перечень самых крамольных печатных изданий, хранение и чтение которых грозило суровой карой. И владельцем этой единственной в зауральских пределах рукописной копии (дальнейшая ее судьба неизвестна, а

других, похоже, и по сей день не найдено) стал бывший каинский городничий Богдан Иванович Остермейер* ...А утром 9 мая они расстанутся уже навсегда, не ведая, что часы одного из них уже сочтены...

Обращение пермского губернатора К. Ф. Модераха к генерал-прокурору Правительствующего Сената А. Б. Куракину носит полуофициальный характер и предполагает, что столь важной персоне, одному из главных вельмож империи, конечно же, присущи благородные чувства сострадания и милосердия. *«...А в июле месяце того же года, – пишет он, – и сам (Остермейер – авт.) помер, не оставив в здешнем краю никакой после себя родни, продолжая же бескорыстную службу, сколько мне известно, имения у него найдено толь мало, что и на отплату отквившихся долгов едва ль будет достаточно, а потому оные его сироты и должны остаться беззащитны, без пропитания и без призрения».* Здесь и констатация свершившейся трагедии, и посмертная дань памяти достойного человека, и озабоченность судьбами его детей в возрасте двенадцати (Александр), семи (Григорий), четырех (Федор) и трех (Алексей) лет. А завершает губернаторское послание нижайшая просьба при «удобном случае» доложить *«его императорскому величеству о всемилостивейшем воззрении на нещастных оных сирот жребий».*

Каков же ответ? Цитирую: *«...Требуете вы, м. г. (милостивый государь – авт.), от меня ходатайства пред*

* Списков радищевской книги до нашего времени дошло немного, в Российской государственной библиотеке хранятся 13 рукописных экземпляров конца XVIII – первой трети XIX века. Но все они обнаружены за пределами Сибири и Урала.

императорским величеством. *И сколь ни усиленно желаете употребить себя к их (детей Остермейера – авт.) пользе, в необходимость себе вижу со всей откровенностью сказать вам, м. г. мой, что в сие войти не могу, потому особливо, что ныне никому не закрыт путь к монаршим щедротам, каждый без всякого посредничества о всех надобностях его величеству сам представить может*». Вот так. Вместо живого участия – сановное высокомерие, ледяное равнодушие и циничный отказ от какого-либо содействия. Кстати, волей небес отмщение не замедлит свершиться, и 8 августа 1798 года впавший в немилость бывший любимец императора, действительный тайный советник А. Б. Куракин будет свергнут на грешную землю со своего заоблачного сидалища и отправлен в отставку.

🎵 Карл Федорович Модерах и Александр Борисович Куракин

А сыновья Б. И. Остермейера не будут оставлены Богом и добрыми людьми на произвол их сиротства. И один из них уже упоминается в том же обращении к А. Б. Куракину. Это временно приютивший трех сирот *«знакомец и приятель покойному отцу их Пермской казенной палаты советник господин Грен»*. *«Но как он сам обременен семейством, – пишет далее К. Ф. Модерах, – то содержание скопившегося в доме его немалого числа людей, превышающее достаток его, наносит ему тягость»*. Федор Иванович Грен, в чине надворного советника состоявший в штате экспедиции «по части винной и соляной», узнав, что в Санкт-Петербурге есть родной дядя его приемшей (вероятно, родной брат их матери), известил того о случившемся, рассчитывая на помощь. Однако «государственной адмиралтейской коллегии архитектор господин полковник Перрен» черствостью превзошел даже генерал-прокурора, вообще никак не откликнувшись на обращение сердобольного провинциала.

О двух сыновьях Б. И. Остермейера, Александре и Федоре, ничего узнать не удалось. Причины могут быть самые разные: ранний уход из жизни, усыновление с сопутствующим изменением фамилии, деятельность вне сферы военной и гражданской службы. Зато двое других, Григорий и Алексей, состоялись как истинные граждане своего отечества и заняли достаточно солидное положение в обществе. Особенно успешно сложилась судьба Григория Богдановича, который получил отличное образование, образцово проявил себя в ратном деле и на служебном поприще и даже обрел общероссийскую известность, благодаря подробной статье о нем Е. В. Ястребцева

в знаменитом «Русском биографическом словаре» под редакцией А. А. Половцева, которую я и помещаю здесь в сокращенном виде.

«Остермейер, Григорий Богданович, горный инженер, маркшейдер Горного кадетского корпуса, начальник архива Департамента горных и соляных дел. Г. Б. Остермейер родился в 1790 году, образование получил в Горном кадетском корпусе, где за отличные успехи был награжден золотой и двумя серебряными медалями.

Выпущенный в 1809 году из корпуса со званием практиканта, Остермейер был однако оставлен при корпусе и назначен дежурным офицером; кроме того, ему поручено было преподавание некоторых предметов в младших классах корпуса и руководство работами воспитанников в лаборатории.

С наступлением Отечественной войны он вступил в Петербургское ополчение и 4-го сентября 1812 года был назначен адъютантом к генерал-майору Бегичеву. Находясь в корпус графа Витгенштейна, Остермейер участвовал в нескольких делах с французами, при чем отличился в трехдневном бою под Полоцком 5-го, 6-го и 7-го октября 1812 года, когда был ранен пулею в ногу; за отличие в этом бою был произведен в гиттенфервальтеры, но вследствие раны был вынужден 10-го марта 1813 года выйти в отставку.

В том же году он снова поступил в Горный кадетский корпус, 31-го декабря 1815 года получил звание маркшейдера, а с 28-го августа следующего года занял и должность маркшейдера корпуса (заведующего воспитательною частью). Состоя в этой должности почти

двадцать лет, Остермейер в 1818 году был произведен в обер-гиттенфервальтеры 8-го класса, пять лет спустя в обер-бергмейстеры 7-го класса и 17-го апреля 1831 года в берг-гауптманы 6-го класса. С преобразованием Горного Института в Институт корпуса горных инженеров Остермейер оставил при нем службу и был назначен чиновником особых поручений при Департаменте горных и соляных дел.

О деятельности Остермейера в Горном кадетском корпусе в воспоминаниях многих бывших воспитанников корпуса, находим лестные отзывы, сходящиеся в том, что Остермейер был человек очень умный, хорошо образованный, справедливый и одаренный хорошими педагогическими способностями, а историк корпуса (Л. Лоранский) называет его «душою заведения».

Оставив Горный корпус, Остермейер, по новой своей должности, неоднократно исполнял разные особые поручения по освидетельствованию и ревизии учреждений, подведомственных Департаменту, и в 1837 году состоял ассессором комиссии военного суда, учрежденной по делу о похищении золота, серебра и денег из кладовой Санкт-Петербургского монетного двора. Три года спустя, он осмотрел и описал кавказские соленые озера. Назначенный 26-го марта 1843 года начальником архива Департамента горных и соляных дел, Остермейер занимал эту должность до самой своей смерти и в конце 1840-х годов был произведен в обер-берг-гауптманы 5-го класса (в гражданской службе – статский советник, в армии приравнялся к чину бригадира, среднего между полковником и генерал-майором – *авт.*).»

Жаль, что такого же обстоятельного жизнеописания не суждено было удостоиться Богдану Ивановичу Остермейеру. Остается еще добавить, что Г. Б. Остермейер был кавалером орденов Святой Анны второй степени и Святого Владимира четвертой степени, имел медаль за участие в Отечественной войне 1812 года, а также «Знак отличия беспорочной службы», стаж которой к моменту награждения составлял около тридцати пяти лет. В отставку он вышел в 1847 году. Эта весьма неординарная личность и человек для нас не чужой явно заслуживает более подробного и менее официозного рассказа, и материала о нем имеется достаточно. Но это будет, как говорится, уже совсем другая история.

Сведения об Алексее Богдановиче Остермейере пришлось собирать по крупицам. В единственной краткой биографической справке, пестрящей хронологическими неточностями, даже год рождения указан неверно: вместо 1794-го – 1797-й (год смерти отца и матери!). Подобно старшему брату он тоже был выпускником Горного кадетского корпуса, который окончил в 1816 году, и тоже, как потомственный дворянин по рождению, но круглый сирота, лишенный каких-либо средств к существованию, обучался и содержался полностью за счет государственных средств или, как тогда говорили, на «казенный кошт». С 1823 года он управитель Турьинских рудников в округе Богословских заводов на Урале, с 1832-го – управляющий Змеиногорскими заводом и рудниками на Алтае. С 1841 года преподавал в Змеиногорском филиале Горного училища, а во время полевого сезона руководил поисковыми партиями, при случае попутно исследуя и археологиче-

ские объекты. Так, во время геологоразведочных работ, проводившихся между Змеиногорским и Петровским рудниками на Мельничьей горе, изыскатели А. Б. Остермейера по его указанию произвели раскопки кургана, в оригинальной могильной конструкции которого использовались гранитные плиты и находилось не тронутое бугровщиками древнее погребение: останки умершего и различные артефакты (нож, стрелы, остатки всех принадлежностей конской сбруи).

В этом же году Алексей Богданович получил чин полковника корпуса горных инженеров, что соответствовало шестому классу табели о рангах и давало возможность занимать более высокие должности. Видимо, с учетом этого он в 1842 году был переведен обратно на Урал, но уже горным начальником Богословских заводов. Однако пробыл там недолго, уже в 1844 году подал в отставку по состоянию здоровья. А. Б. Остермейер тоже был награжден орденами Святой Анны второй степени и Святого Владимира четвертой степени и «знаком отличия беспорочной службы» за двадцать пять лет таковой. Постоянным местом жительства он, видимо, избрал Змеиногорск, куда и вернулся после увольнения. Здесь с ним и мог познакомиться во время своих сибирских скитаний Ф. М. Достоевский, упомянувший некоего Остермейера (может быть, самого Алексея Богдановича или как вариант – его сына) в своем письме от 25 января 1857 года из Семипалатинска к одному из своих знакомых, А. Е. Врангелю: «До сих пор не знал наверно, где Ваши вещи и книги. Вы так положительно писали, что у Гернгросса, что я

и сам это думал. Теперь оказывается, что они у Остермейера. Еду через Змиев, спрошу о них...»

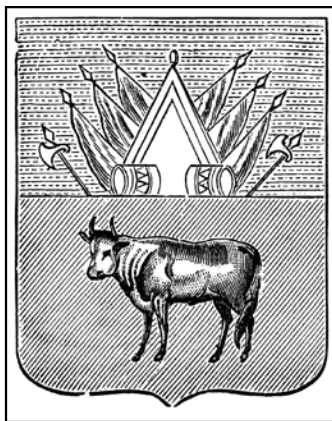
Добрую память оставили о себе братья Григорий Богданович и Алексей Богданович Остермейеры, достойные сыновья достойного отца – первого каинского городничего Богдана Ивановича Остермейера.

...А коллежский ассессор Эбергард Блей, пережив своих каинских коллег, продолжил службу и после павловского «безвременья», но уже не городничим, а заседателем сначала Семипалатинского, а потом Омского уездного суда. После 1805 года след его тоже теряется...

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). СПб, 1830. Т. 20, № 14392, «Учреждения для управления губерний Российской империи», с. 229–304; Описание Тобольского наместничества (1784–1790). Академия наук СССР. Новосибирск: Наука, 1982. О городе Каинске. О Каинской округе. С. 190–199; Список состоящим в статской службе чинам первых восьми классов на 1797 год, СПб, 1797, с. 254; Список имеющим знаки отличия беспорочной службы за 1843 год, СПб, 1844, Часть VI, с. 74, с. 181; Якимовский А. Я. Краткое статистическое описание Западной Сибири Томского окружного города Каинска за 1842 год, 68 с. (оттиск с рукописной копии, орфография современная, архив автора); Русский биографический словарь. СПб, 1905. Т. XII, с. 423–424; Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). СПб: Академический проект, 2003, 832 с.; Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60), с. 188; Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.–Л.: изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 3, с. 253–267; Штейнгель В. И. Записки и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. Т. 1, с. 60; Татаринцев А. Г. Радищев в Сибири. Москва: Современник, 1977, с. 93–115; Кузьмин А. К. Курганские городничие. Тобольск и вся Сибирь: альманах. Кн. 23: Курган. Тобольск, 2014, с. 42–51.

1785 7 марта. Указом Екатерины II утверждены гербы городов Тобольского наместничества, в том числе и Каинска: «В зеленом поле золотой бык: в знак скотоводства на Барабинской степи». Изображался с гербом губернского города Тобольска в верхней части щита.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. Т. XXII – № 16164; П. П. Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. Санкт-Петербург, 1900, с. 60.

1785 21 апреля императрицей подписана «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам»), ею учреждались городские органы самоуправления (представительный и распорядительный – общая городская дума, исполнительный – шестигласная дума во главе с городским головой), а все горожане делились на шесть разрядов – городских обывателей, купцов трех гильдий, ремесленников, иностранцев, «именитых граждан» и «посадских».

☞ ПСЗРИ – 1. Т. Т. XXII – № 16187.

1787 14 декабря. Епископом Тобольским и Сибирским Варлаамом жителям Каинска, обратившимся к нему с прошением, дано разрешение на заложение каменной двухпрестольной церкви во имя Нерукотворного Спасителя Образа и Святителя Христова Николая Чудотворца в том же самом месте, где располагалась деревянная. Строительство ее, в ходе которого появится еще и третий при-

дел – во имя Покрова Пресвятой Богородицы, «за скудо-
стию средств» продлится почти полвека и будет завершено
только в середине тридцатых годов следующего столетия.

☞ Якимовский А. Я. Указ. соч.

Чрезвычайное происшествие с французским подданным

Первым французским подданным, побывавшим в Барабе, стал двадцатидвухлетний Жан-Батист Бартелеми Лессепс, участник кругосветной экспедиции графа Жан-Франсуа де Лаперуза, который отправил его с Камчатки для доставки во Францию общего донесения, отчетных документов, экспедиционных материалов, собранных учеными, и карт исследованных территорий. Выбор командором исполнителя для столь ответственного и сложного поручения не был случайным: за время плавания, длившегося уже более двух лет, молодой дипломат-полиглот, взятый в штат переводчиком, проявил себя отличнейшим образом. Но самое главное, что он был единственным членом экипажей «Буссоли» и «Астролябии», кто мог весьма неплохо изъясняться и на русском языке, которым овладел во время двухлетнего пребывания в Кронштадте, где начал свою карьеру в 1783 году (семнадцати лет от роду – !) в качестве вице-консула при своем отце – французском консуле.

То, что таким образом его отлучали от дальнейше-
го участия в плавании, огорчило Жан-Батиста до слез и

ввергло в долгое уныние, но пришлось повиноваться, так как другого выхода не было. И это стало его счастливым жребием, так как из всех, кто был рядом с доблестным мореплавателем, в живых остался только он один. Все остальные надолго пропали без вести, и только в 1826 году удалось обнаружить возле острова Ваникоро место гибели и обоих фрегатов, и всей экспедиции, ставших жертвами мощного шторма.

Отсутствие языкового барьера существенно облегчило его путь протяженностью в четыре тысячи лье (22224 километра – !) от порта Петропавловская гавань в Авачинской бухте до Парижа, оказавшийся и весьма долгим, и трудным, и небезопасным. О нем Ж.-Б. Лессепс рассказал в своем путевом дневнике, изданном в России в 1801–1809 годах под названием «Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири». Бараба, которую он проезжал в августе, запомнилась ему особо и надолго. До этого путешествие протекало без каких-либо происшествий, чему способствовали полученные им перед выездом рекомендательные письма к главам администраций попутных городов и уездов с просьбой оказывать французскому курьеру всяческое содействие, в частности – обеспечивать его сопровождение. По Барабе он тоже ехал с сержантом-проводником и солдатом-охранником и не предполагал, что по их вине ему предстоит пережить основательную нервную встряску.

«Мой путь, – повествует Ж.-Б. Лессепс, – пролегал по равнине, именуемой Барабинской степью. Здесь почтовое сообщение возложено на всякого рода ссыльных, чьи поселения отстоят друг от друга на отдалении от

Жан-Батист Бартелеми
Лессепс

двадцати пяти до пятидесяти верст». Отмечая при этом, что и сама местность («неприятная для обозрения бесплодная пустошь»), и влачащие жалкое существование ее обитатели («грубы и ленивы»), представляли собой зрелище малоприятное. Сопровождавший Лессепса сержант обращался с ними самым бесчеловечным образом, при малейшем неповиновении пуская в ход кулаки или всегда бывшую при нем палку. Увещевания, старавшегося укротить его свирепость

Жан-Батиста, были тщетными. Он цинично отшучивался, что не может совладать с довлеющим над ним грешным соблазном, а посельщики, все как один в прошлом преступники, другого отношения и не заслуживают. И в конце концов на одной из станций чуть не поплатился за свою жесткость, заодно подвергнув смертельной опасности своих спутников.

...Не обнаружив на этой станции подготовленных лошадей (тот, кто должен был это сделать, уехал за сеном), господин сержант сразу пришел в дурное расположение духа и после двухчасового ожидания (никто так и явился), мрачнее тучи, взяв с собой солдата, отправился на поиски лошадей с целью забрать первых попавшихся. Через полчаса они, возбужденные и разгоряченные, вернулись, но

только с одной-единственной лошадей, которую добыли, по их рассказам, в схватке с ее владельцем, на них напавшим. Последний не замедлил явиться, с воплями и со своей версией только что произошедшего. Согласно ей, зачинщиками драки, в которой он был не только побит, но и лишился половины бороды, стали «бариновы (то есть Лессепсовы – *авт.*) люди». На шум, производимый им, очень скоро собралось около полусотни его односельчан, которые с угрожающим видом плотным кольцом окружили француза и его спутников, поочередно осыпая сержанта громкой руганью. Попытавшегося успокоить их Жан-Батиста никто не слушал, и дело принимало совсем плохой оборот.

Проводник, похоже, так не считал и только еще более обострил ситуацию, когда бросился избивать за долгую задержку только что вернувшегося из поездки за сеном станционного смотрителя. Защитить товарища, рискуя потерять оставшуюся половину бороды, попытался владелец экспроприированной лошади, его по приказанию сержанта скрутил солдат, а разнимать участников нового сражения, криками и уговорами смиряя их ярость, пришлось зарубежному гостю, молившему Бога, чтобы драка не переросла в массовое побоище, в котором у проезжей тройцы уже не было бы никаких шансов остаться живыми.

Растащив дерущихся в тот момент, когда агрессивный настрой толпы уже достиг критического предела и расправа уже казалась неминуемой, Ж.-Б. Лессепс, возвысив голос насколько возможно, приказал смотрителю немедленно запрятать лошадей, туда же прогнал и виновников чрезвычайного происшествия. Посельщики ринулись за

ними, горя желанием дать взбучку, и стоило величайшего труда, перейдя на спокойный тон и рискуя обратить их гнев на себя, успокоить это взбудораженное собрание. Удовлетворившись бранным обсуждением случившегося, сельчане начали расходиться.

«Я поспешно занял свое место в кибитке, – завершает свой рассказ о барабинском эксцессе Ж.-Б. Лессепс, – и счел себя в полной безопасности только тогда, когда мы оказались на расстоянии, недостижимом для ружейного выстрела...». Миновать Каинск на этом маршруте он не мог, но упоминания не удостоил, так же, как и сотни других городов и селений, через которые ему довелось проезжать. Благополучно добравшись до Франции, он был принят самим королем и удостоен похвалы за свое столь продолжительное и опасное путешествие. Ж.-Б. Лессепс снова появится в России через четыре года в должности генерального комиссара по экономическим связям в Санкт-Петербурге и пробудет в ней вплоть до войны 1812 года. Наведается и в третий раз уже в 1812 году и не как простой оккупант: против своей воли, но по приказу императора как хорошо знающий страну и язык будет исполнять обязанности интенданта Москвы и Московской губернии. Это ему припомнится: четвертое явление бывшего захватчика как дипломатического представителя постнаполеоновской Франции закончится полным конфузом: Александр I откажется иметь его в качестве такового.

☞ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Часть III. Москва, 1809, с.196–200.

1790 *В середине августа* через наш город по пути в сибирскую ссылку проезжал Александр Николаевич Радищев. Получив после пятилетнего пребывания в Илимске высочайшее соизволение выехать из Сибири, на обратном пути 9 марта 1797 года вместе с семьей и дворовыми людьми останавливался в Каинске на ночлег.

☞ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. Москва-Ленинград: изд-во Академии наук СССР, 1952, с. 253–267.

1796 *12 декабря*. Именным указом, положившим начало павловским реформам, вводилось новое административно-территориальное деление по принципу укрупнения. Сокращалось число генерал-губернаторств, наместничества переименовывались в губернии, а Сибирь теперь должна была состоять всего из двух губерний – Тобольской и Иркутской, в состав каждой из них входила часть упраздненного Колыванского наместничества.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. Т. XXIV – № 17634.

1797 *3 марта*. Этот день должно почесть счастливейшим днем для 2159 обитателей города Каинска и его округа, наконец-то избавившим их от ненавистной заводской приписки и возвратившим право вновь именоваться государственными крестьянами. В этот день Павел I утвердил доклад управляющего Кабинетом его императорского величества, согласно которому была восстановлена существовавшая до 1779 года Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, но главное заключалось в том, что он согласился с предложением внести изменения в перечень населенных пунктов, приписанных к заводам. Необходимость этого в докладе пояснялась следующим:

«Многие из приписных к заводам крестьян живут весьма отдаленно ..., отстоят от оных более 600 верст, другие же селения, не приписанные к заводам, лежат около и поблизости..., то высочайше повелено ли будет оных отдаленных исключить, а из последних таковое же число приписать...». Последовала обычная резолюция: «Быть по сему», и уже 11 мая в канцелярской ведомости с наименованиями сел, деревень и слобод, состоящих в заводском округе, и указанием числа приписных крестьян в них, подписанной берг-гешвореном Василием Буяновым, было отмечено: «Каинская округа исключена».

⇒ ПСЗРИ – 1. Т. XXIV – № 178620.

1797 А 2 ноября произошло событие отнюдь не радостное: такой же резолюцией «Быть по сему» был высочайше утвержден доклад Сената «О числе городов в Тобольской губернии», которым Каинск по предложению назначенного тобольским гражданским губернатором Александра Григорьевича Толстого в числе ряда других исключался из уездных городов и снова причислялся вместе со своей округой к Тарскому уезду. Дословно: «...уничтожить Тобольской губернии города Каинск, Ачинск, Омск, ... упраздненной Колыванской губернии Бийск и Колывань». В связи с этим «присудственным местам в них не быть, кроме комендантов, где оные государственною Военною коллегиею определены». В декабре этого же года еще одним императорским указом повелевалось, чтобы заштатные города «...управляемы были магистратами или ратушами, учреждение коих под особенным наблюдением Сената предоставить гражданским губернаторам»,

однако никакого органа городского самоуправления в Канинске учреждено не было, хотя как малоллюдному городу ему полагалось иметь ратушу. Недолгое пребывание Канинска в нештатном статусе отражено на карте Тобольской губернии в вышедшем в 1800 году «Российском атласе из сорока трех карт состоящем», где точечным пунктиром обозначена граница Тарского и Томского уездов).

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXIV – № 18233.

1797 Состоялась очередная региональная перепись (шестая ревизия) населения, результаты которой показали, что в южных округах Сибири, в начале уходящего века еще совершенно не заселенных, произошел значительный рост количества русских переселенцев с его существенным перевесом по отношению к численности коренных народностей.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 208.

1799 Издан полный русский перевод ранее вышедшего на немецком языке четырехтомного труда участника экспедиций П. С. Палласа и И.-П. Фалька, академика Иоганна Готлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей», заслужившего мировое признание как эталон подлинно научного этнографического исследования. К каждому описанию прилагались соответствующие красочные иллюстрации, запечатлевшие с натуры внешний облик и национальные одеяния представителей всех народов и племен. В части второй «О народах татарского племени» в главе «Барабинцы» подробно описаны места обитания, облик, образ жизни, промыслы и национальные мужские и женские костюмы барабинских татар, на основе сделанных с натуры зарисовок она проиллюстрирована.

Барабинские татарки – женщина и девушка

Иоганн Готлиб Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. – Санкт-Петербург: при Императорской Академии Наук, 1799, с. 111–118.

Хронограф: XIX

(1800–1899)

1801 *27 мая.* Непременный Совет – главный совещательный орган при императоре, созданный Александром I сразу после прихода к власти, на очередном заседании выразил озабоченность состоянием дел в Сибири и предложил направить туда *«особенного чиновника, который бы, при личном сего края обозрении, вошел во все подробности местного его положения... и, почерпнув на самых местах вернейшие сведения, представил бы по всем частям свои о нем примечания»*, в том числе и о «приличнейшем» для данного региона «образе управления», и о наиболее совершенном для него административно-территориальном делении.

1801 *9 июня* именным указом монарх поручил «личное Сибирского края обозрение» сенатору тайному советнику Ивану Осиповичу Селифонтову, в прошлом бывалому флотскому офицеру, участнику дальних плаваний и морских сражений, прошедшему путь от гардемарина до капитана-командора, в гражданской службе – соратнику Е. П. Кашкина, бывшему тобольскому вице-губернатору и даже несостоявшемуся иркутскому и колыванскому генерал-губернатору, так как вскоре после его назначения

оное наместничество было упразднено. Точная дата проезда И. О. Селифонтова через Каинск неизвестна, но о том, что он здесь побывал, свидетельствует описание города из его путевого журнала, в свое время в ксерокопии любезно предоставленное мне в порядке «шефской помощи» замечательным человеком, выдающимся ученым, внесшим весомый вклад в изучение истории сибирских городов Дмитрием Яковлевичем Резуном. Вот оно (насколько мне известно, публикуется впервые):

КАИНСКЪ упрощеннок и безуездной Сорахъ Состол
щекъ Старшой Олруге Стойтѣ Найлвомѣ берегу релы
Олкъ, Пече 95.° 30' Долготы Италъ 56.° 00' широты, каров-
номѣ Местоположеній; Построенъ 1722^г Села Найлв —
для Фашкиненя Обѣталащкѣ въ сѣхъ стране барабѣн
Цровъ Отѣ навѣговъ икрекшровъ иэюнкорцовѣ, танѣ
и Тотоку, Тшовѣ урядкѣ въ ономѣ Ямѣ, для отѣ
Правилнѣ Ящкнн; И называлса съ начала Пасомѣ,
и Потокомѣ Фартгостомѣ; а съ 1782^г урядкѣ уезд
ниже Сорахакѣ, а съ 1797^г уездъ сво Терхисскѣ итар
Слоку, съотдѣлнѣмѣ Иткурской Волосткѣ втотому
Олругу. Сорахъ сѣхъ Насынкѣ съ начала Ирестблнжн
и стокснаго Уезда, Иоторнѣ Итконнне Заглавнѣ
сѣнтатнѣннхъ Покостѣ. Должно. вкѣмъ Черновѣ наем
нае Ама. Назеннѣмѣ Строеній Нахадатца вкѣмъ, влннок
и сомяной Могачннн Тнктѣннѣмѣ Лановѣ 1. — Сорахъ 1.
късѣ Партнкулнрнѣ 145 градостннѣмѣ отѣ товоленс
Асѣлатѣ Сотѣ три Вѣстн.

«Каинск, упраздненной и безуездной город, состоящий в Тарской округе, стоит на левом берегу реки Оми под 95°30' долготы и под 56°00' широты, на ровном местоположении. Построен 1722-го года как для защищения обитающих в сей стране барабинцов от киргисцов и зюнгорцов, так и потому, чтобы учредить в оном ям, для отправления ямщины. И назывался сначала пасом, а потом фарпостом; а с 1782-го учрежден уездным городом, а с 1797-го уезд его причислен к Тарскому, с отделением Иткульской волости в Томскую округу. Город сей населен сначала крестьянами ис Томского уезда, которых и поныне за главных обитателей почесть должно. В нем церковь каменная одна. Казенных строений находяца в нем винной и соляной магазейны, питейных домов 1 в городе. Домов партикулярных 145. Расстоянием от Тобольска девятьсот три версты.»

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Далее – ПСЗРИ – 1. Т. XXVI – № 19910. Санкт-Петербург, 1830, с. 693–694; Русский биографический словарь. Т. XVIII. Санкт-Петербург, 1905, с. 292.

1802 Третья декада мая. По пути в Охотск Барабу проезжают два неразлучных друга, два лейтенанта флота Гавриил Иванович Давыдов и Николай Александрович Хвостов, будущие соратники легендарного Николая Петровича Резанова во время их совместного плаванья в Америку, капитаны тендеров «Юнона» и «Авось». Отважным морякам суждено было уже в наше время стать действующими лицами сверхпопулярного мюзикла. Их связывали настолько прочные дружеские отношения, что даже умерли они вместе, и не только в один день, но и в

один час, и даже в одно мгновение. Погибли нелепо, и не в дальних широтах, а в столице. 4 ноября 1809 года, возвращаясь поздней ночью с Васильевского острова, Г. И. Давыдов и Н. А. Хвостов подошли к мосту в момент его разведения и решили, отчаянные головы, прыгнуть с него на проходившую внизу барку, чтобы потом уже с нее взобраться на другой конец моста. Попытка не удалась: сорвавшись, упали в ледяную воду и выплыть не смогли, найдя вечный покой в дорогой их сердцам водной стихии. Тела их так и не нашли... Задумав книгу о их совместных с Н. А. Хвостовым путешествиях в Америку, Г. И. Давыдов успел написать и подготовить к печати только ее первую часть, где наши родные места изображены с явной симпатией.

«После Урала местоположение, — пишет он, — становится по большей части ровное, особливо по Барабинской степи, которая хотя называется сим именем, однако не есть собственно степь, но представляет всюду приятные перемены в видах, происходящие от множества березовых роц, рассеянных по всему пространству сей обширной равнины...

Вся Сибирь, особенно Барабинская степь, отменно изобилует дичью; ибо по оной чрезвычайно много озер и болот. Уток можно стрелять, не выходя даже из кибитки. Сверх сего там водятся гуси, журавли, лебеди, тетерева и иные роды птиц. Жители Барабинской степи шьют большие одеяла из кож, содранных с голов селезней, и продают их весьма дешево.

Избыточество и доброта трав на Барабинской степи делают то, что лошади тут скоро размножаются

и продаются весьма дешево; но неимение текучих вод производит частые скотские падежи, при отвращении коих жители могли бы весьма разбогатеть. От сей же, думаю, причины появляются иногда прилипчивые болезни и между людьми. На всем пространстве Барабинской степи протекает одна только река Омь, при коей лежит город Каинск, похожий более на деревню...».

☞ Русский биографический словарь. Т. VI. Санкт-Петербург, 1905, с. 539; это же издание. Т. XXI. Санкт-Петербург, 1905, с. 300; Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Часть первая. Санкт-Петербург, 1810, с. 11–13.

1802 30 июля высочайше подтвержден доклад правительствующего Сената «О свободном обращении медной монеты сибирского чекана во всех губерниях». Теперь экзотические для европейских россиян монеты с соболями могли свободно гулять по всей империи.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXVII – № 20351 с. 208.

1803 В начале года И. О. Селифонтовым завершена ревизия сибирского региона и представлены в министерство внутренних дел предложения по его административному переустройству, которое он предложил начать с разделения территории Тобольской губернии на две части и создания таким образом еще одной губернии. Необходимость этого Иван Осипович обосновал тем, что при сравнительной с европейскими губерниями малолюдности Тобольская гораздо обширнее по площади занимаемых земель, что создает большие неудобства в управлении ею, так как уездные города находятся в удаленности от губернского центра на расстоянии от двухсот пятидесяти до трех тысяч трехсот верст. Трудности испытывают все ветви власти: и гу-

бернская, и уездная, и волостная. Продолжительное промедление в принятии решений и мер по наиболее важным организационным и хозяйственным вопросам, в расследовании уголовных дел, в рассмотрении гражданских исков, прошений, ходатайств и жалоб населения наблюдается повсеместно и становится все более нетерпимым.

Все эти недостатки умножились, когда в 1797 году некоторые уезды были «уничтожены» и приписаны к другим. Вывод: Тобольскую губернию оставлять в нынешнем ее состоянии нельзя. Следует выделить из ее состава ту территорию, которая ранее составляла Томскую и Колыванскую области, и образовать из нее Томскую губернию с центром в городе Томске, состоящую из восьми уездов – Томского, Каинского, Кузнецкого, Красноярского, Бийского, Туруханского, Нарымского, Енисейского, а в уездах учредить комиссарства во главе со своими местными начальниками, которые для быстрого решения маловажных или безотлагательных дел были бы наделены полномочиями нижнего земского суда.

Предложенные нововведения получили высочайшее одобрение, и **29 марта** этого же года И. О. Селифонтов был назначен тобольским и иркутским генерал-губернатором, что по сути означало восстановление Сибирского генерал-губернаторства. А **23 мая** он получил от императора напутственный указ «Об образе управления сими губерниями», своеобразную инструкцию, очень пространную и подробную. Этим же указом определялись и его весьма широкие полномочия, в том числе и в кадровых вопросах. **2 декабря** им было отдано распоряжение о разделении уездов на комиссарства. Западная часть Каинского уезда стала

Спасским комиссарством, а восточная – Убинским, каждое под управлением земского частного комиссара.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXVII – № 20771, с. 627–631; № 208890, с. 826; Памятная книжка Томской губернии на 1871 год, с. 220–221.

1804 26 февраля. Еще один из наиболее памятных дней каинского календаря – день «воскрешения» штатного города Каинска, семь лет назад «уничтоженного» по неразумию властей предержавших, и день возвращения ему родного уезда, что стало возможным благодаря протекции Ивана Осиповича Селифонтова и именному указу «О разделении Тобольской губернии на две части и об учреждении Томской губернии». *«На основании сего деления, – говорилось в указе, – восстановить в Тобольской губернии заштатный город Омск, а в Томской города Каинск и Бийск в то положение, в коем до 1797 года они были, открыть в них уездные присутственные места...»*. С этой доброй перемены и начался для каинцев новый век.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXVIII – № 21183, с. 157–158.

1804 29 февраля. Прекрасное совпадение: спустя три дня после принятия указа в Каинске произошло еще одно радостное событие – в Спасском соборе состоялось освящение придела во имя святителя и чудотворца Николая, после чего в нем началось богослужение. Возведение основного здания храма «за скудостью средств» завершилось только в 1828 году, в этом же году на собранные пожертвования началось строительство еще одного придела – во имя покрова пресвятой Богородицы, законченное в 1836 год. Сооружению собора, отмечает А. Я. Якимовский, большое содействие оказали «братья из духовного

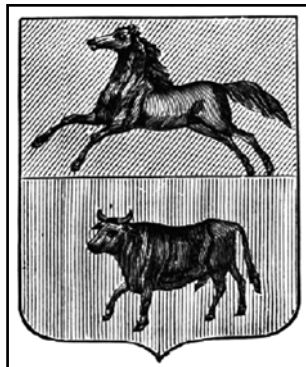
и купеческого звания» Лашковы, которые вложили в это богоугодное дело огромную по тем временам сумму – пятнадцать тысяч рублей ассигнациями. Он же дает оценку ее внутреннему убранству: «Иконостас в самой церкви сделан со вкусом, иконы живописи довольно хорошей, равно ризница и церковная утварь хорошие».

✎ Якимовский А. Я. Краткое статистическое описание Западной Сибири Томского окружного города Каинска за 1842 год, 68 с. (отгиск с рукописной копии, орфография современная, архив автора).

☞ Карта Каинского уезда с разделением его на Спасское и Убинское комиссарства и статистическими данными на год ее издания (площадь уезда около ста тысяч квадратных верст, два комиссарства, девять крестьянских волостей, семь ясацких, 17 почтовых станций; платящих подать государственных крестьян 11964, ящиков 360, ясацких 2176, духовенства и прочих сословий 814, всего мужского пола 15514 душ).

1804 20 марта высочайше утверждены гербы городов Томской губернии, в имевшиеся ранее внесены некоторые изменения. Общее для всех уездных городов – присутствие в верхней части щита герба губернского города Томска вместо Тобольска (на зеленом поле белая лошадь, бегущая в правую сторону). Герб Каинска: «в щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине находится герб губернского города Томска; а в нижней в красном поле золотой бык, идущий в правую сторону». Мотивация замены прежнего зеленого поля, совпадающего по цвету с полем томского герба, красным непонятна и применительно к изображенному животному не совсем уместна. По каким геральдическим канонам это сделано, нигде не разъяснено.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXVIII – № 21219, с. 220–219.

1804 6 августа. В этот день состоялось торжественное открытие Томской губернии. Первым ее губернатором был назначен действительный статский советник Василий Семенович Хвостов, тот самый, уже упоминавшийся ранее в связи с его отрицательным отзывом о Е. П. Кашкине. Открытие, о котором накануне были оповещены все томичи, проходило согласно церемониалу, составленному им лично. Оно началось со сбора всех назначенных чиновников в губернаторском доме, откуда они в соответствии с персонально расписанным порядком шествия отправились в Богоявленскую церковь. После божествен-

ной литургии губернским прокурором был оглашен императорский указ об учреждении Томской губернии и состоялся благодарственный молебен. Завершилось присутствие в храме всеобщим принятием присяги.

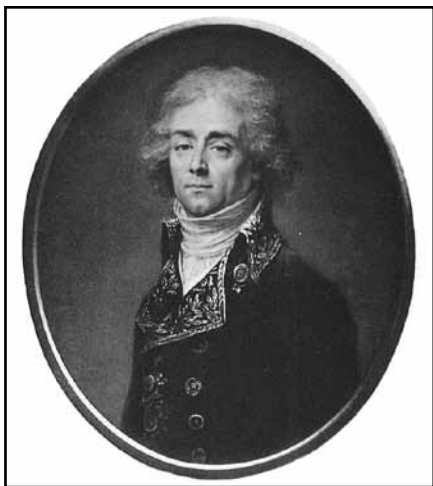
После этого губернатор и его советники, а также представители духовенства поочередно сопровождали чиновников к их присутственным местам, где те после окропления помещений святой водой и ознакомления со своими служебными обязанностями могли приступить к их исполнению. Посвященные этому событию торжества длились три дня с чередой праздничных застолий и массовых гуляний. Все эти дни город был украшен иллюминацией. Позднее подобные мероприятия, но в более скромном формате с участием представителей губернского правления прошли во всех уездных центрах, в том числе и в Каинске.

☞ Памятная книжка Томской губернии на 1871 год, с. 222–224.

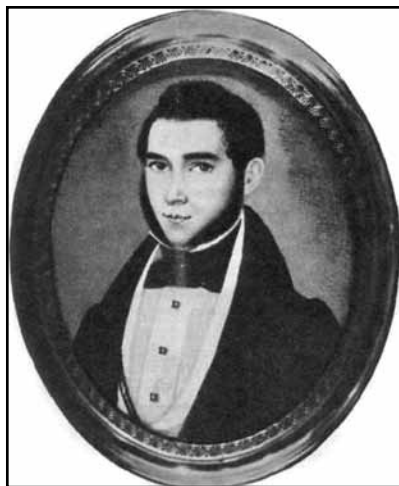
1804 В Каинске в этом же году после открытия присутственных мест учреждена городская ратуша, помещавшаяся вместе со словесным и сиротским судами в общественном деревянном двухэтажном доме в северной части города у реки на улице Гостинодворской.

☞ Якимовский А. Я. Указ. соч.

1805 *В середине августа* через Каинский уезд проезжает отдельными партиями новое посольство в Пекин общей численностью около двух тысяч человек во главе с чрезвычайным посланником графом Юрием Александровичем Головкиным, которому поручено провести переговоры по широкому кругу вопросов, касающихся создания

Юрий Александрович Головкин

Филипп Филиппович Вигель

более благоприятных условий для русской торговли в Китае. Цели своей дипломатической миссии не достигла, во встрече с богдыханом и его высшими чиновниками было отказано, и пришлось возвращаться несолоно хлебавши и уже без всякой помпезности.

Единственным результатом этой провальной дорогостоящей акции можно считать лишь отставку сибирского генерал-губернатора. Имея деликатное поручение Александра I проверить достоверность полученных им сведений о якобы ненадлежащем исполнении И. О. Селифоновым своих должностных обязанностей, превышении полномочий и потворстве взяточничеству и казнокрадству близкого окружения, Ю. А. Головкин с помощью оппозиционно настроенных местных чиновников подготовил такой доклад, что разгневанный государь без промедления сверг Ивана Осиповича как не оправдавшего

монаршего доверия с властных высот на грешную землю с запретом появляться в обеих столицах. Но не только этим головкинское посольство отметилось в Сибири. Один из его сотрудников, тогда еще девятнадцатилетний юноша, а позднее сподобившийся самых высоких чинов и должностей и получивший известность как мемуарист Филипп Филиппович Вигель в своих «Записках» такими черными красками изобразил Барабу и Каинск, что сочинить что-нибудь более пасквильное уже и невозможно...

Чтение малоприятное, но текст, стилем напоминающий популярные в то время готические романы с их мрачными сюжетами, по-своему интересен, так что знакомство с ним будет небесполезным. Итак, наша родная местность, которая нам дорога во всяком виде в любую погоду и во все времена года, глазами столичного паркетного шаркуна и, как это засвидетельствовано эпиграммой знакомого с ним А. С. Пушкина, представителя нетрадиционной сексуальной ориентации:

«Надобно сказать правду, что места, чрез кои мы проезжали, совсем не были привлекательны красотою, что в избах тараканы хозяйничали и жили в совершенном согласии с людьми и, наконец, что все это было лишь приготовлением к величайшим неприятностям путешествия и к воззрению на настоящее безобразие природы. Мы приближались к Барабинской степи. Не знаю, можно ли дать название степи величайшему из болот земного шара?..

...Станция Резина есть последняя в Тобольской губернии, а последующая Мурашова первая в новоучрежденной тогда Томской. Станция сия почитается началом нестерпимой Барабинской степи, но еще прежде нее

почувствовали мы влияние дурного воздуха. Каково нам было слышать, что все видимое и обоняемое нами одно только вступление в сии печальные места.

Скоро мы прибыли в столицу Барабы посад Каинск, упраздненный было и только за год до нас опять уездный город. Около него заметил я лесочки, наполненные одними осиновыми деревьями; сие заставило меня думать, что название Каинска дано в честь Каина, который за первое братоубийство осужден был трястись, как осинный лист (весьма странный вывод, и если название дано, то кем? – **авт.**). И в нем были жители, был городничий, были присутственные места и даже недостроенная каменная церковь, в приделе которой совершалось богослужение. Нас не обманули, сказав, что предыдущее ничто в сравнении с тем, что нас ожидает за Каинском.

По дороге были устроены гати из хворостины и тростника; наполняясь клейкой грязью, в сухое время представляли они гладкую и твердую поверхность, по которой скакать было легко: и этого утешения судьба не оставила нам. В минуту нашего выезда из Каинска пошел частый и мелкий дождик и продолжался непрерывно. К несчастью, был он довольно теплый и служил так сказать раствором всему ядовитому, сокрытому между мхов, один над другим целыми поколениями поросших, из коих составляет тут грунт земли. Что за отвратительный запах мы почувствовали! Как сгустилась атмосфера, которая в этом состоянии порождает обыкновенно болезнь, столь известную под именем сибирской язвы: пока мы ехали, несколько людей успели уже ею заразиться. Описать же самую дорогу невозможно...

Почти не подвигаясь, плыли мы по смраднему морю, выбивались из сей пучины зол. Как жалко было смотреть на лошадей! Бедная твари тщетно рвались чтобы поскакать, кнута было не нужно, их подстрекали тысячи живых иголок. Почуя сырость, сибирские насекомые, гиганты в сравнении с нашими, поднялись все из щелей, в которых прятались от солнечного света и зноя. Одни скоты оставались им в жертву; люди же были одеты и замаскированы; у каждого из нас, не исключая ямщиков, на голове была сетка из лошадиной гривы, сквозь которую трудно было пролезть толстым комарам и мошкам: случалось однако же, что найдя скважину в перчатке, они запускают чрез нее свое жало и тогда на несколько часов пухнет рука. На ночлегах вокруг изб и внутри их защищались мы от сих злодеев беспрестанным куревом.

...Кто бы добровольно пожелал остаться в Барабе? Конечно, правительство поступало справедливо, заселяя ее людьми, ссылаемыми за преступления. Но чем же виноваты их несчастные потомки?... Как эти бедные жители малорослы, худощавы, какая синеватая бледность покрывает их лица! Жилища их однако же не так дурны, как бы можно ожидать в местах совершенно безлесных у людей, которые ни пастыри, ни хлебопашцы, ибо у них нет ни лугов, ни полей, годных для засева (утверждение абсолютно неверное, явный авторский домысел по причине полной неосведомленности – *авт.*). ...Страдания наши наконец прекратились; топи, туманы, дожди, непогодь, все исчезло вместе с Барабой. Мы благополучно достигли до Чаусского острога...».

Не пощадил Барабу Ф. Ф. Вигель и на обратном пути в январе 1806 года, одарив вот таким жутковатым некрофилическим сравнением: *«Как трупы некоторых людей в гробу бывают лучше, чем живые, когда исчезают безобразившие их угри и волдыри, так и Бараба понравилась мне одетая в белую ризу, особенно же когда в холодную, ясную, но тихую ночь, катился я во весь дух по гладкой ее равнине, которую луна всю осыпала серебряными блестками. В Каинске, в Каиновом городке, как называл я его, пришлось мне в голову сделать лишних триста верст, чтобы не выезжать из Сибири, не увидев главного, древнейшего ее города, Тобольска...»*.

В дальнейшем обязуюсь компенсировать тягостное впечатление от пейзажей кисти Ф. Ф. Вигеля живописью полноцветной и радостной, где наша родная Бараба предстанет совершенно в ином свете.

☞ **Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Часть вторая. Москва, 1892, с. 154–155, 193.**

1806 Сибирским генерал-губернатором по личному выбору императора назначен тайный советник Иван Борисович Пестель, пожалуй, самая одиозная фигура среди высших правителей края, бывших и будущих, папенька одного из лидеров декабристского движения П. И. Пестеля, отличавшийся, по отзыву историка, «крайним себялюбием, страстью к произволу и неумолимой мстительностью».

Парадоксально, но факт, что, побывав в Сибири всего один раз сразу после назначения, он все последующие годы осуществлял управление ею из Санкт-Петербурга через своего облеченного полным доверием ставлен-

Иван Борисович Пестель

Николай Иванович Трескин

ника, во многом подобного ему самому – иркутского губернатора Николая Ивановича Трескина, и при этом умудрился продержаться в сей должности четырнадцать лет, заняв второе место по продолжительности пребывания в ней, уступив первенство лишь Д. И. Чичерину. Краткое и в то же время исчерпывающее определение пестелевскому правлению дал Всеволод Иванович Вагин, оно, по его словам, «представляло поразительный пример самых вопиющих беспорядков и злоупотреблений, приведенных в систему» и выявленных потом ревизией М. М. Сперанского.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882. Иркутск, 1883, с. 224–225; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Санкт-Петербург, 1892, с. 477–486; Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Том первый. Санкт-Петербург, 1872, с. 6–11.

1806 Открытие в Каинске больницы Приказа общественного призрения на тридцать коек, которое положило начало становлению и последующему развитию городского здравоохранения.

☞ Памятная книжка Томской губернии 1885 года, с. 136.

1807 В порубежном Каинском уезде работает специальная комиссия по уточнению границы между Тобольской губернией и выделившейся из нее Томской в составе землемеров обеих губерний.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXVI – № 20004, с. 775–778.

1808 По типовому проекту 1803 года в Каинске завершено строительство деревянного тюремного комплекса, состоявшего из высокой острожной стены, находившихся за ней одноэтажного главного корпуса с отдельным содержанием арестантов мужского и женского пола, кухни, а также располагавшихся снаружи общего караульного помещения и будок для охранников. Прослужил он недолго, уже в конце двадцатых годов в служебной переписке отмечалось, что «Каинский острог пришел в ветхость и надлежит сделать тому острогу освидетельствование и поправку». Известно, что организацией ремонтных работ в начале тридцатых занимался сам каинский окружной начальник, будущий «томский герцог» Философ Александрович Горохов, а освидетельствованием «поправки» – томский губернский архитектор Андрей Акимович Коробицын. Он же составил смету на постройку новой этапно-пересыльной тюрьмы, так как на долговечность отреставрированного комплекса надежды, видимо, было мало.

☞ Ляликов И. В. К истории строительства и бытования пенитенциарных заведений в малых городах Томской губернии в XIX–начале XX вв. // Омские социально-гуманитарные чтения. Омск, 2013, с. 187–192.

1810 В Каинске учреждена ежегодная ярмарка (Михайловская), проводившаяся с 8 по 16 ноября, но большого развития она в первые десятилетия своего существования не получила, имея или крайне незначительные торговые обороты, или вообще никаких по причине отсутствия съезда покупателей и торговцев. Даже в 1831 году в отчете губернатора все еще отмечалось, что на Каинской ярмарке *«съезда иногородних людей с товарами и другими предметами не бывает и никакого на оной торга, покупки и продажи не производится...»*. Положение изменится к лучшему лишь во второй половине века.

☞ Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001, с. 54.

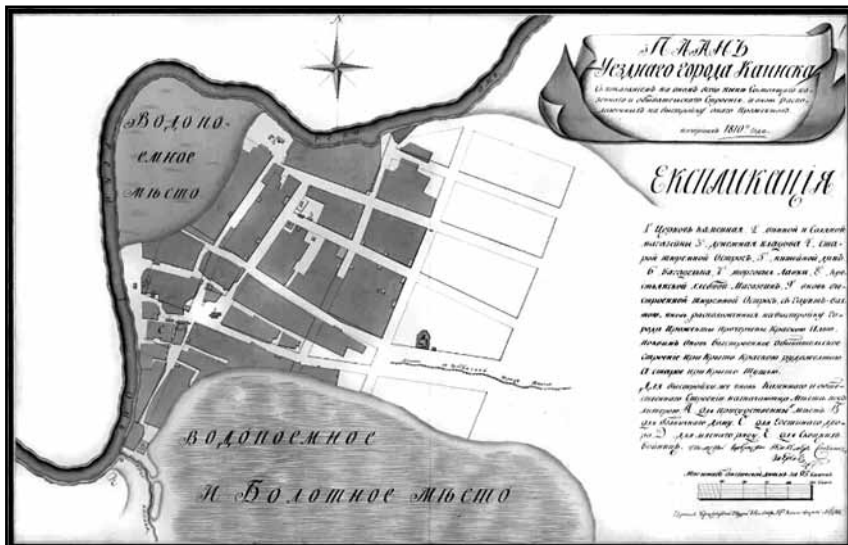
1810 Август. Через Барабу и Каинск походной колонной проследовал Томский пехотный полк, квартировавший в Колывани и получивший приказ о срочной передислокации в Европейскую Россию в связи с начавшимися в Европе войнами с наполеоновской Францией. В 1812 году воины-сибиряки покрыли себя неуязвимой славой, участвуя в сражениях при Смоленске и Бородине. В последнем они защищали батарею генерал-лейтенанта Николая Николаевича Раевского, находясь непосредственно на ней, противостоя вчетверо превосходящим их численностью силам противника. В жесточайшей рукопашной схватке погибли и были ранены более половины солдат и офицеров полка. При оставлении Москвы томичи одними из последних по-

кинули столицу, прикрывая отход русской армии, а затем во время ее наступления активно участвовали в изгнании оккупантов и добивании остатков «великой» армии.

✉ Яковенко А. В., elib.tomsk.ru.

1810 Уездным землемером XIV класса Василием Лебедевым выполнен план города Каинска, самый первый в его истории.

✉ Гуменюк А. Н., Ляликов И. В. Зодчие малых городов Западной Сибири XVIII – начала XX вв. // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129), с. 230.

1814 Во время служебной поездки по подведомственной ему территории (вся Сибирь, Пермская и Оренбургская губернии) в Каинске побывал управляющий директор X округа путей сообщения полковник Филипп Филиппович Риддер, прославившийся ранее открытием богатейше-

го полиметаллического месторождения на Алтае. Рудник, занимавшийся его разработкой, даже получил название Риддерского. В его путевом журнале среди кратких описаний населенных пунктов, через которые ему довелось проезжать, несколько строк уделено и Каинску. И очень жаль, что в крохотном тексте есть три существенных неточности. Какие именно – намеренно умолчу, предоставив возможность читателям, используя ту информацию, которую они почерпнули из прочитанного в этой книге ранее, найти их самим. Вот текст для анализа:

«Город Каинск уездный Томской губернии по Большому Сибирскому тракту. Построен в 1712 году. Сначала назывался слободою, потом по открытии бывшей Колыванской губернии наименован городом, по упразднении же той губернии причислен он в Томскую. Стоит на реке Оме при впадающей во оную речке Каинке.

Строения во оном: церковь каменная; деревяннаго: денежная кладовая, винные и соляные магазины, градская ратуша и обывательских домов до 200. В нем жителей до 450 душ.»

☞ Путевой журнал с подробным описанием всех мест, которые обозрел полковник Риддер по X округу в 1814 году, копия фрагмента, архив автора.

1816 4 сентября. Издан именной указ «Об учреждении внутренней стражи в сибирских губерниях», согласно которому в уездных городах Тобольской и Томской губерний, в том числе и в Каинске, надлежало учредить «служащие инвалидные команды», предоставив «удобность к поселению и продовольствию оных».

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXXIII – № 26426, с. 1013–1017; № 26453, с. 1049–1050.

1816 В этом году отмечено наличие в Каинске первой западносибирской еврейской общины в количестве около ста человек, проживавших в двадцати трех домах. Появление ее связывают с массовой ссылкой всего населения одного южнороссийского местечка – злостных контрабандистов.

☞ Шиловский М. В. Торгово-предпринимательский мир г. Каинска в XVIII – начале XX вв. // Тезисы региональной научно-практической конференции... Куйбышев, 2012, с. 4.

1818 24 октября. Небеса слышали стоны и мольбы сибиряков. А провозвестником их воли стал министр внутренних дел Осип Петрович Козодавлев, который на заседании Комитета министров при докладе об одном из сибирских дел, дал свою крайне критическую оценку и положению в Сибири в целом, назвав главной причиной всех ее бедствий ничем не ограниченное самовластие назначаемых туда правителей. Предложив ряд мер по замене провинциального абсолютизма коллегиальными формами управления, он заявил, что прежде и важнее всего – немедленно сменить И. Б. Пестеля и после ревизии его деятельности назначить нового генерал-губернатора, который бы обретался в самой гуще сибирских будней, а

☞ Михаил Михайлович Сперанский

не взирал на вверенный его попечению край с берегов Невы.

Мнение О. П. Козодавлева получило полную поддержку коллег и было доведено до высочайшего сведения, немало озадачив самодержца выбором кандидатуры. По длительном (дабы в очередной раз не ошибиться) размышлении Александр Павлович пришел к выводу, что, пожалуй, лишь один человек способен навести порядок в этой злосчастной Сибири, не поддавшись при этом соблазнам корыстолюбия и тирании, – все еще опальный Михаил Михайлович Сперанский. Весть об этом, по словам историка, стала «громовым ударом» для вчерашнего всесильного сатрапа и его клеветов, повергла в ужас и уныние всех чиновных мздоимцев и казнокрадов, всех народных притеснителей и обидчиков, но не порадовала она и самого М. М. Сперанского, жившего надеждой поскорее вернуться в столицу, в привычную среду обитания и общения. Свое новое назначение он воспринял как продолжение пензенской ссылки, куда в свое время, впад в немилость, был сослан на губернаторство. Но высказывать недовольство, а тем более противиться монаршей воле было бы слишком рискованно, оставалось одно: с благодарностью подчиниться.

☞ Вагин В. И. Указ. соч., с. 40–41.

1819 Начало июля. Свою поездку в Сибирь М. М. Сперанский назвал «путешествием», началось оно 22 мая с вечернего приезда в Тюмень. Интересная деталь: при встрече местные купцы преподнесли новому генерал-губернатору хлеб-соль на серебряном блюде. Хлеб и соль

были приняты, а блюдо возвращено. Через два дня тоже вечером он прибыл в Тобольск, где в течение месяца ревизовал местные дела, отметив в итоге, что выявленные здесь «жалобы и злоупотребления почти обыкновенные и всем губерниям общие».

Гораздо хуже обстояли дела в Томской губернии. Уже вскоре после въезда Михаила Михайловича в ее пределы, в селе Вознесенском Каинского уезда начались, пишет он, *«горькие жалобы крестьян на земские притеснения»*, а персонально – на каинского исправника коллежского асессора Гавриила Алексеевича Зинова и спасского комиссара коллежского секретаря Федора Степановича Рожкина, обвинявшихся в постоянных поборах и препятствовавших с целью получения мзды одному из главных промыслов местных жителей, запрещая им сплав в Омск заготовленного в урмане красного леса, которого по Тартасу в Омь ежегодно сплавливалось до тридцати тысяч бревен. Меры последовали незамедлительные: оба вымогателя, Г. А. Зинов и Ф. С. Рожкин, были отрешены от должностей, деньги с них взысканы полностью и возвращены заявителям, сельчанам дано разрешение на свободный лесосплав.

Но каинская преамбула была пустяком перед тем, что открылось взыскующему взору ревизора в Томске. *«Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие...»*. Очистительная миссия М. М. Сперанского продолжалась два года. Общий итог таков: под суд были отданы два губернатора, иркутский и томский, Н. И. Трескин и Д. В. Илличевский, и еще 48 чиновников. 681 человеку

были предъявлены обвинения в причастности к разного рода противозаконным действиям и наложены различной степени тяжести взыскания от выговоров до крупных денежных начетов и вплоть до изгнания с государственной службы. Но большинство из них так и осталось восседать в присутственных местах, так как заменить-то их было некем, а кое-кто из уволенных после отъезда Михаила Михайловича снова вернулся во власть и даже на должность более высокую, чем прежде. Например, упоминавшийся выше спасский комиссар-взяточник Ф. С. Рожкин значится в адрес-календаре 1823 года уже каинским исправником и членом окружного совета...

☞ Вагин В. И. Указ. соч., с. 45–46, 125; В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. Санкт-Петербург, 1872, с. 26–29.

1821 3 июля. Учреждена должность визитатора для постоянного осмотра училищ в сибирских губерниях, на нее назначен первый сибирский историк, будущий автор «Исторического обозрения Сибири», однокашник М. М. Сперанского по Александро-Невской семинарии Петр Андреевич Словцов. Ему предстояло сыграть роковую роль в судьбе основателя Каинского уездного училища Дениса Ивановича Чудинова, которого он после проверки отстранил от должностей штатного смотрителя и учителя с запретом служить на ниве народного просвещения.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXXVII – № 28674, с. 763.

1821 28 июля. Для рассмотрения отчета, представленного сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским по обозрению сибирских губерний, высочайше утвержден особый комитет, получивший затем название Сибирского,

полномочия высшего государственного органа по управлению Сибирью и действовавшего до 1838 года.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXXVII – № 28706, с. 790.

1822 26 января. На основании предложений М. М. Сперанского об изменении административно-территориального деления Сибири, издан именной указ «О разделении сибирских губерний на Западное и Восточное Управления». Томская губерния в составе Барнаульского, Каинского, Колыванского, Кузнецкого и Чарышского (с 1827 года – Бийского) округов (Енисейский, Красноярский и Туруханский отошли к вновь образованной Енисейской губернии) была отнесена к Западному Управлению с подчинением находящемуся в Тобольске генерал-губернатору. Причем Томск лишился статуса губернского центра, таковым стал город Колывань.

☞ ПСЗРИ – 1. Т. XXXVIII – № 28892, с. 37–38.

1822 22 июля. При именном указе сенату «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению» издано особое «Учреждение для управления сибирских губерний», дополненное следующими уставами и положениями: «Уставом об управлении инородцев», «Уставом о сибирских киргизах», «Уставом о ссыльных», «Уставом об этапах в сибирских губерниях», «Уставом о содержании сухопутных сообщений в Сибири», «Уставом о сибирских городских казаках», «Положением о земских повинностях в сибирских губерниях», «Положением о казенных хлебных запасных магазинах», «Положением о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий».

⇒ ПСЗРИ – 1. Т. XXXVIII – №№ 29124, 29125, 29126, 29127, 29128, 29129, 29130, 29131, 29132, 29133, 29134, с. 342–565.

1823 1 января. В Тобольске открыт совет главного управления Западной Сибири, а на следующий день – губернское правление.

⇒ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 274.

1823 14 июня именным указом отменено ранее принятое решение о назначении губернским городом Томской губернии Чаусского острога, переименованного в город Колывань, признано более удобным оставить губернское управление в Томске.

⇒ ПСЗРИ – 1. Т. XXXVIII – № 29509, с. 1038.

1824 При новом распределении губерний по учебным округам Томская оставлена в ведении Казанского, вместе с Иркутской и Тобольской.

⇒ ПСЗРИ – 1. Т. XXXIX – № 30102, с. 577.

1824 Перенос генерал-губернатором Петром Михайловичем Капцевичем главного управления Западной Сибири из прежнего административного центра – Тобольска, в Омск как в место более центральное для управления краем.

⇒ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 276.

1824 Высочайше утверждено расписание сибирских этапов, в том числе девяти по Каинскому уезду, от Мурашевой до Крутых Логов.

⇒ ПСЗРИ – 1. Т. XXXIX – № 29820, с. 185–186.

1826 13 июля. Сенатом объявлен указ нового государя Николая Павловича «О государственных преступниках,

осужденных к разным казням и наказаниям», ставший подорожной на каторгу и ссылку в Сибирь для большинства из них. И все, кто ехал на восток, не могли миновать Каинск. Об этом – отдельный рассказ.

☞ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1649–1825). Далее – ПСЗРИ – 2. Т. I. – № 464, с. 753–774.

1826 Конец декабря. В составе каравана с пятисотпудовым грузом златосодержащего серебра через Барабу и Каинск из Барнаула в Санкт-Петербург вместе с собранными им коллекциями возвращается из алтайской экспедиции известный немецкий ученый-ботаник и путешественник академик Карл Христиан Фридрих фон Ледебур, находившийся в это время на русской службе.

«...Весь путь от Барнаула до Екатеринбурга, – писал он в выпущенном позднее описании своих странствий, – пролегает по степи. В Барабе, от Оби до окрестностей Каинска, преимущественно идет чернолесье; остальная же степь в основном безлесна. Кое-где на открытой степи лежало так мало снега, что было трудно передвигаться на санях, в то же время в других местах нанесло огромные сугробы. Здесь часто случаются сильные бураны, и климат, по-видимому, очень суровый. ...Мы в пути также неоднократно попадали в метель, хотя собственно бурана, к счастью, избежали».

☞ Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Сибирская издательская фирма «Наука». Новосибирск, 1993, 414 с.

**«Общий нам всем,
отправленным в Сибирь,
благодетель...»**

Утром о ночном происшествии доложили императору. Александр Павлович, обладавший, по воспоминаниям современников, мягким и даже склонным к сентиментальности характером, на сей раз пришел в крайнее негодование и пообещал, что виновный в столь вопиющем самоуправстве, какого в Зимнем дворце доселе еще не случалось, понесет ответственность по всей строгости Уложения о воинских наказаниях и, поплатившись за это чином и званием, будет разжалован в солдаты с последующей отправкой в один из самых дальних сибирских гарнизонов. В первую очередь он уведомил об этом генерал-инспектора по инженерной части, своего августейшего брата, великого князя Николая Павловича, под началом которого и служил так разгневавшийся монарха офицер.

А тот, над кем вот-вот должна была разразиться гроза, ни о чем не ведая, после суточного дежурства в цитадели российского самодержавия безмятежно почивал у себя на съемной квартире... Командир гвардейского корпуса генерал от кавалерии князь Илларион Васильевич Васильчиков, к которому поручик лейб-гвардии коннопионерного* эскадрона М. И. Пущин явился по срочному вызову, отнесся к рассказанному им с пониманием и даже

* **Конные пионеры** – инженерные войска конного строя, шедшие впереди основных частей и предназначавшиеся для устройства переправ, снабженные для этого понтонными парками.

некоторым сочувствием, от молний и громов воздержался, по-отечески, но крепко пожурил («порядочно пудрил») его за содеянное, наказав впредь таких вольностей не допускать, так как за них можно поплатиться гораздо дороже, чем на сей раз. А затем объявил, что он должен незамедлительно явиться к коменданту и доложить тому, что по высочайшему повелению подлежит аресту и трехдневному пребыванию на гауптвахте.

Вздохнув с облегчением, Михаил Иванович вышел из командирского кабинета, но явку для отбытия наказания пришлось на время отложить, так как в приемной ему передали приказ великого князя зайти к нему, в Аничков дворец, резиденцию наследников престола. Радости побавилось: видимо, предстоял еще один разнос, но куда изощреннее предыдущего, в чем-чем, а в этом равных его высочеству надо было поискать. Великокняжескую чету он застал завтракающей и был приглашен к столу. К его удивлению Николай Павлович был спокоен, даже доброжелателен и не выказывал никаких признаков раздражения. «А поведай-ка нам, братец, о своем подвиге, – с легким подобием улыбки на лице сказал он, – от государя я о нем уже слышал, теперь не мешало бы узнать все из первых уст». Ирония этой просьбы была очевидной, и М. И. Пущин постарался изложить историю ночного переполоха как можно комичней. И это ему удалось, так как своим рассказом он немало позабавил супругов, не раз смеявшихся от души...

...А случилось вот что. Будучи во внутреннем карауле Зимнего дворца, М. И. Пущин, завершив развод подчиненных на посты, решил в высвободившееся время

взяться за наведение порядка в служебных документах, а заодно, выполняя поручение великого князя, продолжить работу над проектом устава конных пионеров. Обеспечивать вечернее освещение дворцовых помещений входило в обязанности располагавшегося неподалеку истопника, к нему и послал Михаил Иванович унтер-офицера с требованием немедленно заменить чадящую и тусклую сальную свечу на восковую. И отчетливо услышал хамский ответ лакея, явно уверенного в своей безнаказанности: «Невелика фря* твой офицер, посидит и при сальной свечке». Стерпеть такое да еще в присутствии подчиненных М. И. Пущин не мог. Можно было бы, конечно, обойтись вразумляющей зуботычиной, но возмущение оскорбительной выходкой холопствующего ничтожества было столь велико, что унтер-офицеру было дано еще одно поручение: наглеца вытащили из его обиталища и несмотря на исторгаемые им вопли и угрозы отсчитали несколько полновесных фухтелей.**

Негодяй побежал жаловаться. А потом стали один за другим появляться по возрастающей иерархии его заступники. Сначала – дежурный гоф-фурьер, в оскорбительной форме начавший отчитывать караульных, за что

* **Фря** (из нем. *Frau*) – просторечное порицающее и бранное слово, особенно популярное в XIX веке, так пренебрежительно говорили о тех, кто старался изобразить из себя важную персону, не имея на то оснований.

** **Фухтель** (нем. *Fuchtel*) – плоская сторона клинка любого холодного оружия. Слово это обозначало также и дисциплинарное телесное наказание – удар по спине плашмя обнаженным клинком шпаги, сабли, тесака или палаша. Оно могло быть назначено военачальником, имевшим такое право, и чаще всего применялось в кавалерийских войсках.

и был по знаку командира выдворен ими посредством ружейных прикладов. Затем – гофмаршал, который вел себя деликатней, грубить не стал, но высказал порицание и пригрозил строжайшим взысканием. И завершил это шествие очень недовольный тем, что его потревожили, сам комендант Зимнего дворца; генерал с полусонным видом выслушал эмоциональный рапорт М. И. Пущина, недолго помолчал как бы размышляя над услышанным и степенно удалился, не промолвив ни слова...

«А ведь мне стоило немало труда, – уже с холодноватой серьезностью сказал Николай Павлович, – чтобы убедить его величество заменить гауптвахтой свое первоначальное решение разжаловать тебя в солдаты. Мне хорошо известно, что дворцовая прислуга изрядно распущена и мерзавцев там хватает. Ты, может быть, и правильно сделал, что их проучил, но тем не менее такое

Великий князь Николай Павлович

Император Николай I

самоуправство и в таком месте недопустимо. Возблагодари государя за оказанную милость и отправляйся на отсидку». К коменданту он летел как на крыльях: хвала Всевышнему – обошлось. А кого еще благодарить – тоже понятно: конечно же, его высочество...

На Арсенальной гауптвахте компанию ему составил разжалованный в солдаты и томившийся в ожидании отправки к месту службы Р. И. Дорохов*, с которым судьба через несколько лет сведет его еще раз при обстоятельствах безрадостных для них обоих. Его визави прославился в самых широких столичных кругах своей скандальной выходкой в театре. Вернувшись из антракта, он увидел свое нумерованное кресло занятым. Усевшийся в него некий статский советник категорическое требование немедленно освободить место попытался оспорить и жестоко за это поплатился. Не терпевший и малейшего противоречия Дорохов, вскочив ему на спину, по-кавалерийски оседлал своего оппонента и, понукая шлепками по лысине, даже проехал на нем несколько метров в свободном пространстве между рядами. А поскольку все это произошло в высочайшем присутствии кого-то из представителей правящей династии, за сей эксцесс виновнику было воздано полной мерой, и заступников у него, увы, не нашлось...

Военная карьера двадцатипятилетнего командира лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона М. И. Пущи-

* **Дорохов Руфин Иванович** – отважный офицер, но при этом известный дебошир и дуэлянт, в связи с чем был неоднократно разжалован в солдаты. Послужил прототипом Долохова в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого.

на складывалась удачно. Выпускник первого кадетского корпуса, он в 1816 году начал службу прапорщиком в саперном батальоне, затем в 1819 году был переведен в конные пионеры и дважды в этом же году повышен в звании, 17 января стал подпоручиком, а 22 декабря – поручиком. Инициатор создания и шеф этого нового рода войск, великий князь Николай Павлович благоволил М. И. Пущину, ценя его как очень толкового и энергичного офицера, обладавшего незаурядными организаторскими способностями, постоянно пополнявшего запас специальных знаний и умело применявшего их на практике, как бы доказывая делом, что молодость профессионализму – не помеха. Да и сам его императорское высочество ненадолго опережал своего подчиненного в возрасте, будучи старше всего на четыре года. Он так и не успеет достичь тридцатилетия, когда на его долю выпадет суровое испытание мятежом и властью. А пока он был очень увлечен совершенствованием своего детища и доволен таким надежным и деятельным помощником, как М. И. Пущин, который 26 декабря 1822 года был произведен в штабс-капитаны, а 3 августа 1824 года – «по высочайшему повелению» досрочно в капитаны (как отмечено в формулярном списке «за отличие»).

О том, как это произошло, стоит рассказать подробнее... После выхода дивизиона в летние лагеря Николай Павлович попросил Пущина уделить особое внимание наведению мостов, дав ему достаточное время на отработку этой операции личным составом. Практикуясь в установке переправ по несколько раз в день, пионеры достигли, наконец, такой сноровки, что вместо преж-

них часа и более управлялись теперь всего за четверть часа. Продемонстрировали свое искусство, порадовав его тем же рекордным результатом, и великому князю, который назначил день смотра и пригласил на него самого государя... Александр Павлович, с хронометром в руке наблюдая за происходящим, построил маневр так, что весь атакующий корпус должен был переправиться через реку по мосту, наведенному как бы во время сражения пушинскими молодцами. И те превзошли самих себя: переправа была готова через одиннадцать минут. Император был очень доволен и поблагодарил Николая Павловича, который, в свою очередь, будучи в восхищении увиденным, даже расцеловал сотворившего это чудо штабс-капитана. *«...Государь высочайшим приказом, – вспоминал Михаил Иванович, – в тот же день, 5 июля, объявил мне высочайшее благоволение и по оконча-*

чании маневров в августе произвел в капитаны за отличие»...

...Перетасовав колоду, гадалка неторопливо выложила на стол несколько карт и, всмотревшись в них, удивленно сказала: «Странно, но карты говорят, что вас совсем скоро ждет перемена по службе, однако не та, которую вы предполагаете, а совсем другая. И она вряд ли вас

☞ Шарлотта Кирхгоф

обрадует: вы будете солдатом». Потом, повторив манипуляцию с картами, как бы в утешенье добавила, что не нужно особо тревожиться, так как, будучи рядовым, он прославится, а потом всегда будет иметь избыток денег, и жизнь его завершится в обстановке спокойного благополучия. Михаил Иванович, относившийся скептически ко всякого рода магии и мистике, сюда, к знаменитой на весь Санкт-Петербург немке-ворожее забрел из праздного любопытства за компанию с одним из своих знакомых и то, что она ему напороочила, воспринял как сущий вздор.

По службе-то как раз все складывалось как нельзя лучше и в нынешнем, 1825 году: ему был предложен перевод в Северский конно-егерский полк, над которым тоже шефствовал великий князь, с перспективой стать его командиром и получить соответствующее звание, сначала полковника, а затем, что тоже не могло замедлиться, – генерала. «Забавно, но старушка, видимо, перепутала будущее с прошлым и предрекла то, что мне угрожало совсем недавно, но, слава Богу, не сбылось». Вывод этот оказался опрометчивым. Госпожа Шарлотта Кирхгоф не ошиблась, и ее предсказанию суждено было свершиться в самом ближайшем времени...

Кстати, личные дела, в отличие от служебных, не радовали. Год этот в своих воспоминаниях Михаил Иванович не зря назовет «роковым», и не только потому, что именно ему он обязан трагическим переломом в своей судьбе. Хватало и других несчастий. Уход из жизни умершей от чахотки девушки, которую он, полюбив, избрал своей невестой, крупные карточные проигрыши на

фоне хронического безденежья, обострение застарелой профессиональной болезни кавалеристов, нередко обрекавшей его на неподвижность и сопровождавшейся мучительными коликами, и вызванные всем этим наплывы ипохондрии и бессонницы. Но в довершение ко всему не состоялось и то, что могло бы существенно скрасить мрачноватые армейские и житейские будни, – предполагавшийся перевод с повышением. Отправленное его высочеством в конце ноября представление о новом назначении М. И. Пущина, на радостях даже поспешившего справиться конно-егерский мундир, не застало императора в живых...

После неожиданной кончины Александра Павловича наступил подзатянувшийся период междуцарствия, гадали: кто же сменит усопшего на троне? Павел I восстановил допетровский порядок престолонаследия по праву династического мужского первородства. Детей покойный не имел, и потому наследовать ему должен был появившийся на свет вслед за ним великий князь Константин Павлович. Но поплыли слухи, что цесаревич, которому все уже присягнули, отнюдь не горит желанием царствовать и твердо намерен отречься от короны в пользу следующего по старшинству. А им был Николай Павлович. И это, конечно же, не могло не радовать Михаила Ивановича, но одновременно его тревожило и стойкое предчувствие того, что восшествие нового императора на престол окажется непростым.

И как бы в подтверждение этих опасений совершенно неожиданно, без всякого предварительного оповещения, из Москвы приехал подолгу не дававший о себе знать

старший брат*. В семье догадывались, что Иван Иванович с некоторого времени причастен к каким-то тайным и явно небезопасным делам, но о них он ни с кем из близких, в том числе и с младшим братом, с которым был очень дружен и весьма откровенен, не обмолвился ни словом, а при расспросах или уводил разговор в сторону, или попросту отмалчивался. Однако на этот раз слегка приоткрыл завесу, сказав, что если будет еще одна присяга, то принимать ее не следует, поскольку нельзя так бесцеремонно манипулировать народным сознанием.

Иван Иванович Пуцин
 («Мой первый друг, мой друг бесценный...»)

Конец всем толкам положил изданный 12 декабря 1825 года манифест «О вступлении на престол государя императора Николая Павловича». Был определен и день всеобщего принятия новой присяги – 14 декабря. О том, что произошло с М. И. Пуциным накануне этого дня очень кратко, но по существу сказано в знаменитом «Ал-

* **Пуцин Иван Иванович** – родной брат М. И. Пуцина, один из наиболее активных участников декабристского движения, лицейский друг А. С. Пушкина. Вряде публикаций авторство текста о каинском городничем И. Я. Степанове ошибочно приписывалось ему, так как этот фрагмент «Записок Михаила Ивановича Пуцина» печатался как приложение к «Запискам о Пушкине» Пуцина-старшего.

фавите Боровкова»*: «*Пуцин Михайло Иванов. Капитан л[ейб]-г[вардии] Конно-пионерного эскадрона. Тайному обществу не принадлежал и о цели его понятия не имел. Только за два дня до 14 декабря сблизился с Рылеевым и стал посещать его с тем единственно намерением, чтобы удостовериться, точно ли существует заговор, подозреваемый им из слов его брата, которого хотел от того отвлечь. У Рылеева узнал о решении противиться присяге и собраться на площадь к Сенату. Чтобы иметь право доказывать безрассудность их предприятия, притворился согласным делать то, что другие будут делать, и даже подавал надежду склонить людей своего эскадрона; но думал противное, а 14 декабря, несмотря на болезнь его, присягнул со своим эскадронам, а потом слег в постель. О болезненном состоянии его в тот день засвидетельствовано начальником...*»

Добавим, что на патетическое восклицание одного из «карбонариев» о том, что день их выступления станет «славнейшей страницей русской истории», М. И. Пуцин откликнулся репликой: «Или покроет ее позором». Дважды побывав среди заговорщиков, оценив их планы и возможности как профессионал, с военной точки зрения, он не только убедился в полной обреченности будущей авантюры, но во второй раз уже без всякой маскировки озвучил свою позицию и призвал участников собрания одуматься и не рисковать жизнью и честью. Он ушел в надежде, что его доводы возымеют действие и «восста-

* «**Алфавит Боровкова**» – самый первый биографический перечень декабристов, составленный секретарем следственного комитета А. Д. Боровковым по распоряжению Николая I.

ние будет отложено по меньшей мере на неопределенное время». Но ошибся, причем самым фатальным образом...

Произошло самое худшее, что только могло произойти. Многие потом вспоминалось, как страшный сон. И последовавший уже 15 декабря арест, и тягостное объяснение с Николаем Павловичем, и заключение по его приказу в каземат Петропавловской крепости, и острейший приступ болезни, едва не сведшей его в могилу, и утомительные допросы, где постоянно приходилось быть настороже, скрытничать и даже лукавить, чтобы не навлечь беды еще на кого-нибудь. Себя упрекнуть ему было не в чем: он никого не выдал, называя имена лишь тех, о ком точно знал, что они уже арестованы.

Зато многие его собратья по несчастью, морально раздавленные катастрофическим поражением и сознававшие, что кара за совершенное ими может быть исключительно жестокой, оказались чрезмерно словоохотливыми и пытались вымолить снисхождение самыми подробнейшими признаниями. Они вполне могли бы умолчать об эпизодическом появлении М. И. Пущина на их сходбищах, но не сочли нужным. В следственных делах декабристов, почти полным комплектом которых я имею счастье располагать, четко прослеживается то, как каждый из них вел себя во время дознания. К сожалению, тех, кто не утратил твердости духа, достоинства и благородства, оказалось немного. Примеров покаянного малодушия куда больше.

Первым имя М. И. Пущина в числе прочих назвал Николаю Павловичу никто иной, как горе-«диктатор» князь С. П. Трубецкой, единственный, кто согласился с тем,

Сергей Петрович Трубецкой

Екатерина Ивановна
Трубецкая

что выступление будет преждевременным, и настолько проникся этой истиной, что в день восстания вообще не явился на Сенатскую площадь. Он сам признался Михаилу Ивановичу в этом во время минутной встречи после оглашения приговора и попросил прощения. В ответ прозвучало: «Полно, князь, стоит ли об этом говорить...». Весьма осложнили положение М. И. Пущина показания К. Ф. Рылеева, П. Г. Каховского, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, А. Н. Андреева, А. А. Бестужева, В. И. Штейнгеля, В. К. Кюхельбекера, М. А. Бестужева, при всей их разноречивости совпадавшие в том, что он якобы или твердо обещал примкнуть к восставшим со своим эскадром, или же говорил, что сделал бы это, если бы переворот возглавил авторитетный военачальник. И хотя все его последующее поведение было опровержением этому «невсамделишному» обещанию, следствием и

судом при благословении свыше оно тоже было сочтено отягчающим обстоятельством.

Сейчас, когда попытки переосмыслить известные исторические события не обошли стороной и декабристское движение, нельзя не признать, не отрицая, впрочем, благородства целей и отваги его лучших представителей, что само восстание на Сенатской площади представляло собой в большей мере свободолюбивый романтический порыв, чем тщательно спланированную и четко организованную акцию по захвату власти, свержению правящего режима и смене государственного строя с самодержавного на республиканский, и поэтому обернулось трагедией и для его непосредственных организаторов, и для горожан, наблюдавших за противостоянием. Как и поныне случается на святой Руси, за политические амбиции смельчаков или авантюристов, решающих круто изменить существующий порядок вещей, приходится расплачиваться самым ходовым в дни социальных потрясений платежным средством – народной кровью. Истинное число погибших в официальных сообщениях значительно преуменьшалось. Лишь гораздо позднее в архивах департамента полиции была обнаружена докладная записка чиновника этого ведомства С. Н. Корсакова: «...При возмущении 14 декабря 1825 года убито народа: генералов – 1, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров разных полков – 17, нижних чинов лейб-гвардии (полков – **авт.**): Московского – 93, Гренадерского – 69, Екипажа гвардии – 103, конного – 17, во фраках и шинелях – 39, женского пола – 9, малолетних – 19, черни – 903. Итого 1271 человек». «Черни», как видим, особенно не повезло...

...А за тысячи верст от столицы, ее державного великолетия, ее дворянских заговоров и дворцовых переворотов, народных волнений жил своей жизнью маленький сибирский городок, где время текло по-своему, неспешно, в привычных трудах и заботах, подолгу не внося ни в его внешний облик, ни в общегородские дела, ни в труд и быт его обитателей никаких особо заметных изменений, которые если и происходили, то по воле властей предрежащих. Завершалась первая четверть века, и памятна она была прежде всего тем, что в 1804 году Каинск снова стал штатным городом, сохранил этот статус, чтобы уже не утратить его до последних дней империи, и во время сибирской реформы М. М. Сперанского. Однако с 1823 года именовался окружным городом Томской губернии, а уезд, соответственно, – округом. Поскольку Каинский округ был отнесен к разряду многолюдных, то управление здесь было введено двухуровневое – общее и частное. Появилась новая должность – окружной начальник, который являлся первым лицом соответствующей административно-территориальной единицы и возглавлял коллегиальный орган управления – окружной совет.

Первым каинским окружным начальником в 1823 году был назначен титулярный советник Петр Афанасьевич Меркушев, занимавший до этого должность здешнего земского исправника. А в состав совета вошли представители частного управления: городничий – надворный советник Андрей Федорович Текутьев, земский исправник – коллежский секретарь Федор Степанович Рожкин, окружной судья – титулярный советник Матвей Степанович Рожкин, казначей – титулярный советник Иван Ан-

дронович Квашнин, стряпчий – губернский секретарь Николай Иванович Киселев, землемер – губернский секретарь Петр Иванович Берестов, лекарь – титулярный советник Сила Кириллович Ковреин, соляной пристав – губернский секретарь Петр Иванович Бабин. В число основных функций окружного управления входили контроль за текущей деятельностью подведомственных ему учреждений – окружных, городских и волостных органов управления и их служб и проведение в них ревизий, назначение и увольнение штатных чиновников и работников, привлекавшихся в порядке вольного найма, представление к поощрению и наложение взысканий, расклад податей и повинностей, надзор за сохранностью казенного имущества и денежных средств, противодействие неоправданному повышению цен, чрезмерному накоплению недоимок.

П. А. Меркушев пробудет в должности окружного начальника недолго, с 1826 года она уже будет значиться вакантной и останется таковой целых три года. Видимо, в чиновной среде Каинский уезд вызывал отторжение и огромностью своей территории, и наличием инородческих управ, и экзотическими «прелестями» Барабы – несметными полчищами гнуса и сибирской язвой, часто навещающей эти места. Наконец в 1829 году смельчак нашелся, но его появление окончательным решением кадрового вопроса считать было нельзя, так как при наличии в адрес-календаре рядом со все той же информацией о еще не заполненной вакансии сообщалось о том, что «должность исправляет» коллежский асессор Петр Антонович Готовцов. По нынешней терминологии – «врио».

Лишь в 1831 году город и уезд обретут окружного начальника, назначенного уже без всяких оговорок, – личность настолько неординарную, что не рассказать о ней подробнее просто невозможно. Что и будет сделано, но за пределами этой главы...

Городское население понемногу продолжало расти, однако о точной численности жителей приходится гадать, так как данные двух официальных источников не совпадают, и разница не пустячная. Судите сами. В «Статистическом обозрении Сибири» Ю. А. Гагемейстера общее число горожан в 1823 году – 1625 душ обоего пола. А согласно «Статистическому изображению городов и посадов Российской империи...» М. П. Штера в 1825 году здесь проживало 1206 человек (631 мужчина и 575 женщин). Если обе цифры верны, то такую значительную всего за два года убыль – 419 человек – можно объяснить только двумя причинами: или массовым переселением в административном порядке, или жесточайшей эпидемией. Ни того, ни другого в хронике тех лет не зафиксировано. Хотя в целом эпидемиологическая обстановка оставляла желать лучшего, а смертность, особенно в младенческом возрасте, была высокой, рождаемость или превышала ее, обеспечивая естественный прирост, или восполняла потери. Следовательно, столь значительное расхождение – результат несовершенства сбора и обработки статистических данных, а также – нерадивости и формализма занимавших этим чиновников. Не зря П. А. Словцов в сердцах назвал однажды современную ему статистику «глухими числами», а много позднее, в 1883 году, И. В. Щеглов все еще определял ее состояние

как «зачаточное» и сетовал на то, что по многим вопросам «даже ошибочных сведений не имеется».

Хотя трехтомный труд действительного статского советника при Сибирском комитете Ю. А. Гагемейстера, по мнению историков, тоже далеко не безупречен, он все-таки, на мой взгляд, заслуживает большего доверия, так как составлен по высочайшему повелению с надлежащим, надо полагать, уровнем ответственности и автор в процессе работы над ним наверняка имел широкий доступ ко всем необходимым документам. В нем, кстати, даны не только общая численность, но и распределение каинцев по основным сословиям: военного ведомства – 233, духовенства – 44, купеческого сословия – 13, гражданских чиновников на службе – 37, дворян и чиновников вне службы – 3, мещан и цеховых – 1009. Основная масса горожан – русские, но по мере притока ссыльных из западных губерний Центральной России национальный состав становился все разнообразнее. Начинает складываться новое национально-религиозное сообщество – иудейское, забредают и порой остаются на временное жительство, чаще всего, чтобы переждать зиму, цыгане. Наличие тех и других и в заметном количестве отметил в 1820 году в своем дорожном дневнике М. М. Сперанский: *«Каинск – маленький городок, ныне только в план приведенный. Множество жидов и цыган»*.

Несколько изменился и внешний вид города, в основном за счет расширения площади застройки и появления у некоторой части горожан, состоятельных и среднего достатка, добротных домов из добытого в урмане красного леса, отличавшихся не только размерами и обликом, но

и присутствием нехитрого резного декора. Большинство остальных жилищ, сооруженных из здешней березы и потому недолговечных, крытых в лучшем случае берестой, а чаще всего земляными пластами поверх настила из хвоста, представляли собой зрелище малопривлекательное. Всего в городе насчитывалось 247 домов (все деревянные), среди прочих «градских строений» – церковь, уездное училище, богадельня, три питейных дома, рынок с одиннадцатью торговыми лавками.

Единственным зримым результатом недавних преобразований стала этапно-пересыльная тюрьма. Здесь кандалные партии останавливались на отдых, а затем следовали дальше – к местам отбывания заключения или каторги. Закованные в «ножные и ручные железа» арестанты, круглый год в любую погоду шедшие по тракту в колонне, или каждый в особицу от других, или сообщая со всеми «на канате», вызывали у каинских обывателей вполне понятное сочувствие, поскольку многие из них в прошлом пришли в Сибирь этим же путем. Тайком от конвойных, а порой при их нарочитом попусшении они совали колодникам узелки с продовольствием, серебряную и медную мелочь, иногда кое-что из теплой одежды, шерстяные носки, варежки. Непременным атрибутом городского пейзажа продолжал оставаться эшафот – сколоченный из толстых досок помост со столбами, к которым привязывали руки приговоренных к экзекуции. Публичные наказания провинившихся в обычных местах массового присутствия горожан считались эффективным средством профилактики нарушений общественного порядка и мелких преступлений, однако в их

количестве тенденции к уменьшению почему-то не наблюдалось.

В строящемся каменном соборном храме один из приделов уже действовал, и с его амвона звучали не только проповеди. В один из январских дней 1826 года здесь был зачитан царский манифест, официально подтвердивший давно ходившие в городе слухи о декабрьских беспорядках в столице и опубликованный императором Николаем I на следующий же день после беспощадного подавления восстания. *«Тогда как все государственные сословия, – говорилось в нем, – все чины военные и гражданские, народ и войска приносили нам присягу верности и в храмах божиих призывали на царствование наше благословление небесное, горсть непокорных дерзнула противостать общей присяге, закону, власти и убеждениям. Надлежало употребить силу, чтобы рассеять и образумить сие скопище»...* Злоумышленникам предьявлялось тяжкое обвинение в попытке ниспровержения престола *«путем гнусных убийств»*, за что *«все они воспримут каждый по делам своим заслуженное наказание»*. *«Сей суд и наказание по принятым мерам обнимая зло во всем его пространстве, во всех его видах, истребит, как я уповаю, самый корень, очистит Русь святую от сей заразы...»*

Когда позднее стали известны подробности происшедшего, горожан особенно удивило то, что зачинщиками возмущения явилось не городское простонародье, а выходцы из высших кругов общества – дворяне, и военные, и чиновники, – те, кто доселе считался незыблемой опорой самодержавия. Мотивы, побудившие их к этому, многим провинциальным умам были совершенно непо-

нятны, бунт людей, живущих в полном довольстве, расценивался как барская блажь. Разговоры о декабрьском восстании вскоре затихнут, растворятся в будничных делах, о нем вспомнят лишь несколько месяцев спустя, когда в Каинске на исходе лета появятся первые фельдъегерские тройки с осужденными на каторгу и ссылку.

Кстати, незавидная роль по воле императора досталась М. М. Сперанскому, которого кое-кто из декабристов в случае удачного исхода дела прочил в состав временного революционного правительства. Опасаясь за свою судьбу, уже побывавший однажды в опале бывший сибирский генерал-губернатор проявил особое рвение в подготовке суда и будущего, столь жестокого приговора всем подсудимым, в том числе и тем, с кем был близко знаком и до этого поддерживал добрые отношения, «злодеям», которые принадлежали, по выражению Л. Н. Толстого, к «цвету петербургской аристократии, родовитой и придворной» (восемь князей, три графа, три барона) и при этом отличались «отменной молодостью». Из 121 осужденного: 36 – до 24 лет (в том числе одному – 19, трем – 21, одиннадцати – 22 года), 50 – от 25 до 29, 20 – от 30 до 34, лишь 15 – старше. Женаты только 18..

Приговор Верховного уголовного суда, объявленный 13 июля 1826 года и представленный для конфирмации императору, был традиционно страшен: пятеро мятжников приговаривались к четвертованию, тридцать один к отсечению головы, остальные к различным срокам каторжных работ (от четырехлетнего до пожизненного), к лишению чинов и дворянства и ссылке на поселение. Потом, как водится, сей вердикт, признанный государем

«существу дела и силе законов сообразным», был высочайше конфирмован и претерпел некоторые изменения по части гуманизации: четвертование было заменено на повешение, дарована жизнь всем тем, кого предусматривалось обезглавить: им предстояло заживо сгнить «во глубине сибирских руд», другим уменьшены сроки каторги и ссылки.

В списке осужденных М. И. Пущин значился в единственном числе как «государственный преступник десятого разряда» (всего разрядов было одиннадцать), и вина его была выражена одной-единственной фразой: «Знал о приготовлении к мятежу, но не донес». И судебное решение осталось неизменным: «С преступником десятого разряда капитаном Пуциным, осужденным к лишению чинов и дворянства и к написанию в солдаты до выслуги, поступить по приговору суда». Современники недоумевали по поводу явного несоответствия вины наказанию. П. А. Вяземский отмечал, что даже некоторые действительные члены тайных обществ и непосредственные участники смуты были отнесены к одиннадцатому разряду, самому «гуманному» и только частично лишились того, что полностью потерял М. И. Пущин.

Не то что полного прощения, но даже малого облегчения своей участи недавний соратник от новоиспеченного монарха не дождался. И понял, что уже не дождетсЯ никогда, хорошо зная, что злопамятность прочно входила в число не самых лучших черт характера его бывшего шефа. Но разве мог он, русский дворянин и офицер, донести на родного брата, на их общих друзей и знакомых, к тому же искренне веря, что мятежу не бывать?

Подтвердить таким образом свою личную преданность? Это было бы подлостью. Тем более, что сам заговор, как выяснилось позднее, для членов царского семейства секретом уже не являлся, первый донос был получен еще летом, потом последовали другие. Из них стало известно, что, кроме захвата власти, самыми радикальными заговорщиками планировались немедленный арест, а затем и физическое истребление всей династии. Об этом Михаил Иванович узнал уже в заточении. Что ж, Николая Павловича можно было понять...

В самой безнадежной ситуации надо всегда пытаться найти хотя бы малую крупицу чего-нибудь отрадного, утешительного, и его слегка ободрило то, что присутствие в приговоре возможности выслуги предусматривало при обряде гражданской казни лишь изъятие наград (коих у

♫ Евгений Александрович
Головин

♫ Дмитрий Иринархович
Завалишин

него еще не было), мундира и знаков отличия с последующим облачением в арестантский халат и позволяло избежать унижительного коленапреклонения с последующим преломлением шпаги над головой. И на этот раз, увы, он тоже ошибся... Мрачным ночным церемониалом, напоминавшим кострами средневековые расправы инквизиции над еретиками, распорядился его давний недруг генерал Е. А. Головин, и случая отомстить он не упустил.

Шпаг было заготовлено ровно по числу подлежащих экзекуции, но, горя желанием выслужиться, а заодно и свести счеты, палач с генеральскими эполетами велел принести еще две. Несмотря на бурный протест поверженного на колени Михаила Ивановича, раздраженные его сопротивлением головинские подручные «зверски-ми» ударами, поранив до крови его голову, сломали одну за другой обе плохо надпиленные шпаги. Униженный и оскорбленный, он сделал то единственное, на что был в тот момент способен: назвал своего учителя подлецом. Об этом эпизоде, но без шокирующих подробностей упоминает в своих записках Д. И. Завалишин, подвергшийся такой же процедуре, но не в столь грубой форме и в отличие от М. И. Пущина «на законном основании».

...Первыми по приказу свыше подлежали отправке для службы в Сибирском, Оренбургском и Кавказском корпусах тринадцать человек, разжалованных в солдаты. Перед отъездом М. И. Пущину позволили увидеться с родными. Недолгая встреча с отцом, сестрами и братьями, приехавшими попрощаться, была печальной, не обошлось без женских слез. Той же ночью вместе с товарищем по несчастью Николаем Павловичем Акуловым

в сопровождении фельдъегеря и жандарма на двух перекладных тройках они отправились в путь. Его напарник, лейтенант гвардейского экипажа, членом общества тоже не был и о его существовании не знал, но последовал за своей ротой, отправившейся на Сенатскую площадь, не посмев ее оставить и надеясь удержать от участия в беспорядках. Он был обвинен в том, что возбуждал сомнения в нижних чинах по поводу действительности отречения цесаревича от престола, не выполнил приказ командира об аресте отказавшегося присягать лейтенанта Ф. Г. Вишневого. Приговор был таким же, но без лишения дворянства. Только в дороге они узнали, где им придется тянуть солдатскую лямку: М. И. Пущину – в Красноярске, Н. П. Акулову – в Томске.

Все позади. Теперь вместо низких тюремных сводов – высокое и бескрайнее летнее небо, то ясное, то грозовое, вместо сырой казематной духоты – сказочное обилие свежего воздуха, вместо каменных стен – прекрасные пейзажи, но главное – перспектива хотя бы относительной, но свободы. И от всего этого понемногу тускнело в памяти то тяжкое, что пришлось пережить. Молодость брала свое. Еще приятно удивляло то, что на всем пути следования их принимали не как государственных преступников, а как находившихся в командировке чиновников-европейцев или отправившихся в дальний вояж путешественников. *«А по Сибири, – сообщает в своих записках, Михаил Иванович, – мы уже ехали в большой и, надо сказать, довольно веселой компании».* Сначала вскоре после выезда из столицы к ним присоединились братья Алексей Васильевич и Аполлон Васильевич Веденяпины,

а позже, уже возле Екатеринбурга, – Семен Григорьевич Краснокутский и Николай Федорович Чижов. А поскольку им тоже предстояло стать первыми декабристами, побывавшими в Каинске, представим каждого из них с помощью все того же боровковского «Алфавита».

Подпоручик девятой артиллерийской бригады Ап. В. Веденяпин в год восстания вступил в Славянское общество. Участвовал в совещаниях, на образе поклялся в готовности действовать по первому же знаку. Знал о намерении ввести республиканское правление, о плане истребления высочайшей фамилии. Вместе с сообщниками побуждал одного из офицеров отправиться в восьмую бригаду к членам общества с призывом к восстанию, но впоследствии они решили этого не делать. Приговор: лишение дворянства и бессрочное поселение в Сибири.

Его родной брат, прапорщик этой же бригады А. В. Веденяпин, член того же общества с 1825 года, тоже давший клятву принимать участие в его деятельности. Присутствовал на выступлении М. П. Бестужева-Рюмина (одного из пяти казненных – *авт.*), критиковавшего правительство и говорившего о необходимости конституции. В том, что участвовал в совещании, где, согласно показанию одного члена общества, шла речь об уничтожении самодержавия путем ликвидации всей императорской семьи, не сознался и на очной ставке в этом уличен не был. Приговор: солдатчина без лишения дворянства.

Обер-прокурор сената, действительный статский советник С. Г. Краснокутский, вступил в Южное общество в 1818 году. Зная о его главной цели – введении

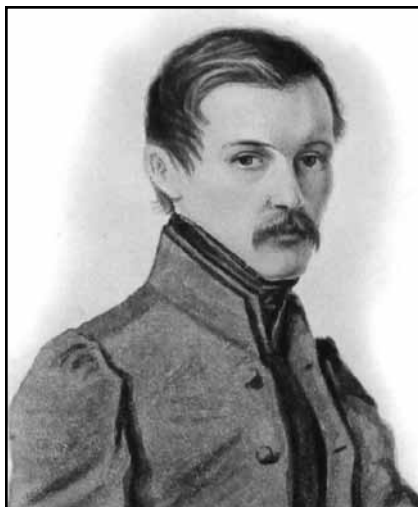
республиканской формы правления, никаких действий в этом направлении не предпринимал, не привлек в ряды общества ни одного нового члена. Вечером 13 декабря присутствовал на совещании у К. Ф. Рылеева, где сообщил о назначенной на следующий день присяге в сенате, узнал о намеченном восстании. Однако ни о плане действий, ни о покушениях на жизнь августейшей фамилии никогда ничего не слышал.

Лейтенант второго флотского экипажа Н. А. Чижов был принят в Северное общество за месяц до мятежа, знал о его цели – ограничении самовластия. Находясь 14 декабря в гвардейском экипаже, первым сообщил там о выступлении Московского полка и о прибытии нескольких его рот на Сенатскую площадь, а затем вместе с экипажем отправился туда и сам., чтобы примкнуть к восставшим. Оба они, С. Г. Краснокутский и Н. А. Чижов, были приговорены к бессрочной сибирской ссылке. В сравнении с тем, что изложено выше, пристрастность царского приговора в отношении М. И. Пущина особенно очевидна. Никто из его спутников, кроме Ап. В. Веденяпина, не был лишен дворянства, несмотря на их явное участие и в деятельности тайных обществ, и в самой смуте.

...Как вспоминал Михаил Иванович, «...от Екатеринбурга до Иртыша мы не ехали, а летели», да так что приходилось из опасения сломать шею просить ямщиков сдерживать лошадей. Так же лихо мчались и по степному раздолью Барабы, а после приезда в ее «стольный град» Каинск в дневнике М. И. Пущина появится такая запись: *«Городничий в Каинске Иван Якимович Степанов, у которого я теперь гощу другие сутки, есть общий нам всем,*

отправленным в Сибирь, благодетель. Он непременно в приезд брата увидит его; я ему оставил к нему письмо и просил снабдить всякою потребностью в случае нужд. Я удивляюсь необыкновенной доброте этого человека». Сам не ведая того, Михаил Иванович увековечил рассказанным им эпизодом, имя замечательного человека – каинского градоначальника И. Я. Степанова, одной из наиболее популярных исторических личностей местного пантеона не только среди каинцев-куйбышевцев. Дореволюционная журнальная публикация пуцинских записок, очень интересных, пока все еще не переиздана отдельной книгой, но история о том, как радушно встречал «царский сатрап» «государственных преступников», тиражировалась несчетное количество раз. В свое время приложил к этому руку и я. Именно тогда возникло желание узнать побольше и о И. Я. Степанове, и об авторе благодарного отзыва и его спутниках. Эта глава – скромные итоги моих многолетних поисков...

Об Иване Якимовиче Степанове, как и о его предшественниках, узнать удалось немного. Кавказский офицер ермоловских времен, выдвинувшийся из армейских низов, участник военных действий, награжденный орденом Святой Анны четвертой степени, высоких чинов он не выслужил и в отставку вышел всего-навсего поручиком. Гражданскую службу начал фельдъегерем, но постоянные разъезды и бытовая неустроенность со временем стали в тягость. И немалому возрасту, и состоянию здоровья уже более подобал оседлый образ жизни. С 1821 года И. Я. Степанов – курганский городничий. К сожалению, курганские источники не только удручающе скудны, но

Николай Васильевич
Басаргин

Сергей Григорьевич
Волконский

и по ряду сведений недостоверны. Явная ошибка или путаница – то, что сообщается о дате рождения. Сказано, что год его рождения – 1794. В таком случае получается, что к моменту появления в Каинске Ивану Якимовичу было всего 32 года. Контр-цитата из воспоминаний Н. В. Басаргина: «...городничий Степанов, пожилой мужчина огромного роста и объема».

А такой «факт» способен даже рассмешить: «5 ноября 1822 года (И. Я. Степанов – *авт.*) венчался в Троицкой церкви с девятнадцатилетней дочерью надворного советника Семена Осиповича Мамеева Степанидой. Ее отец служил управляющим полицией по заводам частных людей в Пермской губернии.» Тоже нечто заемное, опровержением чему служит взятое из того же источника признание самого И. Я. Степанова: «...семейства у меня

нет». Однако кое-что выглядит вполне достоверным. 2 июля 1822 года во время экзаменов в уездном училище городничий поощрил пятирублевой ассигнацией ученика из бедной семьи, показавшего отличные знания (вот это по-степановски), в том же году способствовал завершению строительства тюремного острога, за которое крестьянину Черемуховской волости Герасиму Стрельникову было выплачено 4855 рублей. В 1823 году организовал приобретение для города первой огнегасительной машины и строительство «заразного» барака на шесть коек с баней.

Время пребывания Ивана Якимовича в Кургане тоже подсчитано неточно, указаны только 1822 и 1823 годы. Для того, чтобы верно определить годы службы того или иного чиновника в конкретном населенном пункте в той должности, которую он здесь занимал, надо следовать простому правилу: началом ее считать год, предшествовавший появлению информации о данной персоналии во всероссийском адрес-календаре, так как к моменту подачи сведений о личном составе штатной структуры он уже в ней состоял, а окончанием – год, предшествовавший первой публикации сведений о его преемнике. Следовательно, курганским городничим И. Я. Степанов пробыл с 1821 по 1825 год, а в 1826 году в такой же должности уже находился в Каинске, сменив на этом посту надворного советника Андрея Федоровича Текутьева, пробившего каинским городничим с 1814 по 1825 год. Абсолютный рекорд и среди всех его предшественников, и среди всех преемников. Уход в отставку ветерана, а также предстоявшее отправление в Сибирь к местам водворения и от-

бытия наказания большого количества «государственных преступников», которых надлежало встретить в строгом соответствии с высочайше утвержденными требованиями, и стали, видимо, главными причинами перевода И. Я. Степанова в Каинск. Губернские чиновники сочли его как бывшего военного и фельдъегеря вполне подходящей для этого кандидатурой. Их «высокое» доверие Иван Якимович оправдал по-своему. Как? Об этом и рассказал Михаил Иванович Пущин...

*«...Переехав Иртыш, * на самом берегу реки, на высоте расположен город Каинск. С паромом прибыл к нам городской с приказанием фельдъегерям, чтобы вести преступников к нему в дом. Лошадей на берегу не было заготовлено, и приказание городничего было передано так, что фельдъегеря и не подумали ему сопротивляться. Подойдя к дому городничего, мы увидели фигуру его колоссальную, вышедшую нас встретить. Он закричал нам: «Я вас здесь по-своему проучу, отучу вас бунтовать!» Вот попались в западню, подумали мы: сумасшедший городничий может позволить себе всякие пакости над нами.*

Когда мы вошли к нему во двор, городничий Степанов отослал жандармов в какую-то команду, ворота своего дома велел закрыть на замок и, обратившись к нам, сказал: «Милости прошу, господа, наверх, вы теперь мои дорогие гости, и я вас не выпущу от себя, пока не отдохнете хорошенько: вы много проехали, и вам еще предстоит много времени быть в дороге. Баня у меня вытоплена для вас, и вы, вероятно, не прочь хорошенько попариться.

* Ошибка М. И. Пущина, принявшего за Иртыш один из его притоков – Омь в ее среднем течении.

Вы же, господа фельдъегеря, если обещаете быть нам хорошими товарищами, а не сторожами, то я рад буду иметь вас в нашей компании, если же нет, то могу вам отвести квартиру на все время, пока будут гостить у меня дорогие мои гости». Фельдъегеря так опешили от этого оригинального приглашения, что охотно согласились быть в распоряжении господина городничего. «Жалеть не будете», – сказал Степанов.

Тотчас же подали великолепную закуску, как нельзя кстати для нас, голодных и от дороги изнуренных. Степанов позаботился и о том, чтобы как можно скорей напоить фельдъегерей, на что употребил расхваленный им какой-то травник. Своей цели он очень скоро достиг: пьяные фельдъегеря принялись плясать вприсядку, потом скоро улеглись, где кто нашел удобным, и заснули сном непробудным. «Теперь, дорогие мои господа, мы с вами можем быть нараспашку, аргусы ваши спят и, вероятно, уставшие с дороги и хорошо выпивши, нескоро очнутся. Вас я здесь подержу сколь можно долее, отдохнете у меня денька три, напишете письма родным и друзьям, и я все сделаю, чтобы вы у меня не соскучились.*

Скажите, не нуждается ли кто из вас в чем бы то ни было: в деньгах, белье, книгах? У меня все к услугам вашим».

*С благодарностью приняли мы приглашение Степанова и на три дня забыли, что мы узники: нашли радужного хозяина, который угощал нас, как самых почетных гостей**. Баня смыла с нас грязь и пыль, позволила забыть*

* Аргус – стоглазый великан в древнегреческой мифологии.

** Уточняю: «почетными гостями» И. Я. Степанова на три дня

усталость нашу и приготовила на дальнейшее путешествие по Сибири...»

Списанная, как говорится, «с натуры», фигура каинского городничего весьма колоритна. Виден характер: властный, крутой. Этот провинциальный градоначальник, умеющий внушить повиновение и фельдъегерям, и жандармам, видимо, так же жестко управлял и городскими делами. Но отождествлять его с персонажами типа грибоедовского Скалозуба или гоголевского Сквозник-Дмухановского было бы несправедливо, ибо И. Я. Степанов в какой-то мере невольник своей должности, а по сокровенной сути – человек доброй и широкой души, мучимый сомнениями, по-своему размышляющий о смысле бытия. Именно поэтому, рискуя навлечь на себя опалу, попасть в число «неблагонадежных» и потерять высокую по здешним меркам должность, он проявляет сочувствие к годящимся ему в сыновья «одиннадцатирядникам», по-отечески заботится о них, зная, что уже в скором времени об этом станет известно начальству, и, может быть, не только губернскому.

Скептик мог бы предположить, что радушие городничего было не совсем бескорыстным. Старый служака, он, мол, хорошо понимал, что, хотя сами декабристы и стали отверженными, но у каждого из них в Москве и Петербурге оставались влиятельные родственники и знакомые, с болью и тревогой следившие за их мытарствами, что скверное обращение с изгнанниками не могло бы и для него пройти бесследно, а доброе

стали двенадцать человек: шесть ссыльных, три фельдъегеря и три жандарма.

отношение, наоборот, могло бы благоприятно отразиться на его судьбе. В таких рассуждениях нет логики: к моменту встречи с декабристами И. Я. Степанов был уже в таких годах, что всерьез помышлять о дальнейшей карьере уже не приходилось. А коли так, то и нет оснований сомневаться в искренности его поведения... *«Первый раз по выезде из Петербурга, – завершает свой рассказ о о пребывании в Каинске М. И. Пущин, – мы совершенно отдохнули от дороги и, напутствуемые благословением Степанова, после трехдневной привольной у него жизни, помчались по Барабинской степи к месту своего назначения»...*

Через наш город в разное время проезжали все декабристы, следовавшие под жандармским надзором в Восточную Сибирь (всего семьдесят восемь приговоренных к каторжным работам и на поселение), он упоминается в их переписке, в дневниковых записях. Кстати, впервые проследовал через Каинск под конвоем, а потом не раз бывал проездом по служебным делам Иван Иванович Пущин: сохранилось и опубликовано его письмо М. И. Муравьеву-Апостолу с пометкой: «9 часов утра. 26 июля 1849 г., вторник, Каинск». А вот встречающееся в некоторых публикациях утверждение будто бы в Каинск был отправлен на поселение и проживал здесь Константин Густавович Игельстром – повторение ошибки, допущенной составителем дореволюционного биографического сборника «Декабристы. 86 портретов» П. М. Головачевым. Цитирую: *«...Так как по случаю разных событий в царской семье сроки каторжных работ для декабристов все более и более сокращались, то к половине 30-х го-*

дов Игельстром был переведен на поселение в г. Каинск, Томской губ., где приобрел себе деревянный домик и некоторое время занимался мелочной торговлей в разнос. Его общительный нрав тяготило одиночество, и тоска угнетала его невыносимо. Пребывание Игельстрорма в Каинске было непродолжительно: он воспользовался случаем посещения Сибири наследником престола великим князем Александром Николаевичем и просил о помиловании. В мае 1836 г. он был зачислен рядовым пионером 2-го класса в кавказский саперный батальон...»

В академическом биографическом справочнике указывается другое место, назначенное для его поселения: «По указу 8.11.1832 обращен на поселение, 13.1.1833 покинул Петровский завод и поселился в назначенном для жительства с. Тасеевском Канского округа Енисейской губ., 3.3.1835 высоч. разрешено перевести в слободу Сре-тенскую для совместного проживания с двоюродным братом А. И. Вегелиным, поселен там – 16.6.1835, высоч. разрешено поступить на службу в Отдельный кавказский корп. – 10.1.1836, отправлен из Иркутска в сопровождении урядника – 13.4.1836, зачислен пионером 2 класса в Кавказский саперный бат. – 12.5.1836». Видимо, причина путаницы в большом сходстве названий двух городов и уездов – Каинска и Канска, Каинского и Канского.

Побывали в нашем городе и жены декабристов, решившие быть рядом с мужьями. Для тех и других Каинск стал доброй вехой на их скорбном пути и лишь однажды оказался не на высоте. Об этом случае вспоминает П. Е. Гебль-Анненкова, жена декабриста И. А. Анненкова: «В Каинске мне рассказал почтмейстер, как княгиня

Трубецкая, урожденная графиня Лаваль, проезжая летом, должна была бросить в этом городе карету свою, которая сломалась дорогой и некому было починить ее. Таким образом, эта женщина, воспитанная в роскоши, выросшая в высшем кругу, изнеженная с детства, проскакала 1750 верст в сквернейшей тележке, потому что в Каинске, кроме перекладной, она ничего не могла достать; а кто не знает что такое перекладная!» Что тут можно сказать? Чем богаты...

Передвижение, состояние и поведение декабристов на всем протяжении их пути отслеживалось специально назначенными чиновниками, регулярно славшими донесения в соответствующие инстанции. Часть этой информации, стекавшейся в III отделение, возглавляемое А. Х. Бенкендорфом, использовал в своей статье «Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года» бывший чиновник этого грозного ведомства Михаил Максимович Попов. За редким исключением, отмечает он, все следовавшие в Сибирь осужденные по самым первым разрядам находились в подавленном состоянии, некоторые временами даже плакали.

Интересно его сообщение об одной из первых партий, отправленных на каторжные работы, в нее вошли Е. П. Оболенский, А. З. Муравьев, А. И. Якубович и В. Л. Давыдов. Они выехали следующими за М. И. Пуциным и его спутниками, а уже за ними были отправлены С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, А. И. Борисов и П. И. Борисов. То, что М. М. Попов дает подробное описание пути этой группы «каторжан» с момента ее отъезда до прибытия к месту назначения с краткими характеристиками по-

ведения каждого узника, – явный результат непрерывной слежки. «В Каинске, Томской губернии, – сообщает он, в частности, – на станции не было лошадей. Вскоре пришел туда городничий и пригласил фельдъегеря и арестантов к себе в дом, обедать. В доме городничего два жандарма были поставлены у дверей, а другие находились в людской. После обеда арестанты, фельдъегерь и жандармы ходили в баню, на дворе того же дома, и при этом с первых были сняты кандалы».

Так что наверху знали все обо всех, и надо отдать должное смелости И. Я. Степанова, проявившего заботу о самых главных по императорскому раскладу преступниках. Достаточно рассказать лишь об одном из них – Евгении Петровиче Оболенском. Исторический парадокс: потомок пытался уничтожить то, чему так ревност-

Евгений Петрович Оболенский, родной внук Е. П. Кашкина

но служил его предок. Секрет прост: Евгений Петрович не только двойной тезка, а родной внук Е. П. Кашкина, «крестного отца» Каинска. На Сенатской площади он действовал гораздо активнее, чем кто-либо: в связи с не-явкой С. П. Трубецкого и уходом К. Ф. Рылеева для агитации в полках, остававшихся в казармах, Е. П. Оболенский принял на себя общее руководство восставшими. Именно он нанес, метя в лошадь, штыковое ранение петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу, обратившемуся к мятежникам со словами увещевания. В одной из недавних публикаций убедительно утверждается, что главной причиной его смерти следует считать не выстрел П. Г. Каховского, а рану, нанесенную штыком и вызвавшую внутреннее воспаление. Кстати, не остался в стороне и еще один внук наместника, двоюродный брат Е. П. Оболенского – Сергей Николаевич Кашкин, однако великой вины за ним не было и дело свелось к четырехмесячному заключению в Петропавловской крепости и отсылке на службу под надзором в Архангельск...

Отправка осужденных на каторжные работы продолжалась и в 1827 году. О встрече с И. Я. Степановым трогательное воспоминание оставил Николай Васильевич Басаргин: *«В Каинске... городничий Степанов пришел к нам в сопровождении двух человек, едва тащивших огромную корзину с винами и съестными припасами всякого рода. Он заставил нас непременно все это есть и частицу взять с собой, предлагая нам даже бывшие с ним деньги, со следующими, удивившими нас словами. «Эти деньги, сказал он, вынимая большую пачку ассигнаций, я нажил с грехом пополам, не совсем чисто, взятками. В*

наших должностях, господа, приходится делать много против совести. И не хотелось бы, да так уж заведено исстари. Возмите эти деньги себе: на совести у меня сделается легче. Лучшего употребления я не могу из них сделать: семейства у меня нет. Право, избавьте меня от них, вы сделаете доброе дело». Хотя мы не согласились принять это предложение, но тем не менее эта откровенность, это добродушие грубой, неотесанной резцом образования натуры, нас очень тронуло, и прощаясь с ним, мы от души и с признательностью пожали ему руку».

Вот так и встречал И. Я. Степанов партию за партией, пока не грянул гром. Строчить доносы и в те времена, и позднее было делом обычным, они считались несомненным доказательством верноподданности и верным средством в служебном продвижении. Доносчик (а может быть, и не один) так все расписал, что дело дошло до расследования, обвинившего Ивана Якимовича в предосудительном сочувствии и недопустимых послаблениях политическим арестантам вопреки служебному долгу. Пришлось оправдываться...

Вспоминает Андрей Евгеньевич Розен: «...мы не смогли воспользоваться гостеприимством городничего Степанова, ... потому что ночью проехали город; но я узнал после от товарищей, что этот городничий принимал их у себя отлично хорошо, особенно отправленных вскоре после приговора; на своей квартире предлагал не только отдых, хлеб-соль, но предлагал и бумажник свой. Однажды силою остановил он фельдегеря, который поневоле покорился, потому что Степанов объявил о себе,

☞ Андрей Евгеньевич Розен

что здесь он Николай I ... Добрый человек не избегнул доноса; но отделался благополучно, ответив, что он так поступал по чувству сострадания и по предписанию евангельскому». Однако в благополучном исходе есть серьезные основания усомниться...

...А М. И. Пущин и его спутники вскоре здесь же, в Каинском уезде, «в одном большом селении» стали гостями еще одного сибиряка, на этот раз человека простого, крестьянина. На почтовой станции они спросили у смотрителя, где здесь можно поесть или купить продукты, и случайно оказавшийся здесь сельчанин пригласил их к себе, – в дом, располагавшийся напротив. Внутренний вид горницы радовал глаз своей опрятностью. Гостей вокруг стола, накрытого чистой скатертью и сервированного по числу едоков серебряными ложками и фаянсовыми тарелками, усадили не на лавки, а на красивые плетеные

стулья. Достойно было восхищения и меню: «необыкновенно вкусные щи с говядиной», «рыбное блюдо, какого не встретишь на самом роскошном обеде петербургском» и в завершение обеда «жареные рябчики». Украсили стол и две бутылки заграничного вина: белое Vin de Graves и красное Medoc.

Такой достаток крестьянской семьи не мог не удивить, но хозяин дал ему простое объяснение: им почти ничего не приходится покупать, главное, что им необходимо для жизни, дают личное хозяйство и сибирская природа. Взять предложенные М. И. Пуциным за вкусный и сытный обед пятнадцать рублей он наотрез отказался и даже обиделся, сказав: «Не прогневайся, батюшка, но разве мы не христиане. Вас нам послала Пресвятая Богородица по своей неизреченной милости, она с нами за вас и разочтется». Пораженным таким бескорытием путникам оставалось только самыми восторженными словами поблагодарить радушных хозяев. *«Ехавши далее по Сибири, – пишет М. И. Пущин, – и останавливаясь в больших селениях, я любовался постройками, чистотою и опрятностью, довольством, в котором жил народ по дешевизне жизненных припасов, и пример сострадательного к несчастью ближнего, везде готового на помощь, угостившего нас крестьянина не оставался единственным».*

...В Красноярск М. И. Пущин прибыл 20 августа 1826 года, но рядовым в местном гарнизоне пробыл недолго. Оказалось, что еще в день коронации императором всем находящимся в Сибири разжалованным в солдаты оказана «великая милость»: перевод на Кавказ, в действующую армию. Подоплека понятна, чем больше тех, кого Николай

Павлович называл своими «друзьями 14 декабря», сгинет в огне войны, тем лучше. На обратном пути М. И. Пущин снова встречается с И. Я. Степановым. *«До Екатеринбурга от Красноярска, – писал он брату, – я ехал шесть дней, нигде не останавливаясь, только в Каинске остановился на несколько часов, чтобы проститься и расцеловать приятеля нашего Степанова»*. Обнявшись на прощание, они расстаются теперь уже навсегда. И невольно подумаешь о том, как все-таки прихотливы извивы человеческих судеб, как тесно взаимосвязаны они между собой, как далеко во времени и пространстве тянутся незримые нити, соединяющие многих людей: И. Я. Степанов – М. И. Пущин – А. С. Пушкин – Л. Н. Толстой...

На Кавказе Михаил Иванович попадет в пекло сразу двух войн, русско-персидской и русско-турецкой, и в каждой из них будет на передовых позициях. Рядовой восьмого пионерного (саперного) батальона, он, используя свой прежний опыт, по негласному поручению главнокомандующего И. Ф. Паскевича, в действительности исполнял обязанности корпусного инженера, так как в этом деле соперников здесь ему не было. Под его руководством проводились все осадные работы, он лично сам не раз ходил вместе с другими саперами на разведку к вражеским укреплениям, как кавалерист участвовал и в операциях других родов войск. Яркое описание кавказских армейских будней М. И. Пущина оставил в своих записках декабрист А. С. Гагенблов: *«Более всех был на виду М. И. Пущин. С самого поступления в отряд, еще в Персии, он оставлен был при штабе. Паскевич дал полный простор его деятельности и энергии. В своей сол-*

датской шинели он распоряжался в отряде, как у себя дома, переводя офицеров и генералов с их частями войск с места на место, по своему усмотрению; он руководил и мелкими, и крупными работами, от вязания фашин и туров, от работ киркой и лопатой до устройства переправ и мостов, до трассировки и возведения укреплений, до ведения апрошей и, кроме того, исполнял множество военных поручений. Он же, в той же солдатской шинели, присутствовал на важных советах у главнокомандующего, где его мнения почти всегда одерживали верх... Этот человек как бы имел дар одновременно являться в разных местах».

Наконец произошли первые подвижки: в ноябре 1827 года М. И. Пущина произвели в унтер-офицеры, а в марте 1828 года – в подпоручики. В сражении при Ахалцыхе он получил тяжелейшую рану, чуть не ставшую смертельной и на четыре месяца уложившую его в лазарет. И. Ф. Паскевич, представивший его к награждению орденом Святого Георгия четвертой степени, в своем ходатайстве писал: *«В продолжение всей осады Ахалцыха подпоручик Пущин употребляем был для разбивки и устройства батарей в самых опаснейших местах, где всегда служил основною точкою, на которую направлялись колонны, и при сих случаях оставался неподвижным под жесточайшим ружейным и картечным огнем; в самых работах примером ободрял людей и всегда содействовал успехам оных. На приступе 15-го августа, при заложении ложемента и батарей в самом пылу сражения, исполняя ревностно свою обязанность, ранен жестоко пулею в грудь навывлет. Неизменное усердие, беспримерное мужество и*

спокойствие духа подпоручика Пущина соделывают его достойным всемилостивейшего воззрения». Но ходатайство главнокомандующего легло под сукно, хотя М. И. Пущина все-таки наградили: произвели в поручики и дали орден Святой Анны четвертой степени.

...«Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году, – писал А. С. Пушкин в «Путешествие в Арзерум». – Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат». Они встретились 14 июля 1829 года. Вот как об этом вспоминает сам Пущин: «Однажды возвращаясь из разведки, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречею с неприятелем, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну, скажи, Пущин: где турки, и увижу ли я их?..» «Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр...»

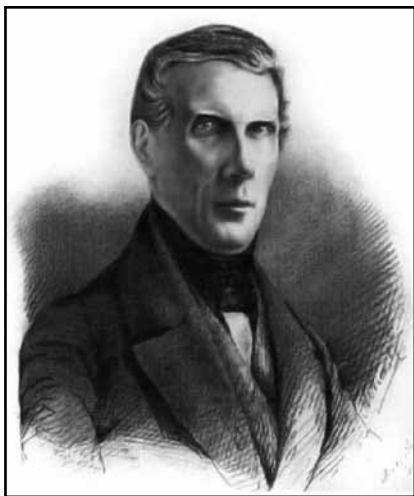
В состоявшейся вскоре после этого разговора стычке с противником М. И. Пущину пришлось стать ангелом-хранителем поэта, который, сразу нарушив договор держаться рядом, так стремительно бросился в гущу схватки, что скрылся из виду и встревоженному Михаилу Ивановичу пришлось заняться его поисками. Наконец он увидел Пушкина, «отделившегося от фланкирующих драгун, скачущего с саблей наголо, против турок на него летящих». Видя, что численный перевес не на их стороне, делибаши повернули вспять, и Пушкину «не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкою». Видимо, этот эпизод поэт отразил в известном стихотворении

🌀 Автошарж А. С. Пушкина

«Делибаш» и автошарже, где он изображен верхом на коне в цилиндре и бурке, с пикой в руке. Такая необычная экипировка вызывала немалое удивление у казаков, считавших его духовной особой – немецким пастором или «драгунским батюшкой».

Весть о безрассудном поведении Пушкина, неудержимо рвавшегося в самые опасные места, под пули и ядра, дошла до И. Ф. Паскевича. Вначале радушно принявший поэта, генерал срочно вызвал его к себе. Разговор, как вспоминает присутствовавший на нем очевидец, был короток. «Господин Пушкин, – сказал И. Ф. Паскевич, – ...жизнь ваша дорога для России, вам здесь делать

Михаил Иванович Пушчин

нечего, а поэтому я советую немедленно уехать из армии обратно, и я уже велел приготовить для вас благонадежный конвой». Порывисто поклонившись, Пушкин выбежал из палатки главнокомандующего, быстро собрал багаж и, попрощавшись со своими друзьями и знакомыми, а особенно тепло с М.И. Пушциным, в тот же день уехал...

Но разлука оказалась недолгой. Поскольку кампания победно завершалась, М. И. Пушчин получил разрешение отправиться на лечение в Кисловодск и во Владикавказе неожиданно встретил Пушкина и Дорохова. Ехать на воды решили вместе, однако Пушчин поставил условия: Пушкину в дороге не играть в карты (поэт был азартным, но неудачливым картежником), Дорохову – ни с кем не драться, не бить своего денщика. Ехали в коляске весело, попивая рейнвейн, которым их в дорогу в избытке снабдил Н. Н. Раевский. В пути тягостный для обоих договор

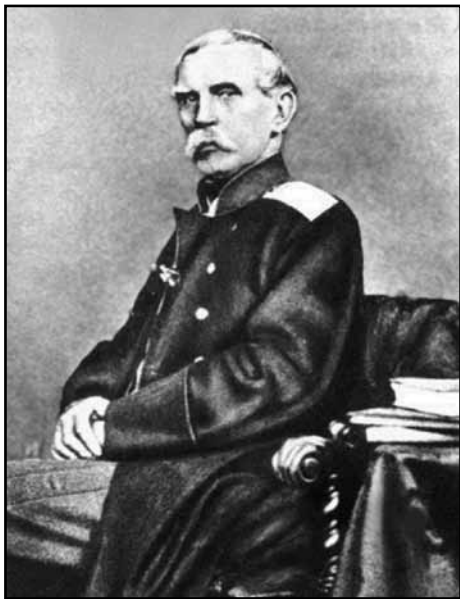
ими все же соблюдался, но по приезде в Пятигорск был сразу же нарушен: один снова принялся за рукоприкладство, второй оброс карточными долгами. Отношения несколько осложнились, но потом снова стали дружескими. *«Лицейский твой товарищ Пушкин, – писал М. И. Пущин брату, – который с пикою в руках следил турок перед Арзерумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал со мной на воды, – мы вместе пьем по несколько стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день»...*

«Кислые воды» мало помогли М. И. Пущину, здоровье его ухудшилось. Попросив отпуск, он отправляется в Псков, где жила его сестра Екатерина Ивановна Набокова, муж которой командовал стоявшей там дивизией. Там Михаил Иванович подает ходатайство об отставке и 4 февраля 1831 года получает увольнение из армии с условием состоять под строжайшим тайным надзором и запрещением въезда в Петербург. А с 29 июня 1832 года с монаршего позволения начинается его гражданская служба: он зачислен чиновником особых поручений при псковском губернаторе. В том же году он женится на дочери псковского помещика Софии Петровне Пальчиковой, и основным местом, где будет проходить его свободное время, станет полученное супругой в приданое имение Щиглицы с его сельским привольем и живописной природой.

В следующей должности – попечителя богоугодных заведений – он пробыл недолго, с 31 мая 1834 года по 22 февраля 1835 года, но и за столь короткий срок сумел снискать на этом поприще большое уважение простых людей. Однако в связи с неожиданной смертью жены решает подать в отставку и на время уезжает в отцовское

имение Паричи Бобруйского уезда Минской губернии для приведения его в порядок. Вернувшись на Псковщину в середине 1837 года, женится вторым браком на Марии Яковлевне Подколызиной. В 1842 году, после смерти отца М. И. Пуцина, супруги окончательно переселяются в Паричи. От надзора и всех ограничений он был освобожден только после кончины своего «державного благодетеля», по амнистии 26 августа 1856 года.

В 1857 году во время поездки на лечение в Швейцарию в живописном местечке на берегу Женевского озера М. И. и М. Я. Пуцины познакомились с Львом Николаевичем Толстым, который в письме литературному критику П. В. Анненкову писал: *«Пуцин этот – прелестный и добродушный человек. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству»*. А вот другое письмо, родственнице: *«Просто на подбор превосходные люди все. Пуцин – старик 56 лет, бывший, разжалован за 14 число, служивший солдатом на Кавказе; самый откровенный, добрый и всегда одинаково веселый и молодой сердцем человек в мире... Его жена – вся доброта и самопожертвование... С ними я*

 Михаил Иванович Пуцин:
последние годы

вместе с ней живут в Паричах. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству». А вот другое письмо, родственнице: *«Просто на подбор превосходные люди все. Пуцин – старик 56 лет, бывший, разжалован за 14 число, служивший солдатом на Кавказе; самый откровенный, добрый и всегда одинаково веселый и молодой сердцем человек в мире... Его жена – вся доброта и самопожертвование... С ними я*

жил в одном доме и проводил целые дни...».

Как член Московского губернского комитета Михаил Иванович активно участвовал в подготовке отмены крепостного права. Позднее Александр II даже хотел назначить его комендантом Петропавловской крепости, однако вакансии там еще не было, и потому последовало другое назначение с производством в генералы – комендантом Бобруйской крепости. В этой долж-

Михаил Иванович и Мария Яковлевна Пузины

ности генерал-майор М. И. Пуцин, многое переживший на своем веку, и простился с юдолью земной в год от Рождества Христова 1869, в день 19 мая, всего лишь год не дожив до своего семидесятилетия, оставив у всех, кто его знал, самые добрые воспоминания о себе как о достойнейшем человеке, воине и гражданине, чьи заслуги пусть и с промедлением, но были отмечены пятью российскими орденами: Святого Георгия четвертой степени (№ 10143; 17 декабря 1858), Святой Анны третьей и четвертой степеней (1828, 1829), Святого Владимира третьей степени (1863), Святого Станислава 1-й степени (1867).

...А поручика Ивана Якимовича Степанова в должности каинского городничего еще в 1828 году сменил коллежский ассессор Елеазар Андреевич Начапинский. Был ли он уволен по инициативе начальства «за служебное несоответствие» или вынужден был подать в отставку сам, где завершил свой жизненный путь, – останется неизвестным. Впрочем, уже и того, что мы о нем знаем, достаточно, чтобы поклониться его памяти. Имя бывшего градоначальника теперь уже навсегда занесено в историю города, ибо если что-то и вечно на земле, так это добрые дела.

«Этот почтенный и простой человек показал нам, перед нами и сзади нас ехавшим товарищам нашим столько сердечного участия и сострадания к нашей участи, что память о Степанове навсегда сохранилась у всех пользовавшихся его радушием гостеприимством».

Помним о нем и мы...

Место вечного упокоения супругов Пузиных: в те времена и ныне

☛ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1830, Т. 1, с. 1–8, 13–15, 753–774; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, или общий штат Российской Империи (1805–1829); Месяцеслов и Общий штат Российской империи (1830–1842). Часть вторая. Санкт-Петербург; Следственное дело М. И. Пущина // Восстание декабристов: документы. Т. XIV. Москва: Наука, 1976, с. 449–463, 487–489; Штер М. П. Статистическое изображение городов и посадов по 1825 год. Санкт-Петербург, 1829, с. 30–31; Гаге-мейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его императорского величества повелению... Часть II. Санкт-Петербург, 1854, с. 151–152, табл. VIII; Русский биографический словарь. Т. 15. Санкт-Петербург, 1910, с. 333–335; Декабристы. Биографический справочник. Москва: Наука, 1988, с. 306; Декабристы. 86 портретов. Москва: Изд-во М. М. Зензинова, 1906, с. 109; Записки Михаила Ивановича Пущина // Русский архив. 1909. № 11, с. 410–464), № 12, с. 507–576; Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. Москва: Правда, 1989, с. 421; Записки барона Андрея Евгеньевича Розена. Часть первая (1800–1827) // Отечественные записки. Том CCXXV. Санкт-Петербург, 1876, с. 28–29; Попов М. М. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года // О минувшем. Исторический сборник. Санкт-Петербург: Тип. Б. М. Вольфа, 1909, с. 116–117; Записки Николая Васильевича Басаргина // Деятнадцатый век. Исторический сборник. Книга первая. Москва, 1872, с. 119; Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой // Русская старина. Т. 58. Санкт-Петербург, 1888, с. 5; Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. Москва: Университетская типография, 1888, с. 199; Анатолий Кузьмин. Курганские городничие (Тобольск и вся Сибирь. Книга XXIII. Курган). Тобольск, 2014, с. 42–50.

1829 *Июль.* Приехавший в Россию по личному приглашению императора Николая I выдающийся немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт и его спутники минеролог Густав Розе и биолог Христиан Готфрид Эренберг, побывав на севере и в центре Урала, достигли пределов Сибири. Конечным пунктом маршрута, которым следовала экспедиция, предполагался Тобольск. Однако было решено не возвращаться в столицу, не посе-

тив Алтай, куда они и направились через Барабу и Каинск. Как оказалось, в недоброе время. О том, что пришлось пережить путешественникам, рассказано в частном письме сопровождавшего ученых поручика Дмитрия Николаевича Ермолова, адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Ивана Александровича Вельяминова.

«...16-го ночью мы приехали в г. Каинск, Томской губ., замечательный только по крепостце, построенной еще в XVIII веке от набегов киргизов, которой, впрочем, теперь и следов уже не осталось. Здесь мы услышали о свирепствующей, по предстоящему нам пути, сибирской язве на лошадей и людей, причину коей некоторые приписывают ужалению доселе неизвестного насекомого, а иные испарениям во время сильных жаров, выходящим из здешних огромных болот и стоячих озер, бесчисленных по Сибири. Язва сия обнаруживается сначала в виде вереда (нарыва – авт.) с черным стержнем, а следуемая за сим с опухолью мучительнейшая боль сердца (по словам поселян) по двухдневном страдании прекращает существование зараженного. Немногие излечиваются простейшими средствами, удающимися местным врачам их.

Несмотря на уверения, что язва сия не заразительна, мы так перетрусили, что хотели было воротиться, но,

Александр Гумбольдт

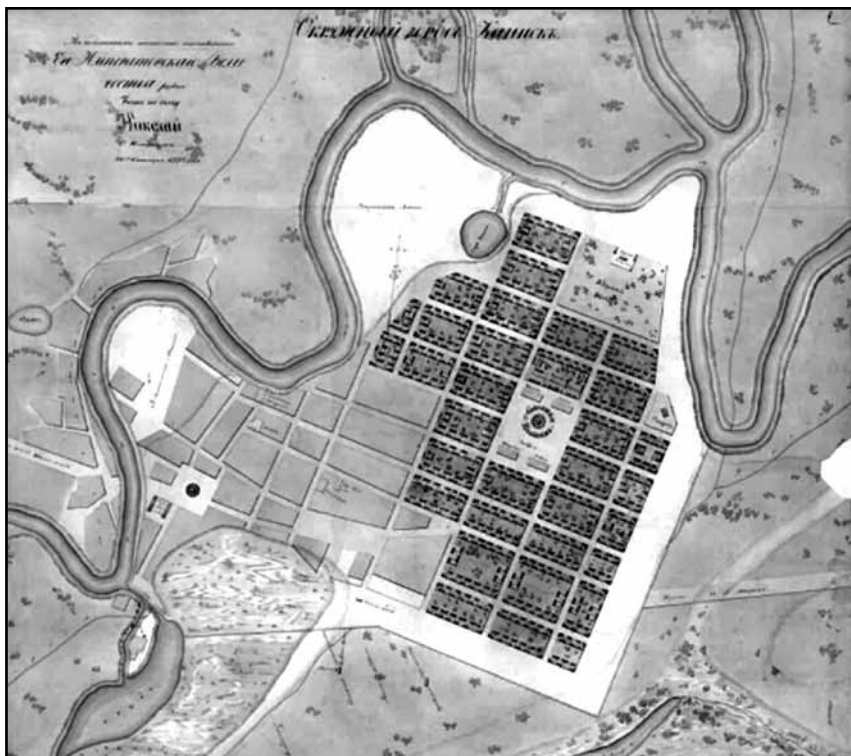
к счастью, дух наш не упал еще совершенно, и мы решились пуститься далее, взяв с собой бочонки воды и столовый запас весь, дабы не иметь совершенно никакого сообщения с зараженными жителями, а следовательно, должны были и не выходить из закрытых экипажей наших. На другой день утром мы уже были среди объятого сею язвою пространства: стоны страдальцев, вопли ближних их и всеобщее уныние находили мы в каждом почти селении, иногда в самых больших из них случалось, что насилу могли набрать нам 20 лошадей из оставшихся от падежа.

Наше положение не менее требовало соболезнования: кроме того, что мы должны были быть свидетелями всех ужасов сибирской язвы, нам надо было еще в самые сильные жары (кои здесь на севере несравненно еще ощутительнее) окутывать всю голову употребляемыми в Сибири сетками от неимоверного множества комаров и мошек и переносить, таким образом, всю несносность жаров и пыли, не выходя из полузакрытого экипажа. Наконец, 19-го мы увидели свет, вышедши обедать на чистый воздух, и с сих пор не слыхали уже более об ужасном поветрии...».

☞ Ермолов Д. Н. Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829) // Русский архив. №8. Москва, 1865, стб. 1011–1030.

1834 Томским губернским архитектором Карлом Рейнгольдовичем Турским составлен план Каинска, который в дальнейшем стал основополагающим для более поздних планировочных разработок и 26 октября 1834 года был высочайше утвержден императором Николаем I вместе с планами Колывани, Кузнецка и Бийска, тоже составленными К. Р. Турским.

☞ Гуменюк А. Н., Ляликов И. В. Указ. соч., с. 231.

План Каинска 1834 года

1835 Завершено строительство и введен в действие комплекс Каинской пересыльной тюрьмы. Ее постройкой руководил городской архитектор Томска, помощник губернского архитектора Марк Васильевич Долгополов, с 1835 года еще и архитекторский помощник Томской губернской строительной комиссии. Он же составил проект шести торговых лавок к старому гостиному двору в Каинске.

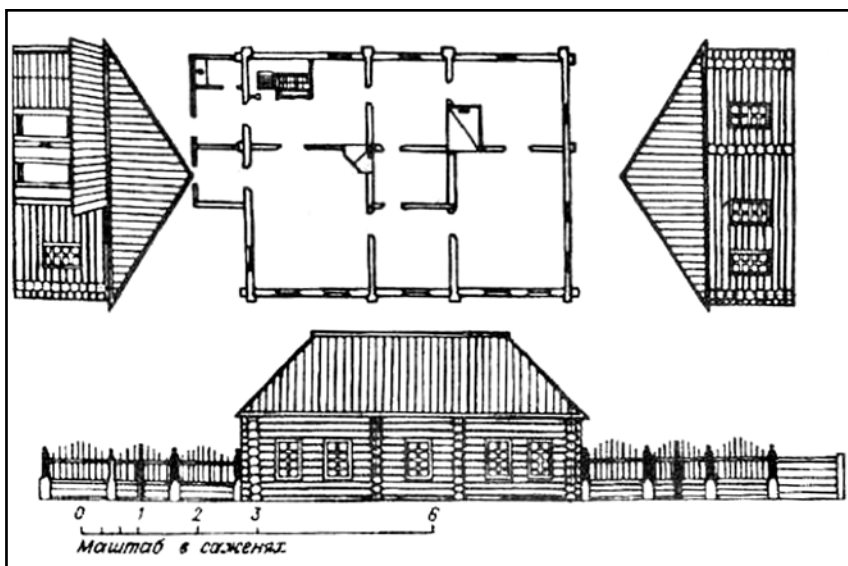
☞ Гумениук А. Н., Ляликов И. В. Указ. соч., с. 228.

Сквозь тернии – к знаниям...

Начать эту главу хотелось бы с похвального слова тому, кому она во многом обязана своим содержанием, – штатному смотрителю Каинского уездного училища коллежскому асессору Александру Якимовичу Якимовскому. Его «Краткое статистическое описание Томской губернии окружного города Каинска за 1842 год» – ценный источник исторических сведений, без которых наше представление о Каинске того времени было бы намного беднее и абстрактней.

Но сначала поведаем о том, что предшествовало появлению А. Я. Якимовского на поприще каинского народного просвещения. К его приезду уездное училище существовало де-юре уже двенадцать лет, а де-факто – шестнадцать. А прежде, чем состоялось его двойное открытие, к Каинскому городскому обществу свыше дважды, в 1814 и 1816 годах, обращались с запросом о возможности его добровольных и достаточных пожертвований на заведение и содержание школы. После двойного отказа вопрос о «рассаднике наук» повис в воздухе, пока, как в сказке, не появился в 1817 году добрый молодец – купеческий сын, выпускник Тарского и уже сам учитель Тобольского Богоявленского приходского училища Денис Иванович Чудинов и сделал отцам города предложение, от которого они не смогли отказаться. Он сказал, что готов пожертвовать на благо образования приобретенный на свои средства дом, взять на себя его ремонт и содержание, но с непременно условием, чтобы в нем располагалось уездное училище, где он был бы и штатным смо-

План дома, купленного Д. И. Чудиновым и отданного им под уездное училище

тритеlem, и учителем «на полном штатном положении». Согласие было получено.

Переехав в Каинск, Д. И. Чудинов приобрел не только дом, но и мебель и различные учебные пособия для училища, что обошлось ему в 1851 рубль ассигнациями и позволяло без промедления приступить к занятиям. Они начались в августе 1818 года, в первый класс пришли двенадцать учеников (дети пяти мещан, двух купцов, двух крестьян, казака, чиновника), а в ноябре открылся и второй класс, и всего обучением было уже охвачено двадцать пять подростков. Ожидание официального утверждения, сопровождавшееся изнурительной перепиской, длилось почти четыре года, пока наконец 12 марта 1822 года не состоялось торжественное открытие училища в присут-

ствии городского «бомонда» и куратора всех губернских учебных заведений, директор Томского училища Ивана Григорьевича Новотроицкого.

Последующие события весьма туманны. Достоверно известно одно: назначенный еще в 1821 году визитатором (главным инспектором) сибирских училищ Петр Андреевич Словцов, первый сибирский историограф, уже не раз упоминавшийся на страницах этой книги, много разъезжавший по своей «епархии», в кои-то веки, а точнее в 1824 году, добрался и до Каинска. Следствием этого рокового для Д. И. Чудинова события стало немедленное распоряжение о его увольнении *«навсегда из ведомства министерства народного просвещения, так как он довел Каинское уездное училища до такого состояния, что училищный комитет считал его почти несуществующим»*. И жизнь в училище в последующем, вплоть до назначения штатным смотрителем А. Я. Якимовского, еле-еле теплилась.

Об авторе описания известно в основном то, что он сам счел нужным сообщить о себе в своем труде, со страниц которого его составитель явно хотел предстать, что отчасти соответствовало истине, человеком достаточно просвещенным, неравнодушным к городским пробле-

Петр Андреевич Словцов

мам, особенно к своему детищу – «малому рассаднику наук», исполнительным чиновником, благонамеренным и верноподданным гражданином, позволяющим себе не только вносить конкретные предложения по улучшению дел, но и критически оценивать деятельность отдельных должностных лиц местного уровня, мало радеющих, по его мнению, о благе общественном.

К исполнению своих обязанностей А. Я. Якимовский приступил 30 августа 1834 года, будучи переведен в Каинск с повышением в чине из Царевококшайска (ныне г. Йошкар-Ола). Училище он застал в плачевном состоянии, изрядно обветшавшее и при почти полном отсутствии положенных по штату учителей. В связи с этим первые два года, не претендуя на дополнительное жалование, сам вел уроки в первом и втором классах, преподавал рисование, одновременно занимаясь организационными, финансовыми и хозяйственными делами. В последующие годы ему удалось несколько снять остроту кадровой проблемы, слегка облагородить внешний вид училища, по-прежнему размещавшегося в старом чудинском доме, фасад которого оштукатурили и побелили, пополнить библиотеку, приобрести наглядные пособия.

Каинск уже давно нуждался в своем приходском училище, после годичного обучения в котором его выпускники, получившие начальные знания, смогли бы поступать в уездное училище. Еще в 1827 году Каинскому городскому обществу было предложено изыскать средства на содержание хотя бы пригготовительного класса. Хотя сумма предполагалась вполне посильная (в Томске, например, она составляла порядка ста пятидесяти рублей в год), ка-

инцы наотрез отказались. И правительство вынуждено было открыть такой класс за собственный счет. В 1836 году история повторилась. Министерство народного просвещения поручило губернатору генерал-майору Николаю Алексеевичу Шленеву и директору училищ надворному советнику Ивану Григорьевичу Новотроицкому «внушить исподволь и приличными средствами гражданам сих городов (Каинска и Кузнецка – *авт.*) пользу от учреждения приходских училищ». Однако убедить горожан губернским властям так и не удалось, на этот раз они тоже ответили категоричным отказом, «ссылаясь на общую бедность, скудную торговлю и малочисленность общества».

Исход этих переговоров искренне огорчил А. Я. Якимовского, и в своем обращении к директору губернских училищ И. Г. Новотроицкому он с искренним радением о скорейшем решении этого вопроса и молодой горячностью предложил «заставить» Каинское общество открыть приходское училище и взять его на свое иждивение. В ответном послании было деликатно разъяснено, что «такие меры неупотребительны» и «только убеждение должно служить главным средством к приведению в исполнение этого полезного дела», а заодно давались советы «разузнуть, как относятся почетные граждане к школе и расходам на нее», и просить местное начальство о «содействии к убеждению общества принять приходское училище на свое содержание, изъяснив им от этого заведения имеющую быть для них пользу». И вот тогда, добившись согласия большинства каинцев, немедленно сообщить об этом в дирекцию, представив примерную смету расходов.

На этой стезе А. Я. Якимовского постигла такая же неудача, как и его высокопоставленных предшественников, все его «убедительные» доводы Каинской городской ратушей были решительно отклонены с пояснением, что «городовые доходы потребны на другие предметы, по устройству зданий, могущих приносить доходы...». И пришлось пока остаться при прежнем приготовительном классе.

Но в другом деле настойчивость Александра Якимовича достигла цели. Косметический ремонт старого помещения училища не решил проблемы, к концу сороковых оно уже находилось в состоянии аварийного износа и с трудом вмещало медленно, но все-таки из года в год растущее количество учащихся, здесь же квартировал и сам штатный смотритель. И начиная с 1849 года А. Я. Якимовский не дает покоя соответствующим инстанциям, требуя уже не капитального ремонта имеющегося здания, а строительства нового. Неудовлетворительное состояние «рассадника знаний» засвидетельствовал очередной директор училищ надворный советник Федор Семенович Мещерин, в акте проведенной им ревизии отметивший, что «нашел его ветхим, холодным, тесным и неблагоприятным». Но денег на возведение достойного здания, сметная стоимость которого даже в скромном варианте составила около двадцати шести тысяч рублей, не нашлось.

Отказ не смутил А. Я. Якимовского, продолжившего тревожить властные органы всех уровней. В 1851 году главное управление Западной Сибири не находит ничего более оригинального, чем поручить местной администрации снова апеллировать к Каинскому «градскому» обществу: не найдет ли оно все-таки возможным изыскать

необходимую сумму для строительства училища. Чудес не бывает: на банальный вопрос – банальный ответ. Вот отцы города и ответили, что кроме 42 рублей 85 копеек, которые они уже выделяют на содержание приходского класса, более ничем полезными быть не могут. Неугомонный Александр Якимович предлагает организовать подписку. Но каинские скопидомы и тут не раскошелились. Результат плачевный: весь сбор – 24 рубля 20 копеек. Новая идея штатного смотрителя: взимать за учение плату – по три рубля в год с каждого обучающегося в училище и по полтора рубля с каждого «приготовишки», что могло бы давать, по его расчетам, до ста пятидесяти рублей ежегодной выручки. И только в 1853 году удалось начать строительство нового деревянного помещения, с перерывами, в зависимости от наличия средств, длившееся до 1855 года, ставшего для Каинского уездного училища годом особым – годом долгожданного новоселья.

А. Я. Якимовский склонял чиновников и горожан к пожертвованиям в пользу училища, подавая при этом личный пример: «украсил зал портретом Государя Императора Николая I», подарил несколько учебников и журналов, вложил собственные сбережения в строительство подсобных помещений. Собранные пожертвования позволили провести ремонт училища, купить два глобуса, «земной и небесный», термометр Реомюра, книги и писчие принадлежности «на раздачу беднейшим ученикам». Общая сумма добровольных взносов составила 683 рублей ассигнациями, из них 275 пожертвовал сам А. Я. Якимовский. В глазах подчиненных и учащихся, да и окружающих (это прослеживается и в описании) он ста-

рался выглядеть строгим и требовательным руководителем и наставником, блюстителем порядка, дисциплины и прилежания, убежденным в том, что дети «должны извлекать совершенную признательность к пекущемуся о них Правительству и воспитателям своим».

Но, как увидим далее, этому тщательно создаваемому им самим «имиджу» коллежский асессор соответствовал не всегда, а потому за 28 (!) лет службы в этой должности, выйдя в отставку в 1861 году, получить очередной чин (надворного советника) так и не сподобился. Им чуть не втрое перекрыт рекорд пребывания на каинской службе, до этого принадлежавший городничему Андрею Федоровичу Текутьеву с его десятилетним стажем. Уже за одно это Александр Якимович заслуживает самой доброй памяти, даже несмотря на его некоторые человеческие слабости. О них счел целесообразным поведать анонимный автор обширного обзора «Исторический ход народного просвещения в Томской губернии», напечатанного в губернских «Памятных книжках» за 1884 и 1885 годы. Не вижу ничего зазорного в том, чтобы предать их гласности. Как говорится, не сенсации ради, а объективности для...

Эпизод первый. Когда стало ясно, что планировавшееся открытие школ в волостных центрах не представляется возможным по причине отсутствия средств, Томская казенная палата 24 августа 1839 года издала указ: организовать отбор в каждой волости двух мальчиков предпочтительней из числа сирот для отправки их в уездные училища с целью подготовки к должностям волостных писарей с сопутствующей оплатой их содержания и учебы в сумме 180 рублей ассигнациями. Тот учитель,

которому предстояло заняться их обучением, обретал дополнительный заработок. В январе 1840 года 21 крестьянский подросток поступил в Каинское уездное училище, и вполне естественно, что занятия с ними стал проводить сам А. Я. Якимовский.

Продолжалось сие до 1843 года, пока в губернских верхах не получили донесение от каинского исправника губернского секретаря Василия Семеновича Садовникова. В нем сообщалось, что штатный смотритель непозволительно самоуправно распоряжается вверенными ему для обучения подростками, а именно: использует их во внеурочное время как прислугу, нагружая различными домашними работами; заставляет сопровождать себя во время прогулок наподобие эскорта; по воскресным дням отпускает в город, где они бродят по дворам, выпрашивая милостыню. Вряд ли эти обвинения можно счесть по-настоящему серьезными, но роль свою они сыграли. Поскольку вышеупомянутым указом надзор за мальчиками и «попечение о них в экономическом и нравственном отношениях» было возложено на исправников, не отреагировать на сигнал не могли. Без особых разбирательств восемнадцать учащихся были изъяты у Александра Якимовича и переданы... Кому? Писарю автора кляузы с оплатой по восемь рублей ассигнациями в месяц за каждого школьника. Порадел господин исправник «родному человечку» и, может быть, не без личной корысти.

Впрочем, оскорбленный таким чиновным произволом штатный смотритель в долгу не остался и, выждав некоторое время, тоже отправил в тот же адрес инвективу на своих обидчиков, причем с критикой более острой, чем та, кото-

рой подвергся он сам: положение несчастных сирот было обрисовано как ужасающее, они бедствовали во всем, от плохого питания и постоянного недоедания начали болеть цингой, во время занятий на двенадцать человек выдавалась всего одна свеча. Как бы подтверждением того, что жилось у нового наставника действительно несладко, стал побег двух мальчишек, которых удалось поймать только в двухстах верстах от Каинска. Но, как бы то ни было, в 1844 году шестеро сельских стипендиатов курс обучения закончили, остальные продолжали пополнять запас знаний еще и в 1845 году. А общий итог был подведен в 1852 году: из 21 выпускника волостным писарем работал только один, сельским писарем – тоже один, десять человек служили помощниками волостных писарей, один – канцеляристом земского суда, остальные оказались вне той сферы деятельности, к которой их готовили...

Эпизод второй. В 1853 году А. Я. Якимовскому пришлось иметь дело с недоброжелателями куда как покруче, чем уездная мелкота, вроде того же исправника. В тот год Каинск поочередно посетили генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант Густав Христианович Гасфорд и томский гражданский губернатор генерал-майор Валериан Александрович Бекман. Помимо присутственных мест не преминули они побывать и в уездном училище, но поскольку ни тот, ни другой о своем появлении Александра Якимовича загодя уведомить не соизволили, то застали его к их визитам не совсем подготовленным: один – в нетрезвом расслаблении, другой в состоянии периодически случавшейся с ним полной служебной пассивности.

Первый на основании одного, может быть, нетипичного случая, коему он стал свидетелем, безапелляционно аттестовал штатного смотрителя пьяницей, обвинил в отсутствии должной заботы о вверенном ему учебном заведении, где нет надлежащего порядка. Другой в своем циркуляре устроил ему форменный разнос по поводу в избытке выявленных недостатков, с подробным их перечнем. Что-то увидел сам, что-то нашептали недруги, которых у А. Я. Якимовского среди каинской чиновной братии хватало. Но нашелся и защитник, на этот раз в такой ипостаси предстал его непосредственный начальник – директор училищ Ф. С. Мещерин, который бесстрашно опроверг выводы Г. Х. Гасфорда и В. А. Бекмана, назвав их неверными и представив училищные дела в акте своей ревизии если не в лучшем, то в более или менее сносном виде. Он знал истинную цену штатному смотрителю и терять его не хотел...

Уже сам выбор кандидатуры А. Я. Якимовского для выполнения поступившего свыше задания говорит о его явной неординарности: составление различных описаний, статистических, топографических, этнографических, поручалось наиболее грамотным и эрудированным представителям чиновного или духовного сословия. И Александр Якимович оправдал оказанное ему доверие: то, что вышло из-под его пера, одновременно и содержательный документ, и интересное повествование, где с обязательной «цифирью» соседствуют живые зарисовки городского быта, а сквозь суховатый официоз деловой информации нередко проглядывает авторская ирония. Неизвестно, поощрило ли начальство добросовестный

труд коллежского асессора, но от нас ему – низкий поклон, хотя есть и некоторые замечания...

Во вступительной части описания под заголовком «Градоначальники» помещен список чиновников, которые «с открытия в 1782 году уездного города были градоначальниками настоящими и исправляющими сию должность». О нем уже шла речь в главе «Первые градоначальники», где в начало этого перечня были внесены существенные поправки. При более близком рассмотрении появляются вопросы и к остальной его части. Логично было бы видеть в ней только тех, к кому впрямую можно отнести слово «градоначальник», а именно каинских городничих. Но это не так. Для сравнения с тем, что удалось выяснить мне, воспроизвожу полностью «синодик» А. Я. Якимовского:

1) коллежский асессор Блей; 2) в 1797 г. коллежский асессор Чекучов; 3) 1804 г. – уездный судья надворный советник барон де Жефи; 4) 1805 г. – титулярный советник Шиловский; 5) 1806 г. – уездный судья титулярный советник Родюков 6) и уездный судья титулярный советник Корнилович; 7) 1807 г. – надворный советник Матушевич; 8) 1810 г. – уездный судья надворный советник Салтанов; 9) и коллежский асессор Михайлов; 10) 1815 г. – надворный советник Текутьев; 11) 1818 г. – губернский секретарь Попов; 12) 1820 г. – уездный судья титулярный советник Коршунов 13) и штабс-капитан Осипов; 14) 1825 г. – майор Николай Мыльников; 15) 1826 г. – поручик Иван Степанов; 16) 1827 г. – коллежский асессор Елизар Начапинский; 17) 1835 г. – титулярный советник Иван Зубарев; 18) окружный судья титулярный советник Егор

Корсаков 19) и коллежский ассессор Антон Добролюбов; 20) 1837 г. – губернский секретарь Рачинский 21) и коллежский ассессор Александров; 22) 1839 г. – губернский секретарь Иван Мельницкий; 23) 1840 г. – губернский секретарь Густав Гриббе (правильно – Граббе, *авт.*).

Предлагается что-то вроде теста на поиск отличий. В моем варианте, выверенном по адрес-календарям вплоть до упразднения этой должности, только одни городничие:

1782–1784 – коллежский ассессор Богдан Иванович Остермейер;

1785–1786 – коллежский ассессор Семен Федорович Толстых;

1786–1796 – коллежский ассессор Эбергард Блей;

В 1796 году Каинск был лишен статуса штатного города, получил его вновь только в 1804 году при образовании Томской губернии и опять стал уездным центром.

1805 – коллежский ассессор Петр Иванович Афанасьев;

1806–1807 – титулярный советник Семен Минеевич Шиловский;

1808–1810 – надворный советник Иосиф Михайлович Матушевич;

1811–1814 – коллежский ассессор Егор Михайлович Михайлов;

1815–1825 – надворный советник Андрей Федорович Текутьев;

1826–1827 – поручик Иван Якимович Степанов (орден Святой Анны четвертой степени);

1828–1832 – коллежский ассессор Елиазар Андреевич Начапинский;

1833–1835 – исправляющий должность коллежский асессор Сергей Васильевич Орлов;

1835–1837 – титулярный советник Иван Петрович Зубарев;

1837–1838 – коллежский асессор Антон Егорович Добролюбов;

1839 – исправляющий должность коллежский асессор Михаил Александрович Александров;

1840–1841 – исправляющий должность губернский секретарь Иван Алексеевич Мельницкий;

1842–1848 – штабс-капитан Густав Карл Граббе;

1849–1853 – коллежский асессор Василий Иванович Андреев;

1854–1861 – титулярный советник Николай Евгеньевич Рейнгольд;

1862–1864 – титулярный советник Фортунат Дементьевич Борткевич;

1865–1868 – титулярный советник Павел Петрович Седачев.

Вывод: в перечне градоначальников А. Я. Якимовского, в основном верном, в то же время есть пропуски в составе городничих и совершенно неоправданно включены в него другие должностные лица. Имеются также и хронологические неточности в датировке сроков службы.

Должность городничего была упразднена в связи с принятием 25 декабря 1862 года Временных правил об устройстве полиции, в соответствии с которыми полиция большинства городов и уездная полиция были объединены в одно общее уездное управление, возглавлявшееся уездным исправником, а некоторые функции городничего

го перешли к городским думам. В Каинске должность городничего, что подтверждает «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1868–1869 годы», просуществовала по 1868 год включительно. Естественный вопрос: а как же управлялся город в последующем? Управление им осуществляли в 1869–1876 годах в период действия Временных правил до введения городского положения 1870 года через окружной суд и окружное полицейское управление следующие высшие должностные лица:

1869 – судья коллежский советник Петр Данилович Нестеровский (до 1870 года), исправляющий должность исправника надворный советник Магистр Иванович Берестов;

1870 – судья коллежский асессор Самуил Иванович Мартин (до 1875 года);

1871 – исправляющий должность исправника коллежский секретарь Евгений Александрович Звенигородский (до 1873 года);

1873 – исправляющий должность исправника коллежский асессор Аполлон Федорович Ананьин;

1874 – исправляющий должность исправника титулярный советник Николай Андреевич Колбин (до 1877 года);

1875 – судья надворный советник Андрей Иванович Плахин (до 1880 года).

Совершенно непонятно: почему А. Я. Якимовский не счел нужным упомянуть в описании главных с 1823 года руководителей города и уезда – окружных начальников? Гадать не будем, просто восполним этот пробел (с 1868

года окружные советы и должности окружных начальников были тоже упразднены):

1823–1825 – титулярный советник Петр Афанасьевич Меркушев;

1826–1828 – вакансия;

1829–1831 – исправляющий должность коллежский асессор Петр Антонович Готовцов;

1831–1833 – коллежский асессор Философ Александрович Горохов (в 1832 орден Святой Анны третьей степени);

1833–1837 – отставной майор Андрей Гаврилович Элин (орден Святой Анны четвертой степени);

1838–1841 – надворный советник Петр Федорович Жилин (орден Святой Анны третьей степени);

1842–1848 – сначала «должность исправляющий», а затем в ней утвержденный, титулярный советник Илья Яковлевич Знаменский;

1849–1853 – надворный советник Изот Федорович Бондаревский;

1854–1855 – коллежский асессор Михаил Иванович Плотников;

1856–1861 – титулярный советник Всеволод Иванович Вагин;

1862–1863 – коллежский асессор Яков Алексеевич Попов;

1864–1867 – коллежский асессор Фортунат Дементьевич Борткевич.

Не все они безвестно канули в вечность. Каинский окружной начальник с 1831 года (а ранее в 1824–1826 годах здесь же исправлявший должность земского ис-

правника) Философ Александрович Горохов, назначенный в 1833 году томским губернским прокурором, достиг головокружительных высот власти и богатства. Выгодно женившись и выйдя в отставку, вместе с тестем и еще одним компаньоном он так успешно организовал добычу золота, которого на его приисках намывали до ста пудов в год, что в короткий срок стал миллионером и самой влиятельной фигурой в губернском центре, поражая горожан неслыханной роскошью и расточительством, которые в итоге и привели «томского герцога» к плачевному финалу. В 1850 году он обанкротился и провел последние годы своей жизни в крайней нужде. Нередкий пример, когда неумение разумно распорядиться громадным состоянием завершилось крахом всего дела. Как увидим позднее, не минет чаша сия и некоторых представителей каинского купечества. Заметный след оставил в сибирской истории и другой окружной начальник – выдающийся общественный деятель, публицист, историк Всеволод Иванович Вагин...

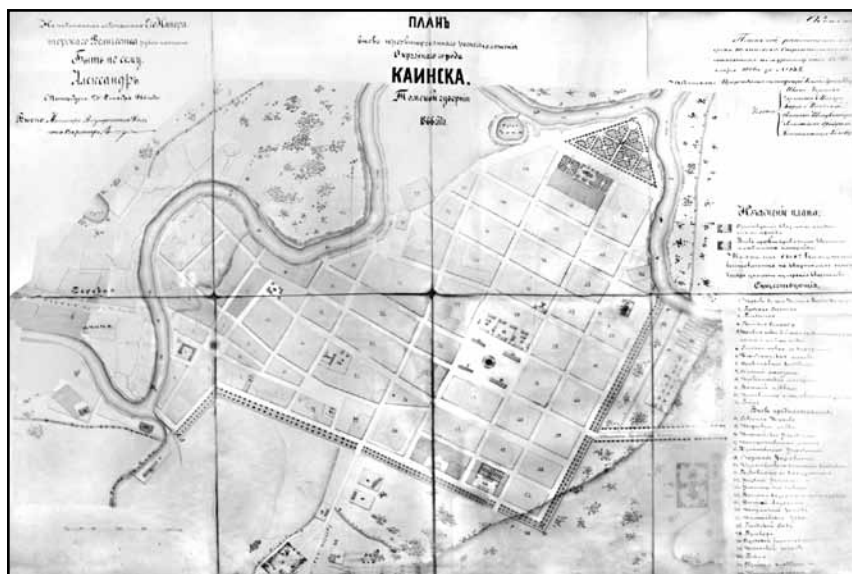
В Куйбышевском краеведческом музее хранится редчайший экспонат «Подлинный план города Каинска» с резолюцией императора: «Быть по сему. Александр. Санкт-Петербург. 23 декабря 1866 года». Этот проект, определивший развитие каинского градоустройства на долгие годы, включая и часть советского периода, не был первым. «Специальный геометрический план, для точного сведения о строении окружного города Каинска, равно и местоположении оногo» появился после того как межевой департамент Сената своим указом 20 октября 1823 года утвердил границы городских земель (само межева-

ние было «учинено» двумя годами позже, осенью 1825 года). В 1828 году окружной землемер Петр Берестов по распоряжению Томской казенной палаты «пересочинил» план. Этот вариант действовал до 26 октября 1834 года, когда Каинск вновь был «высочайше прожектирован».

Ориентированные на европейские стандарты, первые планы городской застройки в некоторой степени упорядочили процесс градообразования, но остались реализованными не полностью не столько по причине пренебрежения ими, сколько в силу их собственных изъянов и несоответствий, что признавалось и губернскими проверками. Поэтому отдельные участки так и оставались незастроенными, а там, где строительство велось, допускались многочисленные отступления от заданных размеров кварталов и улиц, расположение которых нередко противоречило проекту, от санитарных и противопожарных требований. Долговечность плана, одобренного Александром II, как раз и обусловлена тем, что при его составлении томские архитекторы учли недостатки предыдущих проектных разработок и внесли существенные поправки, благодаря чему планируемая застройка более органично вписывалась в уже существующую, а проект был признан вполне удовлетворительным «в медицинском, полицейском и хозяйственном отношениях».

Общая площадь городских земель, очерченная окружной межой, составляла в 1842 году 7787 десятин («казенная» десятина – 1,09 гектара, *авт.*) однако более половины ее, 4560 десятин, приходилось на обширные неудобья (болота и солонцы), на реки Омь и Каинка, озера Большая, Малые Кайлы, Кривое, Моховое, Месняково и другие,

безымянные, на проселочные дороги и часть Московского тракта. Пригодные к использованию земли в основном распределялись следующим образом: застроенных – 232 десятины (в том числе «под расположенными вновь для выстройки города прожектами» – 84), выпасов с пашнями и выпашками – 741, сенокосов – 1183, мелкого березового леса (дровяного) – 592 десятины. Среднюю обеспеченность каждого семейства (а в Каинске тогда насчитыва-

🌀 План застройки окружного города Каинска, утвержденный императором Александром II 23 декабря 1866 года.

Составлен томским архитектором Константином Ивановичем Гоняевым, выполнившим позднее, в 1877 году, проект Каинского тюремного замка. Сверху копии плана для представления на высочайшее утверждение производил инженер-архитектор Петр Петрович Меркулов, автор проекта Каинского уездного казначейства.

🌀 Гуменюк А. Н., Ляликов И. В. Указ. соч., с. 227, 230.

лось 360 обывательских домов) сельскохозяйственными и лесными угодьями подсчитать нетрудно, а если учесть, что некоторая часть населения ни земледелием, ни животноводством не занималась, то следует признать ее более чем достаточной.

«Упорядоченность уличных и дворовых пространств, отражающая организованную систему плана, свидетельствовала о том, что это – город...» Этому критерию Каинск отвечал уже в начале сороковых, что подтверждается и Якимовским: *«Больших улиц в городе находится 8, а с переулками 9; все расположены довольно правильно, шириною каждая от 8 до 10 сажений, некоторые выстланы и с тротуарами...»* Улицы назывались: Московская, Полицейская, Малая Спасская, Миллионная, Моховая, Секретарская, остальные пока оставались безымянными, так как застраиваться, видимо, начали недавно. Только Московская, являвшаяся отрезком тракта, сохранит в дальнейшем свое название, но и она в ноябре 1920 года будет переименована в улицу Краскома. Прослеживается определенная закономерность в наименовании улиц, названия которых определялись или расположением на них значимых объектов (Московский тракт, Спасо-Успенский собор, полицейское управление), или сословной принадлежностью компактной группы жителей, не всегда, впрочем, составлявшей большинство всего населения улицы: Миллионная (купцы, мелкие торговцы), Секретарская (чиновники), Моховая (крестьяне).

Среди всех городских строений внешним благолепием заметно выделялись Спасо-Успенский собор, ка-

менное здание, где хранилась государственная казна, два деревянных двухэтажных дома «хорошей архитектуры» с флигелями: питейной конторы и окружного почтмейстера. Два главных «градских» учреждения, полицейское управление (так с 1822 года стали именоваться «городнические дела») и ратуша со словесным и сиротским судами, размещались в деревянных общественных зданиях, к числу «примечательных» явно не относившихся. В еще худшем положении находились окружные органы управления (совет, суд, казначейство), обретавшиеся на «разнонаемных квартирах». Не выгоднее ли было бы казне, резонно замечает автор описания, изыскать деньги на возведение приличествующего положению «сих присутственных мест» каменного здания, чем ежегодно тратить от 150 до 450 рублей на аренду частных помещений? Озабоченность криминальной обстановкой в городе (в 1842 году в «одновременной» тюрьме при полицейском управлении «за разные поступки» побывало 482 человека; из них мужчин – 452, женщин – 30) дает ему повод сказать и о том, что действия полицейского ведомства были бы куда эффективнее, «если бы оно имело постоянно... строгого, деятельного и прозорливого» начальника, а десятскими назначали не случайных людей в счет натуральной отработки повинностей, а представителей воинской команды или граждан «с хорошей нравственностью» по найму.

Социальную инфраструктуру тогдашнего Каинска, кроме училища, представляли три богоугодных заведения: две больницы (арестантская и воинская) и еврейская богадельня. Первая с 1812 года ютилась в дряхлом доме,

пожертвованном сердобольным мещанином Заварзиным, но в сентябре 1841 года все «немошные» были переведены в новый больничный корпус на 75 кроватей, построенный с «высочайшего соизволения» в двух верстах на северо-востоке от города. Просторное деревянное помещение на каменном фундаменте с двумя флигелями обошлось Томской казенной палате в солидную сумму (47648 рублей) и содержалось приказом общественного призрения. *«Жаль, – сетует А. Я. Якимовский, – что столь красивое здание выстроено в отдаленном и неудобном месте, которое в большое половодье может быть затопляемо».* Каменная больница военного ведомства на 14 коек финансировалась городской ратушей, отпускавшей на ее нужды до 200 рублей в год. Для богадельни снимался частный дом с годовой платой 100 рублей

По соседству с загородной больницей, у Московского тракта, мрачно возвышался над пустырем обнесенный бревенчатым тыном «тюремный замок», отстроенный заново тоже недавно, в 1841 году, и ставший казне в 32696 рублей и (будем точны) 46 с половиной копеек. Горожане по причине внешнего сходства называли его «острогом». Здесь еженедельно, с понедельника до четверга, останавливались на отдых этапные партии, каждая численностью от 130 до 180 человек. Всего в 1842 году прошло 47 партий общим количеством 6309 человек, расходы на их прием, включая бритье голов, составили 18004 рублей 16 копеек. Главный корпус «острога» внутри был разделен, мужчины и женщины содержались порознь. Для дальнейшего препровождения каторжников и ссыльных тюремная администрация имела четыре пары этапных

лошадей. Через Каинскую этапно-пересыльную тюрьму прошло немало очень известных впоследствии людей, но об одном из них хочется рассказать подробнее...

Как известно, со времен присоединения Сибири к России до падения дома Романовых ни одна царствовавшая особа не удостоила огромный край, составлявший большую часть имперских владений, своим посещением, кроме последнего представителя династии, побывавшего здесь дважды (в первый раз – еще цесаревичем, вторично – уже после отречения от престола, при известных всем обстоятельствах). Однако народная молва утверждала, что один из императоров, Александр I, не только жил в Сибири, но и окончил здесь свои дни под именем старца Федора Кузьмича. Страдавший от своего косвенного участия в отцеубийстве, разочаровавшись во всем, Александр Павлович якобы решил тайно оставить трон и искупить грехи подвижничеством. С помощью надежных людей он инсценировал собственную смерть (вместо него похоронили двойника) и отправился в скитания по Руси...

4 сентября 1836 года в Кленовской волости Красноуфимского уезда местными властями был задержан неизвестный человек. На допросе он сказал, что не ведает своего *«родоприсхождения с младенчества, по имени Федор Козьмин, сын Козьмин же, 70 лет, неграмотен, исповедания греко-российского, холост; сначала пропитывался у разных людей, напоследок вознамерился отправиться в Сибирь»*. По приметам: *«рост 2 арш. 6 ½ верш., волосы на голове и бороде светло-русые с проседью, нос и рот посредственные, глаза серые, подбородок*

кругловатый; от роду имеет не более 65 лет; на спине есть знак наказания кнутом или плетьюми». Суд не стал препятствовать намерению задержанного попасть в Сибирь, приговорив его за бродяжничество к двадцати ударам плетьюми и ссылке на поселение. 7 декабря 1836 года в составе 44-й партии ссыльных Федор Кузьмич, числившийся под номером 117, прибыл в Тюмень, откуда он как неспособный по возрасту ни к военной службе, ни к крепостным работам был отправлен на поселение в Томскую губернию вместе с 43-й партией. Зимний путь лежал Московским трактом, через Барабу, с трехдневной остановкой в Каинске. Приписанный по прибытии, 26 марта 1837 года, к деревне Зерцалы Боготольской волости, он затем не раз менял места жительства, а на склоне лет поселился на заимке купца Хромова, уступив его настойчивым просьбам, в четырех верстах от Томска.

На окружающих Федор Кузьмич производил странное впечатление. Все, кому пришлось с ним общаться, не могли поверить, что перед ними – бродяга, не помнящий родства. И возрастом, и внешностью он напоминал покойного императора, а манеры и речь выдавали в нем человека с аристократическим прошлым, интеллигентного, образованного, владевшего иностранными языками, проявлявшего поразительную осведомленность во всем, что касалось петербургского высшего света и придворной жизни конца XVIII и начале XIX веков, Отечественной войны 1812 года. Сказавшись на допросе неграмотным, он охотно учил письму крестьянских ребятишек, знакомил их с историей, географией, со священным писанием. Поселившись в келье, вел аскетический образ жизни,

проводя время в молитвах, за что и наречен был «старцем». Среди здешних жителей приходивших к нему за советом и наставлением, пользовался большой популярностью. О том, что Федор Кузьмич совсем не тот, за кого он себя выдает, свидетельствовало столь многое, что уже при жизни старца стали ходить слухи, отождествлявшие его с усопшим царем.

Но сам он тайну своего происхождения не раскрыл никому и унес ее с собой с могилу, скончавшись 20 января 1864 года, а после смерти был канонизирован под именем святого Федора Томского. Легенда об императоре, завершившем свой жизненный путь в сибирской глухомани, получила такое широкое распространение, что привлекла внимание ученых-историков, специально занимавшихся этим вопросом, а Л. Н. Толстой положил ее в основу одного из своих произведений, оставшегося незаконченным. Эта легенда время от времени вновь начинает обретать статус исторической гипотезы, не так давно не в бульварном листке, а в «Российской газете» была опубликована информация о том, что графологическая экспертиза, сличив автографы Александра Павловича и Федора Кузьмича, доказала полную идентичность их почерков. Известно также, что все Романовы, посетившие Томск, изъявляли желание посетить могилу таинственного старца...

Сравнение статистических данных дает основание сделать вывод о том, что в первой половине XIX века население Каинска хотя и медленно, но стабильно росло. В частности, с 1836 года по 1842 год прибавка составила 475 «душ обоего пола», а всего в этом году здесь прожи-

вало 2724 человека (1456 мужчин и 1268 женщин). Баланс, как видим, уже изменился в пользу сильного пола. По сословной принадлежности основная масса каинцев (указывается только количество мужчин) распределялась так: мещан и цеховых – 633, разночинцев – 137, ссыльных – 32, крестьян, водворившихся в городе – 21, купцов – 20, лиц духовного звания – 9, городских рабочих – 9, дворовых людей – 7, чиновников – 5. Абсолютное большинство жителей (2420 душ обоего пола) – русские православного вероисповедания. Другие конфессии представлены прежде всего крупной еврейской общиной (298 человек), немногочисленными лютеранами (6 верующих) и старообрядцами, точное количество которых не было известно. Раскольники постарше, не запрещая молодежи посещать церковь, сами в будни молились дома, «не приводя других в сомнение», а в большие праздники отправлялись, как и многие их единоверцы, рассеянные по округу, в село Устьянцево, где с дозволения епархиального начальства в 1836 году был построен деревянный старообрядческий храм.

Уже тогда в Каинске жили представители еще одной национальности – не верившие ни в бога, ни в черта цыгане. Их небольшой табор состоял из нескольких семей, на зиму они становились оседлыми и поселялись все в одной из мошнинских избышек, а с приходом тепла отправлялись на своих кибитках в кочевье по окрестным местам, ночуя в поле или в прибрежных тальниках. Не особо считаясь с правилами приличия, цыганки полураздетыми, с детьми за спиной, бродили по городу, добывая пропитание гаданием, пляской или элементарным во-

ровством. *«Две-три ефиопки, подойдя к окну какого-либо дома, начинают при странных телодвижениях своих петь песни и кружиться... Хотя и отгоняют их прочь от окна..., они, без околичности, подходят к другому. И таким образом, кружась с утра до вечера, каждая получает до 50 коп, а с вещами еще более».*

Все, что представляло интерес для самого коллежского асессора, нашло отражение и в описании. И сообщение об попавших к нему ископаемых останках какого-то доисторического чудовища. И запечатленный в подробностях провоз через Каинск шедевра колыванских камнерезов, ныне одного из главных сокровищ Эрмитажа: *«1843 года марта 1 дня в 10 часов вечера*

Та самая «Царица ваз», провезенная через Каинск 1 марта 1843 года, в Эрмитаже

провезена была через город Каинск в С. Петербург ко двору драгоценная чаша, обработанная на Колыванской шлифовальной фабрике, из зеленоволнистой яшмы (находившаяся в отделке с 1831 по 1843 год). Каковая весом до 900 пудов 25 фунтов и с укупоркой до одной тысячи пудов; величиною в продольном разрезе 7 аршин, в поперечном 4 ½ аршина; высотой 3 ари. 10 вершков. Под таковую тяжесть, разделенную на четыре части, запряжено 180 лошадей с платою законных прогенов по 5 коп. медью за версту...».

А вот яркая картинка взятия снежной крепости во время народного гуляния: *«В самый же Прощенный день, на площади, против присутственных мест, каинские мещане делают огромной величины снежную крепость. Некоторые из них остаются возле крепости и на одной с приготовленными из снега бомбами, а другие, составя из себя конницу, делают на защищающих оную ужаснейший натиск. И несмотря на тучу летящих бомб, раздробляемых о головы, и что от сильного удара бывают сбиваемы с седла, селятся взять оную крепость и, наконец, желание их исполняется! Победитель в мгновение ока взбегает на самый верх крепости, машет знаменем (красным платком, привязанным на палку) и кричит: «Ура!», и эхо повторяется несколькими голосами. Наконец вся таковая процессия замыкается круговой их чарой».* Эта лихая забава бытовала в праздничные дни и в других сибирских городах, ей посвящена известная картина Василия Ивановича Сурикова «Взятие снежного городка».

Имущественное неравенство горожан нагляднее всего отражалось в состоянии их жилья. В описании две

трети обывательских домов названы «довольно порядочными», а треть представляла собой полуразвалюхи, крытые пластами дерна или почерневшей от ветров, снегов и дождей берестой, встречались хибары, совсем лишенные кровель, заросшие сверху бурьяном. По раскисавшим в непогоду улицам порой сложно было не только пройти, не ухлюпавшись в грязи, но и проехать. Искреннее огорчение вызывает у А. Я. Якимовского и нежелание даже состоятельных каинцев иметь возле домов уличное освещение. На весь город, по вечерам тонувший во мраке, – ни одного фонаря, только в некоторых окнах, да и то, если они не были закрыты ставнями, в непроглядной темени тускло мерцали огоньки свечей.

«Несмотря на то, что город Каинск стоит на самом тракте, – грустно отмечает автор описания, – и многие особы через оный проезжают, чистоты и порядка в нем мало соблюдается». Подсобные хозяйства и их отходы в еще большей мере осложняли решение вопросов благоустройства, на которое из городского бюджета средств почти не выделялось, а если все-таки что-то изыскивали, то самые крохи. Забегая вперед, скажем, что и в последующем времени ситуация в лучшую сторону не менялась. *«Иные статьи расходов, – писал И. И. Завалишин, используя данные 1861 года, – чрезвычайно любопытны и ярко характеризуют нашу чернильную систему, любящую канцелярский порядок до смешного. Так, например, по городу Каинску показано «на наружное благоустройство города» 18 рублей $\frac{3}{4}$ копейки сер. (серебром – авт.)! Скажите по совести, какой магией украсишь город на 18 целковых, да еще на три четверти копейки!»*

Скота в городе действительно держали «в большом избытке», хотя поголовье его время от времени значительно сокращала сибирская язва. Так, в 1836 году на частных подворьях насчитывалось до 900 коров, продававшихся по цене от 18 до 40 рублей. Эпизоотия, разбушевавшаяся в 1842 году, обернулась падежом почти половины городского стада и резким скачком цен на крупный рогатый скот – от 50 до 70 рублей за голову. Коневодство тоже было широко развито, лошадей (их количество достигало 1150 голов) выращивали не только для себя, но и на продажу. Если в 1836 году цена коня колебалась от 50 до 100 рублей, то теперь «с умножением появившихся охотников на лошадей» цены несоизмеримо возросли: от 150 до 300 и даже 500 рублей, особенно высоко ценились иноходцы и рысаки, которых с обозами отправляли в Иркутск и Кяхту, где продавали с большой прибылью. Кроме того, в личных хозяйствах содержалось около двухсот овец, 45 коз (их разводили в основном «беднейшие евреи»), до ста свиней, имевших обыкновение безнадзорно шастать по всему городу и нередко бесследно исчезающих (в таких случаях подозрение, как правило, падало на цыган).

А. Г. Якимовский вполне правомерно ставит вопрос о необходимости построить для общественного пользования «бойницу» (бойню), так как забой скота горожане производили у себя на дворах, а оставшиеся после этого нечистоты не вывозили, отдавали на съедение собакам или выбрасывали гнить в огородах, чем создавалась угроза новых моровых поветрий. «Балаган» для убоя скота способствовал бы, по мнению коллежского асессора,

оздоровлению городской атмосферы, а взимание небольшой платы (по 25 копеек за голову) стало бы дополнительным источником дохода в местную казну. Но, похоже, разумный совет так и остался не услышанным. Скот, возвращавшийся с выпасов, доился многими хозяйками прямо на улице, здесь же и оставался ночевать, ожидая утреннего появления пастуха. *«При посещении же какой-либо особы, – здесь в описании звучат сатирические нотки, – весь город пробуждается, берется за метлы и подметает от своего двора сор, оставляя оный посередине улицы, что представляется возвышенной бороздой, служащей границей каждого участка. При сильном же дуновении ветра, все это добро снова разносится по улице».*

Благоустройство – вечная проблема любого города. Но было бы, конечно, величайшей несправедливостью обвинить местные власти в полном бездействии, а жителей в повальном неряшестве, так как многие из них имели опрятные дворы и порядок в домах. Специфика местных почв, отсутствие в доступном расстоянии необходимых для благоустроительных работ природных материалов (песка, щебня), скудость городских доходов, распределенных по строго установленной свыше разрядке – всего этого нельзя не учитывать, говоря о «непривлекательности» внешнего вида Каинска, пребывавшего в таком состоянии еще многие десятилетия.

«Улицы, выходящие на площадь, – писали «Томские губернские вести» в июне 1865 года, – далеко не завидны, ...мостовых – нет, тротуаров мало, да и не в порядке»... Как следствие антисанитарии – частые вспышки болезней, дорого обходилось горожанам и несоблюдение пра-

вил противопожарной безопасности. Плотная деревянная застройка с сеновалами почти у каждого дома при малейшей оплошности легко становилась добычей огня, который в ветреные дни мог стремительно распространяться на десятки подворий. К тому же полицейское управление (а в его функции входила и борьба с возгораниями) располагало более чем скромными средствами пожаротушения: тремя пожарными «машинами», несколькими бочками, лестницей и баграми.

«Нет повести печальнее на свете...». Здесь речь пойдет о городском бюджете. Источников формирования его доходной части было так мало, а поступления от них столь незначительны, что о полноценном бюджете, который соответствовал бы растущим потребностям города и позволял бы финансировать решение хотя бы самых неотложных проблем, говорить не приходится. Хотя по сравнению с 1836 годом доходы и увеличились с 6526 рублей 97 копеек до 10579 рублей 75 копеек в 1842 году, принципиального значения при сложившемся порядке их распределения это не имело, а сумма в целом все равно оставалась мизерной.

Доход городу приносило принадлежавшее ему имущество, сдававшееся с торгов в аренду («в наймы») частным лицам и казне. Такими «доходными местами» были гостиный двор с 23 лавками, восемь «балаганам», харчевней и амбарами «для складки провианта» и «перевоз» – паром, ходивший по канату через Омь, стоимостью около тысячи рублей, сроком эксплуатации не более семи лет. Небольшую выручку приносили общественные весы с гирями, тоже сдававшиеся частникам с

торгов. В 1842 году доходная часть городского бюджета сложилась из следующих поступлений: с гостиного двора – 2135 рублей 45 копеек, с паррома – 1580 рублей, с проходивших через Каинск торговых обозов – 3238 рублей 61 копейка, с общественных весов и гирь – 238 рублей 33 $\frac{1}{2}$ копейки, «с разных других предметов» – 2537 рублей 79 $\frac{1}{2}$ копейки. Общий сбор составил 9550 рублей 19 копеек, а с остатком прошлых лет – уже указанную выше сумму.

Еще более любопытна структура годовых расходов, составлявших 8897 рублей 54 $\frac{1}{2}$ копейки. Из полученных средств ушло: на содержание городского хозяйственно-го и судебного управления – 4620 рублей 89 $\frac{3}{4}$ копейки, полиции – 3136 рублей 36 $\frac{3}{4}$ копейки, доходных общественных зданий – 540 рублей 95 копеек, на «квартирование войск» – 449 рублей 33 копеек, на пособие уездному училищу – 150 рублей. Приоритеты настолько очевидны, что дополнительных пояснений не требуется. Но нельзя не отметить другое: на благоустроительные нужды не выделено ни копейки. Такая статья расходов, скорее всего, и не предусматривалась, появится она гораздо позже, но даже в 1871 году сумма, предназначенная на эти цели, не превысит тридцати рублей в год.

Можно, конечно, упрекнуть тогдашних «отцов города» в неумении или нежелании искать и находить дополнительные источники пополнения городской казны. Скромные возможности, судя по замечаниям автора описания, для этого были. Не было главного: объективных условий для полноценного развития городского хозяйства. Чрезмерная централизация и предельная бюрократизация

системы управления с ее жесткой иерархией и принципом беспрекословного подчинения низовых органов власти вышестоящим не способствовало проявлению какой-либо инициативы на местах, сказывался и низкий уровень основного градообразующего фактора – экономики, в новом ее качестве только еще зарождавшемся и не только в Каинске, но во всей России, где крепостное право хоть и доживало последние годы, но все еще оставалось махровым анахронизмом и жестокой реальностью.

И все-таки ростки нового уже были видны: плодились понемногу малые промышленные предприятия (в 1842 году было уже восемь заводов – два кожевенных, три кирпичных, салотопный, свечной, мыловаренный), развивались ремесла и торговля (два купца второй гильдии, семь – третьей), скапливались (по копейке, по рублю) стартовые капиталы для крупных негодий и производств. Из массы мелкотравчатого торгового люда, то разорывшегося, то снова встававшего на ноги, уже выделялись те, кто обладал настоящей деловой хваткой, недюжинной предприимчивостью, умением надежно и выгодно вкладывать каждый целковый, те, кому суждено было в последней четверти XIX и в начале XX века стать настоящими хозяевами города – каинские купцы.

☞ «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, или общий штат Российской Империи». 1805–1829. «Месяцеслов и Общий штат Российской империи». 1830–1842. «Адрес-Календарь, или Общий штат Российской Империи». 1843–1850. «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве». 1851–1860. «Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в великом княжестве Финляндском». 1860–1867. Санкт-Петербург; Якимовский А. Я. Краткое статистическое описание За-

падной Сибири Томского окружного города Каинска за 1842 год, 68 с. (оттиск с рукописной копии, орфография современная, архив автора); Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 2. Томская губерния. Москва, 1865, с. 69–70; Памятные книжки Томской губернии 1884 и 1885 года. Томск.; Бярятинский В. В. Царственный мистик (Император Александр I – Федор Кузьмич). Санкт-Петербург: Прометей, 1912, 160 с. «Ученые: Почерки Александра I и старца Федора Кузьмича идентичны» // Российская газета от 23 июля 2015 года.

1843 Дозволено частным лицам в Сибири строить винокуренные заводы.

☞ Щеглов И. В. Указ. соч., с. 323.

Жили–были...

О существовании этого документа, хранящегося в архиве Русского географического общества, я узнал благодаря ссылке на него в одной из монографий, а разжиться его ксерокопией, дубликат которой был передан мной Куйбышевскому краеведческому музею, помогли питерские друзья. Интерес к содержимому присланной ими бандероли был так велик, что я не утерпел, вскрыл ее на почтамте сразу после получения и, бегло просмотрев, пришел к выводу, что материал обещает быть интересным и неординарным. В чем и не ошибся...

На исходе сороковых годов отделение этнографии Русского географического общества обратилось к Тобольской духовной консистории с просьбой о содействии в выполнении программы-анкеты, включавшей в себя шесть основных пунктов и предполагавших получение

сведений о наружности, языке, домашнем быте, особенностях общественных и семейных отношений, умственных и нравственных способностях, уровне грамотности, народных преданиях сибиряков. Церковное руководство привлекло к сбору соответствующей информации приходских священников, определившись с исполнителем по каждому уезду. В Каинском уезде выбор пал на священника села Покровского Петра Алексеевича Шалабанова, отнесшегося к поручению весьма ответственно. Его этнографическое описание – живой рассказ о среде своего собственного обитания, о своих земляках, их повседневных делах, обычаях и традициях.

Герои этого повествования, стиль которого своеобразно сочетает обыденную лексику с церковнославянской и архаической, – старожилы Барабы. Автор разделяет их по происхождению на два разряда. Первый – «природные сибиряки», исконные обитатели этих мест, чьи прадеды были приписаны к Колывано-Воскресенским горным заводам. Второй – потомки поселенцев, тех, кто попал в Барабу из европейских губерний «не за преступления какие-либо, но в зачет рекрутский, лишившись своей любезной родины». Различаются они между собой только наречием, сохраняя говоры, унаследованные от предков, поэтому произношение двоякое: мягкое и твердое. Очень распространено в повседневном старожильческом общении употребление множества диалектизмов, которые Петр Алексеевич именуется «варварскими» словами и приводит в качестве примера такие синонимические пары: баско – хорошо, баять – говорить. И здесь же изъясляет готовность, «если сочтется за нужное географическим

обществом», взяты за составление словаря барабинских говоров.*

Внешность большинства поселян, по его свидетельству, отторжения не вызывает и даже привлекательна, все они преимущественно среднего роста, им присущи «приличная стройность» и соразмерность «телесного состава». Цвет волос чаще всего светлорусый и рыжий, глаза – серые. Природное здоровье у всех крепкое, но великая беда в том, что они нисколько им не дорожат, а потому из-за давно укоренившейся легкомысленной неосторожности бывают часто подвержены простудным заболеваниям и нередко свирепость горячки сводит в могилу людей в расцвете лет и сил. Мужчины осенью и зимой во время работы в поле или на подворье, разгорячившись до обильного пота, сбрасывают верхнюю одежду и довершают дело в одних лишь рубахах, в итоге продрогнув до костей. Способствует возникновению хвори и пагубная привычка утолять жажду ледяным квасом и студеной водой, а при отсутствии оных – снегом. По этим же причинам страдают от жестоких недугов и женщины, имеющие обыкновение в холодную погоду производить уборку пригонов, ходить за дровами, а также на речку или к колодцу легко одетыми

* Такой словарь появился, но гораздо позже, уже в следующем веке. Его автором стал студент-медик Томского университета, уроженец села Меньшиково Каинского уезда Александр Николаевич Молотилев. Подававший большие надежды, отличавшийся универсальностью научных интересов (кроме естественных дисциплин, археология и филология), он несмотря на терзавший его туберкулез успел сделать и мог бы сделать еще очень многое, если бы не ранний, на пятом курсе обучения, уход из жизни 24 февраля 1913 года.

и даже босиком. При этом, как отмечает П. А. Шалабанов, его земляки достаточно сильны физически, выносливы и способны к дальним переходам, сметливы и деятельны в решении будничных вопросов и больше расположены «к трудам, нежели к лени и нерачию».

Одежда каинских старожилов соответствовала временам года, а также природным и климатическим особенностям местности, была простой, удобной и долговечной, частично – домашнего изготовления, частично – покупной, будничной и праздничной. Зимнее одеяние мужчины в обычные дни состояло из нагольного полушубка, поверх которого в стужу для большего утепления нередко надевали зипун – кафтан без воротника из грубого самодельного сукна, его дополняли «своего рукоделия» толстые шерстяные штаны и варежки, овчинная шапка и опояска из разноцветных нитей, а также приобретенные на торжках рукавицы-верхонки и бродни или бутылы* «тюменского вывоза» с двухаршинными суконными подворотками. Женское облачение зимой почти не отличалось от мужского, разве что головными уборами да обувью – пирами-самокатанками или чарками** с меховой или полот-

* **Бродни и бутылы** – два сходных между собой вида кожаной мужской обуви, очень распространенные среди сибиряков-старожилов в позапрошлом веке. И те, и другие с длинными голенищами, мягкой подошвой и ремешками-подвязками возле щиколоток. Различие состояло лишь в том, что бутылы считались более солидными, так как имели двойную подошву и невысокий каблук.

** **Чарки** (чирки, черки, чирики) – весьма популярная разновидность повседневной кожаной обуви, по форме подобная башкамакам или калошам, в связи с отсутствием голенища, более простая в изготовлении, а потому доступная и слоям населения со скромным достатком.

няной оторочкой. Летом в будничный гардероб сильного пола входили рубаха и порты из плотного холста, поверх них – в зависимости от погоды полотняный или шерстяной пониток,* «худые» бутылы или чарки; женский наряд совпадал с мужским верхней одеждой и обувью, но более деликатного покроя и расцветки, и помимо этого включал в себя неизменный дубас – сарафан-безрукавку из крашеного холста с пояском, и ситцевый поддубрусник (он же повойник) – старинный головной убор в виде шапочки, надеваемой под платок.

Но совсем иначе выглядели поселяне в дни престольных торжеств или всенародных гуляний, новогодних, рождественских, масленичных, пасхальных. Блюли давний дедовский обычай: богат ты или беден, а изволь принарядиться. Каждодневно трудясь в поте лица своего, даже недоедая, старались по пятаку, по гривенничку сэкономить на очередную обнову. Судя по шалабановскому описанию, существовал даже некий эталон праздничного щегольства. Для мужчин: зимой – полушубок или тулуп, крытый ирбитским сукном, поверх него – длинный зипун такого же сукна, черная плисовая шапка с бобровым околышем, на руках – козловые или бараньи рукавицы с красными отворотами, на ногах – сапоги ирбитского вывоза, а иногда и бутылы или бродни тюменской выделки; летом – красная александрийская рубаха навыпуск, плисовые куртка и шаровары, шелковый пояс с мишурными

* **Пониток** (сермяга) – летнее подобие зипуна, легкий короткий кафтан, предназначенный для повседневной носки, в том числе и во время хозяйственных работ, и получивший свое название от простейшего дмотканого материала.

кистями и медным гребешком, сверху – халат из голубой китайки, поярковая шляпа с широкой полосатой лентой, ирбитского приобретения сапоги с шерстяными чулками, а еще для особого форса – перчатки, самовязы или тюменские.

Живописным было и праздничное одеяние женщин. Зимой: шуба на овечьем меху с беличьим воротником, крытая шелком, а иногда плисом или китайкой, шелковый или гранитуровый сарафан без рукавов, к нему – поясок с подвешенным на нем ключиком от ящика, на голове – подубрусник, шитый поверху золотом или мишурой, повязанный французским платком, на ногах – красные башмачки с белыми чулками или ботинки и сапожки все с той же Ирбитской ярмарки. Летом: в гранитуровом сарафане с красной шалью на плечах, в красных же башмаках с тонкими нитяными или бумажными чулками, в золотом или мишурном подубруснике, носить который имели право только замужние женщины. Девчата повязывали головы шелковыми платками назад концами и для красоты заплетали в косы разноцветные ленты.

Важно отметить один существенный момент. Каинские старожилы не признавали плетеной из лыка обыденной обуви новоселов, иронично именуя их «лапотниками». На этой почве порой возникали забавные недоразумения. Об одном из таких случаев рассказано в очерке оставшегося неизвестным автора «Переезд через Барабинскую степь»: «...Сибирские мужики хвалятся своею кожаную обувью перед лапотниками и рассказывают, что крестьяне одной деревни, увидав на пороше

свежие следы лаптей, приняли их за медвежьи и подняли тревогу: жители вооружились рогатинами, топорами, винтовками и отправились по следу в погоню; но вскоре грозная толпа увидела невольного виновника суматохи бедного лапотника, который, с котомкою за плечами, смиренно плелся по дороге, не подозревая ни мало, что лапти его встревожили деревню...».

Каждодневный физический труд, особенно напряженный во время сезонных работ – заготовки дров, посева, сенокоса, жатвы и обмолота, требовал не только полной отдачи сил, но и полноценного питания для их восстановления. Поэтому главной особенностью семейного меню при отсутствии каких-либо кулинарных изысков было обилие немудреных в приготовлении, но вкусных и сытных блюд из продукции личного хозяйства, трофеев охотничьего и рыболовецкого промысла и даров природы. Нашло в нем свое отражение и то, что все верующие были обязаны строго соблюдать церковные посты. А потому вся пища делилась на постную и скоромную, первая могла поедаться когда угодно, последняя подлежала употреблению только в определенные для нее сроки, нарушение которых считалось грехом.

Начнем с постного застолья. В обычные дни довольствовались вегетарианскими щами из квашеной или свежей капусты с пропущенными через жернова крупами, картофельницей, морковницей, вареным горохом, редькой, репой, подслащенной маком, овощными паренками в сусле, кулагой, квасом, ячменной и просяной кашей с конопляным или рыжиковым маслом, а иногда и рыбьим жиром. Гораздо привлекательней выглядел праздничный

постный стол: уха, жаркое и пироги из щук, язей, налимов, линей, окуней, карасей и чебаков, хлебные колобки с запеченными в них ершами и пескарями, оладьи и блины с растительным маслом, на десерт – клюква, черная смородина и клубника.

Наконец православное воздержание от чревоугодия завершилось, и наступало долгожданное время скоромного разговения. В такие дни столы ломились от самых разнообразных яств: наваристых щей и похлебок с мясным крошечком и с пшеничными сочными, жареной и вареной говядины, свинины и баранины, картофеля, запеченного в коровьем масле, студней из ног домашней живности, квашеной капусты, соленых огурцов, груздей и многого другого, в том числе и традиционных в таких случаях горячительных напитков, употреблявшихся, как неодобрительно подмечает П. А. Шалабанов, подчас без удержу и меры.

В будние дни тоже не голодали. Хорошо сказано об этом И. И. Завалишиным в его «Описании Западной Сибири»: *«Одним словом, скот, овцы, рыба, хлеб всякого рода; и само собой разумеется, грибы, ягоды, овощи – всего этого изумительное обилие. И иной петербургский прогрессист, пересоздающий русскую землю, прихлебывая «демидовский суп» по 4 к. с. (копейки серебром – авт.) порция, рад бы был, пожалуй, поест и в Христов день так, как плотно обедает каинский мужик ежедневно: щи с мясом, жареные караси со сметаной (карась в добрую сковородку величиной и припаренный на масле стоит 1 к. с), пшеничная булка с молоком, и все это, разумеется, некупленное».*

Как и везде, новая семья здесь начиналась со свадьбы. Как бы подчеркивая исключительную важность бракосочетания, Петр Алексеевич уделяет ему особое внимание, подробно описывая это яркое и увлекательное многодневное действо, многолюдный спектакль, где действующие лица – его земляки, бережно хранящие старинные традиции...

А начиналось все с того, что отец жениха или сам отправлялся сватать выбранную им невесту к ее родителям, или просил об этом соседа или родственника, человека не робкого десятка, бывалого, бойкого на язык, способного успешно справиться с возложенной на него миссией и убедить будущего свата выдать дочь замуж. Переступив порог, поприветствовав хозяина, получив приглашение присесть и ответив на него низким поклоном, посланец старался занять место под потолочной матицей, так как по примете это должно было помочь выполнению порученного ему дела. Выдержав паузу и обратившись к отцу невесты по имени-отчеству, сообщал ему о цели своего прихода и объявлял имя кандидата в зятя. Тот с ответным поклоном отвечал, что требуется время для совета с родственниками и дочерью, так как если жених ей не понравится, неволить ее никто не будет. А если он ей по душе, то с Богом... Не отцу с матерью с ним жить, а ей, пусть сама и решает.

Если девица не возражала, будущие тесть и теща тоже давали согласие, но только при условии соблюдения старого местного обычая – некоторого подобия татарского калыма. «Родитель невесты выговаривает с жениха два или три ведра вина, чтоб в продолжении всей свадеб-

ной гулянки не истратить ему ни одной своей копейки, а пить запоем на чужие», а также предсвадебные дары: себе – бутылы, жене – отрез китайки на сарафан, дочери-невесте – сто рублей ассигнациями, шитый золотом подбрусник и шаль, общей стоимостью всего набора более двухсот рублей ассигнациями. Получив от жениха подтверждение, что все это будет исполнено и предстоящие затраты для него посильны, затеплив свечи перед иконами, завершают переговоры рукобитием и застольем, где жених и невеста договариваются о времени венчания. Во время этой отсрочки готовятся к свадебному пиру, варят пиво, запасают съестное.

Накануне венчания жених с тысяцким* (эта почетная обязанность по традиции возлагалась на его крестного отца), с поезжанами** и дружкою, совмещавшим в нынешнем понимании функции свидетеля и тамады, на самых лучших лошадях с колокольцами под дугами и красиво заплетенными челками и хвостами приезжал к невесте на девичник, последний в ее незамужней жизни. Он вручал родителям суженой и ей самой обговоренные ранее дары и угощал всех привезенным на сей случай вином. Подруги невесты в это время пели свадебные песни с поименным величанием тех, кто приехал с женихом. Дружка в благодарность одаривал их сдобными пшеничными кренделями («каральками»), фунтом мыла и стаканом вина с шуточным присловьем: «Девичы, певицы, дочери отецки, жоны молодецки, пирожны мастерицы, горшешны

* **Тысяцкий** – главный распорядитель в старинном русском свадебном обряде.

** **Поезжане** – свита жениха, участники его поездки за невестой.

пагубницы, наш князь новображный просит сей подарок принять».

Потом наступал черед находившихся в доме малолеток, получавших лакомства с такой прибауткой: «Маленьки ребятки, сини пупятки, косы желудки, зеленые сопли, наш новображный князь просит сей подарок принять». Потом следовали выкуп невестинной косы у ее брата и ее самой у девиц, окружавших подругу со всех сторон плотным кольцом и до получения мзды пресекавших все попытки выволить ее. Когда же приспевало время без промедления ехать к венчанию, сбежавшиеся поглазеть на свадебный поезд парни и девчата или накрепко запирали ворота, или устраивали возле них заграждение из дров или бревен. И чтобы устранить еще одно препятствие, жениху приходилось или снова раскошелиться, или откупиться вином.

Затем возглавляемая едущим впереди дружкой, вся процессия, обрастая по дороге людьми, направлялась к храму, где предстояло свершиться бракосочетанию.

Жених, дружка и остальные мужчины были в галстуках, на плечах женщин горели огнем алые или красные кашемировые шали. На пути следования все поезжане, снимая шапки и шляпы, низко кланялись всем встречным людям и просили у них благословения жениху и невесте. Она сидела рядом со свахой с печально опущенной головой, с лицом, завешенным фатой, и не открывала его до венчания, после которого отправлялась прямо в дом свекра и свекрови. Здесь при въезде в ворота их соседи и родственники приветствовали новобрачных холостыми выстрелами из винтовок и дробовиков. Родители мужа, сойдя с крыльца и постелив на землю войлоки, а кто по-

состоятельной и ковры, выносили иконы и хлеб с солью и благословляли ими молодоженов. Сваха посыпала их головы иногда хмелем, иногда овсом или маком, а тысяцкий вводил в дом, куда уже прибыли родители и родственники жены с ее приданым.

Сотворив общую молитву, все усаживались за пиршественный стол, в центре которого иногда как символ будущего благополучия новой семьи красовалась вареная свиная голова, затейливо украшенная разноцветными полосками настриженной бумаги. После малой винной подачи обе свахи, сняв шаль с молодухи, сплетали из ее распущенных волос две косы и, соединив их между собой и уложив вокруг головы, водружали сверху подаренный ранее, расшитый золотом поддубрусник, а ей вручали гребень и приказывали расчесать мужнину шевелюру. Потом новобрачным подавали зеркальцо, и они некоторое время смотрели то друг на друга, то на свои отражения как бы дивясь и собственной привлекательности, и красоте своего избранника или избранницы. Наконец наступал самый ответственный и волнующий момент: удаление новоиспеченной супружеской четы в особую комнату «для испытания честности или целомудрия молодой», результаты которого незамедлительно сообщались присутствующим. И убедившись в том, что никакой неприятной неожиданности не выявлено, и новобрачная вне подозрений, свадебная компания пускалась во все тяжкие: вино лилось рекой, звенели задорные песни и частушки, под лихой пляской прогибались половицы, и гульба продолжалась допоздна, до полного изнеможения самых стойких к хмельному зелью ее участников.

Утром дружка вместе с новобрачным наносили визиты родственникам и усердно просили их пожаловать на «горный стол», который был четырехдневным продолжением свадебной трапезы. Приглашение охотно принималось, и в первый день пиршество длилось порой до рассвета. Во время него молодым подавали каравай, шутливо испытывая, кто больше от него откусит, муж или жена, и «при вкушении оного» присутствовавшие одаривали их коровами, жеребятами, овцами, в общем всем тем, чего у них в хозяйстве было в избытке. В следующие три дня совершался подворный обход всей мужниной родни, а спустя неделю или две новобрачные со всеми, кто был у них на «горном столе», посещали родителей молодой, которые принимали гостей тоже в течение трех дней. Эта часть свадебного марафона именовалась «блинами», ею он и завершался.

В тогдашних семьях дети, в отличие от нынешних времен, были всегда желанны, их количество родителей не смущало: чем больше, тем лучше. Это чадолюбие, согретое материнской любовью и отцовской заботой, имело и практический смысл: во всех нелегких хозяйственных трудах, в бесконечных домашних хлопотах требовались помощники и помощницы, и в качестве таковых появлявшиеся на свет сыновья и дочери привлекались уже сизмальства. Такое радостное событие, как рождение младенца, сопровождалось особым церемониалом, важнейшей частью которого было крещение его. Процесс разрешения от бремени иногда происходил в бане, протапливавшейся не раз в течение всего потребного времени хлопотавшей возле роженицы бабкой-повитухой, за что она получала в награду отрез холста и кусок мыла.

Восприемница, она же крестная мать и кума, для принятия новорожденного из купели должна была приготовить холщевые «ризки», а восприемник (крестный отец, он же кум) – медный крестик с тесьмой или ниткой.

По совершении крещения кумовья несли младенца из церкви в родительский дом, где их радостно встречали, благодарили за оказанную услугу, сажали в передний угол и выставляли угощение. Когда отец подносил восприемникам вина, они, стоя, долго его не принимали, а, взяв рюмки в руки, выпивали тоже не сразу, лишь после неоднократного потчевания. Когда на стол ставили кашу, то по рюмке вина крестным на этот раз подносила повивальная бабка, а они в ответ жаловали ей от одной до трех копеек серебром каждый. Поблагодарив их земным поклоном, следующую рюмку она передавала отцу новорожденного, ответствовавшего на сие медной мелочью. Но когда он намеревался закусить выпитое, бабка и восприемники в ложку с кашей досыпали такое же количество соли и со словами: «Любил с женой спать, за то и откушай» заставляли его съесть эту мешанину, и не подчиниться им он не мог. Как писал А. С. Пушкин: «Обычай – деспот меж людей». Наконец довольные приемом кум и кума приглашали и повитуху, и счастливого папашу каждый к себе на ответное угощение, и в таких перемещениях из дома в дом и проходил весь этот памятный день.

Общие для всех праздники, «престольные и издревле заведенные», отмечались трехдневными пиршествами как в своих домах, так и хождением по гостям, сопровождалось играми и забавами. Мальчишки и девчонки не старше двенадцати лет в предновогодье вечерами гурь-

бой ходили колядовать, переходя от дома к дому, самыми высокими голосами пели стихи, лестные для хозяев, и получали от них за это разные угощения. Веселилась и молодежь. С 25 декабря по 5 января парни и девчата собирались на игрища и вечерки, длившиеся порой до поздней ночи, а то и до утра, пели песни и плясали под балалайки, скрипки, гармоники и бубны.

Во время масленичной недели развлечений тоже хватало: верховая езда, катание с речных горок и на празднично украшенных тройках. Но апофеозом торжества было явление самой Масленицы. Делалось это так. Добротные и просторные сани или дровни с уже запряженными в них лошадьми обшивали вкруговую пологами или рогожами, сюда помещался «оркестр» с перечисленными выше инструментами. В середине саней прочно укреплялась восьмиаршинная жердь с надежно привязанным к ее верху широким колесом, на коем и размещалась госпожа Масленица – местный затейник-балагур с вымазанным сажей лицом и в самом шутовском одеянии. Совершая свой проезд по улицам, он останавливался с приветствием не у всех домов подряд, а только там, где, по его расчету, крепкие хозяева не поскупятся на вино или деньги для него и его музыкального сопровождения. В пасхальную неделю предпочтение отдавалось качелям. А в Семик* вечером девки и молодницы в смешных нарядах с песнями, колотя в сковородки, отправлялись в лес завивать венки на верхах березок, чтобы потом в день Святой Троицы развивать их и бросать в реку.

* **Семик** – народный праздник, отмечался в седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Святой Троицы.

Поведал в своем повествовании П. А. Шалабанов не только о событиях отрадных, но и о тех явлениях, которые нередко омрачали относительно благополучное житье-бытье и сельчан, и горожан. Случались пожары, чаще всего при просушке овинов и сожжении в дворах соломенных отходов, когда по недосмотру хозяев загорались пригоны и сеновалы и пламя могло перекинуться на более ценные постройки, в том числе и на дома, нанося вполне ощутимый ущерб. Однако своевременно замеченному возгоранию успевали не дать распространиться. Для этого местное начальство обязало каждого домохозяина иметь все необходимое для тушения огня, а именно: багор, бочку с водой, ведро и метлу, и при звуке трещоток, которые десятские использовали для оповещения, незамедлительно бежать к месту пожара с тем орудием, которое ему было назначено взять с собой. И чаще всего общими усилиями с огненной стихией удавалось справиться.

Не все годы были урожайными, иногда всходы озимых хлебов подвергались частичному вымерзанию по причине слишком раннего исчезновения с полей снегового покрова во время недружной и продолжительной весны с чередованием оттепелей и заморозков. Если же лето выдавалось засушливым, то по инициативе священнослужителей проводился крестный ход, в котором участвовали все жители того или иного селения от мала до велика. Обходя всю округу (иногда по необходимости и не один раз) с иконами и хоругвями, пением псалмов, они возносили смиренные молитвы о ниспослании Божьей благодати в виде обильного дождя на томлящиеся

от жары и безводья посева, и, как свидетельствует Петр Алексеевич, их «стенания» почти всегда бывали услышаны Всевышним. Потому, заключает он, «здесь совершенного неурожая не бывает никогда по единой Его высокой милости».

На недороды уездный рынок отзывался резким удорожанием хлебного и фуражного зерна, но несравнимо большим несчастьем, фатальным бедствием, были случившиеся почти ежегодно частичные, а иногда и повальные падежи домашнего скота. Сибирская язва и другие моровые поветрия со зловецким постоянством являлись за своей страшной данью чаще всего в жаркое жатвенное время и представляли смертельную опасность не только для животных. Существовавшие тогда способы лечения (а наряду с ними использовались и наговоры, и другие сомнительные методы врачевания местных знахарей) помогали только при их своевременном применении, то есть при обнаружении самых первых симптомов заболевания, при запоздании недуг мог приобрести затяжной характер, протекать очень тяжело и даже завершиться летальным исходом. С людьми такое случалось реже, а вот потери скота в отдельные годы исчислялись не десятками, а сотнями голов. На восстановление поголовья требовалось немалое время, и нехватка тягла отрицательно сказывалась и на объемах, и на темпах, а в конечном счете и на результатах хозяйственных работ. Кстати, большой отход скота имел место и в 1848 году, в год появления шалабановского описания. А потому, как печально сообщает Петр Алексеевич: «Духовенство совершенно не имеет ни одной скотины. В числе коего и я».

Одной из главных форм общественного самоуправления были мирские сходы, которые, как сообщает П. А. Шалабанов, проводились «по мере надобности, иногда по требованию начальства для каких-либо нужных сведений; иногда по нечаянным событиям, например, по убийству, грабежу, пожарам, краже и разным как между людьми, так и целыми семействами раздорам». О месте и времени проведения схода оповещали десятники, участие в нем принимали не все, а только «люди беспорочные, под судом и в штрафах не бывшие». А председательствовал на сходе избранный обществом на годичный срок староста. Открытым голосованием принимались решения «и словесные, и письменные»: первые – по вопросам маловажным и в случае примирения тяжущихся сторон; вторые – когда дело превышало полномочия старосты и общества и подлежало передаче с сопутствующим рапортом указанием виновных волостному правлению, если же оно выходило за пределы и его компетенции, то пересылалось в Каинский земский суд.

П. А. Шалабанов не идеализирует тех, кому посвящено его описание. Наоборот как духовный пастырь строго оценивает соответствие их нравов канонам христианской морали. Отзываясь о земляках как о «народе понятливом, сметливом и рассудительном», искренне огорчается по поводу отсутствия у них должной набожности, нерасположенности к благотворительности. Сетует, что проявление некоторыми из них благочестия – показное, неискреннее и ничто иное, как «фарисейское лицемерие». А многих обвиняет и в таких пороках, как пьянство, гордость, надменность, прелюбодеяние. Сочувствует бедным семьям,

Санкт-Петербургскому ученому Географическому
 Обществу отъ наблюдателя естественности
 Шюльманской губернии, Канникова Уездомъ, Васил
 Левашевскаго и Корсаби Монашеской Возни
 ника Дмитрия Михайлова Манаганова
 похотнѣйшимъ и поименное составленіе
 съвоеніи.

А) Относительно наřízeníности.

Въ моей естественности наřízeníности
 на два сорта или разряда, на которыхъ поимен
 - составляютъ такъ называемые старинные
 Кресты или приросты вѣтвисты, относящіе
 на степяхъ Баранинскихъ, составляющіе
 оныхъ по въчременискія Волчанскія Воды
 и каковыя то образы въчременискія на сѣ
 естественна и естественна и дикія въчременискія
 времена. Баранинскія степи
 Которыя поименно составляютъ старинны
 старинные Кресты и разныя Шюльман
 и разныя Уезды, которые не во присутствіи
 какія либо, не въ закътѣ спектрускіи или
 своей естественной природы и напачитъ сѣ
 и прироста невоображаемой върѣ и такъ
 между собой совокупившимъ естественнымъ

в которых мужья от безысходности оставили дома́, жен и детей, расстались с хлебопашеством и скотоводством и в поисках заработков подались на прииски.

С возмущением пишет он, перечисляя всех поименно, о темных делишках местного волостного начальства, их корыстных махинациях с общественными деньгами, собранными для уплаты всех видов податей, и причастности к этому лихоимству только что назначенных, но уже имеющих здесь свою долю земского исправника, титулярного советника Ивана Карловича Пребстинга и заседателя земского суда, ведающего этой частью уезда, тоже титулярного советника Алексея Филипповича Носкова. Помещая эту «эксклюзивную» информацию в конец своего описания, правдолюб П. А. Шалабанов по простоте душевной, видимо, надеялся на то, что из РГО она будет передана в соответствующие ведомства и казнокрады будут привлечены к ответственности. Однако повременим иронизировать над наивностью сельского священника, так как в 1850 году оба вышепоименованных персонажа среди каинских чиновников уже не значатся, что вполне могло бы быть следствием шалабановского «сигнала». А вот то, что они понесли какое-то наказание – сомнительно. Скорее всего, их тихо отлучили от государственной службы или перевели от скандала подальше в другие, не менее хлебные места. Следов А. Ф. Носкова отыскать не удалось, а И. К. Пребстинг в 1851 году «всплыл» в адрес-календаре в той же должности, но уже в Ишимском округе Тобольской губернии.

Бараба – не только степное и озерное раздолье, не только хлебные нивы и сенокосные луга, труднопроходимые болота и займища, это еще и огромный некрополь, ибо все,

кто когда-либо обитал здесь, здесь же обретал и вечный покой. Вот как уходили в мир иной современники П. А. Шалабанова. О домовине заботились загодя. Одни хотели бы иметь гроб и крышку выдолбленными из цельных бревен и таковые припасали задолго до своего успения, другие предпочитали дощатый вариант. Последнее одеяние покойника состояло или из одного холщевго савана, или из опрятной обычной одежды, простирившейся с головы до ног, обернутых кусками холста, перевязанными сверху нитками. После отпевания скорбная процессия, оглашаемая жалобными причитаниями оплакивавших усопшего женщин, направлялась к погосту. Перед погребением каждый из прощавшихся бросал, согласно обычаю, одну или две копейки, что символизировало покупку умершим этой земли для своей могилы. А потом на третий, девятый и сороковой дни после кончины близкие устраивали скромные поминальные обеды, предназначенные прежде всего для родственников, а также для пожилых и убогих людей, а в день смерти проводились и ежегодные поминовения с пением заукокойной литии. Вот так, видимо, в один печальный день отошел к пращурам и автор только что проштудированного нами сочинения, которым запечатлел собственное пребывание на грешной земле, рассказав о своем времени, своей пастве и тем самым оставив по себе добрую память. Мир праху твоему, отче...

☞ Шалабанов П. А. Этнографические сведения о жителях Каинского уезда Томской губернии. (Архив РГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л.1 4–18 об.) Архив автора, электронная копия. 17 с. ; Молотиллов А. Н. Говор русского старожилото населения Северной Барабы. Материалы для сибирской диалектологии // Труды Томского общества изучения Сибири. Т. II. Томск, 1913, с. 32–219; Журнал для чтения воспитанникам военно-

учебных заведений. Т. XCIV, № 373. Санкт-Петербург, 1852, с. 3–23; Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 2. Томская губерния. Москва, 1865, с. 43–78.

Бич Божий

Какой благодатной средой обитания было бы это лесостепное и озерное приволье, если бы так не омрачало жизнь его обитателей, и коренных, и пришлых, апокалиптическое обилие гнуса, которое А. П. Чехов назвал «местной египетской казнью». Комары, мошкара, слепни, пауты издревле появлялись здесь в годы повышенной увлажненности в таком количестве, что внушали суеверный страх аборигенам, считавшим их посланцами злых духов, враждебной стихией, грозной и неодолимой силой, неподвластной шаманам, несущей страдания людям и животным. Предания, повествовавшие об этом и передававшиеся из поколения в поколение, завершались обычно трагически. Согласно одному из них, именно крылатые кровопийцы сыграли роковую роль в судьбе древнего народа «сыбыр» – того самого, от которого весь наш огромный край унаследовал свое нынешнее название.

...В один недобрый год, гласит легенда, великие бедствия обрушились на «сыбыров». Разверзлись хляби небесные, от нескончаемых ливней переполнились озера, болота и реки, скрылись под водой лучшие пастбища, оскудели охотничьи угодья, покинутые зверем. Но самое ужасное – тучами нависли над селениями несметные полчища серой нечисти, беспощадно терзавшей все живое. И с каждым днем гнуса становилось все больше и больше, и не было

от него никакого спасения, и отчаяние овладело людьми... Часть племени навсегда покинула родные места, остальные предпочли чужбине смерть: не выдержав адских мучений, покончили с собой, бросившись в темные ледяные воды...

Давно доказано, что в каждом мифе есть крупица исторической реальности, каждый из них – это не только плод народной фантазии, а поэтическая интерпретация конкретных событий и природных явлений. «Сыбыры» («сипиры») – угорское племя, обитавшее в среднем Прииртыше, – действительно были вынуждены покинуть свои исконные земли, но по другой причине: на север их оттеснили пришедшие с юга кочевники-тюрки. Однако ушли не все: оставшиеся «растворились» в превосходящей их численно массе пришельцев, положив начало формированию нового этноса – сибирских татар. Так что при желании приведенное выше сказание с некоторыми оговорками можно истолковать как аллегорическое изображение тюркского вторжения и его последствий. И еще одна реалия, которая, несомненно, отражена здесь, – это память о нашествиях кровососущих насекомых.

Одни из главных представителей этого беспощадного воинства – комары – обосновались в Барабе, где самой природой были созданы идеальные условия для их размножения, еще в середине палеогена – без малого полсотни миллионов лет тому назад. Если лето выпадало ненастным, с частыми и затяжными дождями все степное пространство превращалось в гигантский комариный питомник, где эта тварь в неисчислимом множестве плодилась в стоячих водах, густо покрывавших поверхность Барабы после таяния снегов и внешних разливов, выводила

потомство в неглубоких, богатых камышом, осокой и прочей растительностью озерах, больших и малых болотах, в овражках и лощинах, придорожных канавах, пойменных низинах и тенистых речных заводях, превращая в свою вотчину каждый лоскуток непроточной влаги, успевая до осени дать жизни двум-трем поколениям. Если учесть, что в «урожайные» годы плотность комариных личинок может достигать пятидесяти тысяч на один квадратный метр, то нетрудно представить, каков был приплод!

«Только выпив чьей-то крови, размножается комар...» Вечно голодные, гонимые инстинктом продления рода, обладая способностью проникать в любую щель, двукрылые вампиры досаждали людям с ранней весны чуть ли не до первых заморозков. Особенно свирепствовали они в пасмурные теплые дни и вечера, превращая в каторгу сенокос и другие сезонные работы, отравляя радость охоты и рыбалки, грибные и ягодные сборы. С самого начала пастбищного периода гнус безнаказанно истязал домашний скот, не давая ему вдоволь наесться сочной молодой травы и заставляя искать убежища в воде. Ущерб от такого разбоя был весьма ощутимым: с появлением гнуса надои и привесы резко снижались. *«На лошадей, – рассказывает очевидец, – страшно было смотреть: от ноздрей до хвоста и от копыт до хребта их, несчастных, покрывало нечто, напоминавшее серое мохнатое одеяло, но при близком рассмотрении оказывалось, что это комары, сидящие так плотно друг к другу, что на животных не было места хоть с наперсток, не занятого ими. А лошади, дрожа всем телом и отмахиваясь хвостами, продолжали пастись, сознавая урон, причиняемый насе-*

комыми их жизненной силе, и потребность восполнить его пастьбой...».

Если домашним животным приносил некоторое облегчение спасительный дым костров, разводимых человеком, то дикие обитатели лесостепных равнин ощущали этот жуткий «беспредел» в полной мере. Жертвами летучих кровопийц становились не только детеныши (свидетельством тому – попадававшиеся иногда в лесу трупики искусанных до смерти маленьких косуль), но и взрослые особи, и даже лоси: обезумев от боли, сохатый мчался, не разбирая дороги, и, угодив в трясины, находил там свою гибель. Чтобы кто-нибудь не счел все, о чем рассказано выше, экзотическим вымыслом, предоставим слово человеку, которому нельзя не поверить – известному естествоиспытателю и путешественнику Александру Федоровичу Миддендорфу, дважды в позапрошлом веке побывавшему в сибирских экспедициях в сороковых годах на севере и востоке края, а в конце шестидесятых в Барабе и оставившему впечатляющее описание комариного «террора».

«Кровожадные, сидящие в три-четыре слоя друг на друге, комары покрывали нас с головы до ног, постоянно зондировали своими хоботами и находили любое уязвимое место в нашей экипировке. Своими уколами они татуировали на нашей коже такие же узоры, какие были вышиты на наших одеждах, так как просовывали свои жала сквозь отверстия от иглы, не пропустив ни одного из них. Они лезли к нам в рот, нос, уши и глаза, невозможно было ни смотреть, ни слушать, ни дышать. Одним ударом можно было убить тысячу, а миллион их бросался на освобождающееся место. Ни о каком наблюдении

не могло быть и речи. Ночью комары нашли путь и под одежду, которой мы накрылись. В лихорадочном смятении проходила ночь без сна, а когда наконец сон сморил нас, он не принес нам облегчения. Мы просыпались с распухшими губами, с затекшими глазами и отеками лицами, чтобы принять новые муки. Очевидно, комары решили любой ценой напиться крови вволю хотя бы раз в жизни. Голод мучил их, должно быть, даже сильнее, чем они мучили нас своими укусами. В этой пустынной местности, где мало зверей, мириады комаров все равно должны были погибнуть, так и не получив желанного глотка. Гумбольдт в болотах Барабинской степи тосковал по берегам Ориноко, которые до этого описывал как места, кишацие москитами».

И. И. Завалишин писал, что если бы великому итальянскому поэту Данте Алигьери довелось поближе познакомиться с сибирской мошкой, он непременно поместил бы ее в своей «Божественной Комедии» в один из кругов преисподней как источник адских мук для самых окаянных грешников. По кровожадности и агрессивности эта микроскопическая злодейка превосходит комара, а укусы ее более неожиданны и болезненны, а иногда и ядовиты. Вспоминаю, как во время журналистской встречи с сельскими механизаторами заметил, что у одного из них кисть правой руки размерами чуть не вдвое превосходит левую и напоминает боксерскую перчатку. На мой сочувственный вопрос о причине этого он, беззлобно хохотнув, ответил:

– Мошка цапнула, чтоб им всем передохнуть, – и назидательно добавил. – Такая мизерная тварь, а, вишь, какое у ей обаяние...

Самым простым, дожившим до наших дней средством защиты от гнуса были «дымокуры» – небольшие костры из прелой или свежей травы, древесных гнилушек или грибов-трутовиков. Их дым, хотя и не давал полного избавления, но все-таки отпугивал насекомых, державшихся в некотором отдалении и сразу бросавшихся в атаку как только дымовая завеса начинала ослабевать. Чтобы коровы во время дойки стояли спокойно, хозяйки обязательно брали с собой «курево», тлевшее в глиняном горшке или старом ведре. Пригоны после прихода скота с выпасов окуривали при необходимости дважды – поздним вечером и глубокой ночью. Глазам путешественника предстала такая картина: *«Когда едешь, например, летом через Барабу, то вся окрестность кажется далеко застланною сизым дымным туманом, от которого солнце кажется каким-то кровавым шаром. Со всех околиц поднимаются густые столбы дыма от зажженных навозных куч, сложенных в глубоких ямах и прикрытых сверху дерном, чтобы они дымились, а не пылали...»*.

Вход в жилище завешивали пологом, а, отправляясь в лес, где человека с первых же шагов окутывало густое облако нудно звенящих кровососов, облачались в «спецодежду» из просмоленного грубого холста, лицо закрывали накомарником – холщовым мешком или колпаком с прорезями для глаз или же волосяной сеткой, а руки натирали самодельными репеллентами – резко пахнущими мазями на дегтярной основе. А в экстремальные годы даже в селе или на собственном подворье, чтобы иметь возможность заниматься обычными домашними

делами, приходилось пользоваться перечисленными выше средствами индивидуальной защиты. Своеобразные ее способы применяли татары: они прикрепляли к поясам своей одежды конские хвосты, чтобы обмахиваться ими, а лошадей обвязывали пучками березовых веток, которые при езде приходили в движение, отгоня назойливых попутчиков.

Гнус давал о себе знать и в засушливые годы, хотя зона его массового распространения заметно сужалась, охватывая лишь низменные места с естественным переувлажнением. После недолгого затишья он снова становился «бичом божьим» и «карой господней», словно задавшись целью не щадить никого и во что бы то ни стало выжить из своих владений всех пришельцев до единого. Но пропахшие спасительным дымом костров они, похоже, не собирались никуда уходить. Возле рек и озер ставили крепкие дома, распахивали и засевали целину, пасли стада, растили родившихся уже на этой земле детей, основательно, по-хозяйски обживая «прекрасный и яростный мир» Барабы, который был создан Всевышним для мужественных, терпеливых и трудолюбивых людей, какими и были они – наши прапрадеды.

☞ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 2. Томская губерния. Москва, 1865, с. 54–55; Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Санкт-Петербург, 1869, с. 49–50; Миненко Н. А. История Новосибирской области. С древнейших времен до конца XIX века. Новосибирск, 1975, с. 19.

«Мы, нижеподписавшиеся, служащие в городе Каинске...»

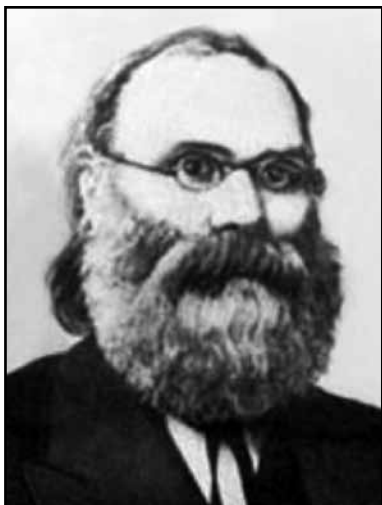
...чиновники и канцелярские служители, желая, по мере сил своих, содействовать учреждению в г. Каинске учебного для девиц заведения, полагаем:

а, уделять с этою целью, во все время служения нашего в Каинске, по одной половине процента из получаемого нами, как окладного, так и прибавочного содержания и по одному проценту из денежных наград, если таковые кому-либо из нас будут назначены; деньги эти предоставляем начальству удерживать при самой выдаче нам содержания за полгода вперед, в январе и июле месяцах, и отсылать, куда будет назначено, по сношению с училищным начальством;

б, приглашать к этому взносу и тех из наших сослуживцев, которых в настоящее время нет налицо, а также тех, которые поступят сюда на службу в последствии, и

в, представить настоящую подписку на утверждение Томского губернского правления и просить распоряжения его о приведении в действие, через подлежащие присутственные места, принимаемого нами обязательства...»

Нет, к сожалению, возможности поименно перечислить всех, кто стал причастен к такому редкому по тем временам, но в высшей степени благородному делу, подписав 29 сентября 1859 года вышеопубликованный документ, собравший шестьдесят четыре автографа почти всех представителей тогдашней каинской интеллигенции, начальства и рядовых госслужащих, полицейских

Всеволод Иванович Вагин,
историк, публицист, каин-
ский окружной начальник

и судебных чинов, представителей местного народного просвещения и здравоохранения – от окружного начальника Всеволода Ивановича Вагина, инициатора и организатора этой акции, до канцеляристов и писцов. Весь чиновный корпус – и ни одного представителя двух других главных сословий, купечества и мещанства.

Теми пожертвованиями, которые предусматривались «приговором», его авторы решили не ограничиваться. Для создания «стартового» денежного задела была организована подписка, давшая чуть более двухсот рублей, двадцать два рубля к этой сумме добавил благотворительный спектакль, единовременное сторублевое пособие выделило главное управление Западной Сибири. Пример бескорыстия явили учителя Каинского уездного училища, решившие бесплатно давать уроки по своим предметам в будущей женской школе.

Почин группы каинцев-меценатов был поддержан: в следующем году генерал-губернатор дал согласие на открытие в Каинске женской приходской школы, но с существенной оговоркой, что официально она будет утверждена только при условии более надежной финансовой поддержки ее существования городским обществом.

Одновременно Густав Христианович Гасфорд обратился к купцам и мещанам с предложением оказать полезному начинанию посильную материальную помощь.

Первым дрогнуло купечество, составившее свой «приговор», согласно ему каждый из подписавших его обязывался ежегодно вносить на нужды школы по три рубля. Мещане на этот раз отмолчались, и только после увеличения купцами в 1862 году своего ежегодного воспомоществования до пяти рублей, заговорила совесть и у них. И хотя их участие оказалось более чем скромным и составляло в зависимости от некоторых имущественных факторов от десяти до сорока копеек, уже само по себе сие было явлением весьма отрядным. Как говорится, с миру по нитке...

Благодаря этому школа, занятия в которой начались еще 28 марта 1860 года, могла теперь считаться в материальном плане достаточно обеспеченной. Ее первыми пятнадцатью ученицами стали в большинстве своем дочери лиц чиновного и духовного звания. Классные занятия длились шесть часов, время распределялось следующим образом: с девяти до двенадцати часов школьницы занимались рукоделием и повторением пройденного на предыдущих уроках, а с двенадцати до четырнадцати – изучением нового материала. К этому учебному заведению каинцы отнеслись гораздо доброжелательней, нежели в свое время к уездному училищу. Проводили различные благотворительные мероприятия для привлечения дополнительных средств, активно ходатайствовали о переводе школы во второразрядную с тремя классами и частичного успеха добились: в декабре того же года открылся

Венедикт Петрович Ерофеев

еще один класс, а со следующего, 1861 года, было введено нечто вроде ремесленного обучения, девочек начали обучать и весьма небезуспешно башмачному делу, что вызвало неодобрение дирекции губернских училищ, полагавшей, что это отвлекает школьников от главного – получения знаний по основным учебным дисциплинам.

Но уже в ближайшие годы отношение к школе постепенно менялось – от сочувственной заинтересованности до почти полного безразличия, да так, что к концу шестидесятых вопрос «быть или не быть» стал для нее грозной реальностью. Ощущались острая нехватка средств и преподавателей. И снова на выручку пришли чиновники, удвоившие свой ежегодный взнос с получаемого жалования – с полупроцента до одного процента. Настоящим благотворителем проявил себя и один из наиболее видных представителей каинского купечества Венедикт Петрович Ерофеев, согласившийся стать почетным блюстителем школы и обязавшийся выделять на ее нужды не менее ста рублей в год. Таким образом, закрытия школы удалось избежать, и впоследствии подобных острых ситуаций уже не возникало. Более того, ей предстояло пройти хотя очень непростой и долгий, но очень

плодотворный путь развития, чтобы занять свое особое почетное место среди других учебных заведений нашего города.

☞ Томские губернские ведомости, № 40 от 13 октября 1861 года. Часть неофициальная, с. 304–305; Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, с. 50–51.

1861 1 февраля. Событие, положившее начало становлению и развитию библиотечного дела в Каинске, – открытие при уездном училище публичной городской библиотеки, фонд которой первоначально состоял всего из шестисот книг и десятка подписных периодических изданий. Она успешно действовала до 1865 года, стараниями энтузиастов-учредителей фонд ее удалось увеличить до 2154 экземпляров. Но с начала семидесятых по решению училищного начальства библиотека перестает быть общедоступной.

Инициатором возобновления общественной библиотеки стал учитель уездного училища Христофор Степанович Туманов. 27 декабря 1882 года состоялось собрание учредительного актива, решившего после сбора средств для подписки периодики на будущий год «ходатайствовать перед господином Томским губернатором о разрешении открытия в Каинске общедоступной библиотеки как официального учреждения». Такое разрешение, обеспечившее существование библиотеки в последующие годы, было дано 27 октября 1883 года.

☞ Н. Г. Каинская общественная библиотека в прошлом и настоящем // Сибирский вестник. 1892, № 64.

1861 С 1861 года начинается рост торговых оборотов Михайловской ярмарки, проходившей в Каинске с 8 по 16 ноября. Если в 1863 году привоз составил 81925, а сбыт 49925 рублей (лучший результат среди окружных городов Томской губернии), то в 1864 году соответственно – 138 640/103 640, в 1865 году – 101 525/69 525, в 1866 году – 86 314/74 405 рублей. На продажу привозили традиционные местные товары: масло, мясо, рыбу, кедровые орехи, лен. В дальнейшем обороты оставались в пределах этого уровня вплоть до конца девяностых. Позднее была учреждена еще одна ярмарка – Петропавловская (с 26 июня по 4 июля) и обороты обеих ярмарок в 1910 году составили 358 000 рублей по привозу и 163 500 по сбыту с приездом пятисот купцов и 16 тысяч покупателей, в 1911 году соответственно – 399 500/199 700 (полторы тысячи купцов и 6,3 тысячи покупателей).

☞ Щеглова Т. К. Указ. соч., с. 420–421.

1862 *29 ноября*. Каинская телеграфная станция наряду с Омской и Колыванской внесена в штат Сибирского отделения общероссийской телеграфной сети.

☞ Морев В.А. Сибирский телеграф во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2010. №4(12), с. 22–30.

1865 Вышел в свет второй том трилогии Ипполита Иринарховича Завалишина «Описание Западной Сибири», полностью посвященный Томской губернии, с отдельной главой, живо повествующей о Барабе, Каинске и Каинском уезде. К городу и уезду, их жителям у автора отношение то доброжелательное, то критическое, зато природой он восхищен. Его описание Барабы (как мной и было обещано) в противовес вигелевскому рад предложить вниманию читателя.

«Однако нет ничего оригинальнее и поэтичнее Барабинской степи в мае месяце и картины ея никогда не изгладятся из памяти того, кто умеет сочувствовать красотам природы. Едешь по главному Иркутско-Московскому тракту и залюбуешься. Высоко стоит солнце на безоблачном небе и теплые испарения майской земли покрывают окрестность благоухающей легкокозистой пеленой марева – какое дивное сочетание красок, переливов их, теней и оттенков! Широко раскинулась свежезеленая степь, испещрили ее озера да озерки, сверкая под золотистыми солнечными лучами, радостно плещутся в искрометных и свежих водах слетевшие сюда с дальнего юга огромные стаи диких гусей, уток, лебедей. Инде березовая рощица уселась у самого озера и шумит над ним своими трепещущими молодыми листьями. Звонкая песнь оглашает степь, это пахарь весело бороздит соч-

ную землю своим плугом. Из-за дальнего озера выглядит тонущее в свежей зелени маленькое село с высокой белокаменной церковью; и там еще деревушка над быстрой речкой, опять рощицы, опять озера и золото-ванные речки. А спустится ли красное солнце огненным шаром за окраину этой золотой степи, разбрасывая по небу яхонтовые лучи свои, заснут ли сладким сном после тяжкого дневного труда деревушки и села, поля и рощи, озера и речки; поднимется ли полная луна над окрестностью и закует в серебро умиротворенные воды: что за милая картина просится опять на душу, чтобы вызвать самые теплые мысли! Вот там, в далекой дали, полуночный рыбак разложил огонек и закидывает при красноватых лучах его, трепетно стелящиеся по сонной воде, сети в крохотное озеро, будто алмазную чашу в изумруде береговой зелени. Проржал конь в табуне, продиндил где-то колокольчик почтовой тройки, прочиликала в спящей роще невидимая пташка – а воздух, как он упоительно ароматически свеж! Как на душе тогда легко! Жизненные силы так и просятся неодолимо...».

☞ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Том второй. Томская губерния. Москва, 1865, с. 55.

Пожар или поджог?

Долгие годы блуждая по электронным лабиринтам интернета в поисках старинных материалов по истории нашего края, я не пропускал дореволюционных изданий и другой тематики, так как в них иногда удавалось найти

информацию, тоже имевшую или прямое, или косвенное отношение к главной цели моих цифровых экспедиций. Однажды в одном из литературных сборников начала позапрошлого века я обнаружил публикацию, которая показала мне весьма интересной – «Воспоминания сибирского полицеймейстера» некоего Алексея Иванова. Не исключаю, что это псевдоним, принятый автором по каким-либо субъективным соображениям, однако знакомство с текстом не оставляет сомнений, что принадлежит он не какому-нибудь ловкому сочинителю-беллетристу вроде создателя фандоринского цикла, а опытному профессионалу сыска. Как по фактической насыщенности, так и по стилю, хотя и не избежавшему редакционной правки, но лишенному литературной прилизанности. Того, о чем он повествует, не придумаешь, и некоторые сюжеты вполне могли бы стать основой добротного детектива. Чтение, которое предполагалось как праздное, увлекло меня с первых же страниц, мелькавших затем одна за другой. И вдруг уже в шестой главе в глаза бросилось слово «Каинск»...

Сибирские города горели часто, но в истории каждого из них есть особенно памятные пожары, после которых пепелище приходилось застраивать заново или на очень большой площади, или почти полностью. И Каинск не стал исключением. Об чрезвычайном бедствии, постигшем уездный центр, поведали 9 июня 1867 года «Томские губернские ведомости». Сообщение под казенным заголовком «Возобновление требований», выделенное как весьма важное особым шрифтом, являло собой не только констатацию прискорбного факта, но и прямое указание

о необходимости повсеместного строгого соблюдения правил противопожарной безопасности, показывая на конкретном примере, какими ужасающими могут быть последствия разгула огненной стихии.

«Каинские градская полиция, окружной и земский суды, – говорилось в нем, – от 21, 23 и 24 мая сего года донесли губернскому правлению, что 20 числа мая, в половине седьмого часа пополудни, загорелась у мещанина Юсупова баня, к потушению которой хотя и были принимаемы всевозможные меры, но так как в это самое время дул сильный ветер и угли из пламени бросало чрез несколько кварталов, а огонь в одно и то же время оказывался в разных местах, то от этого пожара сгорело 119 домов и 97 флигелей, в том числе квартиры присутственных мест: окружного и земского судов, окружного казначейства, градской полиции и уездного училища с бывшими в них делами и имуществом. Об этом публикуется с тем, чтобы все присутственные места возобновили требования, которые остались невыполненными со стороны Каинских присутственных мест».

Тема великого каинского пожара на страницах губернского печатного органа дальнейшего развития не получила, оставив читателей в полном неведении относительно его конкретного виновника. Коллективная вина местного начальства, расслабившегося в пожароопасное весеннее время и не сумевшего справиться с возгоранием, очевидна. За что оно и поплатилось с лихвой, лишившись своих «офисов». Но с чего все началось? С преступной небрежности владельца бани, оставившего затопленную

печь без присмотра? Или есть основание заподозрить нечто иное? Например, чей-то злой умысел...

А вот теперь самое время обратиться к мемуарам полицеймейстера. В 1863 году, в связи с очередным служебным перемещением, он оказался в Кургане и как раз в то время, когда в городе стали один за другим вспыхивать пожары. Вскоре стало ясно, что это не халатность горожан, а дело рук или преступной группы, или злоумышленника-одиночки. Случалось по два, три, а иногда и более поджогов за день. Полицейское управление и пожарная команда, находившаяся в его подчинении, сбились с ног и в поисках поджигателей, и в тушении возникавших то здесь, то там возгораний, но их усилия пресечь огненный террор, сеявший панику среди обывателей, были тщетными. Город продолжал гореть...

Забота об состоянии средств пожаротушения являлась прямой обязанностью начальника полиции, и вот однажды по пути домой уже в восемь часов вечера он решил зайти на пожарный двор, чтобы осмотреть недавно приобретенные, еще не бывавшие в деле водяные насосы и к удивлению своему обнаружил там одного из своих подчиненных, рядового служащего по фамилии Израилев. Тот произвел своим видом впечатление человека, застигнутого врасплох, заметно взволнованного и даже испуганного. Свое присутствие здесь в столь позднее время объяснил намерением встретиться с приятелем, а явственно ощущавшийся запах гари, сильно при этом побледнев, наносимым из-за реки дымом степных палов.

Возникшее подозрение еще более окрепло, когда сей персонаж не выдержал прямого испытующего взгляда по-

лицеймейстера и, явно нервничая, отвел глаза в сторону. Однако только одно это не могло явиться основанием для обвинения и тем более задержания. Почти несомненное доказательство виновности подозреваемого появилось уже спустя час, когда всюю запылял тот самый пожарный сарай (видимо, уже подожженный с невидимой стороны и начавший тлеть незадолго до их встречи), а внезапно поднявшийся буйный ветер разнес далеко вокруг его горящие ошметки, уничтожившие около шестидесяти лучших городских домов. Отсутствие фактических улик не позволило привлечь мерзавца к ответственности, пришлось ограничиться изгнанием его из полиции и административной высылкой.

Через четыре года последовал перевод автора воспоминаний в той же должности в Омск. И здесь с первых же дней ему тоже пришлось столкнуться с чередой частых поджогов. Используя уже приобретенный опыт, полицеймейстер на след омского огнелюба вышел достаточно быстро, установив, что все возгорания происходят в зоне расположения военного госпиталя, что указывало на возможное местонахождение преступника. Во время тушения одного из поджогов пожарники нашли сверток с горючим веществом. Его газетную обертку решили путем поиска идентичного печатного издания использовать как вещественное доказательство. Впрочем пора предоставить заключительное слово самому мемуаристу:

«С этой находкой я отправился в госпиталь, находившийся неподалеку и попросил смотрителя показать мне госпитальную прислугу. Каково же было мое удивление, когда в числе служителей я встретил давно знако-

маго Израилева. «А, голубчик, – сказал я строго, – тебе даром сошли курганские шалости, ты вздумал и здесь приняться за то же, нет извини, тебе это не удастся». Израилев был бледен, глаза выражали затаенную злобу, и душевное волнение обнаруживалось только учащенным дыханием. При обыске у него хотя и нашли обрывки такой же газетной бумаги, какая была на свертке, но всего этого оказалось недостаточным для юридического обвинения его в поджоге. Он был административно переведен в город Каинск Томской губернии и там с приездом его повторилась та же история, начались поджоги, но вскоре он был пойман, уличен и сознался в десяти поджогах, совершенных в разное время».

Временное совпадение несомненно. Но недостаток конкретных фактов не позволяет делать каких-либо категоричных выводов. Поэтому правомерны две версии.

Первая. Господин Израилев решил ознаменовать свое прибытие в Каинск грандиозным огненным шоу и после ряда неудачных попыток осуществил свое намерение, однако избежать разоблачения ему на сей раз не удалось. Есть болезни, которые гораздо опаснее для окружающих, чем для самого человека, подверженного этим недугам. Одна из них – пиромания, психическое расстройство, непреодолимое желание совершать поджоги и наблюдать за ними, испытывая при этом наслаждение, среднее между тем, какое получает алкоголик от употребления хмельного зелья, а серийный убийца от своего очередного зверства. Чем огромнее, продолжительнее и опустошительнее пожар, возникший благодаря ему, тем ощутимее эйфория, переживаемая пироманом.

Вторая. Виноваты извечное легкомыслие и почти генетическая небрежность в обращении с огнем, повседневное несоблюдение элементарных мер предосторожности как горожан, так и сельчан, что и продемонстрировал главный виновник однодневного каинского апокалипсиса – мещанин Юсупов.

Лично я все-таки склоняюсь к первому варианту. Но независимо от того, кто был виновен и какое он в итоге понес наказание, даже сейчас, полтора века спустя, масштабы трагедии, пережитой каинцами, многие из которых в одночасье лишились имущества и крова, впечатляют, а людское горе вызывает искреннее сочувствие.

P. S. 1883. *«Каинск, 13 мая... Пишу под свежим впечатлением паники, охватившей наш небольшой город. Ночью 12 мая начался пожар в доме купца Безменова, который и сгорел один; утром в тот же день загорелся дом мещанки Лясиной: здесь сгорела крыша; в полдень, при сильном ветре, огонь показался в одном из домов мещан Митрохиных и начал быстро распространяться, переходя с дома на дом. Через час горело уже восемь домов, флигель и все надворные постройки Митрохиных и соседние с ними флигель и службы переселенца Трушковского. Все эти здания сгорели до основания. Затем, в 8 часов вечера, начался пожар в доме мещанки Бологовой, причем обнаружен поджог; виновный задержан и уличается очевидцем поджога. Город объят страхом и паникой, всем поминутно слышится набат. Я. (псевдоним автора заметки – **авт.**)»*

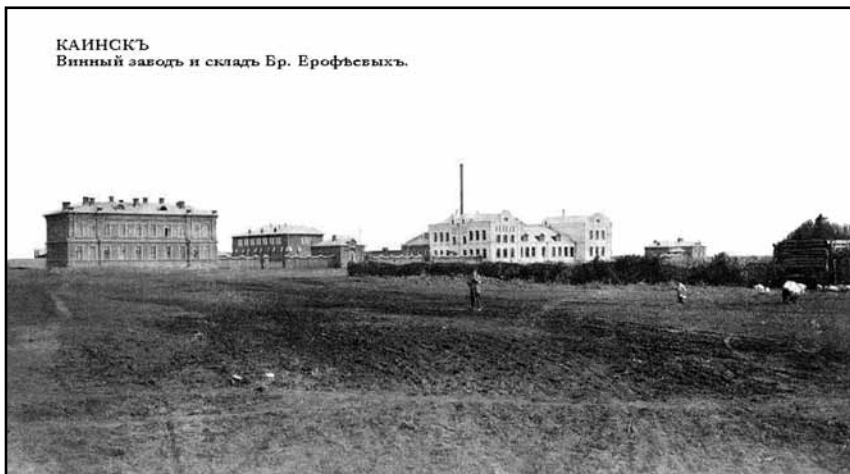
Жаль, конечно, что имя поджигателя осталось неизвестным, но почерк узнать нетрудно: снова весенняя майская сушь, сильный ветер, а время возгорания в ос-

новном вечернее, ночное, утреннее, реже – полуденное. И в абсолютном отдалении от мечущихся у горящих домов горожан, тщетно пытающихся их потушить, – он, сверхчеловек, создатель этой адской феерии, с безумным блеском немигающих глаз, замороженно впитывающих в себя столь желанное для него зрелище, и выражением неопишуемого восторга на лице.

☞ Томские губернские ведомости, № 9 от 9 мая 1867 года, № 20 от 26 мая 1883 года; Алексей Иванов. Воспоминания сибирского полицеймейстера // Туркестанский литературный сборник. В пользу прокаженных. Санкт-Петербург, 1900, с. 155–170.

1867 Знаковое событие: купцом Венедиктом Петровичем Ерофеевым завершено строительство первого в Каинске крупного промышленного предприятия – винокуренного завода, располагавшегося в двух верстах от города и названного Новотроицким. На нем имелись складские помещения и все отделения производственного цикла, от дрожжевого до ректификационного. Позднее

КАИНСКЪ
Винный завод и складъ Бр. Ерофьевыхъ.

появился и пивоваренный завод, а по мере увеличения объемов выпускаемой продукции – пивовинные склады и торговые точки в других западносибирских городах.

☞ *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: том 1(А-Е). Кн. 2. Новосибирск, 1994, с. 159–163.*

Явление небожителя

17 июля 1868 года в жизни окружного города Каинска Томской губернии, еще толком не отстроившегося после страшного прошлогоднего пожара, произошло событие исключительной важности и редкости: «столицу Барабы» в первый и, увы, последний раз посетила «особа царствующего дома». Чтобы понять всю уникальность случившегося, нужно вспомнить, что Романовы не баловали сибиряков личным присутствием, за триста с лишним лет существования династии ни один из них так и не появился здесь будучи монархом, а чтобы пересчитать визиты великих князей, хватит пальцев одной руки.

Движению в восточном направлении положил начало в 1823 году кратковременным посещением Урала Александр I. А сибирским первопроходцем среди членов императорской семьи стал в 1837 году тогда еще только наследник престола, девятнадцатилетний великий князь Александр Николаевич (будущий Александр II Освободитель). Зауральское путешествие, в котором цесаревича сопровождал его учитель и наставник, великий русский поэт Василий Андреевич Жуковский, тоже не планировалось длительным и завершилось пребыванием в Тюмени и Тобольске. Следующего высокого гостя (о нем и пойдет речь) Сибири пришлось ждать тридцать один год. Им

оказался третий сын Александра II, великий князь Владимир Александрович, посланный отцом, по официальной версии, в инспекционную поездку, а по сути дела – для расширения кругозора и ознакомления с отдаленными восточными окраинами державы. Прежде чем приступить к рассказу о том, как происходила его встреча с населением Томской губернии, в том числе и с каинцами, назовем остальных Романовых, осчастлививших сибирскую землю своим появлением.

В 1873 году водным путем из Томска в Тюмень через Нарым проследовал с Дальнего Востока в Санкт-Петербург завершивший плавание в Америку младший брат Владимира Александровича Алексей Александрович, впоследствии командующий морским флотом, гор-адмирал, главный виновник Цусимского разгрома и гибели русской эскадры. А потом почти два десятилетия спустя, после долгих заграничных странствий и торжественной закладки 19 мая 1891 года на берегу бухты Золотой Рог во Владивостоке железной дороги, которой предстояло пройти через всю Сибирь, тем же речным маршрутом, так же предусмотрительно обогнув Барабу, возвращался в столицу еще один отпрыск венценосного семейства – старший сын и наследник Александра III Миротворца, цесаревич Николай Александрович, после коронации – Николай II, которому суждено было стать последним русским императором. Ему придется приехать в Сибирь еще один раз, но уже не по своей воле и не как «самодержцу всероссийскому», а как «гражданину Романову». После девятимесячной тобольской ссылки его под конвоем отправят в Екатеринбург, где в недобрый

для себя и своих близких час он встретится с одним из наших «земляков» – «мещанином города Каинска Томской губернии» Янкелем-Яковом Хаимовичем-Михайловичем Юровским... Объективности ради упомянем еще двух великих князей, отметившихся в сибирском календаре. Это Константин Константинович Романов, назначенный главным начальником всех военно-учебных заведений, совершавший их инспекционный объезд и с 11 по 15 октября 1900 года с этой целью находившийся в Омске и еще раз посетивший его 29 апреля 1909 года, и Кирилл Владимирович Романов, в апреле 1904 года проследовавший на поезде через Барабу в Санкт-Петербург с Дальнего Востока. Вот, пожалуй, и все. Если кого-то пропустил, буду искренне благодарен каждому, кто пополнит сей скромный перечень.

...Май 1868 года. В Томске получено официальное извещение о предстоящем визите Владимира Александровича. Указаны предполагаемый маршрут и примерная дата прибытия – 8 июля. Пережив легкое потрясение и осознав, сколь велика их ответственность за успешный исход этой миссии, губернские власти во главе с Николаем Васильевичем Родзянко разворачивают беспрецедентную по своим масштабам подготовку к встрече и приему его императорского высочества. Во все города и селения, предназначенные для посещения, в том числе и в Каинск, направляются подробнейшие инструкции, где расписано до мелочей, что необходимо безотлагательно сделать к приезду августейшего гостя. Прежде всего – привести в должный порядок дороги и улицы, по которым будут следовать экипажи великого князя и сопровождающих

его лиц, облагородить посильными средствами внешний вид усадеб, коим суждено будет оказаться в их поле зрения, принять исключительные меры по недопущению каких-либо происшествий и беспорядков, для чего загодя произвести изоляцию и высылку всех, от кого сие может учиниться, и особое внимание обратить на состояние присутственных мест, училищ, школ, больниц, приютов и богаделен, так как они вполне могут удостоиться высочайшей инспекции.

Об утвержденных свыше маршруте и графике поездки его высочества были загодя оповещены главные чины всех губерний и уездов. 19 июня высокий гость должен был прибыть в Усть-Каменогорск. Туда и отправился заранее для его встречи губернатор Н. В. Родзянко, чтобы потом в течение трех недель неотлучно сопровождать великого князя вплоть до его приезда в Томск. Потомству повезло, что в числе томичей, взятых им с собой, оказался и, видимо, не случайно секретарь губернского статистического комитета, а по совместительству плодовитый публицист, активный краевед и этнограф князь Николай Алексеевич Костров. Это его вдохновенному перу принадлежит обстоятельнейшее и верноподданнейшее, порой до приторности, описание «Путешествия по Томской губернии Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 года».

Столичных гостей было немного: в основной состав свиты входили генерал-адъютант, флигель-адъютант, доктор, секретарь и самая значительная фигура среди них – выдающийся ученый и знаменитый путешественник, академик в чине действительного статского советника

Александр Федорович Миддендорф. Ему как признанному знатоку сибирских реалий предстояло компетентными разъяснениями удовлетворять любознательность августейшего «инспектора», которому совсем недавно, 22 апреля, исполнился всего двадцать один год.

Вояж по Томской губернии начался 19 июня после торжественной встречи в Усть-Каменогорске с ее южной части, но, к сожалению, наслаждаться видами сказочно живописных алтайских пейзажей при ясной погоде удавалось редко, так как великокняжеский кортеж в качестве нежелательного эскорта изо дня в день сопровождали частые дожди, которые нередко сменялись невыносимой жарой. Однако досадные климатические неудобства полностью компенсировались повальным ажиотажем, восторженными приветствиями, самыми разнообразными изъявлениями преданности и преклонения, которыми его высочество

встречали в каждом городе, в каждом селении.

Уподобив почти месячное пребывание В. А. Романова в губернии народному празднеству, Н. А. Костров так живописал повсеместное чествование великого князя: *«Для того, чтобы все было как можно торжественнее, народ употребил все свои силы и все свои средства и сделал все, что только умел и смог*

Великий князь Владимир Александрович

сделать. Для встречи Великого Князя улицы в селениях, как в Троицын день, уставлены зелеными березами, усыпаны песком; дома украшены разноцветными флагами. В самых домах, где и не предполагалось остановок Его Высочества, портреты Государя Императора и Государыни Императрицы были помещены между старинными прародительскими образами. Путь, по которому Великий Князь должен был пройти от своего экипажа до церкви или до дома, где мог остаться только несколько минут, устилался лучшими цветами, платками, коврами и холстами. Лишь только Его Высочество ступал или легко дотрагивался до цветов, платков, ковров, холстов – все это внезапно убиралось. Теперь эти запыленные и увядшие цветы находятся за образами, а все прочее хранится в сундуках и будет передаваться от поколения к поколению как святыня». Такие вот трогательные подробности...

Все это дополнялось торжественными молебнами, пушечными салютами, устройством затейливо украшенных арок, вечерними иллюминациями, театральными представлениями, многолюдными балами, лодочными прогулками, охотой на боровую дичь и, конечно же, роскошными обедами и ужинами. Местные власти везде старались показать его высочеству то, что могло бы представить данный населенный пункт в наиболее выгодном свете. Владимир Александрович, уже привыкший к такому приему за время, прошедшее с начала поездки, еще в европейских и уральских регионах, претерпевая погодный дискомфорт, достойно нес бремя имперского официоза, так как находится ежедневно, с утра до вечера,

в центре всеобщего ликующего внимания было обязанностью хоть и почетной, но весьма утомительной, даже тягостной, особенно для его юного возраста.

По первоначальному расписанию маршрута Каинску, с его величавым Спасо-Успенским собором, выпадала честь принимать великого князя в день его тезоименитства, 15 июля, со всей подобающей такому случаю церковной и гражданской обрядностью, однако осуществиться столь лестному для городского сообщества событию не было суждено. Обстоятельства сложились иначе, и далеко не лучшим образом: 26 июня, уже находясь в Барнауле, его высочество серьезно занемог и настолько, что даже не вышел к обеду. Однако утром 27 июня, мужественно преодолевая болезнь, он все-таки решил продолжить путь в Бийск, и в итоге его самочувствие резко ухудшилось. *«В Бийске, – с грустью констатирует томский «собкор», – Великий Князь оставался долее, нежели в каком-либо другом городе Томской губернии, а именно с 28 июня по 7 июля, но это пребывание было скорее печально, нежели радостно для Бийска, потому что все это время Его Высочество был болен...»*. О недуге, сразившем Владимира Александровича, весьма распространенном и очень простонародном – следствии или непривычного меню, или несвежести какого-нибудь кушанья, Н. А. Костров поначалу деликатно умалчивает, но потом мельком проговаривается, упомянув о необходимости соблюдения им в процессе лечения строжайшей диеты.

Столь долгая задержка внесла серьезные коррективы в график поездки, значительно сместив сроки и сократив программы пребывания в остальных населенных пун-

ктах, что коснулось и Каинска, так как 27 июля великий князь должен был уже прибыть в Тюмень и присутствовать там на специально организованной к его приезду первой выставке промышленных изделий и достижений сельского хозяйства. В тягостные дни его болезни все окружение находилось «в мрачном унынии», всем видом выражая скорбное сочувствие и желая ему скорейшего и полного выздоровления, до наступления которого свитский доктор настоятельно рекомендовал воздержаться от дальнейшей поездки. Общему негласному порицанию подвергся А. Ф. Миддендорф, который еще 29 июня, будучи достаточно сведущим в медицине и убежденным в том, что банальная хворь, привязавшаяся к молодому человеку, отнюдь не угрожает его жизни, обратился к его высочеству с «некорректной» просьбой. Она сводилась к следующему: так как бийская пауза может затянуться на неопределенное время, разрешить ему отлучиться для осуществления давней мечты – исследования Барабинской степи и озера Чаны, чтобы затем примкнуть к великокняжескому поезду уже в Таре. Владимир Александрович этим ничуть не был покороблен и выразил свое согласие...*

...А 10 июля весь Томск встречал вновь обретшего доброе здравие великого князя. Приветствовали его не только жители губернского центра, но и прибывшие сюда восточносибирские депутации – Красноярская, Иркутская, Забайкальская. Пять дней пребывания Владимира

* *Итоги своего кратковременного, но плодотворного пребывания в Барабе А.Ф. Миддендорф обобщил в книге «Бараба», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1871 году.*

Александровича здесь, начавшегося с молебна в Благовещенском соборе, были очень насыщенными. Он проинспектировал воинский госпиталь, казармы, арестантскую роту, посетил все заведения приказа общественного призрения, острог, детский тюремный приют с мастерской при нем, где ему были преподнесены изделия воспитанников, мужскую и женскую гимназии, еврейскую синагогу и учрежденную при ней богадельню. Но и тут случилось нечто непредвиденное: его высочеству пришлось пережить «пожар» и даже «покушение»...

Вечером 11 июля, как и было запланировано, великий князь и его спутники удостоили своим присутствием местный театр, в котором гастролировала иркутская труппа. Предложенный их вниманию спектакль состоял из драмы «Отец и дочь» и водевиля «Беда от нежного сердца». Вскоре после начала представления в зрительном зале стал все явственней ощущаться запах дыма. Некоторые из присутствующих пришли в возбуждение, и когда все пространство стало заполняться белесой пеленой, с возгласами: «Пожар! Горим!» стали продвигаться к выходу. Всеобщей паники и давки не произошло лишь потому, что его высочество и сопровождавшие его лица не только сами «сохранили совершенное спокойствие», но и призвали всех остальных проявить сдержанность. Сразу же был выявлен и источник задымления, никакого серьезного возгорания не было: на фасадном щите, где размещалась иллюминация, изображавшая вензель великого князя, ветром опрокинуло плохо закрепленный шкалик с горящим маслом, деревянная основа воспламенилась, а сквозняк увлек дым внутрь здания. Тушение «пожара» не

заняло и пяти минут, а все, кто только что был не на шутку испуган, пошучивая над своим не подтвердившимся опасением, снова заняли места в зрительном зале...

...Но то, что стряслось на следующий день, 12 июля, было уже куда серьезней, и Владимир Александрович, может быть, пережил самые неприятные минуты за все годы своего пока еще недолгого земного бытия. Вечером вместе со свитой он прибыл в здание городской думы на бал, данный в его честь. Узнав об этом, сюда начали собираться простые горожане, пожелавшие лицезреть великого князя и встретившие его появление на балконе мощным «ура». И тут сквозь восторженный гул всенародного приветствия прорвался истошный вопль: «Убийца! Пистолет!» Ошеломленная толпа подалась в стороны от кричавшего, и посреди этого пространства остались два человека: один из них, обхватив другого руками и лишив возможности двигаться, требовал его немедленно арестовать, а тот всем своим видом выражал крайнее недоумение. Мгновенно подоспевшая полиция обыскала задержанного и, действительно, нашла заряженный пистолет. Такая улика привела все присутствовавших томичей в ярость, и стражам порядка стоило немало усилий, чтобы не допустить самосуда.

Владимир Александрович имел все основания считать случившееся реальной попыткой посягнуть на его жизнь как члена императорской семьи, поскольку в 1866 и 1867 годах уже были совершены два покушения на его венценосного отца, положившие начало долгой и упорной охоте террористов на царя-реформатора, все-таки достигших своей цели на шестой раз – 1 марта 1881 года. В меньшей степени были шокированы гостеприим-

ные хозяева, с ужасом сознававшие, что они при всем их старании не сумели принять исчерпывающих мер по предотвращению преступного замысла, обеспечить абсолютную безопасность высокого гостя и непоправимое не произошло лишь благодаря счастливой случайности. Чрезвычайное происшествие несомненно получит широкую огласку и может самым негативным образом сказаться на карьере всех, кто причастен к этой вопиющей оплошности. Впрочем, самообладание не изменило великому князю и на этот раз. После ареста «злоумышленника» и задержания «спасителя» он еще два часа пробыл на посвященном ему празднике и даже принял участие в танцах, чем поверг в экстаз и трепет местных барышень, оставив у них о себе приятнейшие воспоминания как о галантном кавалере и безупречном партнере.

Следственные органы, проявившие максимум оперативности и объективности, к великому облегчению губернского и городского начальства вскоре сообщили, что никакого покушения арестованным не замышлялось, что он оказался жертвой изощренной подлости и наглой провокации. Сожитель по съемной квартире и по совместительству событульник тем вечером после распития спиртного стал настойчиво приглашать его пойти полюбоваться иллюминацией, а заодно увидеть, если удастся, и самого великого князя. А поскольку на темных улицах случается всякое, то убедил взять с собой пистолет, купленный в свое время для самообороны и для защиты от возможных грабителей, так как для коммерческих сделок иногда приходилось иметь при себе наличные деньги и даже в крупных суммах.

Экспертиза показала, что старинный шестиствольный самопал мог быть использован лишь для визуального устрашения и шумового эффекта, а для прицельной стрельбы даже на малое расстояние совершенно не годился. Согласно собранным сведениям, «злоумышленник» оказался человеком вполне добропорядочным, разве что чересчур доверчивым и равнодушным к выпивке, занимался торговыми делами и ни в чем предосудительном ранее замечен не был, зато «спаситель» как раз в это время находился под следствием по обвинению в краже, а поскольку нигде не служил, испытывал крайнюю нужду в средствах, распродавая последнее из кое-какого еще имевшегося у него имущества. Вот и решил разом поправить свои дела. Рассчитывал, что особо разбираться не станут: его знакомцу – каторга или тюрьма, а ему – денег сумá... Великий князь, для снятия стресса весь следующий день посвятивший тетеревиной охоте, получив уведомление о предварительных итогах расследования, тоже был искренне рад, что пресловутое «покушение» было лишь гнусной уловкой отъявленного мерзавца.

А 14 июля в четыре часа пополудни при огромном стечении горожан, толпившихся у перевоза, где был пришвартован парадный плот, заполнивших прибрежные холмы, даже крыши окрестных домов, все доступное пространство, его императорское высочество покинул Томск, и далее путь его лежал по Московскому тракту на города Колывань и Каинск... В этот же день, преодолев семидесятипятиверстное расстояние, великокняжеский поезд затемно прибыл в ничем не примечательное село Просковское, на долю которого волей судеб выпал счастливый

жребий, так как именно здесь великий князь и решил провести день своего тезоименитства. А поскольку по изначальному плану таким местом предполагался Каинск, то вполне уместно подробнее рассказать о том, что же произошло в понедельник, 15 июля 1868 года. Накануне сюда уже приехали епископ Томский преосвященный Алексей и ректор духовной семинарии архимандрит Моисей, им предстояло в скромной местной церкви, в первый и последний раз удостоившейся архиерейского богослужения, провести торжественный молебен, посвященный памятной дате имперского календаря. Сам Владимир Александрович остановился в помещении местной почтовой станции, остальные распределились по частным домам.

...И вот он настал, этот день – погожий, но необыкновенно жаркий. Еще на рассвете сельские улицы стали заполняться людьми – жителями соседних деревень. А перед началом торжества у временной резиденции тезоименинника его появления уже ожидала огромная толпа. С половины девятого он начал принимать поздравления официальных лиц – своей свиты, генерал-губернатора Западной Сибири Александра Петровича Хрущева, находившегося при его высочестве во все дни пребывания того на подведомственной ему территории, томского губернатора Николая Васильевича Родзянко и прочих при сем присутствовавших. В девять часов после молебна горячо приветствуемый сельчанами Владимир Александрович направился в церковь к обедне, по завершении которой преосвященный Алексей преподнес великому князю образ его небесного покровителя Святого равноапостольного князя Владимира.

В три часа пополудни все были приглашены его высочеством на праздничную трапезу, состоявшуюся в условиях хотя и скромных, но в то же время весьма приятных. Поскольку почтовая станция не могла вместить всех участников застолья, решили расположиться в просторном дворе соседнего дома под навесом, сооруженным хозяевами для защиты запасов сена от дождя и снега, а заодно и надежно укрывавшим от палящего солнца. Запахи свежескошенной травы, устилавшей землю, аромат березовой и черемуховой листвы, украсившей стены этого необычного «ресторана», обилие свежего воздуха, навевавшего прохладу, – все это способствовало тому, что обед удался на славу, прошел без официальной скованности, весело и непринужденно. Пример такого поведения подавал сам виновник торжества, находившийся в прекрасном настроении. От первоначального намерения провести в Проскоковском весь день и остаться на ночлег Владимир Александрович отказался. Время торопило, надо было спешить, и в десять часов вечера в полнолуние, романтично преобразившее окрестность, путешествие продолжилось...

Несомненным достоинством костровского суперрепортажа является то, что в его повествовании о великокняжеском турне по Томской губернии как таковом присутствуют и описания посещенных поселений и местностей. О Барабе и Каинске* Николай Алексеевич писал не раз,

* *Впечатление от костровского описания Каинска несколько омрачает исторический ляп, которым этот уважаемый автор, повторно (впервые – в 1864 году, в «Историко-статистическом описании городов Томской губернии») именующий Каинский пас Каинским Носом, ставит себя в один ряд с И. И. Завалишиным*

публикуя свои статьи и очерки и на страницах «Томских губернских ведомостей», и отдельными брошюрами. Не обошел он их вниманием и на этот раз. Не могу удержаться от соблазна процитировать фрагмент, запечатлевший «фирменный» облик Барабы: *«Дорога узкою лентою тянется почти по болоту. По сторонам ее мелкий лес уединенными группами известными здесь под названием колков, то подходит близко, то отходит довольно далеко, оставляя обширные поляны. Иногда виднеются вдали небольшие озера. По Барабе, на протяжении без малого 300 верст, селения, большую частью, бедныя: избы построены из осинового или березового леса и крыты дерном или берестой, церкви – деревянные, старые, без всяких украшений. Бараба – месторождение сибирской язвы, которая бывает здесь нередко, действуя не только на животных, но и на людей...»*.

Пейзаж, конечно, однообразный и малопривлекательный для любого взора, а уж тем более для великокняжеского. Но оказывается есть и в этом суровом ландшафте блестящие отрадного, причем появившегося чуть ли не благодаря приезду царственной персоны. *«Во время проезда Великого Князя стояла засуха, и потому езда по Барабе была превосходная. Кроме того, нынешнее лето отличалось еще отсутствием мошки, паута, комаров и прочих насекомых, которыми так богата Бараба и которые составляют истинное мучение людей и животных. Это явление, в самом деле очень редкое, крестьяне приписы-*

и А. И. Лучишевым (впоследствии Н. А. Костров исправит эту ошибку: в «Каинской Барабе», увидевшей свет в 1874 году, уже упоминается Каинский нас).

вали приезду Великого Князя...». Ни больше ни меньше. Так рождаются поверья и мифы. Логично предположить, что если для временного усмирения свирепого сибирского гнуса хватило приезда лишь его высочества, даже не цесаревича, то уж появление самого государя-императора позволило бы покончить с крылатыми кровопийцами навсегда. Однако у него были дела поважнее...

Поскольку погода благоприятствовала быстрой езде, а в экипажи были впряжены отборные кони, мчавшиеся почти безостановочно с захватывавшей дух прытью, дорога от Колывани до Каинска заняла всего сутки. *«Взорам путешественника, едущего или идущего из глубины Сибири на запад по главному Сибирскому тракту, с высоты холма, покрытого лесом (Савкина грива), открывается незатейливая панорама Каинска. Золоченый крест белой каменной церкви возвышается почти посреди города. Вдали налево виднеется группа деревьев, а между ними мелькают белые стены небольшой деревянной церкви – это Каинское кладбище. Вправо – желтое здание городской больницы. Вот издали наружность Каинска...»*. Таким и предстала перед великим князем «столица Барабы», жители которой уже истомились в его ожидании, и куда он прибыл 17 июля в два часа пополудни...

О приближении высоких гостей криками «Едут! Едут!» весь честной народ оповестили примчавшиеся галопом конные наблюдатели, посланные окружным начальством за городскую черту и с самого раннего утра находившиеся в дозоре. При въезде в город и следуя далее *«...в Каинске, как и везде, Великий Князь встречен был с тем неподдельным и безграничным восторгом, описание*

которого не поддается перу... В иных местах он (народ – авт.) становился на колени... Почти везде, ... у каждого дома, у каждой небольшой избенки был накрыт особый столик, и на нем была поставлена особая хлеб-соль. Всякий бедняк думал, что Его Высочество может подойти к его домику и считал невозможным встретить Его без хлеба-соли...».

В такой торжественный момент самое время поинтересоваться, как отображался Каинск в зеркале тогдашней губернской статистики, к которой автор описания имел самое непосредственное отношение? Более полные данные имеются по 1864 году. Поскольку их временная дистанция к показателям 1868 года невелика, то особых изменений при существовавших тогда темпах развития наверняка не произошло и можно вполне довольствоваться этими цифрами. Итак, в 1864 численность городского населения достигла 3243 душ обоего пола, 1735 мужчин и 1508 женщин. По сословиям они распределялись следующим образом: потомственных дворян – 46 (22 мужчины/24 женщины), личных дворян – 339 (171/168), православного духовенства (белого) – 35 (16/19), почетных потомственных граждан – 4 (2/2), купцов – 156 (78/78), мещан – 1682 (864/868), государственных крестьян – 29 (18/11), удельных крестьян – 27 (13/14), ссыльнопоселенцев – 73 (41/32), военнотрудовых регулярных войск – 353 (243/110), состоящих в иррегулярных войсках – 103 (47/56), бессрочноотпускных – 3, отставных нижних чинов, их жен и дочерей – 199 (107/92), солдатских детей и кантонистов – 205 (151/54); по вероисповеданиям: православных – 2682 (1397/ 1285),

единоверцев – 25 (12/ 13), католиков – 73 (70/ 3), иудеев – 460 (253/207), мусульман – 3. Для удовлетворения религиозных потребностей горожан имелось два православных храма (один каменный, другой деревянный) и две еврейских молитвенных школы.

Значительно увеличилось (на 250 к 1810 году) количество городских строений, частных, общественных и казенных, всего их было уже 467, в том числе 416 жилых домов, девять магазинов и товарных складов, 42 лавки. И только одно из них было каменным: в нем размещалась денежная кладовая окружного казначейства. Местная промышленность была представлена одиннадцатью небольшими заводами: кожевенным, двумя салотопенными, двумя мыловаренными, двумя свечными, четырьмя кирпичными с общим объемом выпуска продукции, сбывавшейся в пределах города и округа, на 12300 рублей. Существенное развитие получили ремесла, число горожан, занятых в этой сфере резко возросло и насчитывало 18 хлебников, девять булочников, 25 мясников, трех кондитеров, восемь портных, 10 сапожников, двух шляпников, восемь печников, восемь столяров, четырех медников, трех шорников, 60 извозчиков, двух коновалов, двух часовщиков, а всего 162 «цеховых», что давало возможность полностью удовлетворять потребности городского и сельского населения в предоставляемых ими услугах.

Набирало силу и местное купечество. В 1864 году было выдано уже 127 торговых свидетельств: 22 – купцам второй гильдии (позже появятся и первогильдейцы), 105 – на мелочной торг. Однако вся торговая деятельность каинцев по-прежнему осуществлялась в границах округа.

Широко практиковалась разъездная торговля, когда купеческие приказчики или другие доверенные лица с товарами первой необходимости приезжали в села и деревни. По воскресным дням на площади перед гостиним двором проходили базары с участием преимущественно жителей окрестных селений, привозивших на продажу продукты земледелия и животноводства, произведенные в личных хозяйствах, а также дары природы, то есть то, что удавалось добыть в результате разнообразных промыслов – сбора ягод, грибов, орехов, лекарственных растений, охоты и рыбной ловли.

Состоялась в этом году и учрежденная в Каинске ежегодная Михайловская ярмарка – мероприятие сугубо местного значения, не привлекавшее иногородних торговцев и покупателей. В начальные годы своего существования она не проводилась вообще, да и позже с нередкими перерывами по причине отсутствия или крайней малочисленности желающих в ней участвовать. Нынче же с 8 по 16 ноября 1864 года из товаров, привезенных на сумму 138640 рублей, их было продано на 103640 рублей. Результат неплохой, правда, при весьма скромном общем обороте. Особым спросом пользовались железные, медные и деревянные изделия, шелковые и бумажные товары, сукна, полотна, чай, сахар, готовое платье, беличьи, горностаевые, волчьи меха, кожи и кожевенные изделия. Хорошо раскупался крестьянский привоз: хлеб, сухая и соленая рыба, мед, сало, коровье масло, веревки, табак, дичь, холсты, тулупы и полушубки и разная мелочь домашнего рукоделия.

Сравнивая костровские описания Каинска 1864 и 1868 года, сразу видишь, что, отличаясь объемом и ста-

тистической составляющей, в текстовой части они во многом идентичны, а если в последнее из них что-то и не вошло то только потому, что не вписывалось в возвышенный стиль повествования о визите великого князя. Например, такая картинка. *«Ряд маленьких домиков выводит нас на площадь, которая летом покрыта бассейнами грязной воды, с купающимися в ней городскими гусями, и зеленой травой. Зимой она заваливается обыкновенно горами снега с навозом, который вывозят сюда обыватели, очищая свои дворы. Здесь же устраивается по воскресеньям сенной базар. Улицы, выходящие на площадь, далеко незавидны, хотя правильны и довольно широки...»*. Для пояснения – цифра, не нуждающаяся в особых комментариях: сумма городских и доходов, и расходов в 1864 году составила всего 3619 рублей и 82 копеек. Вот и попробуй при такой нищете что-нибудь выкроить на благоустройство...

Однако именно на этой самой площади, которая была неузнаваемо преображена проведенной накануне тщательной уборкой и празднично украшена, представители местной элиты и все благонамеренные, добропорядочные и законопослушные горожане сподобились наконец счастливой возможности лицезреть в непосредственной близости долгожданного гостя из высочайших сфер державной власти, появлению коего предшествовало столько треволнений и хлопот. И наверное, были даже несколько разочарованы, увидев воочию «небожителя», выглядевшего совсем по-земному.

Из легкой коляски, остановившейся под сенью Спасо-Успенского собора, на каинскую землю шагнул еще не

мужчина, но уже и не юноша, а очень молодой человек среднего роста, приятной наружности и крепкого телосложения, в мундире полковника, ладно сидевшем на нем, но производившем применительно к его возрасту впечатление некоторой маскарадности (по возвращении из поездки в августе этого же года ему будет присвоено звание генерал-майора). Вместе с тем присутствующие отметили, что в его поведении нет и тени высокомерия, а манера общения исполнена доброжелательности и учтивости, простоты и непринужденности. После традиционного хлеба-соли великого князя, как и в других селениях, пер-

Его высочество. Таким его увидели каинцы

г. Казань. Спасский собор

А здесь произошла их встреча

вым приветствовало приходское духовенство. Настоятель соборного храма благочинный иерей Николай Васильевич Митропольский преподнес его высочеству, бережно принявшему этот дар, образы святых великомучеников князей Бориса и Глеба и святого равноапостольного князя Владимира, то есть то, что и предполагалось вручить Владимиру Александровичу, если бы день его тезоименитства отмечался, как и предполагалось первоначально, в Каинске.

...Назвать всех каинских управленцев, перечисленных в специально изданном в Тобольске к поездке В. А. Романова «Списке чиновников Западной Сибири на 1868 год», в большинстве своем присутствовавших на этой единственной в своем роде встрече или обеспечивавших в эти дни надлежащий порядок в городе и округе, не представляется возможным: он слишком велик. Поэтому ограничимся ключевыми фигурами. Позвольте представить: окружной начальник коллежский асессор Фортунат Деметьевич Борткевич, городничий титулярный советник Павел Петрович Седачев, окружной судья коллежский советник Петр Данилович Нестеровский, земский исправник коллежский асессор Магистриан Иванович Берестов, окружной казначей коллежский регистратор Александр Иванович Соколов, стряпчий коллежский асессор Александр Иванович Лучшев, окружной врач коллежский регистратор Григорий Федорович Седакин, городской врач титулярный советник Владимир Григорьевич Яковенко, почтмейстер титулярный советник Евгений Лазаревич Фальков, штатный смотритель уездного училища коллежский асессор Иван Петрович Делаткевич, глава горо-

 Медаль, отчеканенная в Тюмени в честь великого князя Владимира Александровича

дового хозяйственного управления, городской староста купец второй гильдии Дмитрий Федорович Мясников, смотритель тюремного замка коллежский секретарь Никита Васильевич Катанский. А за плечами этой передовой шеренги маячила многоликая гурьба судебных и участковых заседателей, квартальных надзирателей, столоначальников, секретарей, письмоводителей, канцеляристов, ведомственных журналистов и прочего номенклатурного планктона, что позволяет судить о весьма высокой степени бюрократизации здешних органов, вершивших управление, суд и расправу. Но могу по секрету сказать, что и эта структура управления, и этот штатный состав доживают последние месяцы, следующий год внесет кардинальные изменения и в перечень должностей, и в численность чиновной братии. Иначе говоря, произойдет очередная реорганизация, включающая в себя и то, что сейчас принято именовать оптимизацией штатного расписания...

А пока еще не подозревающие об этом чиновники ничуть не опечалились, хотя внешне изобразили искреннее огорчение, когда узнали, что пребывание его высочества в городе в силу сложившихся обстоятельств будет предельно кратковременным, никаких посещений и развлечений оно не предусматривает и ограничится лишь обедом... А спустя ровно два часа после прибытия, в четыре пополудни, вереница экипажей направилась к паромной переправе через Омь, приняла приветственно-прощальные изъявления верноподданничества жителей мошнинского заречья и исчезла в зависшем над трактом облаке пыли, взметенной копытами свежезапряженных коней. Сеанс великодержавной магии завершился...

P. S. Своеобразным способом обессмертил свое имя заседатель Тарского земского суда титулярный советник Александр Афанасьевич Коряков. После отбытия из Каинска великого князя Владимира Александровича и сопровождавших его лиц местному телеграфисту было велено сообщить об этом в следующий на их пути город – Тару, куда они планировали приехать 18 или 19 июля. Его тарский коллега, принявший телеграмму 17 июля, передал ее, как обычно, А. А. Корякову. Однако Александр Афанасьевич, не успев дать ей никакого хода, вечером того же дня ушел в крайне несвоевременный и продолжительный запой, в связи с чем проникся полным безразличием ко всем делам земным и небесным, текущим и грядущим. Что ожидало его после похмельного отрезвления – представить нетрудно. Широкого оповещения всех и вся о предстоящем торжественном событии по сей при- скорбной причине не состоялось. Встречало столичных

гостей неприлично малое количество горожан, а их кратчайшее пребывание здесь сопровождалось раболепными извинениями и полуобморочной суетой всего остального тарского начальства. Так что Тара как бы еще раз, но в более мягкой и даже полукомичной форме продемонстрировала свою нелояльность романовскому самодержавию.

Р. Р. S. А верноподданическое усердие князя Н. А. Кострова было вознаграждено по-великокняжески. Как сообщили 27 декабря 1868 года «Томские губернские ведомости», Владимир Александрович изволил пожаловать Николаю Алексеевичу «за составленное им описание путешествия его высочества по Томской губернии золотые часы с такою же цепочкою». Не зря старался...

☞ Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1868 год. Санкт-Петербург, 1868, 842 с.; Список чиновников Западной Сибири. Тобольск, 1868, 318 с.; Костров Н. А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1866, 117 с.; Костров Н. А. Путешествие по Томской губернии Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 года. Томск, 1868, 83 с.; Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул, 2006, 188 с.

1876 Введение в Каинске городского положения 1870 года. Первые выборы в городскую думу прошли при крайне низкой активности электората. Жители поначалу не осознали, что этой либеральной реформой им наконец-то предоставляется возможность самим успешнее и активнее решать как повседневные, так и перспективные вопросы градоустройства и жизнеобеспечения, иными словами, хотя и в рамках поставленных правовых пределов,

хотя и под контролем вышестоящих административных структур, но быть хозяевами своего города.

Из 270 обывателей, наделенных правом голоса, на избирательный участок и то не сразу, а в течение дня явилось всего 22(!) каинца. Но тем не менее выборы состоялись: был избран тридцать один гласный, а они в свою очередь избрали городского голову и членов городской управы.

Есть возможность поименно назвать весь состав Каинской городской думы самого первого созыва. Глава городского хозяйственного управления, городской голова – купец второй гильдии Иван Петрович Ерофеев.

Гласные (по сословиям):

чиновник в отставке – коллежский асессор Франц Яцкович Пиотрашко;

купцы второй гильдии – Иван Семенович Кокушкин, Дмитрий Федорович Мясников, Константин Иванович Малышев, Иван Васильевич Шкроев, Пантелеймон Васильевич Митрохин, Петр Васильевич Попов, Иван Глебович Бушуев, Файним Аронович Мощицкий, Венедикт Петрович Ерофеев;

мещане – Александр Егорович Дасманов, Иван Васильевич Мясников, Капитон Степанович Абрамов, Василий Васильевич Пятков, Лаврентий Самойлович Митрохин, Осип Емельянович Сибирцев, Гавриил Яковлевич Сибирцев, Дмитрий Иванович Николаев, Хацкель Давидович Абрамович, Матвей Федорович Сибирцев, Петр Александрович Коробков, Александр Андреевич Щербаков, Степан Гаврилович Федоров, Тимофей Денисович Шмуров, Илья Иванович Агеев, Федор Никифо-

рович Бологов, Осип Николаевич Булгаков, Роман Павлович Селиванов;

крестьянин – Федор Петрович Рыбников.

Как видим, основной контингент – купцы (10) и мещане (19). В городской управе членами и кандидатами только они (П. В. Попов, А. Е. Дасманов, В. В. Пятков). Так что сделать вывод о том, кому предстояло вершить городские дела, труда не составляет.

Иван Петрович Ерофеев оставался городским головой в течение всего положенного четырехлетия (1876–1880), хотя его пребывание в этой должности не было безоблачным, высказывались обвинения в использовании им своего положения в интересах собственных и семейного клана. Сменивший его родной брат Андрей Петрович Ерофеев серьезных нареканий не имел и отслужил два срока (1881–1888). Его сменил Иродион Семенович Волков (1888–1894), имевший репутацию принципиального, честного и неподкупного главы городского самоуправления, свое пребывание в этой должности он ознаменовал финансовым участием вместе с двумя другими думцами, В. П. Ерофеевым и Д. Ф. Мясниковым, в строительстве наплавного моста через Омь. В 1894–1896 годах городским головой был Иван Семенович Кокушкин, в 1897–1903 – Степан Алексеевич Лебедев, первый мещанин в этой должности, хотя и он ранее числился купцом второй гильдии. Кстати, исполнение обязанностей городского головы и его заместителя не было безвозмездным, в Каинске их жалование составляло соответственно тысячу и пятьсот рублей.

☞ Адрес–календарь Западной Сибири на 1979 год. Омск, с. 164–165; Лен К. В. Городские головы Западной Сибири (70–90-е гг. XIX в.) //

Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. Барнаул, 2001, с. 228–237; Храмов А. М. Городские головы (старосты) и их помощники в городах Западной Сибири в 1870–1900-е годы // Муниципальная служба 2012. № 2, с. 95.

1885 12 марта учрежден на общих основаниях Западно-Сибирский учебный округ, в него вошли Тобольская и Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. 3 июля именным указом его первым попечителем был назначен известный ученый Василий Маркович Флоринский.

☞ Сеченова А. А. Исторические условия возникновения Западно-Сибирского учебного округа // Вестник ТГПУ. Выпуск 9 (99), 2010, с. 162–187.

1885 19 августа. Утвержден устав Каинского общества попечения о начальном образовании. В 1887 – 1889 годах его председателем был чиновник по крестьянским делам И. В. Рождественский, это наиболее активный период деятельности общества. В это время оно оказывало помощь Каинскому общественному управлению в расходах по содержанию помощника учителя приходского училища, выделяло средства на приобретение одежды, книг и учебников для учащихся из малообеспеченных семей. Производило оплату местной больнице приказа общественного призрения за одну кровать для лечения кого-либо из заболевших бедных учеников. В 1888 году общество выступило инициатором открытия при приходском училище ремесленного класса, где дети могли бы получать навыки столярного и сапожного ремесла, и обратилось к городской думе с просьбой о выделении из средств города двухсот рублей, обязуясь возмещать

остальные расходы из накоплений общества. Городская управа ответила отказом, заявив, что к этому делу целесообразнее привлечь какого-нибудь благотворителя-участника с большими материальными возможностями. В итоге полезная идея осталась нереализованной. Согласно отчету общества за 1889 год при 434 членах оно на 1 января 1890 года располагало капиталом в сумме более полутора тысяч рублей. Хотя отчетов от него после этого года больше не поступало, оно продолжало действовать до 1917 года.

☞ Благотворительные учреждения Томской губернии. Томск, 1895, с. 63–64; Дегальцева Е. А. Указ. соч., с. 267.

1888 25 мая. В Омске родился Валериан Владимирович Куйбышев, человек, чье имя носит наш город. Революционер, партийный и государственный деятель, организатор и руководитель социалистических преобразований в хозяйственной сфере.

☞ Дубинский-Мухадзе И. М. Куйбышев. («Жизнь замечательных людей»). Москва, 1971, 304 с.

1890 21 февраля. В Канинске гостит сотник Амурского казачьего конного полка Дмитрий Николаевич Пешков, который решил совершить поездку из Благовещенска-на-Амуре до Санкт-Петербурга на своем строевом коне с целью испытать как его выносили-

☞ Дмитрий Николаевич Пешков

вость, так и свои собственные силы, и отправился в путь 7 ноября 1889 года. Весть об отважном путешественнике вскоре распространилась по всей Сибири, его ждали и радушно встречали в каждом попутном селении. Каинск не стал исключением. Особую заботу о Д. Н. Пешкове проявили земский исправник и воинский начальник, в сильный буран выехавшие ему навстречу. В полной мере изведав все особенности местного гостеприимства и переночевав, он наутро, несмотря на мороз, встречный ветер и предложения переждать плохую погоду, продолжил свой путь.

☞ Пешков Д. Н. Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга изо дня в день с 7 ноября 1889 г. по 19 мая 1890 г. во время переезда верхом на Сером // Амурские казаки. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. 2-й том. Благовещенск-на-Амуре, 2008, с. 113–176.

1890 Создана одна из самых первых в Томской губернии экономическая самодеятельная организация замкнутого типа, Каинское общество служащих в правительственных заведениях с функциями потребительского кооператива и ссудосберегательной кассы.

☞ Запороженко Г. М. Городская и рабочая кооперация в Сибири в 1864 – феврале 1917 г.: хроника создания организаций // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994, с. 17.

Проездом на Сахалин

«Пишу сие из Канска. Есть еще Каинск, но то до Томска, а этот просто Канск, без «и». Оба, вместе взятые, составят один Звенигород...». Эти строки из письма А. П. Чехова родным – единственное упоминание о

нашем городе, где писатель побывал 12 мая 1890 года проездом на Сахалин. Свои дорожные впечатления он отразил не только в переписке, но и в цикле очерков «Из Сибири», опубликованных в газете «Новое время», написанных пером зрелого художника, ярко, талантливо, с глубоким реализмом.

Один новосибирский художник, автор монументальных исторических полотен, стал жертвой хронологической оплошности, которая выявилась во время коллективного просмотра его творений, устроенного живописцем непосредственно в мастерской. На картине, посвященной пребыванию Чехова в Сибири, он был изображен сидящим классиком в пенсне, таким, каким известен каждому со школьной скамьи по фотографиям и портретам закатной поры, времен «Трех сестер» и «Вишневого сада», хотя накануне поездки ему исполнилось всего тридцать лет.

Что заставило молодого, подающего большие надежды столичного беллетриста, уже отмеченного лестными отзывами собратьев по перу и литературных критиков, устойчивым интересом читательской публики, но не отличавшегося крепким здоровьем, отправиться в столь длительное, тяжелое и опасное путешествие? Суще-

Антон Павлович Чехов в 1890 году

ствуует немало версий, но, думается, однозначного ответа на этот вопрос не смог бы дать и сам А.П. Чехов.

Поездка на Сахалин – его гражданский и творческий подвиг. Трезво оценивая свой замысел (Чехов даже составил шутовское завещание), готовясь к любым испытаниям, он с первых же часов «коннолошадного странствия», начавшегося в Тюмени и проходившего по маршруту: Ишим, Омск, Каинск, Колывань, Томск и далее, убедился, что действительность иногда способна превзойти самые мрачные прогнозы. Чтобы успеть на пароход до закрытия амурской навигации, он намеревался делать на перекладных не менее 500 верст в день, но затяжная и непогожая весна (местные газеты называли ее «бедственной для Западной Сибири») внесла поправку в эти планы, воздвигая на его пути одно препятствие за другим.

Знакомство Чехова с Барабой началось после переправы через Иртыш, а закончилось «форсированием» Оби: и в том, и в другом случаях бурные водные преграды пришлось преодолевать с риском для жизни, в ненастье, на ненадежных лодках здешних перевозчиков. Но не меньше душевных тягот и физических мучений доставляла езда по суше. Холодные дожди, внезапно переходящие в снег, неожиданные морозы, небывалые разливы больших и малых рек, на тракте – ледяные бугры нарастающего снега, которые приходилось объезжать «диким полем», в низинах – непролазная грязь, там, где повыше и посуше, – вытряхивающие душу колдобины. Не обошлось и без «дорожно-транспортного происшествия». Однажды ночью на чеховский возок налетела возвращавшаяся порожняком почтовая тройка, ямщик

которой, торопясь домой, пустил лошадей во весь опор, а сам задремал.

«...Раздался треск, наша пара и почтовая тройка мешаются в одну темную массу, тарантас становится на дыбы, и я падаю на землю, а на меня все мои чемоданы и узлы»... К счастью, никто не пострадал. А поскольку ГИБДД в те времена еще не было, то разборка проводилась собственными силами и, начавшись с неистовой ругани, чуть не закончилась дракой между возницей и обратным ямщиком – главным виновником столкновения.

Упорно стремясь к цели, стремясь ежедневно проехать как можно большее расстояние, скача то на «почтовых», то на «вольных», Чехов круглые сутки проводил в дороге, крайне редко останавливаясь на отдых или ночлег, причем только тогда, когда к этому принуждали обстоятельства. Промозглая сырость, слякоть, превратившая «в студеный» валенки (купленные в дорогу сапоги оказались тесными), постоянные перегрузки, недосыпание, недоедание вызвали обострение болезни легких: открылось кровохарканье. Позднее многие будут считать эту изнурительную поездку одной из основных причин ранней смерти писателя, ушедшего из жизни в сорок четыре года, но сам Чехов не сожалел о ней.

«...Все-таки я доволен, – писал он издателю Н. А. Лейкину, – и благодарю бога, что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие... Много я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека». Стойко перенося все лишения, он даже в самые критические минуты не утрачивал чувства юмора,

способности подтрунивать над собой, над своими мытарствами, над своим внешним видом: *«В дороге я выглядел таким сукиным сыном, что даже бродяги косо на меня поглядывали, а тут еще, как нарочно, от холодных ветров и дождей рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей»*. И не «дорожные жалобы» главное в том, что написано Чеховым о Сибири, о Барабе, а люди, в которых он всматривается с пристальным и сочувственным вниманием, а иногда с болью и скорбью. Художественное пространство девяти небольших очерков плотно заселено... Курские переселенцы, пешей толпой (всего две кибитки!) бредущие навстречу неизвестности... Каторжный этап: и арестанты, и конвойные уже выбились из сил, а до привала шагать по вязкому месиву еще добрый десяток верст... Ямщики, паромщики, крестьяне и обыватели, подрабатывающие извозом, почтальоны, купцы, чиновники, ссыльные, русские, поляки, евреи – сколько лиц, сколько характеров, сколько судеб!

Для себя А. П. Чехов делает очень важный вывод: *«Здесь природа и человек мало чем отличаются от российских»*. Бараба напоминает ему родную южнорусскую степь и даже в такое неприглядное и неуютное время способна очаровывать. Его завораживают «змееобразные огни» весенних палов, выжигающих прошлогоднюю траву, восхищает, пробуждая охотничий азарт, невиданное им доселе «утиное изобилие» («в один день из плохого ружья я настрелял бы тысячу штук»). Пейзажные зарисовки рассыпаны по всему тексту: *«Опять еду... Уже светло, и золотится перед восходом небо. Дорога, трава в поле и жалкие, молодые березки покрыты измо-*

розью, точно засахарились. Где-то токуют тетерева...»

Самые добрые чувства, искреннюю симпатию вызывают у него коренные сибиряки. *«Народ добрый, ласковый...», «Какие хорошие люди!»* – так отзывается Чехов о них, выделяя такие черты местных жителей, как трудолюбие, скромность, простоту, чистоплотность (как следствие «не только зажиточности, но и «манеры жить»), стремление обеспечить семейный лад и достаток, хоть как-то, посильными средствами, украсить свой быт, отсутствие излишней строгости в воспитании детей.

Вот одна из таких семей. *«Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница – это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. Стены белые, полы непременно крашенные или покрытые цветными холщовыми подстилками; два стола, диван, стулья, шкаф с посудой, на окнах горшки с цветами. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь – утонешь. Сибиряки любят мягко спать. От образа в углу тянутся по обе стороны лубочные картины; тут портрет государя, непременно в нескольких экземплярах Георгий Победоносец, «Европейские государи», среди которых очутился почему-то и шах персидский, затем изображения святых с латинскими и немецкими надписями, поясной портрет Скобелева, опять святые... На украшение стен идут и конфетные бумажки, и водочные ярлыки, и эти-*

кеты из-под папирос, и эта бедность совсем не вяжется с солидной постелью и крашеными полами. Но что делать? Спрос на художество здесь большой, но бог не дает художников». Даже аляпистая роспись печи и двери (растущее из вазы «дерево с синими и красными цветами и с какими-то птицами, больше похожими на рыб») сделана, судя по всему, кистью местного халтурщика. Описание интерьера ямщицкой избы завершается грустным выводом, что жестокая борьба с природой, которую сибиряк ведет круглый год, не оставляет ему ни сил, ни времени для творчества, и поэтому «он не живописец, не музыкант, не певец». С этим заключением можно согласиться лишь отчасти. Чехов, безусловно, прав, говоря о низком уровне общей культуры и провинциальной отсталости сибирской жизни, но народными талантами наш край не был обделен во все времена, были и голосистые песенники, и отменные гармонисты и балалаечники, искусные рукодельницы и умельцы, давал, бог, хотя и не в избытке, – и писателей, и художников.

Сравнивая Россию и Сибирь, находя между ними некоторые различия, писатель не может не видеть и общих «родимых пятен»: та же бедность, нередко переходящая в нищету, то же повальное невежество, тот же произвол властей и богатеев. Крепких хозяев здесь уже много, с одним из них судьба свела Чехова на окраине Барабы. Это едущий в Колывань по торговым делам «очень высокий и очень толстый мужик, с широким, бычьим затылком и с громадными кулаками», владелец пятидесяти лошадей, промышляющий извозом, торгующий хлебом и скотом, еще не купец, но уже не крестьянин, хотя и продолжает

заниматься земледелием. По всем повадкам местный воротила, сознающий свое богатство и силу и, по его же признанию, имеющий руку у заседателя. С зависимыми от него хозяевами дома, где оба остановились на ночлег, снисходительно высокомерен, не прочь прихвастнуть своим всесилием: «...*Могу вот этого самого хозяина завтра же обидеть: он у меня в тюрьме сгинет, и дети его по миру пойдут. И нет на меня никакой управы, а ему защиты...*»

И вместе с тем это личность явно незаурядная: сам, уже в зрелом возрасте, овладел грамотой, склонен пофилософствовать о «смысле жизни», хотя о многом имеет очень смутные представления: о России, где ни разу не был, о железной дороге, ожиданием которой уже живут сибиряки («*Машина паром действует – это я понимаю. Ну, а если, положим, ей надо через деревню проходить, ведь она избы сломает и людей подавит!*»). К проезжему сочинителю испытывает искренний интерес, донимает его расспросами, откровенно делится собственными мыслями, причем неожиданными, наличие которых в нем, на первый взгляд, невозможно заподозрить, и оказывается, что не такой он уж циник и мироед, каким кажется. Только что назвав своих земляков «народом темным», «скучным», «бесталанным», он чуть позже находит для них совсем другие слова: «*Человек-то ведь здесь стоящий, сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень чтоб пьяница. Золото, а не человек, но, глядишь, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха или, скажем, комар. Спросите его: для чего он живет?*» И сам отвечает на этот вопрос: «...*У нас по всей Сибири нет*

правды. Ежели и была какая, то уж давно вымерзла. Вот и должен человек эту правду искать. ...Без правды живем... Значит, в метрике только записано, что мы люди, а на деле выходит – волки»...

Конечно же, не все нравится Чехову в сибиряках. Например, их пристрастие к бранному слову, переходящее в конфликтных ситуациях в «нестерпимую» ругань. *«Так, – замечает он, – умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики, а научились они этому, говорят, у арестантов».* Малосимпатична ему прозябающая в скуке и пьянстве здешняя «мыслящая и не мыслящая» интеллигенция, которая, не уступая простонародью в приверженности к «зеленому змию», «с утра до ночи пьет водку, пьет не изящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задает вам вопрос: «А не выпить ли нам водки!» Впрочем, и сам писатель не всегда точен в своих наблюдениях и выводах. Так, он явно преувеличил безопасность передвижения по Московскому тракту, утверждая, что «нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые», а «о грабежах на дороге... не принято даже говорить». Случалось всякое... Кстати, в поездку, уступив настояниям близких, Чехов на лихой случай отправился вооруженным, имея при себе револьвер и кинжал, предназначенный, как он шутил, «для охоты на тигров и резания колбасы».

Категорическое несогласие и даже отповедь сибиряков-читателей, в целом доброжелательно отнесшихся к чеховской публицистике, вызвали следующие строки: *«Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа:*

она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной: «жестка на ощупь». Несправедливость писателя к сибирячкам настолько очевидна, что его оппонентов совершенно невозможно обвинить в предвзятости. Впрочем, несостоятельность его некоторых суждений вызвана отсутствием возможности более широкого общения писателя с прекрасным полом, что в какой-то мере оправдано самим характером путешествия, когда в повседневной спешке то, что ему удавалось увидеть, приходилось записывать «на скорую руку, между двумя перепряжками лошадей» и преимущественно на почтовых станциях и в ямщицких селах. Но в целом, как писали сибирские газеты, *«описания г. Чехова нельзя упрекнуть ни в сентиментальности, ни в тенденциозности. Он рассказывает лишь то, что сам видел и слышал, а главное, понял. Все рассказы его отличаются крайней простотой, но они глубоко правдивы и реальны»...*

В своих сибирских очерках А. П. Чехов многогранен, представляя то лириком, то бытописателем, то сатириком, особенно там, где речь идет о Московском тракте и о проблемах дорожного благоустройства. *«Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога на свете»...* В другом месте сказано еще резче: *«Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта... рябая полоса земли, эта черная оспа, есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью!..»* Содержание Московского тракта в приличном состоянии требовало постоянной заботы и капитальных затрат, однако в связи с острым дефицитом того

и другого, все еще недостаточной заселенностью и большими расстояниями (от 20–25 до 40 верст между соседними селами) сил хватало только на мелкий выборочный ремонт, вскоре после которого самые трудные участки пути (особенно в зоне Барабинской степи) в силу природной заболоченности и засолонцованности вновь скатывались до полного бездорожья, становясь в межсезонье почти непроезжими. Язвительной критике подвергает Чехов существующую практику ремонта тракта, называя ее глумлением и над проезжающими, и над местным населением, выполняющим эту повинность, и над самой дорогой, которая от таких починок становится все хуже, покрываясь ухабами, «укачивающими до морской болезни».

«Ремонт» производился следующим образом: в самый разгар летней страды – в конце июня или начале июля – из окрестных сел стогнали сотни людей, заставляя их засыпать ямы и колеи хворостом, кирпичным щебнем и прочим мусором. Эта бессмысленная работа, результаты которой сводились на нет весенней распутицей, продолжалась до осени – и так каждый год. Писатель иронически предлагает: для общей пользы прибавить жалованья организаторам ремонтных работ, но только при одном условии, что они этим заниматься больше не будут и найдут своему служебному рвению иное применение. О том, как «радели» о дорожных делах некоторые представители местной администрации, можно судить по такой сценке:

«До Томска мне пришлось познакомиться с одним заседателем и проехать с ним две-три станции. Помнится, когда мы сидели в избе у какого-то еврея и ели уху из окуней, вошел сотский и доложил заседателю, что в

таком-то месте дорога совсем испортилась и что дорожный подрядчик не хочет починять ее...

– Позови его сюда! – распорядился заседатель. Немного погодя вошел маленький мужичонко, лохматый, с кривой физиономией. Заседатель сорвался со стула и бросился на него....

– Ты как же смеешь, подлец, не починять дорогу? – стал он кричать плачущим голосом. – По ней проехать нельзя, шеи ломают, губернатор пишет, исправник пишет, я выхожу у всех виноват, а ты, мерзавец, язви твою душу, анафема, окаянная твоя рожка, – что смотришь? А? Гадина ты этакая! Чтоб завтра же была починена дорога! Завтра буду ехать назад, и если увижу, что дорога не починена, то я тебе рожу раскроветю, искалечу разбойника! Пош-шел вон!

Мужичонко заморгал глазами, вспотел, сделал лицо еще кривее и юркнул в дверь». «Интересно бы знать, – заключает Чехов, – что успел сделать мужичонко до завтра? И что можно сделать в такой короткий срок?»

Говоря о частой смене чиновников, ведающих дорожными вопросами, он отмечает полное отсутствие какой-то системы и преемственности в их действиях (один приказывает рыть придорожные канавы, его преемник распоряжается их засыпать) и дает понять, что ближайшая аналогия всему этому – глуповские градоначальники Салтыкова-Щедрина с их абсурдными «прожектками» и показушной суетой и что обустройство главной сибирской дороги должно стать делом всей России. К сожалеению, сбыться этим чаяниям предстояло только через сто с лишним лет, а отдельные участки тракта в Барабе

и в недавнем прошлом выглядели точно такими же, какими увидел их великий русский писатель, автор горькой и пронзительно правдивой, поистине выстраданной им книги «Остров Сахалин», менее известной широкому читателю, но столь же важной для его творчества, как и остальные обесмертившие его имя произведения.

☞ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14/15. Москва: Наука, 1976, с. 5–38.

1891–1892 В том, что Транссиб оказался на дюжину верст южнее Каинска, виноваты не каинские купцы, которые, если верить старой байке, готовы были лечь на рельсы, чтобы только железная дорога не прошла через город, и это в то время, когда их колыванские и томские коллеги из кожи вон лезли, готовые на все вплоть до астрономического подкупа, чтобы наоборот затащить ее к себе. Каинск остался в стороне не только из-за очень сложного рельефа окружающей его местности. И решался этот вопрос не на берегах Оми, а на берегах Оби и Невы. А главным виновником значительного смещения маршрута будущей магистрали от Московского тракта на юг вполне можно считать Викентия Ивановича Роецкого – старшего инженера и помощника начальника пятой, Колыванской, изыскательской партии (а по сути заместителя) Николая Георгиевича Гарина-Михайловского. Именно отряду В. И. Роецкого было поручено провести самое тщательное изучение возможных вариантов перехода через Обь и предложить оптимальный. В кратчайшие сроки изыскатели обследовали обские берега выше

и ниже Колывани на протяжении ста верст и остановили свой выбор на Кривошекове.

Результаты изысканий вначале были рассмотрены и одобрены непосредственным начальством, а затем и министерством путей сообщения. Только после этого, 2 октября 1891 года, оно приняло решение о начале строительства Западно-Сибирской железной дороги и внесло его на утверждение комитета министров, которое после дополнительного изучения вопроса последовало 5 мая 1892 года. И вскоре работы по утвержденному маршруту велись на всем пространстве от Челябинска до Оби, а с 19 мая 1893 года началась укладка рельсового пути на участке Омск – Кривошеково...

Тем же, кто продолжает верить в купеческие козни (а ссылки на этот сюжет встречаются даже в некоторых научных статьях), дам простой совет: попытайтесь в обширнейшей литературе о Транссибирской магистрали найти хотя бы одно упоминание об инженерере Кокоше – одном из главных действующих лиц мифа о миллионной взятке. Чай, не мелкая сошка, да и станция вроде как не чьим-нибудь, а его именем названа – Кокошино. Пожелал бы успеха в этом долгом поиске, если бы не знал о его бесполезности...

1893 В районе пересечения строящейся железной дороги и Оби возник поселок Новониколаевский, получивший в 1903 году статус заштатного (безуездного) города Томской губернии, будущий мегаполис и областной центр Новосибирск.

☞ Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX в.: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008, с. 87.

1894 4–6 июля. Стачка на строительстве Западно-Сибирского участка железной дороги близ Каинска. 32 рабочих, недовольных низкой заработной платой, обсчетами и произволом подрядчика, ушли с работ. Некоторые из них, возвращенные на рабочее место, работать отказались.

☞ Рабочее движение..., т. 3, ч. 2, с. 497–498.

1895 25 июня. 42 чернорабочих, занятых на строительстве Западно-Сибирского участка железной дороги близ Каинска, прекратили работу и ушли в связи с приближением сенокоса.

☞ Зиновьев В.П. Дополнение к хронике рабочего движения в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994, с. 111.

1895–1904 Время работы в Каинском уезде экспедиции по осушению и мелиоративному и водохозяйственному обустройству Барабы во главе с опытейшим специалистом этого дела генерал-лейтенантом Иосифом Ипполитовичем Жилинским. Итоги того, что было сделано за эти годы при полном отсутствии какой-либо техники с использованием тяжелейшего ручного труда и простейших орудий, поразительны и сравнимы с самыми титаническими достижениями человеческой деятельности. На территории Барабинской степи были построены двенадцать мелиоративных систем общей длиной более полутора тысяч верст, осушено около четырех миллионов десятин пашни, сенокосов и пастбищ, проложено семь тысяч километров нивелирных ходов, поставлено свыше тысячи трехсот колодцев, организована дорожная сеть.

Работы по осушению Барабы: слева – нивелировка; справа – сооружение канала

Устройство осушительной сети велось одновременно с расчисткой русел рек, таких, как Угурманка, Кондусла, Кожурла, Тандовка, Карапуз, Каргат и некоторых других, более мелких. Все эти работы велись в тяжелой полевой обстановке, в специфических условиях зыбучести болот, высокой обводненности, наличия сероводородного испарения и ужасного количества гнуса. Несмотря на все это, темпы строительных работ были высокими, и в иные годы прокладывалось более чем до 200 и более километров каналов. В результате фонд земель для заселения уже в 1899 году вырос до полумиллиона гектаров, улучшились почвенные и санитарные условия, уменьшились популяции гнуса. Все это способствовало более активному заселению уезда, росту посевных площадей и поголовью скота, ускорило развитие маслоделия.

Жилинский И. И. Очерк гидротехнических работ в районе Сибирской железной дороги по обводнению переселенческих участков в Ишимской степи и осушению болот в Барабе, 1895–1904. Санкт-Петербург, 1907, с. 351–544.

1892–1896 Не только уезд, но и сам Каинск продолжает оставаться одним из главных мест размещения ссылаемых в Сибирь в административном порядке. Об этом наглядно свидетельствует динамика их численности. Поступило сосланных по приговорам обществ: в 1892 году 51 мужчина и три женщины, в 1893 – 189/1, в 1894 – 107/5, в 1895 – 216/4, в 1896 – 310/21. А всего за указанное пятилетие только по этому виду ссылки население города пополнили 907 (873/34) ссыльных мужчин и женщин.

☞ Саломон А. П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Приложение № 5. Санкт-Петербург, 1900, с. 22–23.

1895 Обратившись к томскому губернатору с прошением о разрешении на открытие в Каинске еще одной молитвенной школы, каинские евреи пояснили, что в ней есть крайняя необходимость, так как в связи с увеличением численности еврейского населения имеющееся помещение не в состоянии вместить всех желающих, а только половину, что было подтверждено докладной запиской окружного исправника. Разрешение Томского губернского управления на учреждение школы было получено в декабре 1896 года.

☞ Кутилова Л.А. и др. Еврейские общины Томской губернии (1885–1919 гг.): Хроника общественной и культурной жизни // Евреи в Сибири. Томск, 2000, с. 17–18.

1896 14 мая. В Успенском соборе Московского кремля состоялась коронация императора Николая II и его супруги Александры Федоровны. Этому событию было посвящено роскошное издание – двухтомный «Коронационный сборник». В перечне многочисленных подарков, преподнесен-

ных державной чете, есть и каинский. Читаем: от граждан города Каинска – блюдо деревянное с солонкой. Презент более чем скромный, но не по причине скупости каинцев, а по регламентации сверху. Дарить что-то дорогостоящее, видимо, было попросту запрещено. А всего было подарено тридцать восемь блюд, в большинстве своем деревянных, но частично и каменные, и фарфоровые.

☞ **Коронационный сборник. Том второй. Санкт-Петербург, 1899, с. 218.**

1897 2 марта. Через Барабу по пути к месту ссылки проезжает Владимир Ильич Ленин. Свои впечатления он отразил в письме матери, Марии Александровне, отправленном со станции Обь близ Новониколаевска (нынешнего Новосибирска): «Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривошекова, трое суток) поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редкие дороги, изредка лес, а то все степь. Снег и небо – и так в течение всех трех дней...».

☞ **Ленин В. И. Письма к родным. 1894–1919. Партиздат. Ленинград, 1934, с. 23–25.**

1898–1899 В эти годы каинское городское общество понесло большую утрату: ушли из жизни, один за другим, два видных его представителя – глава Торгового дома «Братья Ерофеевы» Венедикт Петрович Ерофеев и купец первой гильдии Иван Васильевич Шкроев, известные своей общественной и благотворительной деятельностью и внесшие немалый вклад в решение многих вопросов градоустройства, направляя на эти цели часть средств, получаемых ими от предпринимательской дея-

тельности. Обширным некрологом, посвященным памяти двух самых именитых каинцев, откликнулся на это печальное событие «Сибирский торгово-промышленный календарь».

Сын зажиточного зюзинского крестьянина, ставшего каинским мещанином, В. П. Ерофеев, вместе с братьями унаследовав отцовское состояние, возглавил семейное дело. Совместным упорным трудом, постепенно наращивая торговые обороты, они сумели довести их до солидных размеров и тем самым обеспечить созданной ими фирме широкую известность не только в Томской губернии, но и во всей Сибири, наряду с торговлей организовав и промышленное производство.

Венедикту Петровичу изначально было присуще стремление быть не только преуспевающим предпринимателем, но и полезным членом общества, которое подкреплялось и наличием материальных возможностей.

Особое внимание на этом поприще он уделял народному образованию, и одно из его главных свершений как бессменного председателя попечительного совета при Каинской женской прогимназии – возведение для нее за свой счет просторного каменного здания, которое и доселе служит делу всеобщего просвещения, и выделение на протяжении четверти века средств на ее текущие нужды, на поддержку учащихся из бедных семей.

В. П. Ерофеев как один из учредителей принял активное участие в организации Каинской общественной библиотеки и пополнении ее книжного фонда. На его счету много и других добрых дел: оплата капитального ремонта городской больницы Приказа общественного призрения, внесение доли в сооружение наплавного моста через Омь. В неурожайный год в ерофеевских магазинах хлеб продавался горожанам по сниженным ценам, а городу на неотложные нужды было выделено две тысячи рублей.

Давали знать о себе и крестьянские корни ерофеевского клана. Вторым любимым детищем Венедикта Петровича после Новотроицкого винокуренного завода стала расположенная неподалеку от города сельскохозяйственная ферма, основанная в 1904 году, названная в честь императрицы Александринской (Александрийской), переданная под управление правительственного агронома и ставшая образцовым хозяйством, центром распространения передового аграрного опыта, впоследствии преобразованная в школу маслоделия.

Прощальный дар В. П. Ерофеева родному городу – построенная при содействии купца второй гильдии Иродиона Семеновича Волкова прекрасная домовая церковь при

женской прогимназии. В повседневной жизни его всегда отличали отзывчивость и готовность помочь каждому, кто обращался к нему за советом или материальной поддержкой. И можно без преувеличения сказать, что в последний путь Венедикта Петровича провожал весь город.

В больших масштабах занимался благотворительностью и другой патриарх каинского предпринимательства Иван Васильевич Шкроев. Будучи церковным старостой Спасского собора, он пожертвовал три тысячи рублей на его украшение, а десять тысяч – сибирским православным монастырям. Так же, как и В. П. Ерофеев, оказывал поддержку местным учебным заведениям: перечислял деньги Обществу попечения о начальном образовании, состоял его почетным членом; в фонд городской лотереи,

На фоне Спасского собора – дом-магазин Шкроевых

выручку от которой предполагалось направить на школьные нужды, передал комплект вещей на крупную сумму. Верен остался он себе и в своей посмертной воле, согласно оставленному им завещанию выделялось: шестьдесят тысяч – на строительство второй городской церкви, двадцать тысяч – на содержание ее причта, по столько же на строительство богадельни и учреждение городского общественного банка его имени, а всего сто двадцать тысяч рублей.

Приблизительную дату его кончины (конец августа – начало сентября 1899 года) позволило установить сохранившееся в Томском государственном архиве сопроводительное письмо каинского городского головы Степана Алексеевича Лебедева к документу, отправленному в губернское управление, следующего содержания: «Его

То же место, но в базарный день

превосходительству Господину Томскому Губернатору. Имею честь представить при сем Вашему Превосходительству копию постановления Каинской городской Думы, состоявшегося в чрезвычайное заседание 2 сентября сего года за № 82, о возложении венка на гроб умершего каинского купца Ивана Васильевича Шкроева...»

Делу благотворительности посвятила себя и супруга И. В. Шкроева – Александра Ивановна, к которой горожане относились с большим уважением. Она выполнила все, что было завещано мужем. Сама была почетной блюстительницей Каинского второго приходского училища, построила и содержала на свои средства две богадельни и церковно-приходскую школу, была очень набожна и скромна в быту. В последние предреволюционные годы проживала в одноэтажном деревянном, ничем особо не примечательном доме, построенном в 1912 году.

☞ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1900 год. Томск, с. 174–175; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Том 4 (С-Я). Кн. 3. Новосибирск, 1999, с. 36–37.

Рыцари Бубнового Туза

«В зубах – сигарка, примят картуз, на спину б надо бубновый туз!» – так поэт Александр Александрович Блок одним штрихом обозначил социальную сущность героев своей гениальной поэмы «Двенадцать», отмеченных в совсем недавнем прошлом особым знаком тюремного и каторжного отличия – красным или желтым ромбом, нашитым на робу сзади и служившим хорошей

мишенью для конвоира при стрельбе вдогон бросившегося наутек арестанту. И уж где-где, а в Сибири адептов этого «рыцарского ордена», после отбытия приговорных сроков стаями бродивших по ее городам и весям, хватало с избытком. *«Каинск положительно кишит ссыльными, которые являются тяжким наказанием для добропорядочных его обитателей...»* Так заезжий питерский очеркист, ничуть не погрешив против истины, кратко выразил суть еще одной городской проблемы, со временем заметно потеснившей все остальные.

К концу века Каинск (наряду с Томском и Мариинском) прочно вошел в первую тройку городов губернии, подвергавшихся самому массовому наплыву ссыльных. Кроме водворявшихся на жительство официально, сюда стекалось и огромное количество «вольноопределяющихся», наслышанных о том, что большинство местного, теперь уже оседлого, населения составляют или те, кто, как и они, оказался в Сибири не по своей воле, или же потомки ранее сосланных (статистика впечатляет: профессором И. А. Малиновским было подсчитано, что на рубеже столетий ссыльные в Каинске составляли 42(!) процента всего городского населения, для сравнения: в Мариинске – всего 25). Поэтому понятно, на чью помощь рассчитывала пришедшая публика, нередко находившая тут временное пристанище, получавшая от хозяев полезные советы и сведения, а также кое-какие съестные припасы и денежную мелочь для дальнейших скитаний. Здесь же можно было разжиться фальшивыми документами, составить прошение, найти при желании какой-никакой заработок. Однако далеко не все бывшие ссыльнопоселенцы

проявляли радушие. Многие старожилы, с годами остепенившись, дорожили обретенным достатком и покоем, весьма неохотно вспоминали о своем грешном прошлом, а потому к незванным гостям относились неприязненно и даже не пускали их на порог.

Постоянное присутствие в Каинске и его окрестностях бесчисленного числа бывших каторжан, тюремных сидельцев и «не помнящих родства» бродяг воспринималось законопослушной и благонамеренной частью горожан как стихийное бедствие. Соседство этой темной массы, готовой в любой момент шагнуть за грань дозволенного, лишенной каких-либо средств к существованию и не очень щепетильной в способах добывания таковых, представляло реальную повседневную угрозу не только их имуществу, но и жизни. Для таких опасений были самые серьезные основания.

«Оборванные, даже полунагие, пьяные, – сообщает автор очерка «Ссылные в Каинске», – с проявлениями самого грубого цинизма и нравственного одичания, ссыльные летом толпами располагаются на поле за городом, где пьянствуют, играют в карты и предаются разврату. Они постоянно толкаются по базарам и улицам, заходят во дворы под видом сбора милостыни, а между тем крадут кур, гусей, развешанное белье и все, что попадает им на глаза. По ночам не дают покоя жителям, грубо требуя согласия на ночлег. Жители их гонят, запирают еще засветло ворота, выставляют караулы. В магазинах всегда ночуют приказчики, но тем не менее кражи совершаются...».

Полицейская охрана, состоявшая из двух надзирателей и десяти городских, пыталась обуздать эту воль-

ницу. Блюстители порядка работали на износ круглые сутки. Днем они патрулировали по улицам, пресекая выявленные бесчинства и помещая в «каталажку» особо отличившихся, составляли протоколы, допрашивая подозреваемых или уличенных в совершении тех или иных правонарушений, а в ночное время, порой с риском для жизни, совершали обходы известных им притонов, проводя обыски, проверки паспортов и аресты карточных игр. Но их усилия почти не достигали цели: процент раскрытия преступлений оставался крайне низким, а обстановка в городе – чрезвычайно криминогенной. Даже публичная порка пойманных с поличным на городском эшафоте мало способствовала оздоровлению ситуации.

Работу полиции во многом осложняло то, что контингент поднадзорных непрерывно обновлялся: одни исчезали, на смену им появлялись другие. Таким образом, даже несмотря на регулярные высылки за городские пределы больших групп «бродячего элемента» его общая численность практически не уменьшалась. Заглядывали в Каинск и уголовники-«гастролеры». Как правило, ненадолго и с вполне определенной целью – поживиться и смыться. Мелочевкой они, профессиональные воры, не занимались, сами или же с помощью завербованных наводчиков, недостатка в которых не было, высматривали добычу посолидней.

Если удавалось овладеть чем-то особо ценным, покидать уездный центр не спешили, а к хозяину украденной вещи посылали своего же подельника из числа ссыльных. Выразив потерпевшему сочувствие в связи с постигшим его несчастьем, о котором он якобы узнал случайно, «пар-

ламентер» предлагал помощь в возврате пропажи, местонахождение которой ему пока не известно, но вполне может быть выявлено силами нанятой им платной агентуры и за короткий срок. Условия простые: деньги – вперед, полиции – ни гу-гу.

Наглость такого предложения для всех была очевидна, но если цена оказывалась приемлемой, а похищенное очень хотелось вернуть, оно принималось. Получив, по сути дела, выкуп, новоявленный сыщик напоследок сообщал, что если к вечеру он не появится дабы в случае неудачи возвратить неотработанный «гонорар», то это будет означать, что поиски увенчались успехом, и похищенное будет находиться... Называлось вполне конкретное и приметное место, чаще всего за городом. Доставка найденного на дом исключалась, так как не было уверенности, что хозяин сдержит слово и сохранит конфиденциальность, а попасть в лапы «легалых» с вещественным доказательством в руках не сулило ничего хорошего, кроме еще одного срока каторги или тюрьмы. Впрочем, иногда, но, крайне редко, воровской трофеей подбрасывался на подворье.

По свидетельствам старожилов, случаев обмана не наблюдалось, подобные джентльменские соглашения выполнялись с той и другой стороны. Преступный мир не хотел терять столь удобный способ превращения украденного в ассигнации, а пострадавшие хранили молчание, так как боялись мести, самой простой и страшной формой которой мог стать поджог. Такие случаи, естественно, оставались за пределами официальной криминальной статистики так же, как и великое множество мелких хищений, совершавшихся нередко среди бела дня. О них горожане,

смирившиеся с этим беспределом, как с неизбежным и неистребимым злом, даже не считали нужным заявлять. По данным полицейских отчетов, за год в Каинске в среднем регистрировалось до восьмисот краж, и хотя эта цифра далеко не отражала реального состояния дел, для такого небольшого городка с населением всего около шести тысяч человек, даже она была непомерно велика. Такая ситуация вполне устраивала охотников до чужого добра из числа постоянных жителей: всегда была возможность списать очередную пропажу на «гуляющих людей».

Совершались, хотя и реже, преступления посерьезней: уличные грабежи, а также драки с нанесением тяжелых увечий и даже убийства, являвшиеся, как правило, результатом разборок в самой криминальной среде. Поводом для них могли стать конфликт во время дележа добычи, уличение в карточном шулерстве и просто пьяная ссора. Самым страшным смертным грехом считалось сотрудничество с полицией, с тайными осведомителями воровская «служба безопасности» расправлялась с особой жестокостью. Иногда человек бесследно исчезал, а иногда труп разоблаченного «стукача» оставляли на видном месте с комком земли во рту или с кратким письменным пояснением. Наглядней – некуда. Поэтому все попытки полицейских чинов создать надежную и разветвленную сеть тайных глаз и ушей неизменно заканчивались крахом, и успехи на этом поприще были эпизодическими и кратковременными.

По существу, эти люди были предоставлены самим себе. Отверженные, отщепенцы, изгои, они не могли жить по закону, иначе бы просто не выжили. В моей боль-

шой подборке дореволюционных газетных публикаций, посвященных криминальной составляющей тогдашней городской жизни, есть одна не совсем необычная: это письмо в газету «Сибирская жизнь» без указания авторства каинского жителя или, может быть, жительницы, исполненное искреннего сочувствия и сострадания к тем, на чьи головы сыпались только одни проклятия. Корреспонденция датирована 23 декабря 1885 года:

«У нас в Каинске то жестокие морозы, то страшные бураны. Хорошо нам, обеспеченным обывателям, а каково пришедшему к нам издалека, с бубновым тузом на спине, и известному у нас под именем «нового мещанина».

Немного найдется городов в Сибири, где бы положение ссыльного было так ужасно, как здесь. Только удивляться надо, как еще живы эти люди, бродящие по городу полуодетыми, с голодными желудками. Работы для них не полагается – никто им ее не даст. Для них нет приюта на ночь, где бы можно было отогреться. Приходится замерзать – и они замерзают...

Несколько недель назад был найден за городом труп ссыльного, смерть которого диагностирована доктором как замерзание. «Новые мещане» обыкновенно приходят ночевать в каталажку, но и эта вонючая яма не может вместить всех желающих. Как ни солоно достаются нам эти «новые мещане», как ни извинительно черствое отношение к ним общества, однако и они – люди, участь которых достойна сожаления. Они нуждаются в куске хлеба, в работе, в приюте, и местному обществу, хотя бы в интересах собственной безопасности, не мешает об этом подумать.

Есть слух, что полиция думает устроить ночлежный дом, собрав подпиской и спектаклями нужные для этого средства. Желательно, чтобы это намерение осуществилось».

Пожелание, высказанное автором письма, сбылось. Робкой попыткой хоть как-то облегчить участь ссыльных, а заодно и оградить местных жителей от их постоянных подворных обходов в поиске крова и пищи, стало открытие ночлежного дома. Деньги на его строительство пожертвовал купец Иван Васильевич Шкроев, в последние годы жизни всерьез озаботившийся спасением своей души и старавшийся различными богоугодными делами искупить грехи прошлых лет. Скромных средств, выделенных им, хватило на то, чтобы возвести на дальней окраине, а фактически за городом, небольшую, всего в две комнаты, бревенчатую избу площадью, по нынешним меркам, чуть более сорока квадратных метров.

Томский тюремный инспектор, решивший ранним утром 21 ноября 1898 года ознакомиться с условиями жизни ночлежников, остановился в замешательстве перед открытой дверью в клубах хлынувшего на улицу смрадного пара. Оказалось, что войти внутрь нельзя, не наступив на тех, кто спал у самой двери на холодном и сыром земляном полу. Все пространство на нарах и под ними до самого порога было заполнено плотной массой человеческих тел: в тот день здесь находилось около ста человек. Но, как выяснилось, в иные годы зимовало до ста двадцати и более. Причем каждый занимал место согласно утвердившейся здесь иерархии: там, где удобнее и теплее, располагались местные «авторитеты» из числа самых бывалых

и матерых арестантов, которые заправляли всеми делами в этой своеобразной «коммуне», держа в страхе и повиновении всех остальных обитателей ночлежки. С теми, кто осмеливался им перечить, расправа была скорой и беспощадной. Сносно устраивались их присные. Остальные – как придется.

Утреннее пробуждение сопровождалось недовольными возгласами, стонами, непрерывным кашлем, чиханием, харканьем, так как поголовно все были простужены. Все объяснялось весьма просто: подавляющее большинство не имело никакого одеяния, кроме рваных штанов. Остальные несколько отличались тем, что их облачение дополнялось лохмотьями от рубах, превратившихся в лохмотное тряпье. Что же касается верхней одежды и обуви, то на весь приют нашлось только четыре пары истоптанных сапог, десятка два разбитых и изодранных опорок и несколько совершенно ветхих армяков, которыми побрезговало бы даже огородное пугало. Судя по всему, все вещи поприличней были уже давно пропиты, проиграны в карты или пошли в обмен на продукты. И это в преддверии долгой и по-сибирски суровой зимы.

Узнав, что перед ними высокопоставленный чиновник, ссыльные засыпали тюремного инспектора жалобами не только на холод, но и на голод. Каинское благотворительное общество с капиталом всего в сто пятьдесят рублей отпускало ничтожные средства на дрова и продовольствие. Поэтому ежедневный рацион обитателей ночлежного дома состоял из одного-единственного блюда – чашки борща, а точнее капустной похлебки на бульоне из четырех вяленых говяжьих или свиных голов. Хлеба,

относившегося к разряду лакомств, не полагалось, его иногда приносили в числе других жертвований сердобольные горожане или собирали по дворам как милостыню сами ссыльные. Для этого они специально отряжали несколько человек, самых жалких и убогих. Но сейчас совершать такие вылазки, в стужу, нагими и босыми, было попросту невозможно, так как весь имевшийся в наличии гардероб не позволял экипировать не то что группу, но даже и одного-двух нищобродов.

Заметив, что среди приютской братии немало молодых и физически развитых людей, представитель власти задал вполне резонный вопрос: почему они не пытаются заработать себе на одежду и питание? Выяснилось, что, если даже им и было бы, в чем выйти на работу, спроса на них нет. Сопровождавшие инспектора полицейские пояснили, что местные жители уже давно убедились в том, что ссыльные – работники никудышные, ленивы и лукавы, нечисты на руку. Поэтому найти хозяев, пожелавших бы принять их к себе в дом, даже за грошовую плату, почти невозможно. Даже если кому-то из них и удавалось поступить в рабочие или в услужение, то продолжалась их трудовая деятельность не более месяца – до первого расчета. После чего они пускались в беспробудный загул, пропивая и проигрывая в карты и деньги, и подаренную одежду, а затем снова возвращались в приют, в царство абсолютной праздности и привычную компанию картежников и пьяниц. По словам автора очерка, все эти люди являли собой «образец любопытного сочетания и взаимодействия крайней нищеты и нравственного падения, превосходящих грани-

цы воображения». «Нищета, – пишет он, – порождает порок, а порок – нищету, и попавшему в этот водоворот ссыльному нет уже возможности вырваться из него при помощи собственных сил».

Но даже этот приют, который вполне мог представлять собой один из кругов преисподней, был доступен далеко не всем нуждавшимся в нем ссыльным, число которых изрядно превышало его вместимость. Здесь зимовала только арестантская элита, избранные, уголовная верхушка, и распоряжались всем по праву сильного самые бывалые и почтенные по стажу тюрьмы и каторги «иваны». Те, кому здесь не нашлось места, ютились в ночлежках при частных домах. Их содержали зажиточные ссыльные или состоятельные мещане, преимущественно – евреи, они же скупщики и хранители краденного. Расплачивались за ночлег гривенником с каждого выигранного в карты рубля. Здесь так же, как и в приюте, шли непрерывные картежные баталии, так же ставили на кон казенную одежду, вынесенную из тюрьмы, и все похищенное, которое в короткое время по нескольку раз переходило из рук в руки и в итоге бесследно исчезало несмотря на его энергичные поиски полицией.

В летнее время приют пустел: в нем оставалось не более тридцати самых немощных постояльцев. Остальные отправлялись восвояси, кто по деревням, кто вдоль железной дороги, разбредаясь по всей Сибири-матушке для разного рода промыслов, в том числе и неблагоприятных. Те, кто избрал главным маршрутом своих скитаний Транссиб, продвигаясь по магистрали на восток или запад, подрабатывали погрузкой или разгрузкой вагонов на

железнодорожных станциях. Много бродячего люда скапливалось в месте пересечения двух главных путей Западной Сибири – сухопутного и водного – в поселке Новониколаевском, расположенном на правом берегу Оби.

Поселок возник лишь в 1893 году, но, благодаря выгодному положению на судоходной реке и близ станции железной дороги, вырос с большой быстротой; теперь в нем насчитывалось около полутора тысяч жилых домов и до двенадцати тысяч жителей. Пароходная пристань, более сотни лавок. Поле деятельности здесь было куда обширнее, чем в Каинске. И здесь полиция тоже не знала покоя, а мировые суды были завалены делами о самых различных преступлениях. Новониколаевский стал узловым пунктом для рыцарей Бубнового Туза, отсюда поодиночке и группами они в надежде на хоть какие-нибудь временные заработки отправлялись в Бийский, Барнаульский и Кузнецкий округа, а также в сторону Томска, «И вообще, – как отмечено в источнике, – колесили по всей губернии и за пределами ее, нигде не находя и не желая найти постоянного дела, но повсюду тяжело обременяя собой местное население».

Каинский уезд тоже не избежал этой «благодати», здесь для размещения ссыльных были определены две волости – Кыштовская и Казаткульская, для надежности – одни из наиболее отдаленных (от Каинска до Кыштовки – 270 верст). А порядок водворения, одинаковый для всей Сибири, был таков: прибывших в уездный центр с очередным этапом ссыльных вначале опекало местное полицейское управление, затем по завершении комплектования партии отправляло их под конвоем к месту на-

значения – в те волости, к селениям которых они подлежали причислению и по которым распределялись на основании приговоров сельских ходов волостными правлениями. В реальности, по воспоминаниям местных старожилов и чиновников, на которые ссылается источник, эта процедура изобиловала многими трагикомическими моментами.

Первой из двух вышеназванных волостей ссыльнопоселенцев принимала Кыштовская, представлявшая собой преимущественно «урман» – таежные дебри, перемежавшиеся займищами и болотами при наличии небольших участков земли, пригодной для земледелия. Сюда и лежал путь ссыльных, и нередко партию в 150–200 человек сопровождал всего один полицейский, не столько конвоир, сколько проводник. Секрет того, что при столь условной охране и таком длительном переходе побегу практически отсутствовали, прост: ежедневная выдача стражником десяти кормовых копеек и желание, на всякий случай, узнать место своей приписки.

С прибытием в Кыштовку дорожного денежного довольствия партия лишалась и после проверки соответствия ее фактической численности сопроводительным документам поступала в распоряжение волостного начальства, чьи функции сводились лишь к тому, чтобы разбить толпу по спискам на мелкие группы и, выделив каждой сотских и десятских для сопровождения, предложить следовать в назначенные им деревни. Такой поворот дела, как правило, вызывал ропот большинства ссыльных, не имевших никаких средств к существованию и привыкших ко всему казенному. Поэтому к местам обетованным

отправлялись лишь семейные и только часть одиноких, остальные митинговали возле волостного правления и заявляли, что никуда они больше идти не намерены, так как идти им некуда и не с чем. Погалдев и ничего этим не добившись, начинали обход села для сбора милостыни и поиска ночлега.

В последующие дни шла бойкая распродажа по бросовым ценам всего имевшегося у них имущества, позволявшая разжиться хоть какими-нибудь деньгами на обратный путь. После чего вся орава кучками и поодиночке отправлялась по тому же маршруту, которым прибыла сюда ранее. Однако если тогда дело обходилось без эксцессов, то теперь их «триумфальное» возвращение в Каинск, хмельных и полуголых (все, что можно было пропить – пропито), сопровождалось разного рода бесчинствами в попутных деревнях, вселявшими страх и ожесточение в их обитателей бесцеремонным хождением по крестьянским дворам уже не с просьбами, а требованием пищи и ночлега, мелкими кражами и даже грабежами и конокрадством. В случае поимки варнаков дело нередко кончалось беспощадным самосудом, к которому вынуждены были прибегать запуганные и озлобившиеся сельчане, решившие сами за себя постоять. А те «возвращенцы», которым удавалось благополучно добраться до Каинска, снова вливались в ряды себе подобных, но уже запасшись для «отмазки» от досужих стражей порядка видом на отлучку из «родной» деревни...

Сведения эти почерпнуты из официального исследования (автор при объеме около четырехсот страниц счел уместным назвать его очерком), предпринятого по высо-

Александр Петрович
Саломон

чайшему повелению, последовавшему 20 мая 1898 года, начальником главного тюремного управления Александром Петровичем Саломоном во время его длительной командировки в Сибирь и на Сахалин с целью ознакомления на местах с состоянием ссылки и каторги. Труд этот, подготовленный с привлечением множества различных источников и на основе личного изучения проблемы, предназначался для высочайше утвержденной 6 мая 1899 года комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. Ею был разработан и 25 мая 1900 года представлен на рассмотрение Государственного Совета законопроект коренного реформирования ссылочной системы, а 12 июня как закон его утвердил император Николай Александрович. Отныне отменялись общеуголовная ссылка и водворение в Сибирь за бродяжничество, а также существенно ограничивались ссылки по приговорам обществ. И ссылка становилась в основном политической.

☞ Сибирская газета, 1885, №2; Саломон А. П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Санкт-Петербург, 1900, с. 144–147, 264–268; Малиновский И. А. Ссылка в Сибирь. Томск, 1900, с. 20.

1899 В Каинске организовано общество охотников конского бега, быть президентом которого дал согласие томский губернатор генерал-майор Асинкрит Асинкритович Ломачевский, каковым оный пробыл недолго, так как уже 3 февраля 1900 года его в должности хозяина губернии сменил действительный статский советник князь Сергей Александрович Вяземский. Возглавил ли он общество в порядке преемственности – неизвестно. Главной уставной целью этой организации являлось содействие развитию отечественного коневодства, особенно улучшению рысистых и других пород, его деятельность курировало и направляло своими распоряжениями Главное управление государственного коннозаводства. Члены общества устраивали скачки на местном ипподроме.

☞ **Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 1. 1880 – февраль 1917. Томск, 2013, с. 80.**

Хронограф: ХХ

(1900–1917)

1900 12 июня. Открытие в городе с разрешения губернской администрации первой частной аптеки всеобщего пользования, принадлежавшей каинскому купцу второй гильдии И. И. Иванову.

☞ Ноздрин Г. А. Культурная жизнь города Каинска в XIX – начале XX века // Города Сибири XVII – начала XX в. Выпуск второй: История повседневности. Барнаул, 2004, с. 160–177.

1900 1 сентября. В Каинске при Александринской сельскохозяйственной ферме состоялся первый конкурс экспортного масла, который предполагалось в дальнейшем проводить ежегодно. Экспертной комиссии под председательством губернского правительственного агронома И. К. Окулича предстояло по голыштинской пятнадцатибальной системе, соблюдая принцип анонимности конкурсантов, оценить качество продукта в восьмидесяти трех бочонках, присланных маслоделами Томской и Тобольской губерний. Победителем конкурса был признан Шлейма Гдальевич Феферман из деревни Гжатской Нижне-Каинской волости, награжденный серебряной медалью Министерства земледелия и государственных имуществ. Два других каинских мастера, Иван Петрович Коробков и Анастасия Поликарповна Яковлева, получили

бронзовые медали, а еще трое каинцев – похвальные листы министерства и уездного общества молочного хозяйства. Комиссия обратила внимание участников конкурса на самые типичные несоответствия представленного ими масла эталону качества и явные нарушения санитарных требований в процессе его производства.

☞ Отчет о конкурсе экспортного масла, бывшем 1-го сентября 1900 года в г. Каинске Томской губернии. Томск, 1900, 24 с.

1901 25 января. На заседании Каинской городской думы под председательством городского головы Степана Алексеевича Лебедева в присутствии двенадцати гласных рассмотрено заявление вдовы купца первой гильдии Ивана Васильевича Шкroeва Александры Ивановны Шкroeвой о создании комитета для строительства церкви на средства, завещанные ее покойным мужем.

Просьба была удовлетворена, в состав комитета, в распоряжение которого передавались деньги и план построения храма, вошли городской голова С. А. Лебедев, купцы первой гильдии И. С. Волков, С. В. Ерофеев, мещане А. И. Дасманов, Н. О. Сибирцев и П. И. Кузнецов, а возглавил его благочинный протоиерей, настоятель Спаского собора Николай Павлович Вавилов. А. И. Шкroeва была приглашена принимать

Александра Ивановна Шкroeва

Храм Иоанна Предтечи до сноса куполов и колокольни... (вверху)

...и превращенный в кинотеатр «Октябрь» (справа)

участие во всех совещаниях комитета. Заручившись благословением епископа Томского и Барнаульского Макария, которому они 8 марта 1902 года направили всю необходимую документацию на возведение в городе Каинске еще одной церкви – во имя Предтечи и Крестители Господня Иоанна, члены комитета сумели обеспечить настолько высокие темпы строительных работ, что уже 18 ноября 1904 года состоялось освящение

нового храма, положившее начало проведению в нем постоянных богослужений и появлению нового церковного прихода.

☞ Фурсова Е. Ф. Строительство храма Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в благотворительных деяниях каинских купцов Шкроевых // Баландинские чтения: Сборник статей IX научных чтений памяти С. Н. Баландина: Часть 2. Новосибирск, 2014, с. 69.

1901 2 июня. Стачка на строительстве каинского казенного винного склада. Половина рабочих бастовала полдня, требуя выдать заработок, в чем им было отказано. Но через два дня работу по этой же причине прекратили уже все занятые на объекте строители, общим числом около ста. Недельный, с 4 по 10 июня, простой заставил подрядчика раскошелиться: требование бастующих было удовлетворено, свое жалование рабочие получили.

☞ Блинов Н. В., Зольников Д. М., Плотников А. Е. и др. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978, с. 78–79.

1902 Экстренное преобразование Торгового Дома «Братья Ерофеевы», находящегося на грани банкротства, в «Акционерное Ерофеевское общество», отчаянная попытка спасти положение, предотвратить окончательный крах семейного дела. Классический сюжет, общий для многих сибирских купеческих династий, который, конечно же, ни в коем случае нельзя буквально соотносить с подлинной историей славного клана Ерофеевых, его взлета и падения, однако определенное сходство с ней в общих чертах несомненно есть.

Зачин: дед всеми правдами и неправдами, не щадя живота своего, по грошику, по копейке, по рублику ме-

лочной торговлишкой, отдачей денег в рост, а порой и лихими делами вплоть до грабежа и даже душегубства сколачивает исходный капитал. Кульминация: сын, унаследовав отцовское состояние, старается всячески его приумножить, искренне считая, что для этого все средства хороши; строя свою жизнь по жестоким законам частного предпринимательства, в беспощадном противоборстве с конкурентами упорно идет к цели и добивается успеха. Развязка: огромное богатство переходит к внуку, который не приложил никаких усилий к его созданию, но обладает законным правом распоряжаться им по собственному усмотрению, будучи при этом чужд и дедовской бережливости, и отцовской деловой хватке, и его финансовому прагматизму...

После смерти Венедикта Петровича Ерофеева директором-распорядителем фирмы стал старший из трех его сыновей – Сергей Венедиктович. Движимый самыми благими намерениями, он старался достойно продолжить отцовское дело, немало сделал по расширению и совершенствованию производственных мощностей. Проявил себя приверженцем научно-технического прогресса: установил паровой котел на Ново-Троицком винокуренном заводе, Александрийскую ферму оснастил новейшими сельскохозяйственными машинами. Но вряд ли можно было считать коммерчески оправданным открытие шикарного магазина с изысканными, а потому дороговущими и по причине невостребованности обреченными пылиться в витринах и на полках товарами. Хватало и других убыточных затей.

Деловые просчеты, а также привычка жить на широкую ногу, частые значительные траты, из которых позитив-

ной оценки заслуживают лишь благотворительные пожертвования, щедрые раздачи наличных различным отнюдь не бедным просителям, роскошные приемы с обильным угощением множества гостей – все это подтачивало финансовое состояние семьи, так как расточительность была свойственна не только Сергею Венедиктовичу, но и его братьям – Николаю Венедиктовичу и Иннокентию Венедиктовичу. Произошло то, что и должно было произойти: разорение. Потеря части недвижимости, вместо прежней избыточности крайняя стесненность в денежных средствах, иски кредиторов и другие малоприятные реалии.

Затея с созданием акционерного общества, мифического в силу его финансовой несостоятельности, с треском провалилась. Незаконно собранные им деньги были растрачены на погашение многочисленных долгов. Акционеры требовали их возврата, апеллируя к правоохранительным органам. Попахивало уголовным преследованием. Тяжело переживавший катастрофу, основным виновником которой он считал себя, и не отличавшийся крепким здоровьем, С. В. Ерофеев всего этого перенести не смог и в 1904 году скоропостижно покинул земную юдоль. А его братьям и сестре Марии Венедиктовне все-таки удалось с помощью купивших все ерофеевское имущество знакомых московских винозаводчиков и присланного ими опытного адвоката уладить все скандальные дела и даже кое-что из вырученной суммы оставить не только на пропитание, но и на открытие скромного магазинчика.

☞ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири (далее – КЭИККС). В четырех томах. Т. 1 (А–Е). Книга 2. Новосибирск, 1994, с. 159–163.

1902 1 сентября. В этом году изменился статус Каинской трехклассной женской прогимназии, с начала 1902/1903 учебного года в ней был открыт четвертый класс, а через пять лет она будет преобразована в пятиклассную.

☞ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа (далее – ПК ЗСУО) на 1909, с. 153.

1902 26 ноября. Открытие Каинского городского банка имени Ивана Васильевича Шкroeва. Александра Ивановна Шкroeва выполнила еще одну посмертную волю своего мужа, завещавшего двадцать тысяч рублей на учреждение городского банка, который носил бы его имя.

☞ КЭИККС. Т. 4 (С–Я). Книга 3. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999, с. 36–37.

1903 Январь. Представители каинской еврейской диаспоры приняли участие в первом съезде сионистов Сибири, состоявшемся в Томске. Основное внимание делегатов было уделено вопросам культурной жизни сибирских евреев. Особо отмечалась необходимость проведения таких съездов с периодичностью не реже чем полтора-два года.

☞ Кутилова Л. А., Нам И. В. и др. Национальные меньшинства Томской губернии: хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 гг. Томск, 1999, с. 244.

Одиссея семьи Истратенко

Приток переселенцев в Барабу после отмены крепостного права из года в год возрастал, гонимые нуждой и безземельем ехали семьями крестьяне европейских губерний на сибирское раздолье за лучшей долей. По-разному складывались их судьбы. Одни быстро обретали достаток, обзаводились крепкими хозяйствами, с выгодой сбывая излишки полученной в них продукции, и даже пополняли собой местное купеческое сословие. Другие, тоже не обделенные сметкой и трудолюбием, но не столь предприимчивые и напористые, так и не могли избавиться от прежней скудости, оставаясь в глазах более успешных новоселов и матерых богатеев-старожилов нищей «посельгой». Не оставляя отчаянных, но по большей части безуспешных попыток покончить с бедностью, многие из них в конце концов вынуждены были идти в батраки или перебиваться случайными мизерными заработками. Такая участь постигла и героев этой фантастической истории...

Жили-были в селе Фроловском Жерелевской волости Масальского уезда Калужской губернии Дмитрий Иванович Истратенко, жена его Пелагея Андреевна, сын Иван и две дочери – Параскева и Александра. Было их хозяйство не из самых захудалых, но решил глава семейства, что дела пойдут лучше, если перебраться в Сибирь, где свободных земель в избытке. 8 сентября 1896 года отправились в долгий и трудный путь, не подозревая, что придется еще раз совершить такое же путешествие, но уже в обратном направлении и не на повозке, а пешком, да еще и с немалым грузом.

Для поселения выбрали село Купино Юдинской волости Каинского уезда Томской губернии. На первых порах обосновались в землянке, рассчитывая позже обзавестись и обычным бревенчатым домом. Впряглись в крестьянские труды, но как ни старались, благополучие так и оставалось недостижимой мечтой. Кое-как сводили концы с концами. Дороговизна повседневно необходимых товаров у местных торговцев и отсутствие в селе возможности подсобного заработка – все это очень осложняло жизнь на новом месте. Продолжалось это незавидное житье-бытье до той поры, пока не случилось самое страшное, что могло бы произойти с крестьянским хозяйством: лиходеи-конокрады увели лошадей. Денег на покупку другого тягла не было, пришлось распрощаться и с земледелием, а заодно и с местом проживания. Поскольку ни пахать, ни сеять в обозримом будущем уже не замышлялось, распродав свой немудреный сельхозинвентарь, ранней весной 1903 года все семейство, включая и родившуюся в Сибири внучку Серафиму, отправилось на заработки в Каинск.

Однажды бродя по окрестностям города берегом Оми, отец и сын Истратенко наткнулись на выход породы, напоминавшей руду. Откололи кусок: на пробном сколе засветились золотистые крапинки. Неужели золото? Вот так удача! От нахлынувшей радости перехватило дыхание. Стали горячо обсуждать, что делать дальше. Первое: держать свое открытие в тайне, ни словом, ни действием не выдать его кому-нибудь из посторонних. Второе: с образцами породы не мешкая отправиться в столицу, чтобы там, сыскав сведущих людей, подтвер-

дить свою догадку. С великой опаской (как бы кто не выследил) запасли ни много ни мало около трех пудов «золотоносной» руды, а насчет способа ее доставки к месту назначения выбора не было: при полном безденежье в тележку с драгоценным грузом и домашним скарбом придется впрячься самим.

23 апреля, дождавшись первого весеннего тепла, каинские старатели покинули пределы уездного центра и двинулись Московским трактом к далекому Санкт-Петербургу, где их чаяниям суждено было стать явью. Оторопь берет, когда отслеживаешь по карте их примерный, а точнее беспримерный маршрут, этот достойный любой книги рекордов полугодовой героический марафон протяженностью около пяти тысяч верст. В холода и дожди, с краткими передышками, с недолгим сном там, где их застигала ночь, впроголодь, без гроша в кармане, питаюсь подаваниями сердобольных сельчан и горожан, они шли и шли, и рядом со взрослыми, стараясь не отставать, вышагивала и шестилетняя кроха-внучка. Когда же она уставала, ее усаживали в тележку поверх ящиков с рудой. Всем им придавала силы, вдохновляла на преодоление всех дорожных трудностей и лишений мечта о близости лучшей жизни, и они шли за своим золотым мирражом, как персонажи метерлинковской пьесы за Синей Птицей.

А теперь предоставим слово очевидцу – репортеру газеты «Санкт-Петербургские ведомости»: *«5 ноября около четырех часов пополудни в Санкт-Петербургскую крепость въехала довольно странного вида одноколка: она состояла из кузова, деревенского устройства, на*

двух колесах, окованных железом, с оглоблею или, вернее, палкою посередине кузова и с двумя гужами по бокам. В одноколку были впряжены молодой бородатый парень, а по бокам две молодые женщины, за ней следовал, подпирая ее палкою, высокий худой старик и рядом с ним старуха, а сбоку, держась ручонкой за чеку одноколки, бежала девочка лет шести. Все эти люди были одеты в рваные полушубки и обуты в лапти. Они спрашивали, как им проехать на Монетный Двор, чтобы сдать золотую руду...»

Каинские золотоискатели – семейство Истратенко

Автор публикации отмечает, что все члены семейства, включая и дитя, дорогу перенесли неплохо и смотрелись вполне здоровыми, за исключением самого Дмитрия Ивановича, уже разменявшего восьмой десяток и выглядевшего изнуренным. А когда Истратенко рассказали, кто они, откуда и как добирались до столицы, удивленные и восхищенные этой эпопеей питерцы отнеслись к ним с особой теплотой. Так как в день прибытия по причине позднего времени возможности принять руду уже не было, комендант крепости разрешил им оставаться в ней

столько дней, сколько потребуется на завершение всех дел. Особое радушие проявили солдаты крепостного гарнизона: жарко протопив печь, они устроили для голодных, промокших и продрогших путников сначала чаепитие, а затем сытный ужин, расспрашивали, как живется в далекой и неведомой Сибири. Позаботились служивые и о ночлеге для своих неожиданных гостей...

Как хотелось бы завершить сей рассказ счастливой концовкой. Но – увы. На следующий день состоялся прием привезенной сибиряками руды. Взятая обычная проба уверенно подтвердить явное наличие в ней золота не смогла. Тогда из сочувствия к бедственному состоянию сдатчиков было решено перемолоть в порошок всю породу, оказавшуюся слюдяными и глиняными сланцами, и опробировать полученную при этом массу отдельно по каждому из трех ящиков. 8 ноября был получен окончательный и очень печальный результат. Руда содержала частицы и золота, и серебра, но лишь три золотника 89 долей золота и восемь золотников 50 долей серебра, за все это полагалось получить всего двадцать рублей. Не велико воздаяние за неимоверный марш-бросок от Иртыша до Невы. Можно представить, как были огорчены крушением всех своих надежд члены славного и многострадального семейства Истратенко...

P. S. «Сибирская жизнь», опубликовавшая коллективный портрет героев этой истории, ссылаясь на позднейшие газетные известия, сообщала о ее менее мрачном финале. Якобы процент содержания драгоценных металлов в доставленных Д. И. Истратенко и его домочадцами образцах слюдяного и глинистого сланцев, несмотря на

чрезмерную скромность полученного ими вознаграждения, оказался достаточно высоким. Поэтому было решено отправить всю семью обратно в Сибирь уже за казенный счет для указания места и оказания помощи специалистам в основательном изучении открытого ею месторождения. Достоверность вышеизложенного трудно подтвердить или опровергнуть, так как никакой иной информации по этой теме больше не имеется. Тем более, что Омка вторым Клондайком так и не стала.

☞ Санкт-Петербургские ведомости, 1903, № 309; Сибирская жизнь, 1903, № 256, приложение к № 271.

1903 20 марта. В газете «Сибирская жизнь» опубликовано письмо каинского городского головы С. А. Лебедева, в котором он сообщает о пожертвованиях жителей города в пользу пострадавшего от жестокой засухи населения Каинского, Барнаульского и Змеиногорского уездов, переданных 14 марта текущего года в томский комитет Российского Общества Красного Креста. «Желаю со своей стороны, – видимо, не без лукавства пишет он, – чтобы список вышепоименованных жертвователей был помещен в одном из номеров уважаемой мной «Сибирской жизни», обращаюсь за этим с покорнейшей просьбой в редакцию газеты». Вот этот небезынтересный список: А. И. Шкроева – 200, Н. В. Шкроев – 25, Некто – 10, А. Д. Мясников – 5 рублей, З. И. Минский – 2, А. И. Дасманов – 1, П. М. Курнин – 1, П. В. Пятков – 1, И. М. Шубин – 1, С. А. Тинкер – 1, И. В. Бульвахтер – 1, Ф. И. Учителев – 1 рубль. А ведь семеро скромников, замыкающих список, в бедности явно не про-

зьябали и могли бы быть пощедрей. Не на это ли намекнул своей публикацией Степан Алексеевич?

☞ *Сибирская жизнь*, 1903, 20 марта 1903 года.

1904 Первое ходатайство Каинского городского общественного управления перед правительством о строительстве за счет казны железнодорожной ветви от Каинска к одноименной станции. Поскольку в выделении казенных средств было отказано, а возможности привлечения иных источников финансирования заявителями не предусматривалось, вопрос остался нерешенным.

☞ О сооружении Каинской ветви к Сибирской железной дороге. 16–27 ноября 1909 года. (Фонд Совета Министров. Опись № 5). РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 364. Электронная копия. Архив автора.

1905 1 мая. Состоялась первая в городе маевка с участием каинской молодежи, организованная ссыльным питерским рабочим Ф. М. Скворцовым и его родствен-

ницами, сестрами Ледовскими, под видом обычной вечеринки у них в доме, находившемся на тогда еще пустынной окраине у места впадения Каинки в Омь. Говорили о нарастании революционного движения в стране и его причинах, читали полученные накануне организаторами встречи нелегальные большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий», где сообщалось об итогах работы III съезда Российской социал-демократической партии (РСДРП), разучили и спели «Варшавянку».

☞ *Трудовая жизнь*, 1967, № 69.

1905 20–24 октября. Стачка, в которой принял участие весь коллектив станции Каинск, около пятисот рабочих и служащих. Стачечный комитет обобщил главные требования бастующих (введение восьмичасового рабочего дня, отмену косвенного налогообложения и ряд других) и направил их в управление Сибирской железной дороги.

☞ Блинов Н. В. и др. Указ. соч., с. 142–143.

1905 Середина ноября – до 11 декабря. В Каинске работники почты и телеграфа примкнули ко всероссийской отраслевой стачке, выдвинув наряду с экономическими и политические требования.

☞ Блинов Н. В. и др. Указ. соч., с. 150–151.

1905 23 декабря. Указом Николая II объявлено о введении военного положения во всех уездах, по которым проходит Сибирская железная дорога. Всего в перечне значилось семнадцать уездов, в том числе и Каинский. На них распространялось действие правил о местностях, состоящих на военном положении. Командующему войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенанту Н. Н.

Сухотину предоставлялись «права военного начальства и особые права и обязанности административных органов гражданского ведомства по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Какие конкретно – догадаться нетрудно. Императорский указ как бы предвозвестил появление на Транссибе в начале будущего года двух карательных экспедиций, двигавшихся навстречу друг другу с запада и востока под командованием генералов А. Н. Меллер-Закомельского, который в первой декаде января отметился со своим воинством на станции Каинск, и П. К. Ренненкампа, их рейды сопровождалась арестами, порками, ссылками и увольнениями активных участников волнений. Репрессии принесли свои плоды: забастовки были пресечены, а рабочее движение временно сошло на нет.

☞ *Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. Сборник документов (к пятидесятилетию первой русской революции). Томск, 1955, 131 с.*

1905 Декабрь. В Каинске образован отдел партии кадетов. Этому предшествовало получение соответствующего предложения бюро Томского отдела этой партии, разосланного им во все уездные города с приложением брошюр с партийной программой, а также предназначенных «для народа» агитационных прокламаций, популярно разъяснявших ее содержание.

☞ *Харусь О. А. Хроника либерального движения в Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994, с. 33–34.*

1906 Январь–февраль. В Каинске и селе Спасском Каинского уезда созданы отделы «Союза 17 октября», пар-

тии правых либералов – землевладельцев, предпринимателей, чиновников (прекратила свое существование в 1917 году). В Каинске отдел возглавил А. И. Дасманов, в Спасском – Е. С. Семенов.

☞ Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. Томск, 1996, 228 с.

1906 Июнь–ноябрь. На станции Каинск создана первичная организация РСДРП, в декабре этого же года в ней числилось шестьдесят членов.

☞ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. I (1880 – февраль 1917), далее – ОПЖ ТГ. Томск, 2013, с. 209.

1906 До 11 сентября. Образован нелегальный профсоюз рабочих железнодорожного депо станции Каинск, к сентябрю принявший в свои ряды около ста человек. Действовал под влиянием и в контакте с местной организацией РСДРП.

☞ ОПЖ ТГ, с. 215.

1906 20 октября. Неудавшаяся стачка в Каинском железнодорожном депо, продолжавшаяся всего полдня. Требование рабочих сократить 20 октября как предпраздничный день на два часа, сделать семичасовым вместо девятичасового, администрацией было отклонено, а семь выборных руководителей забастовки арестованы.

☞ Блинов Н. В. и др. Указ. соч., с. 176–177.

1906 Верующими католического вероисповедания, в основном польскими переселенцами и потомками ссыльных участников восстаний минувшего века, под руководством священника Антона Сулея начато строительство каменного костела на собственные средства и своими ру-

ками. Освящение храма во имя особо почитаемых католиками апостолов Петра и Павла состоялось уже в 1908 году. Он представлял собой капитальное сооружение высотой около двенадцати метров с колокольной, имел внутри три алтаря и орган. Поначалу служение осуществлялось священниками из села Спасского (ныне Венгерово), с 1910 года появился постоянный пастор (ксендз), а храм стал приходским с общиной около 2800 верующих.

☞ <http://kainsk.blogspot.com/>, <http://rodinoved.ru/>, <https://inigo.ru/>

1907 Прошли очередные выборы Каинской городской думы. Городским головой стал Иван Дмитриевич Симбирцев, заступающим место городского головы Алексей Григорьевич Иванов, председателем городской думы в случаях, предусмотренных 120 статьей Городового положения 1892 года* – Василий Иванович Ерофеев. Гласны-

* **Статья 120.** Голова, его Товарищ или Помощник Головы и Члены Управы, хотя бы до занятий сих должностей не состояли гласными,

ми были избраны Семен Ильич Бельт, Семен Осипович Булдаков, Иван Егорович Вандышев, Иродион Семенович Волков, Петр Михайлович Курнин, Иван Казимирович Кирейлис, Василий Андреевич Новодережкин, Егор Семенович Пермитин, Павел Васильевич Пятков, Николай Федорович Рыбников, Василий Андрианович Родионов, Константин Владиславович Сычевский, Александр Иванович Скороходов, Борис Глебович Шаламов, все они, за исключением, потомственного почетного гражданина В. И. Ерофеева, – представители мещанского сословия.

За время пребывания в должности городского головы (1907–1910) И. Д. Симбирцев сделал много полезного в сфере градоустройства. Однако благодарным горожанам он запомнился прежде всего как главный инициатор организации строительства Каинской железнодорожной ветки, необходимость в которой ощущалась все острее. Едва вступив в должность, Иван Дмитриевич решительно взялся за дело: учитывая опыт предыдущей попытки и зная основную причину ее неудачи, приложил немалые усилия к тому, чтобы привлечь к реализации столь важно-

участвуют в Собраниях Думы на правах гласных. Означенные лица, а равно все прочие лица, занимающие должности по городскому общественному управлению, должны устранять себя от участия в решении Думою возбужденных о их действиях вопросов, а также не участвуют в постановлении определений о назначении содержания по занимаемым ими должностям и о последствиях ревизии отчетов Управы. При разрешении исчисленных выше дел и вопросов, в Думе председательствует лицо, избранное ею для сего из среды гласных и утверждаемое: в столицах – Министром Внутренних Дел, а в прочих городских поселениях – Губернатором.

☞ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XII. Санкт-Петербург, 1892, № 8708, с. 430–456.

го проекта крепко державшихся за свои капиталы состоятельных и влиятельных каинцев, добиться их финансовой поддержки с последующим возмещением вложенных средств из будущей платы за провоз грузов.

Когда наконец после трудных переговоров предварительное согласие купечества было получено, в марте 1907 года Каинское городское общественное управление обратилось в два министерства, путей сообщения и финансов, с ходатайством о разрешении соорудить ширококолейную ветвь от города до станции Каинск за счет привлеченных средств. Одновременно высказывалась просьба о безвозмездной передаче из запасов Сибирской железной дороги потребного количества старых рельсов, креплений, стрелочных переводов. Хотя рассмотрение прошения, принятого вполне благожелательно, подзатянулось, в том, что оно будет удовлетворено, сомнений почти не было, что и подтвердилось 21 апреля 1909 года.

В этот день в Санкт-Петербурге состоялось заседание комиссии о новых железных дорогах при департаменте железнодорожных дел министерства путей сообщения. На нем присутствовали как уполномоченный Каинского городского общественного управления Иван Дмитриевич Симбирцев и как «представитель местных интересов» один из будущих вкладчиков Михаил Лазаревич Маслов, крупный предприниматель, владелец паровых мельниц в городе и уезде. Поскольку все условия были еще ранее обсуждены и согласованы, комиссия «единогласно признала возможным разрешить Каинскому городскому общественному управлению соорудить железнодорожную

Каинский городской голова Иван Дмитриевич Симбирцев в кругу семьи

ветвь нормальной колеи общего пользования от г. Каинска до одноименной станции...». Была указана ее сметная стоимость – 145 730 рублей, или 12 140 за версту. Под заключением расписались председатель комиссии, ее члены и каинский городской голова И. Д. Симбирцев.

Однако на этом дело не завершилось, заключению комиссии предстояло пройти еще не одну бюрократическую инстанцию, прежде чем превратиться в окончательное официальное решение. О нем своим уведомлением от 27 ноября 1909 года главам соответствующих министерств сообщил сам Петр Аркадьевич Столыпин на следующий день после рассмотрения этого вопроса на заседании совета министров.

☞ Памятные книжки Томской губернии на 1908, 1910 и 1911 годы. Томск, с. 17, 59, 26; О сооружении Каинской ветви к Сибирской железной дороге. 16-27 ноября 1909 года. (Фонд Совета Министров. Опись № 5). РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 364. Электронная фотокопия. Архив автора.

1907 До 12 апреля. В Каинске состоялся съезд городских избирателей по выборам в III Государственную думу, избравший выборщиков для участия в губернском избирательном собрании. Ими стали мировой судья второго участка кадет Ф. И. Милошевский и «прогрессист», представитель партии, занимавшей центристскую позицию среди либеральных политических образований, – священник А. С. Соколов.

☞ Родионов Ю. П. Хроника избирательных кампаний в III и IV Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 2. Томск, 1995, с. 77–96.

1907 5 декабря. В Томске состоялись выборы депутатов III Государственной думы от Томской губернии. В

губернском избирательном собрании приняли участие 43 выборщика, избравшие четырех депутатов, в их числе и каинского мирового судью Ф. И. Милошевского. За него было подано тридцать голосов, против – двенадцать. После подведения итогов в гостинице «Европа» состоялся банкет в честь избранных депутатов, на котором присутствовали выборщики, депутаты I и II Государственных дум, представители городской общественности и журналисты. Прозвучали поздравления и напутствия.

☞ *Сибирские вопросы*. 1908. № 1. С. 35–37.

Буревестник по имени Воля

С этим человеком, давшим второе имя нашему городу, я знаком с детства. Летом, во время моих школьных каникул, мы виделись с ним чуть ли не каждый день, а то и несколько раз на дню. Наша семья жила тогда на четной стороне улицы Ленина в почтовой трехквартирной «коммуналке», которую от музея, посвященного нашему выдающемуся соседу, отделяли всего два дома. И отправляясь на Омку, чтобы поплескаться в реке в жаркий полдень или посидеть ранним утром с удочками, я всегда проходил мимо опрятного домика с мемориальной доской и ухоженным палисадником и каждый раз мысленно здоровался с тем, кто вызывал мое искреннее восхищение, и на кого я, уже кратко осведомленный о его жизненном пути, хотел быть похожим. Ну а если без лукавства, то свои приветствия я адресовал его «альтер эго» – монументальному бюсту, запечатлевшему его облик,

судя по фотографиям, не слишком близким к оригиналу, но впечатляющим, и в разные годы сиявшему то бронзой, то серебром...

Мы знаем его как Валериана Владимировича Куйбышева, но родным и друзьям он был известен и еще под одним именем, которое очень точно отражало его человеческую и гражданскую суть, – Воля. Как цель и средство. Из автобиографии В. В. Куйбышева: *«...арестовывался царскими властями восемь раз, ссылался четыре раза, а всего провел в тюрьмах и ссылках семь лет. Семь из тринадцати предреволюционных лет политической работы»*. Если на карте отметить города и поселения, куда бросала судьба молодого подпольщика, то мы увидим Омск и Томск, Каинск и Барабинск, Петербург и Вологду, Петропавловск и станцию Тайга. Он значился то Кукушкиным, то Касаткиным, то Лесовским, то Соколовым, то Адамчиком... Готов был ко всем испытаниям, лишениям, репрессиям ради главного дела, которому он себя посвятил – борьбе за освобождение трудового народа от многовекового гнета.

Сегодня бытует двойственное отношение как к самой Великой Октябрьской социалистической революции, нередко именуемой современными историками и беллетристами вооруженным переворотом, так и к ее творцам. Среди них были разные персоналии, и по организаторским способностям, и по интеллектуальному уровню, и по нравственным качествам, но общим в них было то, что в большинстве своем они были людьми идеи, несгибаемыми борцами за ее претворение в жизнь, убежденными в правоте своих поступков. Этим критериям Валериан Владимирович соответствовал идеально. Более того, на

пестром и временами мрачноватом фоне своих соратников и однопартийцев это одна из наиболее светлых и располагающих к себе личностей. Даже в период постперестроечной оголтелой критики большевистских вождей он так и остался почти незапятнанным, поскольку основания для предъявления каких-либо серьезных обвинений ему, труженику-созидателю, организатору первых пятилеток, напрочь отсутствовали...

...А началось все в 1904 году, когда шестнадцатилетний воспитанник Омского кадетского корпуса вступил в РСДРП – Российскую социал-демократическую рабочую партию. Редкий случай столь раннего приобщения дворянского отпрыска к политической деятельности, очень огорчивший его отца Владимира Яковлевича, желавшего сохранить верность семейной традиции и прочившего сыну военную карьеру. Как следствие в 1905 году крупная неприятность: скандал, вызванный тайным распространением среди кадетов рукописных прокламаций собственного сочинения. Идентифицировать автора по почерку оказалось делом несложным. Юному социал-демократу грозило отчисление из корпуса, и отцу стоило немалого труда устроить его перевод в Петербургскую Военно-медицинскую академию. Там Валериана и застали революционные события первого всероссийского штурма цитадели самодержавия, закружившие его в ущерб учебному процессу в водовороте стачек, демонстраций, митингов, уличных боев. Он участвует в доставке оружия и боеприпасов боевым дружинам, распространяет нелегальную литературу. И делает свой окончательный жизненный выбор.

В начале 1906 года В. В. Куйбышев исключен из академии «за политическую неблагонадежность». Значит, пора возвращаться в Сибирь, где питерский опыт пропагандистской и конспиративной работы ему очень даже пригодится. Сначала отметился в Кузнецке, где теперь находилась их семья. Приехал не только повидаться с родными, попутно организовал нелегальный социал-демократический кружок большевистской ориентации и печатание листовок. Затем перебрался в Омск. Решение вполне резонное: омская партийная организация по праву считалась одной из сильнейших в Сибири, а пропагандистская деятельность ее комитета уже стала распространяться и на близлежащие города – Каинск, Барабинск и Петропавловск. Омичи приняли В. В. Куйбышева тепло, он был избран членом Омского комитета РСДРП и сразу же активно включился в работу, одно из направлений которой – проведение избирательной кампании во II Государственную думу во всем Степном крае, состоявшем из Акмолинской и Семипалатинской областей.

А на исходе осени – первый арест. Но 20 ноября за решетку он угодил не один, в результате полицейской облавы были схвачены все тридцать восемь делегатов Омской конференции РСДРП вместе с обличающими их «вещдоками»: проектами резолюций, печатью комитета, нелегальной прессой и литературой. В тюрьме они духом не падали: особого веселья не было, но и уныния тоже. Было, о чем поговорить, о чем поспорить. Послания с воли получали тщательно запрятанными в продуктовые передачи. В конце января 1907 года в буханке хлеба пришло невеселое известие: в соответствии с приказом ге-

нерал-губернатора все они предстанут перед омским военно-окружным судом как «заведомо поставившие своей целью ниспровержение существующего общественного строя». По соответствующей статье Уголовного уложения: максимум – восемь лет каторги, минимум – ссылка на поселение. Хрен редьки не слаще, что то, что другое – неволя. Согласовали общую тактику поведения на судебном заседании и содержание ответов на ожидаемые вопросы судей и прокурора. Выступая, слаженно и доказательно твердили о собственной невиновности, о неправомерности действий полиции. Приговор встретили радостным гулом, он был кратким: «Признать всех обвиняемых ... оправданными за неимением доказательств».

Но ликование было преждевременным. Свое существенное дополнение к разгневавшему его приговору внес генерал-губернатор Степного края, командующий войсками Омского военного округа, наказной атаман Сибирского казачьего войска, генерал-лейтенант Иван Павлович Надаров. На основании данных ему полномочий все проходившие по этому делу были подвергнуты месячному тюремному заключению с последующей административной ссылкой в отдаленные населенные пункты региона. В апреле Валериан Владимирович Куйбышев был выслан под гласный надзор полиции в город Каинск Томской губернии. Место поднадзорного пребывания для него выбрано не случайно, здесь в это время уже находится вся его семья, а отец, полковник В. Я. Куйбышев, занимает должность уездного воинского начальника и, по расчетам охранки, должен оказать благотворное влияние на заблудшего сына. Но эти чаяния не оправдались, а местный ис-

правник Михаил Прокопьевич Шерemet еще не скоро сподобится лицезреть своего нового «подопечного».

Оказавшись на воле, девятнадцатилетний революционер, даже не захав в Каинск, сразу же направляется в Томск, где, находясь на нелегальном положении, начинает вести активную пропагандистскую работу среди рабочих и солдат, становится членом Томского комитета РСДРП и одним из руководителей его военной организации. В конце мая на след беглого политссыльного, объявленного в розыск, выходит здешняя полиция, возникает угроза нового ареста, и В. В. Куйбышев срочно выезжает в Петропавловск. Там он пробудет всего месяц, но сделать успеет очень многое. Его появление даст импульс к возрождению недавно разгромленной подпольной партийной организации, которая вскоре, пополнившись новыми членами, станет вновь активно действующей. Временно возглавляя ее, он организует выпуск легальной газеты «Степная жизнь», которая на четвертом номере прекратит свое существование с одновременной конфискацией тиража и опечатыванием типографии. Остаться здесь тоже будет рискованно, и придется опять сменить местонахождение.

И только теперь к радости родных неугомный и неуловимый Воля наконец-то появляется в Каинске. Но прибыл он сюда не для того, чтобы смиренно пребывать под полицейским надзором. С первых же дней приезда начинает устанавливать связи с политическими ссыльными, вступает в контакт с местной социал-демократической группой, созданной в минувшем году и насчитывающей в своих рядах около шестидесяти человек, становится ее

общепризнанным лидером и в течение четырех месяцев руководит всей агитационно-пропагандистской работой: организацией занятий в им же созданном рабочем кружке железнодорожного депо станции Каинск, распространением нелегальной литературы и прокламаций, отпечатанных на гектографе, проведением дискуссий и литературных вечеров соответствующей тематики. Отношения с каинскими соратниками при полном взаимопонимании самые товарищеские, их совместные действия достаточно плодотворны, но масштаб не тот – провинция, а его неукротимой натуре хочется быть в самой гуще партийной жизни, в эпицентре революционной борьбы.

Возникает идея: для того, чтобы легализоваться в губернском центре, поступить в Томский технологический (ныне политехнический) институт. Осенью он, не поста-

Дом, в котором семья Куйбышевых жила в Каинске в 1907–1909 годах

вив в известность надзорные органы, уезжает в Томск и успешно осуществляет задуманное. Но участие в учебном процессе будет недолгим: новоиспеченный студент случайно узнает, что за самовольную отлучку из Каинска ему предстоит трехмесячная тюремная отсидка. Такая перспектива Валериана Владимировича решительно не устраивает, и он снова исчезает, чтобы появиться в октябре 1907 года уже не где-нибудь, в самом Санкт-Петербурге, в тяжелое для переживших тотальный разгром столичных партийных организаций время, время так называемого «разгула столыпинской реакции», время массовых арестов, ссылок и военно-полевых судов, нередко выносивших смертные приговоры самым отпетым террористам-радикалам.

Попытки связаться с остатками питерского подполья результатов не дали, и временно пришлось из непримиримого борца с самодержавием перевоплотиться в «лицо без определенных занятий», живущее по фальшивому паспорту, и добывать средства для выживания в основном репетиторством, а иногда и физическим трудом, работая в песчаном карьере. Опасался одного: как бы снова не выследили. Пробыть в свободном полете удалось почти восемь месяцев, но жандармская агентура не оплошала. 11 июля 1908 года бежавший из-под гласного надзора полиции административно-ссылный В. В. Куйбышев был арестован и после допросов и месячного содержания в знаменитых «Крестах» этапирован в Томский тюремный замок для отбытия срока согласно ранее вынесенному приговору. По пути туда на станции Каинск произошло трогательное событие: встретиться с Валерианом Вла-

димировичем, представшим перед ними в зарешеченном окне арестантского вагона, приехали мать Юлия Николаевна и сестры Надежда и Елена, заранее оповещенные о времени прибытия поезда.

Прошли три томительных осторожных месяца, и в ноябре он снова в кругу своих каинских друзей и добрых знакомых, с его возвращением снова оживилась массовая работа местной организации, что не ускользнуло от недреманного ока надзирателей. Вот что сообщал начальник Томского охранного отделения в департамент полиции: *«В городе Каинске из политических ссыльных, коих насчитывается в настоящее время до полусотни человек, с 1906 года образовался довольно прочно организованный кружок, преимущественно социал-демократов... Но работа в этом кружке как-то не выливалась во внешние формы..., а с половины зимы 1908 года, когда в Каинск приехал сын местного воинского начальника Валериан Куйбышев..., заметно закипела работа в кружке. Начались собрания, чтения, общения с населением, стали ходить по рукам рукописные рефераты на политические темы, проводился сбор денег на приобретение литературы...»*. А 18 апреля 1909 года состоялась загородная первомайская массовка, инициатором и организатором проведения которой был Валериан Владимирович.

Желание снова отправить В. В. Куйбышева за решетку у сыскного ведомства было огромным, но не имелось для этого конкретного серьезного повода. В конце апреля 1909 года такой повод появился. Помог киевский провокатор, сообщивший своему начальству об отправке посылки с нелегальной литературой на имя каинского воинского

начальника В. Я. Куйбышева. Получив соответствующее уведомление, Томское жандармское управление поручило каинскому исправнику, уже упоминавшемуся М. П. Шеремету, произвести при поступлении данной посылки ее изъятие и вскрытие, что и было сделано 30 апреля. Ее содержимое (пятьдесят пять номеров газет «Голос социал-демократа» и «Социал-демократ» плюс брошюра «Отчет Кавказской делегации об общепартийной конференции») не могло не порадовать искоренителей революционной крамолы: теперь голубчику не отвертеться, еще один тюремный срок, а то и каторга обеспечены.

На эту же чашу весов легла и обнаруженная при обыске переписка с товарищами по партии из других городов. В этот же день Валериан Владимирович был арестован и препровожден в Каинскую тюрьму, а затем через несколько дней отправлен в уже обжитую им Томскую. О себе он особо не печалился, переживал за отца, который при его слабом здоровье теперь тоже угодил в разряд неблагонадежных и без промедления распоряжением военного министра был переведен в Тюмень. Там в этом же году Владимир Яковлевич скоропостижно умер. А к сыну судьба и на этот раз оказалась благосклонной, пятимесячное ожидание суда в камере-одиночке завершилось 19 сентября постановлением губернского особого совещания, неожиданно даровавшего ему свободу

Короткую передышку от тюрем и конспиративных скитаний он использует на то, чтобы поступить на юридический факультет Томского университета, и в Каинск уже не возвращается, остается на жительство в губернском центре, будучи одновременно и студентом, и партийным

пропагандистом, и профессиональным революционером. Проучиться удастся лишь один семестр. В середине февраля 1910 года снова арест, уже четвертый по счету. Пять месяцев длится следствие, на суде, состоявшемся 17 июля, ему предъявлено обвинение в «противоправительственной деятельности» и, что уж совсем нелепо, в принадлежности к партии эсеров. Заодно припомнили и киевскую посылку. Судом В. В. Куйбышев, сумевший продуманными ответами опровергнуть все, что ему инкриминировалось, оправдан, однако волей губернатора, как и после омского процесса, отправлен на два года в административную ссылку в Нарымский край...

В 1912 году Валериану Владимировичу будет снова суждено оказаться в Каинске. Арестованный 12 июня

Валериан Владимирович
Куйбышев

Мой «сосед»

(уже в шестой раз) теперь уже за организацию первомайской демонстрации в Нарыме, он снова будет коротать время в ожидании суда в Томском тюремном замке. Двухгодичное пребывание в спартанских условиях ссылки и суровый климат мест весьма отдаленных не способствовали укреплению его здоровья, так же, как и прозябание в каменном мешке каземата. В октябре, с наступлением холодов, его сестра Надежда Владимировна, жившая в Каинске, ходатайствует об освобождении брата до суда под денежный залог. Согласие было получено, но с условием – обязательным неотлучным проживанием в Каинске.

Одна из ссыльных, находившаяся здесь во время его приезда, вспоминала: *«Помощью родных Валериан Владимирович старался не пользоваться, служить как поднадзорный не мог, заработком могли служить только частные уроки. Местная молодежь его знала, и он очень быстро получил этот случайный заработок. Ссыльных в это время было уже мало. Познакомил меня с Валерианом Владимировичем мой квартирный хозяин... Его открытая и бодрая улыбка, пышная шевелюра, молодая жизнерадостность, манера рассказывать – сразу располагали к простому и дружескому общению. В его рассказах о нарымской ссылке, в характеристиках товарищей, в оценке их политических взглядов и поступков чувствовался убежденный большевик, страстный революционер и цельный человек... Много раз читал он нам свои собственные стихи и рассказы. Читал часто без рукописей, словно сочинял экспромтом... Валериан Владимирович с удовольствием принимал участие в играх,*

пени, придумывал замысловатые шарады... Природный юмор сквозил во всех его выдумках... Встречаясь с нами он спешил восторженно сообщить нам о победах социал-демократов где-нибудь на выборах или радостно делился цифрами роста забастовочного и стачечного движения...».

Но особый интерес вызывает ее упоминание о «забавном случае, связанном с репетиторской работой Валериана Владимировича». Правда, сообщение об этом действительно необычном эпизоде, столь несвойственном образу жизни мужественного профессионала-подпольщика, слишком кратко и грешит некоторой неточностью. Но замечательно то, что обо всем он решил поведать сам, в небольшом рассказе «Воспоминание», напечатанном под прозрачным псевдонимом Валериан Куб в одном из номеров газеты «Вологодский листок» в 1913 году. Известно это произведение лишь очень узкому кругу читателей, в основном историкам и биографам, поэтому считаю вполне оправданной его публикацию в этом очерке в полном виде. Как художественного дополнения к характеристике Валериана Владимировича Куйбышева уже не как «пламенного революционера и верного ленинца», а как человека, которому ничто человеческое не было чуждо и, несмотря на исключительность избранной им миссии, подчинившей себе все его дела и помыслы, понятно и доступно такое хрупкое и светлое чувство, как любовь. Отсюда – благородное стремление сберечь все, что связано с ней, от мирской пошлости, оскорбительных домыслов и сплетен. Почему был написан этот рассказ, станет ясно после его прочтения. Не ради литературного тщесла-

вия автора, а ради восстановления искаженной истины и доброго имени девушки, имевшей неосторожность влюбиться в уже влюбленного в другую «карбонария». И то, что несколько номеров газеты с этим исповедальным рассказом ушли почтой из Вологды в далекий-далекий Калининск, не подлежит сомнению... Итак, «Воспоминание»...

«Это было давно, лет шесть назад. Я тогда был в ссылке в одном маленьком сибирском городке. Жил частными уроками, которых, к слову сказать, там была пропасть. Время было занято с утра и до позднего вечера, однако его все-таки хватило на то, чтобы... как бы это вам сказать? Чтобы влюбиться... Подробности моего увлечения не важны, скажу только, что девушка, которую я любил, отвечала мне взаимностью. Нам казалось, что наша любовь – наша тайна, но, как это всегда бывает, об этом знали все, да еще, пожалуй, раньше нас самих.

Была у меня одна ученица последнего класса, девушка лет семнадцати, племянница богача-купца. По болезни она не ходила месяца два в гимназию, надо было “догнать” класс. Красивая, стройная, с темными, большими, глубоко сидящими глазами, она всегда без улыбки входила ко мне, холодно здоровалась, и мы сейчас же приступали к уроку. Отношения у нас были официальные, и мне очень редко удавалось развеселить ее и заставить говорить после занятий о чем-нибудь постороннем. Но когда мне это удавалось, я не узнавал в ней ту холодную красавицу, которая, так сдержанно поздоровавшись, недавно вошла в мою комнату. Она умела весело, звонко смеяться. Глаза искрились, голос звучал оживленно и

слегка вибрировал. Но обычно, как будто что-то вспомнив, она резко обрывала смех или разговор и уходила, по-прежнему холодная, замкнутая.

Прошло, кажется, месяца три. Однажды она пришла ко мне особенно красивая. Мороз наложил на ее лицо такие яркие, живые краски, что, казалось, сейчас должны заблестеть глаза и брызнуть смех. Между тем глаза смотрели скорее грустно, в глубине их было что-то большое, сложное, тревожное. Губы были строго и решительно сжаты. И этот контраст делал ее невыразимо красивой. Урок прошел обычным порядком. Только более торопливо, чем обычно, она собрала свои книги, и мне показалось, что она слегка задержалась в дверях, как бы на что-то решаясь, но это был лишь момент, потом она быстро открыла дверь и исчезла. Но завтра Лена (так звали мою героиню) не пришла. Не было ее и на следующий день. Вдруг от кого-то из знакомых я узнал, что Лена исчезла неизвестно куда, оставив записку с просьбой не искать ее и не беспокоиться о ней.

Для маленького городка это было громовым событием. “Замололи” языки, посыпались предположения, отыскивались сообщники. Какие только версии не появлялись на свет божий! Говорили, что это дело рук ловкого афериста, увлекшего девушку и намеревавшегося женитьбой прикоснуться к миллиону ее дядюшки. Всплыла на сцену сказка о “лиге свободной любви”. Говорили о ловких торговцах “живым товаром”. Предполагали, наконец, просто романтическую историю, “увоз”. И вот я стал ловить на себе какие-то особенно любопытные взгляды, какие-то улыбочки, какие-то на-

меки. Наконец один приятель сказал мне, что молва все упорнее и упорнее называет меня героем “увоза” и что обыватели ждут, когда я последую за ней. Повсюду на меня смотрели или с хихикающим любопытством, или даже с ужасом. Дело дошло до того, что, зайдя в одну мелочную лавчонку, я так испугал хозяйку, что она выронила из рук блюдо, которое хотела показать покупателю, и так с растопыренными руками и с вытаращенными на меня глазами замерла. «Да... да... как же это?... Ведь вы уехали?» – прошептала она наконец. Я постарался ее успокоить, сказав, что решил повременить и захватить уж по пути и ее дочку.

Еще с неделю волновался городишко. Наконец стало известно, что Лена найдена в Москве через сыскную полицию. При каких условиях она найдена и какова была цель ее побега, осталось тайной. Родственники ее молчали. Лена больше в городишке не появлялась. Вскоре кончилась моя ссылка, и среди дальнейших мытарств я совсем забыл о девушке с гордо поднятой головкой и с глубокими, что-то красиво таящими глазами, а если и вспоминал обо всем этом, то лишь как о смешном эпизоде, в котором я нежданно-негаданно стал коварным злодеем с приключениями. Правда, мне в моих вольных и невольных кочевьях сопутствовала забытая у меня Леной ручка с надписью “На память”, но она валялась всегда где-нибудь в чемодане...

Прошло года четыре. Неожиданно в вагоне железной дороги я встретился с подругой Лены. Среди разговора я мельком спросил, не знает ли она причины внезапного исчезновения Лены. Лицо моей собеседницы выразило не-

поддельное изумление. Она даже вскрикнула: “Вы не знаете причины исчезновения Лены? Да ведь она же любит вас и, зная, что вы любите другую, решила уйти. Боже! Неужели она вам не сказала ни слова?..» Я сидел ошеломленный и не мог произнести ни одного звука. Что-то большое, яркое, радостное вошло в меня. Это было не только эгоистическое сознание, что любим. Нет, главное было не в этом. Главное было в необыкновенно ярком ощущении красоты жизни вообще.

Все темные предположения “здорового смысла” оказались жалкой ложью, жизнь же, подлинная жизнь была яркой, вдохновенной поэмой. Как будто бы это сообщение вскинуло меня на головокружительную высоту, откуда я мог видеть вершины, до которых подымается временами жизнь. Разве же не озаренная солнцем вершина это сильное чувство девушки с гордой головкой? Какая сила! Любить и ни одним словом, ни одним жестом не сказать этого. Когда же молчать стало невозможно, к черту летят все жизненные удобства, отношения с родными, гимназия, будущее лишь для того, чтобы не выдать себя перед любимым человеком, чтобы он случайно в глазах, в тоне голоса не прочел ненужного, лишнего признания. Такое признание обесцветило, унизило бы чувство, вызвало бы жалость. Так лучше затаить в себе эту святыню, унести с собой эту муку, эту радость, унести ее чистой, как слезинка, и гордой, как отражающееся в этой слезинке солнце...

Я не умею вам передать... но вот я и сейчас даже не могу спокойно говорить об этом... Меня как-то радость поднимает... Я испытываю бодрящий трепет от созна-

ния, что есть такая красота в жизни.

Теперь ее ручка всегда лежит у меня на столе... И когда взгляд мой падает на надпись “На память”, я всегда ярко, отчетливо вызываю в себе образ этой девушки и поднимаюсь душой, стараюсь быть сильнее, содержательнее, глубже... Намного позже я узнал, что Лена уехала в Париж, поступила там на медицинский факультет. С год она переписывалась с подругой, но потом замолчала. Что теперь с ней и где она, не знаю. Да и зачем? Я бы, конечно, не стал искать с ней встречи...»

Такая вот история, местами даже сентиментальная и, несмотря на стилистические шероховатости, трогающая читателя авторской искренностью, чистотой чувств, драматизмом непрдуманного сюжета... А в Каинске Валериан Владимирович Куйбышев побывает в последний раз в июле 1915 года, следуя в очередную ссылку на дальнюю окраину Иркутской губернии сроком на три года. Заедет на день, чтобы повидаться с друзьями. И вряд ли кто из участников этой душевной встречи мог представить, что уже в ближайшие годы имя их товарища будет известно всей стране, а через двадцать лет оно станет именем их родного города.

☞ В. В. Куйбышев. Эпизоды из моей жизни. Москва, 1937, 80 с.; Бузурбаев Г. У. Куйбышев в Сибири. Алма-Ата, 1967, с. 45–57; Дубинский-Мухадзе И. М. Куйбышев. («Жизнь замечательных людей»). Москва, 1971, 304 с.; Боруля В. Л. Радость жизни – битва: Повесть о В. В. Куйбышеве. Москва, 1988, с. 5–67.

1908

31 августа. В Каинске открыто еще одно при-

ходское училище, третье по общему счету, и второе для совместного обучения детей обоего пола. На его содержание планировалось ежегодно выделять 2096 рублей, в том числе полторы тысячи от государственного казначейства, еще пятьсот от городского общества и 96 рублей от общества попечения о начальном образовании. Разместилось училище в собственном здании, построенном его почетной блюстительницей Александрой Ивановной Шкроевой. К 1 января 1909 года в нем обучалось 36 мальчиков и 15 девочек.

☞ ПК ЗСУО на 1916, с. 367.

1908 2 ноября. В связи со смертью одного из депутатов и отказом от депутатского звания по состоянию здоровья другого, каинца Ф. И. Милошевского, в Томске проведены выборы депутатов на ставшие вакантными места. Членами Государственной думы от Томской губернии были избраны два кандидата от партии кадетов.

☞ Сибирская жизнь, 1908, 4 ноября.

1908 19 ноября. Проведена однодневная перепись городского населения, численность которого составила 6246 человек. Отмечена незначительность его прироста: за двенадцать лет (в сравнении с данными Всероссийской переписи 1897 года) – всего 246 жителей. Одна из главных причин демографической заторможенности – отдаленность железной дороги и вызванный этим отъезд части горожан в места с более выгодным расположением.

☞ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, с. 301.

1908 2 декабря. В селе Булатовском Каинского уезда открыт подотдел «Союза русского народа». Вступивши-

ми в СРН сельчанами избраны председатель, товарищ председателя, казначей, секретарь.

☞ Бузмаков Е. Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг.; дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000, с. 235.

1909 В Каинске создано Общество молочного хозяйства, с 1913 по 1917 год оно будет называться Сельскохозяйственным обществом. В этом же году здесь же отмечены как действующие Общества по благоустройству и любителей драматического искусства. О последнем нужно сказать особо, так как оно появилось в 1908 году по инициативе родителей Валериана Владимировича Куйбышева. Душой общества, и актрисой, и режиссером-постановщиком была Юлия Николаевна Куйбышева. Общество имело устав, круг постоянных участников, его спектакли вызывали неизменный интерес и теплый прием каинской зрительской аудитории. А в следующем году в городе появится еще и Общество любителей природы.

☞ Зиновьев В. П., Суляк С. Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 65. Вып. 3. Санкт-Петербург, 2020, с. 904–913; Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002, с. 267; Горюшкин Л.М. Каинск (Куйбышев) в дооктябрьский период // Известия СО АН СССР: Серия общественных наук. Вып. 3. № 11. Новосибирск, 1980, с. 25.

1909 1 сентября. Открыто четвертое приходское одноклассное училище, третье для совместного обучения мальчиков и девочек, на содержание которого предусматривалось ежегодное выделение от казны семисот рублей, оно обосновалось в здании третьего приходского училища. В нем в среднем обучалось около пятидесяти детей младшего школьного возраста.

☞ ПК ЗСУО на 1916, с. 367.

1910 С этого года в городе намечается тенденция к последующему весьма значительному снижению численности лиц еврейской национальности. В 1909 году 1608 евреев составляли 25,7 процента всего городского населения, той его части, которая наиболее активно занималась торговлей и предпринимательством. К 1913 году их осталось 1090, убыль – 518 человек, или 35 процентов. Основные пункты миграции – Омск, Барабинск, Новониколаевск, где условия для занятий коммерцией были гораздо лучше, чем в Каинске.

☞ Гончаров Ю. М. «Сибирский Иерусалим»: еврейская община города Каинска в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. № 4–3 (68). 2010, с. 54–57.

1910 А вот предприниматель Лазарь Александрович Каплун, наоборот, в этом году приехал в Каинск. Приехал с конкретной целью приобщить горожан к новому искусству – кинематографу и начал строительство кинотеатра, который под звучным названием «Прогресс» открылся в 1912 году и пользовался огромным успехом. Каинцы, заполняя небольшой, на несколько десятков мест, зал, хохотали от души над похождениями экранных комиков, а гимназистки, посещавшие киносеансы тайком от своих классных дам, плакали над несчастными судьбами героинь душераздирающих мелодрам. Л. А. Каплун явился пионером и в другом деле – внедрении электрического освещения в быт горожан, его платной проводки в частные дома от электростанции мощностью в 25 кВт, построенной для питания киноустановки.

☞ Ноздрин Г. А. Указ. соч.

1910 Этот год отмечен весьма отрядным событием. Каинская женская пятиклассная прогимназия была преобразована в полную семиклассную гимназию. Она к этому времени уже располагала собственным зданием – каменным учебным корпусом и пристроенной к нему домовою церковью. О создании условий для успешной учебы гимназисток численностью более двухсот в свое время позаботились видные представители каинского купечества, члены попечительного совета, председателем которого сначала почти четверть века был Венедикт Петрович Ерофеев, а затем сменивший его Иродион Семенович Волков, выделившие часть необходимых средств и организовавшие сбор пожертвований на строительство основного здания, а позже и на возведение пристройки, которая обошлась в восемь тысяч рублей. Крупную сумму внесла и А. И. Шкроева. Стоимость годовичного обучения составляла: в первом – четвертом

классах – пятьдесят, в пятом – седьмом – шестьдесят рублей в год. На ежегодное содержание гимназии из разных источников направлялось более шестнадцати тысяч рублей.

☞ ПК ЗСУО на 1916, с. 182.

1911 В Каинске начинает еженедельно выходить первое периодическое издание – газета «Вестник Каинского общества молочного хозяйства», с 1913 года переименованная в «Каинский сельскохозяйственный вестник». С 1915 года она будет издаваться в журнальном формате, а в 1916 году, предпоследнем году выпуска, с периодичностью два раза в неделю. Печаталась до августа 1917 года в местной частной типографии Е. А. Шевелиной.

☞ Зиновьев В. П., Суляк С. Г. Указ. соч., с. 913.

1911 18 октября. На очередном заседании Каинской городской думы были даны названия новым улицам, до-

селе остававшимся безымянными. Адресное хозяйство уездного центра пополнилось еще двадцать одним наименованием: появились улицы Аргуновская, Барабинская, Больничная, Вокзальная, Гоголевская, Гондатьевская, Ерофеевская, Комитетская, Луговая, Малышевская, Менделеевская, Митропольская, Некрасовская, Приютская, Пушкинская, Третья Солдатская, Щаповская, Ядринцевская, а также Новая площадь, Думский Ввоз, Луговой переулок.

☞ <http://museumcomplexnso.ru>

1912 В результате очередных выборов значительно обновлен состав Каинской городской думы. Городским головой избран Петр Михайлович Курнин, заступающим место городского головы Андрей Иванович Дасманов, председателем городской думы в случаях, предусмотренных 120 статьей Городового положения 1892 года – Никанор Федорович Водянюк. Гласные думы: Семен Осипович Булдаков, Иван Егорович Вандышев, Сергей Иродионович Волков, Александр Иванович Головин, Семен Александрович Дарьин, Александр Иванович Дасманов, Григорий Александрович Доброхотов, Василий Иванович Ерофеев, Никанор Степанович Кожевников, Егор Семенович Пермитин, Василий Андрианович Родионов, Иван Дмитриевич Симбирцев, Иван Иванович Шкроев, Николай Ильич Шубин.

☞ Памятная книжка Томской губернии на 1912 год, Томск, 1912, с. 26.

1912 Со значительным опережением, за пять лет до открытия движения по железнодорожной ветви, соединившей Каинск с Транссибирской магистралью, на первом этапе строительных работ на окраине города был по-

строен вокзал будущей станции, получившей название Каинск-Барабинский, и прекративший функционировать только после ее закрытия в связи с падением грузооборота в 2006 году. Сегодня это охраняемый законом объект историко-культурного наследия, хорошо сохранившийся образец пассажирских зданий, строившихся в начале прошлого века на Сибирской железной дороге.

☞ <http://nasledie-nso.ru>

1912 4 октября. В Каинске при избрании выборщика на губернский съезд выборщиков IV Государственной думы основными соперниками стали священник села Спасского В. Т. Григорьев и заведующим винным складом Н. Ф. Водянюк. С небольшим преимуществом победил «умеренный прогрессист» отец Вениамин, однако результаты выборов были оспорены его конкурентом. 9 октября состоялись повторные выборы, подтвердившие справедливость предыдущих. И перевес духовной особы на сей раз оказался гораздо значительней – 130 голов против 98.

☞ Родионов Ю. П. Указ. соч., с. 94.

1913 Состав гласных Каинской городской думы, избранных в этом году, останется почти неизменным по 1916 год включительно, взамен выбывшего будет избран Владислав Михайлович Сычевский. Сменится только руководство: в течение всего периода городской голова – Петр Михайлович Дагаев, заступающий место городского головы – Проконий Семенович Иванов, председательствующий в случаях, предусмотренных 120 статьей Городового положения 1892 года – Петр Михайлович Курнин.

☞ Памятные книжки Томской губернии на 1913, 1914, 1915 годы, Томск, с. 27, 24, 24.

1913 Открытие амбулатории и уездной больницы.

☞ Лебзак К. Ф. Краткая история развития здравоохранения и хирургической службы Куйбышевского района // Куйбышев (Каинск): Исторический опыт социально-экономического и культурного развития, 1997, с. 117.

1913 24 марта. В Каинске впервые проводится День белой ромашки – день борьбы с туберкулезом, очень распространенным в то время, смертельно опасным и практически неизлечимым до появления антибиотиков заболеванием. В этот день медиками читались профилактические лекции, активистами проводился сбор пожертвований в пользу больных. Женщины и девушки изготавливали искусственные белые ромашки (этот цветок стал символом праздника) и накалывали каждому из присутствующих, которые ответно жертвовали кто сколько мог. Проводились также благотворительные спектакли, концерты, лотереи. Все собранные средства отправлялись в Российское Общество Красного Креста.

☞ Гуденков М.А. День белой ромашки (к истории Всемирного дня борьбы с туберкулезом) // Вестник Смоленской медицинской академии. № 1. 2010, с. 169.

1914 1 января. Старейшее учебное заведение города, уездное трехклассное училище, основанное Д. И. Чудиновым в 1818, официально открытое в 1822 году и действовавшее по уставу 8 декабря 1828 года, трижды пережило смену статуса. С 1 июля 1902 года оно было преобразовано в городское трехклассное по положению 31 мая 1872 года, с 1 сентября 1908 года стало четырехклассным, а с 1 января 1914 года возведено в ранг Каинского мужского

высшего начального училища. Училище, в котором обучалось около ста мальчиков, имело собственное двухэтажное каменное здание, получало ежегодно на свое содержание от государственного казначейства около семи тысяч рублей. Плата за обучение была вполне «демократичной» – всего шесть рублей в год.

☞ ПК ЗСУО на 1916, с. 330.

1914 25 февраля. Городской думой принято решение о строительстве в центре города собственной электростанции, председателем созданной для этого комиссии избран городской голова П. М. Дагаев.

☞ Ноздрин Г. А. Указ. соч., с. 160–177.

1914 5–8 марта. Каинской агрономической комиссией в ходе совещания, проводившегося ею на Александринской сельскохозяйственной образцовой ферме, решено преобразовать существующую при ней молочную школу в общесельскохозяйственную как с молочным, так и агрономическим отделением.

☞ Каинский сельскохозяйственный вестник, 1914, 15 марта.

1914 1 июля. Состоялось открытие трехклассной Каинской мужской гимназии, разместившейся в центре города в добротном наемном здании – двухэтажном каменном особняке, принадлежавшем семейству Ерофеевых. Обучение в ней было платным: шестьдесят рублей в год с каждого ученика. На содержание гимназии в ее первом учебном году было направлено 30,5 тысячи рублей, из них 23948 ассигновало государственное казначейство, 4530 составил сбор за учение и еще две тысячи рублей добавило Каинское городское общество. Поступило око-

ло ста человек, преимущественно отпрыски состоятельных фамилий.

☞ ПК ЗСУО на 1916 год, с. 83.

1914 18 июля. Начало массовой мобилизации запасных солдат. Призыв, как сообщало в министерство внутренних дел губернское руководство, почти повсеместно в Томской губернии, в том числе и в Каинске и Каинском уезде, наряду с отказами отправляться на фронт и случаями дезертирства сопровождался еще и массовыми беспорядками как на сборных пунктах, так и в пути следования: столкновениями мобилизованных с представителями местных властей и даже физическими расправами с ними, погромами присутственных мест, грабежами казенных винных лавок, частных магазинов и домов, повальным пьянством и прочими бесчинствами. Местами даже возникала необходимость привлекать для умирения этой стихии войсковые части, а порой и открывать огонь, чаще предупредительный, но кое-где и на поражение. Схлынуло половодье летнего буйства призванных, и наступил период патриотического воодушевления. Что и было зафиксировано в одном из жандармских донесений: *«Во всех, без исключения, слоях населения губернии замечалось проявление самого живого интереса к военным событиям, причем всякое известие об успехах нашей действующей армии было встречено с патриотическим энтузиазмом, выразившимся, между прочим, в устройстве уличных манифестаций»*. А многие из тех, кто так «весело» уходил на войну, по примеру отцов и дедов солдатской чести не посрамили, отважно сражались с «гер-

манцами» и вернулись с фронта в родные города и села с боевыми наградами, а кое-кто и полным георгиевским кавалером.

☞ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1986, с.193–194; Шиловский М. В. Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки Сибири, 2013, № 1, с. 84–85; ОПЖ ТГ, с. 48.

1914 14 сентября. Ушел из жизни еще один видный представитель каинского купечества – Иродион Семенович Волков, потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии, глава Торгового Дома «Братья Волковы», городской голова в 1888–1894 годах, снискавший на этом поприще славу человека принципиального и неподкупного, гласный думы, член и председатель попечительного совета Каинской женской гимназии, вложивший собственные средства в строительство наплавного моста и ночлежного дома для бедных мещан.

☞ Храмцов А. Н. Городские головы (старосты) и их помощники в городах Западной Сибири в 1870–1900-е годы // Муниципальная служба. № 2, 2012, с. 81–98.

1914 29 декабря. Рассмотрению этого вопроса на очередном заседании Каинской городской думы предшествовали следующие события... Поселок, возникший возле станции Каинск, благодаря выгоды своего расположения, быстро разрастался, численность его населения, которая в 1897 году не превышала и двух тысяч, к 1911 году достигла одиннадцати тысяч человек. Велась активная жилищная застройка, формировалась своя инфраструктура: действовали отделение Сибирского торгового банка, почтово-телеграфная контора,

четыре школы министерства народного просвещения и одна железнодорожная, две православных церкви и еврейский молитвенный дом, частные магазины и торговые лавки, аптека. Встал вопрос о получении поселком официального статуса, с прошением о его преобразовании в город или посад жители обратились к тогдашнему томскому губернатору Николаю Львовичу Гондатти. А последовавшее в ответ его предложение объединить их населенный пункт с городом Каинском гордо отвергли, настаивая на «автономии».

Формально их просьба была удовлетворена губернским постановлением, где говорилось, что сей «поселок подлежит обращению в безуездный город с упрощенным управлением». Наверху даже определились с названием – Алексеевск (в честь цесаревича Алексея Николаевича). Однако сбыться всем этим предначертаниям не было суждено в связи с выявившимся отсутствием в окрестной местности нужного количества казенной земли, которой в обязательном порядке следовало наделить новый город, а на выкуп ее у частных владельцев ни у казны, ни тем более у крестьян средств не было. Но они не пали духом, для решения всех проблем (а их накопилось немало, и одна острее другой) активисты по примеру других городов и селений создали и зарегистрировали общество по благоустройству поселка, обладавшее правом обращаться в государственные органы управления всех уровней и другие официальные инстанции, представляя там интересы делегировавших их гражданских сообществ.

По истечении трех с лишним лет, окончательно убедившись в тщетности своих усилий и невозможности

решения самых насущных вопросов поселкового бытия без содействия извне, члены общества вспомнили о губернаторском предложении и обратились в Каинскую городскую думу с ходатайством о присоединении поселка станции Каинск-Барабинский к городу Каинску. Как проходило обсуждение этого вопроса чрезвычайной сложности и важности, догадаться нетрудно, хотя подробности неизвестны. Наверняка с накалом страстей, бурно и дискуссионно. А итог известен: отказ. И будущим барабинцам предстояло еще два с лишним года неприкаянного существования, пока наконец, уже в постимперское время, не свершилось то, что так долго не могло осуществиться, и в марте 1917 года появился в Сибири и России еще один город – Барабинск.

Можно, конечно, поразмышлять о том, почему каинские думцы отклонили ходатайство о воссоединении, и о том, каковы были бы последствия, если бы они все-таки дали согласие. Ответ на первый вопрос ясен: не захотели усложнять свою жизнь. Что же касается попытки умозрительно спрогнозировать вариант существования как единого административно-территориального организма двух поселений, отделенных друг от друга расстоянием в дюжину верст, то здесь полный простор для фантазии. Кстати, идея жива и звучала совсем недавно даже во властных сферах и, как говорится, на полном серьезе. Хотя абсолютно никакой надобности в ее воскрешении нет. Ибо давно сказано: дано то, что дано. А потому закончу банальностью: сослагательного наклонения история не имеет.

☞ Дегтярев Д. С. Особенности урбогенеза города Барабинска // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-прак-

тической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), Омск, 2012, с. 126–128.

1916 18 апреля. Первомайская стачка на станции Каинск.

☞ Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1970, с. 49.

1916 18 ноября. В этот день газета «Сибирская жизнь» корреспонденцией из Каинска известила читателей о том, что начавшееся шесть с лишним лет назад строительство железнодорожной ветки, которая должна была соединить уездный центр с Великим Сибирским Путем, наконец-то почти завершено. Отмечалось, что в последние три года, несмотря на усилия городской думы и отдельных активных горожан, многие именитые и влиятельные каинцы прониклись полным равнодушием к этому важному делу, которое подвигалось настолько медленно, что даже возникали серьезные опасения: а будет ли оно вообще когда-нибудь доведено до конца? Или же город не только останется ни с чем да еще и увязнет в долговой кабале, такой

КАИНСКЪ. Вокзалъ желѣзной дороги.

огромной, что уплата одних только процентов по ней для него в нынешнем его положении непосильна.

Перелом наступил летом. Затяжной застой сменился активным оживлением, а бесконечные и бесплодные разговоры – конкретными действиями. Возобновился сбор пожертвований с городских обывателей, прошли переговоры с руководством Омской железной дороги об условиях сдачи ветки, а главное – продолжились остаточные строительные работы с сопутствующим выявлением и устранением недоделок на уже готовых участках. Такое стало возможным после обновления состава городской управы и вступления в должность городского головы Константина Федоровича Белова, энергии которого город во многом и обязан предстоящим скорым окончанием этого долгостроя.

Автор публикации выразил твердую уверенность (и, кстати, не ошибся) в том, что уже в будущем году Каинская ветка будет действовать, осуществляя как грузовые, так и пассажирские перевозки. Залогом этому то, что после осмотра железнодорожного полотна ведомственной комиссией уже состоялся и пробный пробег первого поезда.

☞ *Сибирская жизнь*, 1916, 18 ноября; *Стальная магистраль: летопись Западно-Сибирской железной дороги*. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2015, с. 99.

1917 *2 марта*. Вечером этого дня в Каинск пришла весть о революционных событиях в Петрограде, а утром 3 марта она быстро разлетелась по всему городу. Падение самодержавия большинство каинцев встретили ликованием, однако городское руководство пребывало в некоторой растерянности, проявляя осторожность и сдержанность в

оценке происшедшего, так как не было уверено в его необратимости. И как национальную катастрофу восприняли отречение от престола династии, царствовавшей более трехсот лет, и переход государственной власти к Временному правительству монархически настроенные горожане. ☞ *Сибирская жизнь*, 1917, 17 и 19 марта.

1917 4 марта. На следующий день, видимо, после предварительной кулуарной дискуссии, определилась со своей позицией и Каинская городская дума, на чрезвычайном внеочередном заседании выразившая поддержку новому правительству. Свою лояльность поспешили подтвердить и явившиеся сами, без вызова, в Дом общественных собраний исправник коллежский асессор Павел Петрович Гонилов и воинский начальник подполковник Илларион Николаевич Ломоносов. Было принято решение провести 6 марта выборы временного комитета. В этот же день состоялась стихийно возникшая демонстрация жителей города в поддержку революционных перемен. К ней присоединились и солдаты местной воинской команды. А вечером прошел многолюдный митинг, постановивший направить Временному правительству ответственную телеграмму.

☞ *Сибирская жизнь*, там же; *Октябрь в Сибири: Хроника событий* (март 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 1987, с. 15.

1917 5 марта. В бурную череду первых весенних дней новой эпохи органично и символично вписалось еще одно важное и долгожданное событие – торжественное открытие железнодорожной ветки, надежно связавшей Каинск с Транссибирской магистралью, со всей страной и став-

шей для каинцев стальным трактором в завтрашний день. Правда, не обошлось без казуса: во время молебна священник по старой привычке провозгласил «многая лета» бывшему императору, что вызвало решительный протест приехавших с первым паровозом, украшенным красными знаменами и революционными лозунгами, барабинских рабочих-железнодорожников. А в целом праздник удался, митинг прошел активно, почти все ораторы говорили о предстоящих революционных преобразованиях, и в желающих выступить недостатка не было.

☞ *Сибирская жизнь, там же.*

1917 6 марта. Вечером на многолюдном собрании, созванном Каинской городской управой и первом в истории Каинска, был избран городской комитет общественного порядка и безопасности в составе двадцати человек — представителей различных учреждений. Комитет признал Временное правительство. Здесь же было принято и незамедлительно приведено в исполнение решение обезоружить полицию, а взамен ее создать народную милицию. Комитет также отстранил от должностей крестьянского начальника и директора гимназии как не заслуживающих дальнейшего доверия.

☞ *Сибирская жизнь, там же; Борьба за власть Советов в Томской губернии. (1917–1919 гг.). Сборник докум. материалов. (К 40-летию Великой Октябрьской соц. революции). Томск, 1957, с. 47.*

1917 7 марта. Прошла манифестация части горожан, выразивших протест по поводу «недемократического» состава временного комитета, в котором преобладал каинский истеблишмент, но оказались слабо представлены другие группы населения. По их требованию было про-

ведено еще одно собрание, где после продолжительных и насыщенных эмоциями прений был достигнут гражданский компромисс. В связи «с громадностью предстоящей комитету работы» в результате повторных выборов он пополнился десятью новыми членами – мещанами и ремесленниками.

☞ *Сибирская жизнь, там же.*

1917 *10 марта.* А этот день, самый значимый и памятный в хронике первой весенней декады, вошел в летопись города как Праздник революции. Его подробно описал собственный каинский корреспондент «Сибирской жизни», скрывшийся под загадочным псевдонимом «—рь». Вот в моем пересказе его репортаж, очевидца и участника судьбоносных событий, чье восторженное восприятие происходящего не подлежит сомнению...

...С утра закрываются все учреждения, магазины и прекращаются занятия в учебных заведениях. Город украшается красными флагами. К полудню горожане всех возрастов с кумачовыми знаменами, с алыми бантами на груди собираются у Дома общественных собраний, где теперь заседает временный комитет. На одном из красных полотнищ далеко видна крупная надпись «Да здравствует демократическая республика!».

После митинга манифестация колонной, растянувшейся на два квартала и возглавляемой членами комитета, движется к соборной площади для присутствия на молебне. Оттуда, на ходу обрастая все новыми и новыми людьми и превращаясь в громадную по каинским масштабам толпу, с оркестром и пением революционных

песен, в том числе «Марсельезы» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», участники торжества через весь город направляются к Красным Казармам, где их ожидают офицеры и солдаты местного гарнизона, тоже с флагами и бантами.

После здравниц в честь революции, республики и армии, приняв в свои ряды еще одно пополнение, процессия на обратном пути делает остановку возле синагоги, где свое богослужение совершает уже представитель другой конфессии – раввин. На этом общее шествие завершается, наступает пора домашних застолий. Не будет забыт и служивый люд, для воинской команды горожане по подписке, то есть вскладчину, организуют праздничный обед.

И все это время над Каинском плывет несмолкаемый звон колоколов Спасского собора и церкви Иоанна Предтечи, возвещающих о конце одной и начале другой эпохи...

☞ **Сибирская жизнь, там же.**

Автор выражает глубочайшую признательность:
Александру Владимировичу ДОКУЧАЕВУ,
другу с детских лет, бывшему «каинскому городничему» –
за многолетнее активнейшее соучастие в создании этой книги
и содействие в ее издании;
Наталье Иннокентьевне ПАВЛОВОЙ,
бывшему директору Куйбышевского краеведческого музея –
за помощь в сборе материалов по истории города
и духовную поддержку этого проекта.

Лазарчук Евгений Александрович
Золотой бык в зеленом и красном поле
Каинск (пас, форпост, слобода, город):
веи трех столетий.

Редактор *Шалин А. Б.*
Технический редактор,
дизайн, верстка *Лазуткин В. Б.*

Подписано в печать 14.06.2022. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 300 экз.
РИЦ «Новосибирск» Новосибирского отделения Союза писателей России.
630081, Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33.

г. Каинскъ. Общий видъ съв.-вост. части.

г. Каинскъ. Тонская ул. д. Тинкеръ

г. Каинскъ. Номера А. И. Дасманова.

г. Каинскъ. Большая улица.

У каждого из моих земляков в этом году есть прекрасный повод пополнить личный запас знаний о прошлом малой родины – трехсотлетний юбилей бывшей «столицы Барабы», нашего родного города-долгожителя Каинска-Куйбышева.

Этой знаменательной дате посвящается и мое скромное повествование, цель которого – вспомнить в хронологической последовательности важнейшие события истории нашего края, не только очень интересной, но порой и весьма драматической, а заодно добавить к уже общеизвестным факты, цифры и сюжеты, которые кому-то из читателей, может быть, предстоит узнать впервые.

Автор

